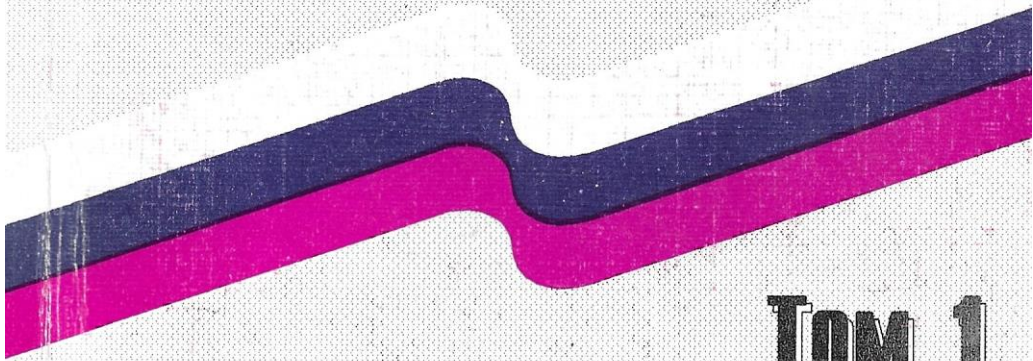

047

ЦИМО

М.И. Губоглов

**РАЗВИВАЮЩИЙСЯ
ЭЛЕКТОРАТ
РОССИИ**

Том 1

Книга подготовлена к изданию при финансовой поддержке
Российского Гуманитарного Научного Фонда (РГНФ)
в соответствии с планом исследовательского проекта
"Национальные движения в СССР и постсоветском пространстве"
(№95-06-17775а)
Руководитель *М. Н. Губогло*

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Министерства науки и технической политики
Российской Федерации
(Распоряжение №4973Ф от 25 июля 1995 г.)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Центр по изучению межнациональных отношений
Института этнологии и антропологии

М.Н. Губогло

***РАЗВИВАЮЩИЙСЯ
ЭЛЕКТОРАТ РОССИИ.
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ
РАКУРС.***

Том I. ИСТОКИ.

Москва, 1996

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

К изучению электората России. (Кто, как, за что и за кого голосует) 4

Раздел I. СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ УСЛОВИЯ ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ (из хроники этнополитической жизни России)

1: Плоды суверенизации	19
2: Ростки демократизации	71
3: Урожай дезинтеграции	99
4: Всходы реинтеграции	139

Раздел II. НА ПУТИ К ПРЕЗИДЕНТСКИМ ВЫБОРАМ (из советов будущим претендентам)

Вводное слово. Эксперимент ex-posto-fakto: 12 x 12	185
1: Новые зоны электорального риска	193
2: В каком направлении идет Россия?	199
3: От плановой к рыночной экономике	211
4: Синдром колхозно-совхозного фундаментализма	227
5: Ключевое звено реформ в аграрном секторе	237
6: Доходы богатых: ограничение или стимулирование	251
7: Распад Союза в зеркале мнений	263
8: Что есть Родина?	273
9: Рынок лидеров	279
10: Генерал Лебедь	291
11: Главное в демократии	295
12: Электорат: мифы и реальность	305

Раздел III. О СТРАТЕГИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ РОССИИ (из предостережений неозападничеству)

1: Взаимосвязь ориентиров внешней и внутренней политики	315
2: Внешние угрозы безопасности России	318
3: Цели Запада	323
4: Расширение НАТО: бомба замедленного действия	332
5: Нужны ли России блоки?	336
6: Расходы на оборону: мнения быстрого реагирования	339
7: Разочарование в опыте Запада - охлаждение к демократам	345
8: Иностранские инвестиции: помощь или угроза!	351
9: Протекционизм как самозащита	356
10: Экспорт сырья	362
11: Поворот к неоконсерватизму	366

Заключение

На перекрестке этнополитических тенденций	371
---	-----

К ИЗУЧЕНИЮ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ЭЛЕКТОРАТА РОССИИ (Кто, как, за что и за кого голосует)

Введение

Велико незнание России посреди России.

Н. В. Гоголь

Путь из тоталитаризма в демократию, из коллективизма в индивидуализм тернист и не легок. И каких бы колоссальных усилий ни стоили народам России преобразования в сфере политики и экономики, все же однажды наступает тот час, когда привычная для прошлого верхушечная борьба за власть скатывается в самую гущу народа. И в самом деле, каждый россиянин, очутившись перед избирательной урной и держа в руках бюллетень с малознакомым списком, должен был, преодолевая свой политический инфантилизм, взять на себя неслыханную ответственность - стать участником не только финала предвыборной политической борьбы, но и одновременно творцом новой истории постсоветского пространства. Нужны ли комментарии, насколько глубоким был и остается интерес мирового сообщества и наш собственный к выборам, как переломному событию в истории России? Не исключено, что сами россияне не до конца осознали значение этого решающего сдвига в своей многотрудной и загадочной истории. Если к этому добавить еще два факта, имеющих поистине стратегическое значение, - переход от дезинтеграционных тенденций к реинтеграционным и небезболезненную победу президента над представительной властью, то не трудно представить исключительно высокий интерес к началу, ходу и итогам выборов в Федеральное Собрание после развала СССР.

Даже вторая часть предвыборной кампании 1993 г., связанная с принятием новой Конституции, отошла в тень. Наспех составленные новые правила игры, допустившие к участию несколько партий и блоков, пожалуй, затемнили значение принятия Новой Конституции России. И хотя только одна пятая часть электората была представлена избирателями нерусской национальности, этнополитическая сторона дела стала важным нюансом, внесла весомый вклад в общий котел глубокой заинтересованности ученых и политиков в адекватном знании состояния пред- и поствыборной ситуации России. Несмотря на недостатки и издержки, избирательная кампания велась по скороспелым правилам, вопреки тому, что в основу этих правил была положена непривычная для россиян схема голосования (смешанная мажоритарно-пропорциональная система выборов в Государственную Думу и двухмандатная, в один тур, в Совет Федерации) можно сделать вывод о том, что Россия сделала первый, хотя и робкий шаг к международным стандартам свободного голосования и заявила о своей готовности занять достойное место в ряду цивилизованных демократических государств.

Итоги голосования 12 декабря 1993 г. и 17 декабря 1995 г. свидетельствуют о том, что многомиллионный электорат, хотя и с большим трудом, но все же сумел выбраться из темного и запутанного лабиринта программ и обещаний, скоротечно составленных вереницей политических партий и блоков, стремящихся протолкнуть своих представителей в коридоры и кабинеты власти. Не остался незамеченным и этнический момент.

Именно поэтому предлагаемая книга, открывающая одноименный трехтомник в четырех книгах и посвященная новому свободному электорату России, во-первых, построена прежде всего на аналитической характеристике ситуации в республиках Российской Федерации, во-вторых, является, по сути, первым опытом в изучении этнического аспекта предвыборной кампании и ее неожиданных и загадочных результатов. Под неожиданностью и непредсказуемостью понимается прежде всего сокрушительное поражение "Выбора России", несмотря на многократно тиражированную с экранов телевизоров и, как выяснилось, умышленно спрогнозированную для нее блестящую победу проправительственными социологическими службами. В-третьих, она публикуется в ряду книг по плану серии "Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве". Разумеется, успех или поражение кандидата в депутаты в обе палаты Федерального Собрания не был целиком предопределен его национальной принадлежностью, силой или слабостью национального

движения в той или иной республике. Тем не менее этнический фактор в ряде случаев становился весьма значительным вектором предвыборной этнополитической борьбы, важным компонентом этнополитической ситуации. Например, как объяснить такое практическое отклонение от теоретического ожидания, когда башкиры, не составляющие даже одной четверти (21,9%) населения Башкортостана, сумели, тем не менее выиграть три четверти (6 из 8) мест в Федеральном Собрании, именуемом Новым Парламентом новой России?

Книги о многонациональном электорате России подготовлены не политологами, а этнологами и этносоциологами. Изучение электората никогда раньше не входило в предметную область отечественной этнографии и этнологии. Несколько пионерских публикаций В.А.Тишкова, посвященных анализу национального состава съезда народных депутатов СССР и депутатского корпуса Верховных Советов бывших союзных республик представляют собой скорее исключение, чем правило. И в этом новом ракурсе, соединяющем этничность и электорат как их достояние, так и ее недостатки.

Именно этнографы, в отличие от многих других специалистов в области социальных наук традиционно воздерживались от чрезмерной манифестации идеологических предпочтений и политических позиций. Это и в данном случае позволило им создать правдоподобный портрет своих республик, с пониманием наносить на этнополитический холст многообразие этнических красок и политических оттенков, оставаясь при этом относительно нейтральными к тому, какие именно партии победили на выборах, а представители каких движений потерпели поражение.

Включение этнополитического ракурса предвыборной кампании в предметную область этнологии имеет глубокий смысл и основано на объективной необходимости, связанной с задачами изучения глубоких перемен, происходящих в России в связи с реформацией и этнической мобилизацией. Переход от тоталитарных форм голосования к демократическим, основанным кроме всего прочего на свободной конкуренции кандидатов в депутаты, а также на соревновательной борьбе политических партий, вносит существенные коррективы в суть и характер межнациональных отношений. С социально-психологической точки зрения появление новых идентификаций создает предпосылки для их кризисного сосуществования, перерастающего в конфликтное состояние. Плюрализация и маргинализация идентичностей вызывают новые, неведомые ранее "болезни". Уже есть первые наглядные примеры того, как неумолимо и неотвратимо работает этнодемографический фактор в демократически проводимой выборной

кампании. Так, например, в борьбе за пост Главы Коми Республики в начале 1994 г.: среди восьми претендентов серьезное и наиболее острое соревнование развернулось между Председателем Верховного Совета Коми Республики Ю.Спиридоновым, пользующимся поддержкой русского и русскоязычного населения и Председателем Совета Министров Коми Республики В.Худяевым, радеющим за интересы коми народа, составляющего без малого четверть населения Коми Республики. Данные социологического опроса, проведенного накануне выборов аналитическим центром "Блиц", и выявившим, что 60% русских будут голосовать за русского Ю.Спиридонова, а 55% коми - за кандидатуру коми В.Худяева, оказались пророческими. Набрав 49,2% голосов избирателей, победу одержал Ю.Спиридонов. За В.Худяева проголосовали 32,0% избирателей, за А.Гладкова - 8,1%, и, наконец, за Председателя этнополитической организации коми ("Комитета возрождения коми народа") В.Маркова отдали свои голоса лишь 3,7% избирателей. Итоги выборов не оставляют сомнений в том, что "победу одержали" два фактора - этнодемографический и демократический. В нынешних условиях для победы представителя той или иной национальности потребуется не только решение сверху, со стороны властей, но и значительная поддержка снизу, со стороны самих избирателей. И если в переходный период, связанный с отказом от прежней системы и с переходом к новым правилам игры, возможны случайные победы, фальсификации, преувеличенное значение роли лидеров национальных движений, то, в дальнейшем, по мере взросления демократии и расширения политического кругозора избирателя, ситуация в корне может измениться.

Без широкой социальной поддержки, без тотальной этнической мобилизации лидерам национальных движений трудно будет рассчитывать на гарантированный легкий успех. И если в дальнейшем национальная карта действительно будет оставаться задействованной в политическую игру, решающее значение, наряду с деловыми качествами, будет приобретать этнодемографический фактор, т.е. численное соотношение национальностей в каждом конкретном избирательном округе. К этому надо быть готовым. А для этого уже сегодня надо хорошо знать и понимать взаимодействие национальности избирателя и национальной принадлежности кандидата в депутаты, а так же того значения, которое депутат и избиратель придадут этническому фактору в своей политической программе и в своем предвыборном марафоне. И поскольку этнологи, в отличие от специалистов других отраслей социального знания "этнический момент" хорошо знают не только извне, из свежее испеченных текстов

программных документов и из популистских митинговых речей, постольку им, этнологам, и карты в руки. Вместе с тем, памятуя, что более четырех пятых населения Российской Федерации составляют русские, надо отдавать себе отчет в реальных масштабах и "содержательной" ограниченности этнополитического ракурса, предлагаемого нами в качестве особой зоны в предметной области российской этнологии. Все зависит от угла зрения. Национальные интересы русских отнюдь не менее важны национальных интересов 18% населения России нерусских национальностей. Поэтому выявление роли национального фактора в субъектах Российской Федерации, населенных преимущественно русскими, не менее важно, чем изучение этнополитической ситуации в республиках.

Поиски ответа на фундаментальные вопросы этнополитологии, кто, как, за кого и за что голосовал, а также кто, каким образом и почему выиграл предвыборную кампанию, не могут вестись без учета этнического фактора и многонационального состава республик, как субъектов Российской Федерации. Ни в каких официальных источниках, пожалуй, не сыскать ответа на названные судьбоносные вопросы. Каждый из них, в свою очередь, многослоен и распадается на ряд более мелких, но не менее трудных вопросов. В самом деле, чтобы ответить на вопрос "кто победил", надо предварительно хорошо представлять себе, кому или чему, осознанно или на гребне стихийной волны отдал свой единственный голос каждый человек и все вместе взятые избиратели. Что при этом склонило чашу весов: яркая личность кандидата, его четкая позиция и платформа, национальная или политическая идентичность, его слова или его дела, или в конце концов, какова была роль всемогущего "господина случая"?

Вполне вероятно, что при прочих равных условиях решающую роль будут играть известность кандидата, состав команды, в которой он состоит, и исповедуемая им идеология.

Для законопослушного постсоветского избирателя немаловажное значение имеет и статус кандидата. При прочих равных условиях государственный деятель, занимающий крупный пост в госструктуре, будет иметь больше шансов, чем малоизвестный кандидат из академической, университетской среды или человек из поднимающего голову предпринимательского клана.

К примеру, кого выберет избиратель, если на узенькой предвыборной тропинке окажутся двое: А.Невзоров и Е.Гайдар? Первый известен как борец за выживание значительной массы социально незащищенного, неустроенного постсоветского населения, второй - редактор тоненькой прослойки нового класса богачей и бизнесменов.

И хотя, государство должно проявлять заботу об интересах разных социально-профессиональных групп, в том числе и бедных и богатых, ясно, что значительная часть электората, особенно женская, при прочих равных условиях проголосует скорее за блистательного Невзорова, чем за расчетливого Гайдара.

Наряду с личностью кандидата на решение избирателей, бесспорно, сильное влияние оказывают мероприятия, которые кандидат, или заинтересованные в нем структуры организуют в поддержку своего и дискредитации не своего кандидата. Этот комплекс мер, именуемый на Западе "правилами игры", меньше всего известен бывшему советскому избирателю, привыкшему со сталинских времен беспрекословно голосовать за "единый блок коммунистов и беспартийных" по безальтернативным спискам, утвержденным в кабинетах партийной номенклатуры и запивать свой праздничный бутерброд кружкой завезенного пива.

Сегодня кандидату в депутаты, чтобы выиграть предвыборный марфон, "правила игры" надо знать. При этом мало формально определить, были ли выборы в целом свободными и демократическими, или проходили под чьим-то давлением или с нарушением прав кандидатов и прав избирателей, надо еще знать содержание "правил игры", - кто, как и когда, финансировал пропагандистскую кампанию, имели ли кандидаты более менее равные шансы для раскрытия своего потенциала и разъяснения содержания своих программ, умели ли корректно формулировать свои обещания, какие печатные материалы (листовки, лозунги, плакаты, скрытые сувениры) заманивали избирателя, где, - дома или по месту работы или отдыха более эффективно работала "агитбригада"? Какими методами пользовались кандидат и команда поддержки?

В теоретической и прикладной литературе по предвыборным кампаниям широкое распространение имеет основополагающий постулат о том, что несмотря на личность кандидата и согласованные правила игры, избиратель все же отдает свой голос прежде всего тому кандидату, который будет представлять интересы самого избирателя. Иными словами, выбор кандидата будет определять не только сам он, но и та социально-экономическая и этнополитическая обстановка, в которой живут его избиратели. Отсюда следует ожидать, что в многонациональных по своему составу республиках Российской Федерации на выбор избирателей будут оказывать давление этнический, экономический, социально-профессиональный, конфессиональный и географический факторы. Их надо знать.

И хотя избиратель не обязан в каждом конкретном случае соблюдать некую стройную идентификационную линию между собой и кандидатом, тем не менее для аналитиков наличие такой связи и учет ее в общем анализе электората, бесспорно, имеет большое значение. Отсюда вытекает еще одна задача, имеющая поистине стратегическое значение в изучение предвыборной кампании и ее результатов. Речь идет о специфике переломного времени, в котором оказались сегодня народы, расселенные в постсоветском пространстве. Это специфика складывается как из груза советско-коммунистического наследия, так и новых результатов развала Советского Союза под ударами суверенизации и вследствие обострившейся борьбы за власть на политическом олимпе. Сильное давление указанная "специфика" испытывает от чередования дезинтеграционных и реинтеграционных тенденций, в немалой мере определяющих успех или поражение тех или иных политических кланов и группировок.

Ответы на многие вопросы предвыборной кампании мы вправе ожидать от теории. Именно теория должна питать политику объяснительной, доказательной и прогностической силой, энергией и ориентирами. Без теории политики и эксперты вынуждены пробираться к конечной цели вслепую, продираясь через хитросплетение программ, платформ, лозунгов, через интриги и самодеятельные уловки кандидатов и "игроков" предвыборной кампании, через сложное взаимодействие политических, экономических, социальных, этнических и психологических проблем, через конфликтующие мнения и противоречащие друг другу обещания, посулы и рекомендации.

Именно отсутствие глубокой теории и хорошей практики предвыборной кампании, а также острейший дефицит представительных эмпирических данных о манифестируемом и реальном поведении электората лишает лидеров политических блоков и партий покоя, мешает им сделать сколько-нибудь серьезный анализ причин и факторов побед и поражений. И даже самые грамотные из них, порой впадают в истерику, не умея, (а может быть и не желая) откровенно и смело вскрывать глубинные причины поражения своих партий и единомышленников.

Так, например, итоги выборов в местные представительные (законодательные) органы государственной власти в десяти регионах Российской Федерации, состоявшихся в конце ноября 1994 г., и в ходе которых, прокоммунистические и националистические силы одержали победу над демократами, вызвали грусть и большую тревогу в демократическом лагере. В обращении к демократическим организациям, творческим и профессиональным союзам, с которым выступил лидер

партии "Демократический выбор России", говорилось о том, что оппоненты выборосовцев якобы "хотят любой ценой восстановить диктатуру, обнести Россию колючей проволокой и вновь управлять страной насилием и страхом" (Известия, 1994, 29 ноября). Между тем вряд ли в программах нынешних коммунистов можно найти упоминание о колючей проволоке, между тем как Белый дом был расстрелян танками демократов. Выводы, как говорится, ясны и без теории предвыборной кампании.

Наиболее твердые сторонники демократии свое поражение пытаются объяснить чем угодно, только не своими промахами и ошибками во время пребывания у власти. Так, например, не тяжелыми этнополитическими последствиями и обнищанием народа, объясняются сокрушительные поражения демократов в Краснодарском крае осенью 1994 г., а "критикой трехлетнего нахождения демократов у власти". (Независимая газета, 1994, 2 декабря). Подобная научная "интерпретация" сродни тому, как если бы безработицу и межнациональные конфликты объясняли не бездарной экономической и губительной национальной политикой, а задаваемыми по этому поводу вопросами в ходе социологических исследований.

Каким образом возникает равнодействующая из голосов миллионов избирателей? Как удастся достичь согласованности своих действий лидерам партий и блоков, вступивших на стезю предвыборной борьбы? Каким образом тому или иному кандидату удастся координировать свои усилия таким образом, чтобы достичь максимального успеха и одержать победу над конкурентами?

У нас нет устоявшихся навыков ставить подобные вопросы и отвечать на них. Наша главная цель состояла не в том, чтобы изложить концептуально-понятийный аппарат предвыборной кампании, который помог бы ориентироваться в хитросплетениях предвыборной кампании, а в том, чтобы разобраться в тех явных и скрытых предпосылках, которые обеспечили победу наиболее удачливым и объяснили поражение менее удачливых соперников. Приглашая к диалогу, мы отдаем приоритеты скорее дескриптивной, нежели аналитической стороне дела.

Изучение предвыборной ситуации велось по проекту, разработанному тремя американскими учеными - Джерри Хаффом (университет Дюка), Тимоти Колтоном (Гарвардский университет) и Сьюзен Лейманн (Колумбийский университет). Реализация этого проекта стала возможной благодаря объединению усилий американских и российских ученых. В соответствии с планом проекта в течение 3-х недель накануне выборов 12 декабря 1993 г. было опрошено приблизительно

по одной тысяче человек в каждой из 16 республик, в 35 областях и краях России.

Для выполнения намеченной программы и для осуществления социологического опроса были мобилизованы исследовательские команды в каждой из республик (общее руководство осуществлялось М.Н.Губогло), в остальных субъектах Российской Федерации общее руководство взял на себя С.В.Туманов (директор Центра социологических исследований при Московском государственном университете).

В республиках России опрос проводился по квотной, стратифицированной выборке, разработанной И.А.Субботиной (Центр по изучению межнациональных отношений ИЭА РАН), представительной для городской и сельской части титульных национальностей и русских.

Наряду с этим были дважды опрошены 4000 тыс. человек сначала по предвыборному, а затем, после завершения выборов, по поствыборному "Вопросникам" в 100 районах России (по 40 человек в каждом районе) по общенациональной Всероссийской выборке, разработанной американскими статистиками под общим руководством и участии руководителя и автора проекта - Тимоти Колтона.

Данные, полученные по итогам массовых опросов в каждой из республик, а также по итогам реализации общенациональной выборки, введены в компьютер, проконтролированы специально разработанными программами коллективом программистов и операторов во главе с Т.И.Губогло. В результате сформированы две базы данных, конвертированные в среду SPSS. Базы переданы в республики для сравнительного изучения этнополитической ситуации в России.

Реализация крупномасштабного исследования, не имеющего аналога в отечественной и мировой этнологии и этнополитологии, имеющего поистине международный характер и международное значение, стала возможной благодаря, во-первых, объединению усилий американских и российских ученых, в том числе, благодаря активной роли республиканских "команд", а, во-вторых, благодаря серьезной финансовой поддержке, оказанной Фондом Карнеги Корпорейшин, Фонда Джона и Кэтрин Макартуров, Национального Фонда научных исследований и Брукинг Фонда.

В результате этого исследования удалось получить уникальную информацию, позволяющую охарактеризовать новейшие перемены в настроениях и в жизни населения, в том числе в положении титульных наций и русских и представителей других национальностей. Эти тектонические изменения, сравнимые по своему содержанию и по своему воздействию на складывание этнополитической ситуации с глубокими

революционными сдвигами, составляют суть истории народов бывшего Советского Союза на новом, постсоветском этапе их истории.

Необходимо подчеркнуть, что воспринимая объединение усилий трех сторон (американской, московской и республиканской) как важное позитивное начало в международном и во внутриотечественном сотрудничестве, мы одновременно не закрываем возможности для автономного анализа и самостоятельной интерпретации совместно собранных данных. Более того, информацию мы готовим вместе, но трапезный стол по интерпретации данных может быть и совместным и у каждого свой. И это еще одно новое благо новых возможностей.

Предвыборный "Вопросник", явившийся инструментальной основой опроса накануне выборов, содержал несколько блоков вопросов, позволяющих воссоздать "портрет" электората каждой из победивших партий и блоков, а также увязать характеристики предвыборной кампании и предстоящих выборов с характеристиками избирателей, включая данные о происхождении, семье и семейных отношениях, о работе, образовании и социальной мобильности, о экономике, о характере этнополитической ситуации. Понятно, что наличие подобных блоков с более чем с двумя сотнями вопросов, открывает широкие возможности для дальнейшего анализа. При его составлении был использован богатый опыт отечественных этносоциологических исследований, в том числе "Опросные листы", разработанные в ИЭА РАН Ю.В.Арутюняном, Л.М.Дробизевой, М.Н.Губогло, а также опыт, приобретенный в ходе совместной реализации проекта "Язык, национальность и бывший Советский Союз" в Башкортостане и Татарстане весной и осенью 1993 года.

Поствыборный "Вопросник", составленный Тимоти Колтоном, позволил вторично опросить те же самые 4000 тыс. респондентов по той же общенациональной выборке, но уже с вопросами, содержащими информацию о факторах и мотивах поведения избирателя накануне и в ходе выборов, о психологических и социологических факторах, побудивших избирателей осознанно или неосознанно принять то или иное решение перед тем как опустить свой бюллетень в избирательную урну.

Само собой разумеется, в задачи трехтомника не входит рассмотрение конкретных результатов проведенных массовых опросов в том или ином районе, республике, крае или области. Это - задача завтрашнего дня. У включенных в книги докладов цель - иная. Коротко говоря, речь идет о первой, насколько известно, попытке синхронного изучения современной этнополитической ситуации в четко опреде-

ленных хронологических рамках - а именно в течении трех предвыборных недель.

Все разделы, характеризующие состояние и развитие этнополитической ситуации в конкретной республике, были написаны по более или менее унифицированной схеме.

К сожалению, по техническим причинам в книгу не удалось включить интересные доклады и сообщения, с которыми выступили Джерри Хафф, Тимоти Колтон и Дэвид Лейтин, и в которых был произведен предварительный анализ итогов голосования по субъектам Российской Федерации, за исключением республик.

В подготовке книг использованы материалы полученные в ходе реализации еще одного проекта - "Язык, национальность и бывший Советский Союз", осуществляемого при финансовой поддержке американского Национального Фонда научных исследований. По итогам опроса в Башкортостане (апрель 1993г.) был проведен совместный российско-американский симпозиум (5-6 марта 1994 г., г. Чикаго) и опубликован сборник материалов (Язык и национализм в постсоветских республиках, М., 1994, 216 стр.). Раздел I данного издания продолжает публикацию материалов, полученных по указанному проекту. Читатель имеет возможность, в частности, познакомиться с некоторыми итогами опроса, проведенного в Татарстане в сентябре 1993 г.

Проведенные исследования призваны дать ответ на вопрос о том, как по большому историческому и социологическому счету действуют каждые из перечисленных факторов и компонентов электората. Уже сегодня ясно, что ни одни из них не действуют в автономно-чистом режиме, в отрыве от комплекса объективных и субъективных причин. Например, нетрудно предугадать, что в условиях нарастающей бедности и разочарования реформационными процессами избиратели скорее отдадут свои голоса тем кандидатам, которые будут иметь антиправительственные идеи, лозунги, программы и срежиссированные мероприятия. Отсюда следует вывод о том, что когда люди голосуют "за" кого-то, они подразумевают "против" "чего-то".

Так или иначе, перед народами России во весь рост стала задача сохранить и возвысить свое национальное достоинство, в качестве мощной движущей силы возрождения и развития России. Соответствующая государственная стратегия может быть успешно реализована в том случае, если она будет опираться как на языковое и историческое наследие народов, так и на право каждого гражданина, независимо от его этнической, языковой, политической или религиозной принадлежности своим личным участием путем осознанного и квалифи-

цированного голосования определять судьбу России, противодействуя всяческим попыткам ее дестабилизации и развала.

Была своя историческая логика в том, что перестройка начиналась сверху. Иного варианта в условиях тоталитаризма, когда вся полнота власти была в руках у монополично "руководящей" и "направляющей" силы не было. В августе 1991 г. плавная перестройка захлебнулась. Основная причина несостоявшейся эволюции заключалась, во-первых, в разрыве между обильным демократическим славословием и партийно-номенклатурным фундаментализмом, во-вторых, в том, что реформы заранее были обречены на провал, если при их проведении сам народ выдвигался за скобки.

Пробуждающийся электорат России становится одним из тех механизмов с помощью которого формируется, как отмечают Майкл Макфол и Николай Петров "корневая" демократия (*grass-roots democracy*), а граждане России, выходя из состояния державнического иждивенчества и становятся на рельсы демократической деинфантилизации.

Борьба за власть, о которой с таким упоительным упорством рассказывают бывшие и нынешние политики, постепенно становится борьбой за голоса избирателей, т.е. борьбой за электорат. Следовательно, по поведению электората становится возможным судить о переходе постсоветского общества из одного состояния в другое.

Проведенные исследования в 1993-1995 гг. дали возможность для создания социологического портрета российского электората. Несколько забега вперед, надо сказать, что избиратели уже настолько глубоко расколоты, что создать единый портрет невозможно. Речь идет по сути о нескольких портретах: от партийных (по партиям) до проблемных (например, по решению Чеченской проблемы).

Обстоятельная характеристика раскола, как характерного явления постсоветской истории, отягощенного смутой переходного времени, не может быть конкретной без многочисленных эмпирических данных. В отличие от детектива читать такую характеристику, конечно, скучно. Но без "силы подробностей", еще одной скучной черты нашего изложения, описание череды ординарных событий вместе с вереницей политических персонажей вряд ли удовлетворит взыскательного читателя. Словом, в основу изложения совершенно сознательно кладется такой принцип, когда показ явления важнее, чем рассказ о нем. Представления и поступки избирателей раскрываются скорее с помощью их самооценок, нежели с помощью авторского комментария. Вместе с тем, нет смысла дистанцироваться от объяснения того, о чем шумит вспаханное социологическим опросом электоральное поле.

Изучение и анализ российских выборов находится в начальной стадии. При этом "одни работы, - как отмечают соредакторы обстоятельного сборника статей "Парламентские выборы 1995 года в России" (М., 1996, с.5) Майкл Макфол и Николай Петров, - чересчур специальные, рассчитаны на узких специалистов, а главное - не оперативны, и, появляясь через год-два после выборов, имеют чисто академический интерес. Другие, наоборот, исключительно оперативны и предлагают свою версию происшедшего едва ли не раньше, чем появляются результаты выборов, они весьма поверхностны, а часто и просто ошибочны и скорее создают мифы, чем развенчивают их, скорее затуманивают изображение в зеркале, чем проясняют его".

Формирование, развитие и самосовершенствование нового электората России становится одной из приоритетных задач, одной из важнейших предпосылок политического, социального и экономического роста многонациональной страны. Иными словами, без заинтересованного, уверенного в себе, избирателя, грамотно и хорошо подготовленного, знающего правила игры избирательной кампании, трудно рассчитывать на значительные успехи в реформировании, в обновлении страны, в ускорении ее развития.

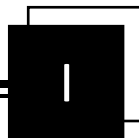
Второй том и две книги третьего тома написаны авторским коллективом в составе:

М.Н.Губогло (Руководитель авторского коллектива)

Л.Л.Абаева (Улан-Удэ), С.И.Аккиева (Нальчик), З.В.Анайбан (Кызыл), В.Н.Бирин (Петрозаводск), И.И.Восходов (Чебоксары), А.Б.Дзадзиев (Владикавказ), А.А.Дзарасов (Владикавказ), Л.К.Гостиева (Москва), Э.Б.Гучинова (Элиста) А.А.Зубков, (Саранск), Ф.М.Зыков (Якутск). Э.Ф.Кисриев (Махачкала), Г.А.Комарова (Москва), О.В.Котов (Сыктывкар), Б.П.Крянев (Улан-Удэ), А.К.Кужугет (Кызыл), К.И.Куликов (Ижевск), В.В.Маресьев (Саранск), Т.М.Полякова (Майкоп), М.Б.Рогачев (Сыктывкар), Г.Р.Столярова (Казань), Ф.Г.Сафин (Уфа), М.П.Татаринцева (Кызыл), С.Д.Таванец (Элиста), Л.С.Христюбова (Ижевск), Ю.А.Шабаев (Сыктывкар), В.Н.Шаров (Йошкар-Ола),

Выражая признательность и благодарность авторскому коллективу трехтомника, представленному ведущими специалистами из Москвы и республик России, хотелось бы одновременно надеяться, что его усилия, направленные на осознание указанной выше истины не окажутся бесплодными.

**СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ
УСЛОВИЯ ПРЕДВЫБОРНОЙ БОРЬБЫ
(Из хроники этнополитической
жизни России)**

- 1. Плоды суверенизации*
- 2. Ростки демократизации*
- 3. Урожай дезинтеграции*
- 4. Всходы реинтеграции*

Многообразие этнополитических ситуаций и процессов, складывающихся и протекающих в постсоветском пространстве, подобно магниту, привлекает внимание политиков, практиков и ученых. Вполне закономерны при этом желание знать контуры каждой ситуации, фактуру ее процессов. Без знания их содержания, без понимания сути мобилизованной этничности и факторов ее генезиса и развития, вряд ли возможны сколько-нибудь более широкие обобщения. Однако подобный однолинейный подход, разумеется, имеет свои границы. Как в классической этнографии, нельзя познать один народ, не зная другого, так и в этнополитологии¹ вряд ли можно глубоко разобраться в одной ситуации, не сравнив ее с другой или с другими. В этой связи имеет смысл попытаться рассмотреть параллели этнополитического развития двух соседних тюркоязычных республик - Башкортостана² и Татарстана³, в доперестроечной и постперестроечной судьбе которых немало сходств и различий, вызванных особенностями их исторического развития, степенью суверенизации и современными межэтническими отношениями.

Интерес к каждой из них, в том числе со стороны сотрудников Института этнологии и антропологии РАН, имеет устоявшиеся традиции и поучительную историю. В известной степени этим двум бывшим автономным республикам РСФСР в немалой мере обязана своим происхождением и изначальным импульсом российская этносоциология⁴. Первую документированную летопись и аннотированную хронику этнополитического процесса в Башкортостане, вероятно, можно отнести к истокам этнополитологии⁵.

При этом в каждом случае организация и итоги исследований во многом были predeterminedены хорошо налаженными, ставшими традиционными связями и взаимопользным сотрудничеством между учеными Москвы, Казани и Уфы. В 1993 г. в контекст этих связей включи-

лись американские ученые Джерри Хафф, Сьюзен Лейманн, Дэвид Лейтин и Тимоти Колтон.

Этносоциологическое исследование по проекту: "Язык, национальность и бывший Советский Союз" (авторы: Джерри Хафф, Дэвид Лейтин и Сьюзен Лейманн; соруководители опроса: в Башкортостане - М.Н.Губогло и Р.Г.Кузеев, в Татарстане - М.Н.Губогло, Е.П.Бусыгин, Г.Р.Столярова), проведенное в апреле 1993 г. в Башкортостане и в сентябре 1993 г. в Татарстане, открывает возможность для изучения некоторых аспектов и итогов провозглашенного суверенитета. Трехполюсная модель взаимоотношений, взятая из системы межэтнических отношений Башкортостана, и двухполюсная из Татарстана позволяют определить характер и новейшие тенденции в трехсторонних взаимоотношениях в различных зонах притяжения - отторжения, а также, в так называемых нейтральных, "зонах" без каких-либо установок (attitudes) про- и антиэтнической выраженности и направленности.

И хотя итоги этих исследований нельзя полностью экстраполировать на население каждой из республик, следует все же подчеркнуть их достаточно весомую значимость, так как в Башкортостане горожане в 1989 г. составляли 63,8%, а в Татарстане - 72,9% всего населения каждой из этих республик. Охваченные опросом респонденты трех национальностей - башкиры, русские и татары в Башкортостане и татары, русские и чувашаи в Татарстане представляли соответственно 89,6% и 95,5% всего городского населения этих республик.

Предварительные итоги исследования в Башкортостане были рассмотрены на симпозиуме, организованном Дэвидом Лейтиным в марте 1994 г. в г. Чикаго⁶. Имея итоги исследования по Татарстану, мы сочли возможным сравнить две линии суверенизации и ее последствий в Башкортостане и Татарстане, надеясь, что такое сравнение может оказаться полезным в выявлении общего и частного в контурах этнополитического развития каждой из республик⁷.

С небольшим временным интервалом, менее полтора месяца, - 30 августа и 11 ноября 1990 г. вступили в силу Декларации о государственном суверенитете Татарской и Башкирской Республик. Согласно этим документам, имеющим силу закона и являющимися основой для разработки Конституции, обе республики обрели государственный суверенитет в пределах существующих границ и самопреобразовались из ТАССР и БАССР в Татарстан и Башкортостан. Они были не первыми и не последними из числа бывших автономных республик бывшего РСФСР, ринувшихся в 1990 г. вслед за бывшими союзными республиками в процесс суверенизации (см. таблицу 1).

Таблица 1

**Суверенизация бывших автономных республик Российской Федерации.
Хроника принятия деклараций о суверенитете и других законодательных актов**

№	Наименование документа	Дата принятия	Новое официальное название республики
1.	О государственном суверенитете Российской Советской Социалистической Республики	12.06.90 г.	название оставлено прежнее
2.	О государственном суверенитете Северо-Осетинской Автономной Советской Социалистической Республики	20.06.90 г.	название оставлено прежнее
3.	О государственном суверенитете Карельской АССР	09.08.90 г.	название оставлено прежнее
4.	О государственном суверенитете Коми Советской Социалистической Республики	29.08.90 г.	Коми Советская Социалистическая Республика
5.	О государственном суверенитете Татарской Советской Социалистической Республики	30.08.90 г.	Татарская Советская Социалистическая Республика. Республика Татарстан
6.	О государственном суверенитете Удмуртской Республики	20.09.90 г.	Удмуртская Республика
7.	О государственном суверенитете Якутской-Саха Советской Социалистической Республики	27.09.90 г.	Якутская-Саха Советская Социалистическая Республика
8.	О государственном суверенитете Бурятской Советской Социалистической Республики	08.10.90 г.	Бурятская Советская Социалистическая Республика
9.	О государственном суверенитете Башкирской Советской Социалистической Республики	11.10.90 г.	Башкирская Советская Социалистическая Республика. (Башкирская ССР). Башкортостан
10.	О государственном суверенитете Калмыцкой Советской Социалистической Республики.		Калмыцкая Советская Социалистическая Республика
11.	О государственном суверенитете Марийской Советской Социалистической Республики	22.10.90 г.	Марийская Советская Социалистическая Республика
12.	О государственном суверенитете Чувашской Советской Социалистической Республики	24.10.90 г.	Чувашская Советская Социалистическая Республика. Республика Чувашьень
13.	О государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики.	27.11.90 г.	Чечено-Ингушская Республика

Таблица 1 (продолжение)

№	Наименование документа	Дата принятия	Новое официальное название республики
14.	О государственном правовом статусе Мордовской Советской Социалистической Республики	07.12.90 г.	Мордовская Советская Социалистическая Республика
15.	О государственном суверенитете Советской Республики Тува	12.12.90 г.	Советская Республика Тува
16.	О государственном суверенитете Кабардино-Балкарской Советской Социалистической Республики.	30.01.91 г.	Кабардино-Балкарская Советская Социалистическая Республика
17.	Постановление III съезда народных депутатов Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республики. О государственном статусе Дагестанской АССР	13.05.91 г.	Дагестанская Советская Социалистическая Республика. Республика Дагестан

В декларациях значительного большинства бывших автономных республик России носителем суверенитета и источником государственной власти объявлялся народ республики, и только в Декларациях Башкирии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии - многонациональный народ республики.

На рубеже 80-90-х гг. этническая мозаика республики Башкортостан была составлена из 112 национальностей. Иными словами, до полного списка всех национальностей, расцветивающих этническую панораму Российской Федерации, а тем более бывшего СССР, состоявшего из 128 этнических наименований, включенных в опубликованные списки народов, Башкортостану не "доставало" всего лишь 16.

Дав республике свое имя, обретя вместе с ней и ее народом статус суверенности, выступая народом, цементирующим государственное единство, башкиры вместе с тем занимали в республике всего лишь третье место по численности, уступая почти в 2 раза русским, и в 1,3 татарам. В Татарстане, хотя татары и не составляли половины всего населения республики, тем не менее, занимали первое место, а русские - второе. Но об этом - ниже.

Накануне VI съезда народных депутатов Российской Федерации, когда были опубликованы критические статьи по поводу вынесенных на обсуждение проектов конституции Российской Федерации⁸ и несколько раньше, перед тем, как 31 марта 1992 г. в Кремле были подписаны три варианта единого Федеративного Договора (Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между федераль-

ными органами власти РФ и органами власти суверенных республик в составе РФ), началось резкое обострение отношений между Москвой, с одной стороны, Казанью и Уфой - с другой.

Референдум в Татарстане, проведенный в марте 1992 г. и открывший ему зеленый свет в борьбе за независимость и отвергнутые 10-й сессией Верховного Совета Башкортостана проект новой Конституции Российской Федерации и проект соглашения о разграничении полномочий вывели эти две республики на передний план нового витка суверенизации.

В обширной дискуссии между Центром и двумя республиками Поволжья основными спорными моментами стали - конкуренция между законодательной и исполнительной властями и борьба между Казанью, Уфой и Москвой за перераспределение полномочий.

Война законов, очень знакомая по своим идеологемам, контурным событиям и тенденциям, за повышение статуса и объема своих полномочий, за расширение экономической и политической самостоятельности дала повод нетерпеливым журналистам вполне серьезно заговорить о том, что России угрожает судьба развалившегося Союза. Масла в огонь подлили своими "особыми" позициями три бывшие автономные республики - Чечено-Ингушская, Татарская, Башкирская.

У каждой из них, конечно, своя судьба, своя история, свой специфический характер межнациональных отношений, свои взгляды по поводу "исконных" и "не исконных" этнических территорий, особых прав титульного народа, на курс экономической и социальной политики, планы и глубины ее формирования, на статус государственного языка.

Этническая мозаика этих республик, особенно Татарстана, потенциально создавала ситуации для формирования национальных движений по двум основным линиям. В недрах титульной национальности, считающей себя в первую очередь носителем суверенитета, зарождались движения за создание приоритетных условий для ее национального развития, в недрах нетитульных национальностей, естественно, возникало контрдвижение.

Надо ли удивляться тому, что и Башкирский народный центр "Урал" на своем I съезде, состоявшемся 18 декабря 1989 года, утвердил свой программный документ, в котором на передний план выдвигались задачи по:

- 1) обретению статуса союзной республики,
- 2) повышению статуса башкирского языка путем признания его государственным языком,

3) содействию государственным органам в организации обучения башкирскому языку в детских дошкольных учреждениях, в школах и вузах,

4) организации широкой пропаганды истории и культуры, прогрессивных обычаев башкирского народа среди населения,

5) установлению связей с башкирами, проживающими за пределами Башкортостана и т.п.⁹.

В ответ активизировались движения среди нетитульного и, прежде всего, среди русского населения.

Рост национального самосознания и подъем национальных движений в Башкортостане и Татарстане продемонстрировал возможности появления многоосевой линии межнациональной напряженности. И в этом нет ничего удивительного, если принять в расчет, что в самой этнической мозаичности был заключен потенциально возможный взрывной заряд, по крайней мере, при тех условиях, когда суверенитету республики некоторые идеологи пытались придать исключительно моноэтническую окраску. Об этом, в частности, дальновидно предупреждал Председатель Верховного Совета республики Муртаза Рахимов в ходе своей встречи со студентами-участниками политической голодовки, протестующими против подписания республикой Федеративного договора. "Мне понятны ваши чувства и ваши стремления, - говорил он в своем обращении к активистам Союза башкирской молодежи, - но достичь поставленных целей можно только на основе единства всех народов, проживающих в Башкортостане"¹⁰.

Стремление к консолидации проявилось внутри каждого из двух лидирующих на этнополитической сцене Башкортостана национальных движений: Башкирского Народного Центра, выступившего инициатором мобилизации Башкирского Народного Конгресса, и Татарского Общественного Центра, с которым ассоциированы движения, отражающие интересы и чаяния татарской части населения Башкортостана¹¹.

Документы (резолюции, обращения, лозунги) всех шести проведенных курултаев (съездов) свидетельствуют о постепенном сдвиге активистов башкирского национального движения в сторону монополизации в республике интересов титульной нации. Особенно показательны в этом отношении документы VI Внеочередного всебашкирского съезда¹², толкающие республику на путь дальнейшего углубления суверенизации, вплоть до обретения независимости.

В отличие от башкирского национального движения, ориентированного на создание башкирской национальной государственности, татарский общественный центр в Башкортостане стремился организовать содействие органам государственной власти и управления в

реализации политических и культурных прав татарского населения республики. Видное место в изучении задач этого движения занимает и поддержание культурных, научных и деловых контактов с лицами татарской национальности как в пределах, так и за пределами Башкортостана.

Суверенизация внесла ряд серьезных изменений в социально-политическую обстановку и межнациональные отношения. Началось складывание новой этнополитической ситуации, потребовавшей от исследователей обновления понятийно-терминологического аппарата.

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Предварительно напомним этнодемографический "вес" национальностей в каждой из двух суверенных республик. По переписи населения 1989 г. доля башкир в составе городского населения Башкортостана составляла 14,5 % и была в 3,5 раза меньше доли русских (51,5 %) и почти в 2 раза (1,8) меньше доли татар (27,5 %)¹³.

Таблица 2

Динамика численности основных национальностей Башкортостана в 1959-1989 гг.

(в %, по данным переписей населения СССР)

	1959	1970	1979	1989
I. Города				
башкиры	7,9	9,6	12,1	14,5
русские	63,9	59,8	55,8	51,1
татары	18,9	22,2	23,6	25,7
II. Уфа				
башкиры	5,5	7,1	9,5	11,3
русские	64,9	61,7	58,2	54,2
татары	21,1	23,8	24,6	27,0
III. Сельская местность				
башкиры	30,9	36,2	40,4	34,9
русские	29,1	22,6	19,8	18,4
татары	25,6	27,1	25,6	33,2
IV. Всего по республике				
башкиры	22,1	23,4	24,3	21,9
русские	42,4	40,5	40,3	39,3
татары	23,0	24,7	24,4	28,4

Несмотря на стремительный рост за тридцать лет доли башкир в городах, в том числе в столице Башкортостана, они оставались скорее русскими и татарскими, чем башкирскими (см. таблицу 2).

Размах вариации по удельному весу занимающих полярные позиции башкир и русских сократился с 56,0 % в 1959 г. до 36,6 % в 1989 г., в том числе по Уфе соответственно с 59,4 % до 42,9 %. Следовательно, ведущая линия этнодемографических изменений состояла в сочетании двух тенденций: башкиризации и дерусификации (см. более подробно в таблицу 2).

В отличие от трехполюсной системы межнациональных отношений в Башкортостане, Татарстан представлен двумя полюсами. При этом доля татар в городах за тридцатилетие возросла на 8,9%, а доля русских сократилась на 10,3%. В итоге, размах вариации между удельными весами татарского и русского населения упал с 27,9% до 8,7%. Иными словами, в этнодемографическом плане здесь, подобно соседнему Башкортостану, происходила татаризация городов за счет их дерусификации (см. таблицу 3).

Таблица 3

**Динамика численности основных национальностей Татарстана
в 1959-1989 гг.**

(в %, по данным переписей населения СССР).

	1959	1970	1979	1989
I. Города				
татары	33,2	36,8	37,7	42,1
русские	61,1	57,9	56,1	50,8
чуваши	1,5	1,7	1,9	2,2
II. Казань				
татары	33,3	35,5	38,1	40,5
русские	62,0	60,0	57,8	54,7
чуваши	0,9	1,1	1,1	1,1
III. Сельская местность				
татары	57,2	62,1	64,5	65,5
русские	31,7	26,0	23,5	22,9
чуваши	7,5	8,3	8,3	7,7
IV. Всего по Татарстану				
татары	47,2	49,1	47,6	48,5
русские	43,9	42,4	44,0	43,3
чуваши	5,0	4,9	4,3	3,7

Обе эти тенденции, как нетрудно догадаться, "работали" в одном и том же направлении - на усиление межнациональной конкурентности между титульными национальностями и русскими именно в городском пространстве каждой из республик.

В ходе урбанизационных процессов часть сельского населения перемещалась в города. Доля городских жителей в Башкортостане среди башкир за тридцать лет увеличилась в 3,1 раза, среди русских - в 1,4, а среди татар - в 1,8 раза. Каждые двое башкир и каждые четверо русских из пяти человек соответствующей национальности проживали в городах. Разрыв между долями горожан у башкир и русских сократился с 44,1% в 1959 г. до 40,7% в 1989 г.

В Татарстане удельный вес горожан среди татарского населения возрос в 2,2 раза, среди русских - в 1,5 раза, и среди чувашей - в 3,3 раза. Накануне перестройки в городах Татарстана проживали каждые 2 из троих татар и более чем каждые четверо из пятерых русских. Разрыв между долями горожан среди татар и русских сократился с 28,6% в 1959 году, до 22,3% в 1989 г. Урбанизация чувашского населения, хотя и шла опережающими темпами, не привела к той степени урбанизированности, которой достигли татары и русские.

Таблица 4

**Темпы урбанизации среди основных национальностей
Республики Башкортостан**
(по итогам переписей населения СССР)

	% горожан в составе данной национальности			
	1959	1970	1979	1989
I. Города				
башкиры	13,6	19,7	28,1	42,3
русские	57,7	71,1	78,7	83,0
татары	31,2	43,3	54,8	57,8
II. Уфа				
башкиры	4,1	6,1	9,8	14,1
русские	25,0	30,7	36,4	37,8
татары	15,0	19,4	25,3	26,0

Можно сделать заключение, что в целом титульное население в обеих республиках по части урбанизированности "наступало на пятки" русским. На эту тенденцию - выравнивание долей титульной национальности и русских следует обратить особое внимание, так как именно она, как покажет дальнейший анализ, станет первопри-

чиной роста национального самосознания и усиления напряженности в межнациональных отношениях.

Таблица 5

**Темпы урбанизации среди основных национальностей
Республики Татарстан**

(в %, по итогам переписей населения СССР)

	% горожан в составе данной национальности			
	1959	1970	1979	1989
I. Города				
татары	29,4	38,6	49,8	63,4
русские	58,0	70,3	80,2	85,7
чуваши	13,0	17,7	27,9	43,1
II. Казань				
татары	16,0	20,1	22,9	24,9
русские	32,0	39,2	37,7	37,7
чуваши	4,3	6,1	7,3	9,3

В столице Башкортостана эта тенденция проявила себя в несколько иной форме чем в целом в городах республики. За тот же период разрыв между долями столичной части башкир и русских не сократился, а даже несколько возрос: с 20,9 % в 1959 г. до 23,7 % в 1989 г. (см. таблицу 4). В столице Татарстана, напротив, разрыв между долями столичной части русского и татарского населения сокращался: с 16,0% в 1959 г. до 12,8% в 1989 г. (см. таблицу 5).

СУВЕРЕНИЗАЦИЯ: ОЖИДАНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

В узком смысле суверенизация означала политическую акцию, суть которой состояла в принятии сначала бывшими союзными, а вслед за ними и бывшими автономными республиками Деклараций о суверенитете. В широком, а точнее, в более глубоком смысле суверенизация предполагала несколько аспектов:

- 1) антисоветизацию, означающую отказ от руководящей роли КПСС и монополии партии на государственную власть,
- 2) демократизацию, ведущую к установлению нового правового порядка, основанного на твердом соблюдении законов,
- 3) антитоталитаризацию, исключаящую переход власти к какой-либо части этнической или социальной группы недемократическим путем,

4) переход к рыночной экономике, подрывающей всевластие центра и разрушающей, в конечном счете, командно-административную систему экономики, и, наконец,

5) этническую мобилизацию, идеологически основанную на принципе самоопределения одной национальности, выступающей под знаменем национального возрождения или деколонизации. При этом названные здесь в качестве составных частей суверенизации - демократизация и этнизация - могли как в теоретическом, так и в практическом планах выступать по отношению друг к другу по-разному: и как сопутствующе - сотрудничающие и как конкурирующие ценности, тесно переплетаясь друг с другом.

Имеет смысл напомнить, что некоторые общественные деятели выражали суть суверенизации более откровенно, чем теоретики и идеологи национального возрождения. "Республики, называя себя государствами, - вполне однозначно разъяснял Президент республики Саха (Якутия) Михаил Николаев, - ставят вопрос о своей собственности"¹⁴.

Поэтому одна из задач этносоциологического опроса состояла в выявлении "плодов" суверенизации в оценках граждан суверенных республик.

Напомним, что тексты Деклараций о государственном суверенитете неоднократно публиковались в широкой печати. Более того, в Башкортостане накануне принятия ее Верховным Советом вниманию общественности было предложено немало альтернативных вариантов, большинство из которых были опубликованы ЦИМО ИЭА РАН в 3-х томном издании документов и материалов "Этнополитическая мозаика Башкортостана" в соответствии с планами серии "Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве"¹⁵.

Несмотря на острейшую и изнурительную газетную полемику до и после принятия Декларации, интерес к ее содержанию со стороны широкой общественности оказался гораздо меньше, чем можно было ожидать. За два с половиной года лишь немногим более двух пятых городских башкир, одной трети городских русских и татар ознакомились с ее текстом. В городах Татарстана уровень интереса к Декларации оказался несколько выше: ее прочитали более половины татар, более двух пятых русских и почти треть чувашей (см. таблицу 6). Большинство горожан в обеих республиках текст Декларации не прочитали. Не исключено, что в сельской местности интерес населения к ней был не выше, чем в городах.

Складывается впечатление, что суверенизация, во всяком случае, в ее узком смысле, представляла более глубокий интерес, прежде всего,

для тех, кто ее принимал, чем для тех, кому она была адресована и чьим именем она внедрялась в жизнь. Реализация Декларации о государственном суверенитете и манифестация "сверху" были более существенными, чем ее восприятие "снизу". Более того, внимание к ней "снизу", со стороны общественности различных населяющих республику национальностей было неодинаковым. Как и следовало ожидать, интерес к тексту Декларации со стороны представителей титульных наций оказался несколько больше, чем со стороны татар и русских в Башкортостане, русских и чувашей в Татарстане (см. таблицу 6).

Таблица 6

Интерес к тексту Декларации о государственном суверенитете
(в %, по итогам опроса)

Читали ли Декларацию о государственном суверенитете?		
А) Башкортостан:		
	Да	Нет
башкиры	43,8	52,6
татары	35,0	65,0
русские	35,0	65,0
Б) Татарстан:		
татары	48,0	52,0
русские	44,6	55,5
чувашаи	32,2	67,8

Поспешный вывод некоторых советологов об одновременном крахе советской империи и братства народов оказался не совсем корректным, с точки зрения отражения этого процесса в широких слоях населения. Да, действительно, на вершине партийной номенклатуры во время и на закате горбачевской перестройки вожди смертельно перессорились, но корни дружественных межнациональных отношений во многих регионах бывшего СССР, а особенно в бывших автономных республиках Российской Федерации остались.

Со временем становится очевидным, что суверенитет в республике понимался по-разному: часть титульного населения, и, прежде всего, взрослое городское население, особенно национальная интеллигенция и управленческий аппарат, конечно, воспринимали его как суверенитет, прежде всего, титульной нации, как установление фактической, а не декоративной национальной государственности, отсюда и ожидание от суверенитета прибавления оснований для создания

приоритетов для своей нации в сфере управления, особенно в жизненно важных зонах с обострившейся конкурентностью.

Логика этого или типологически сходного разделения (или раскола) не менее наглядно проявила себя и в новейшей истории бывших союзных республик, ставших независимыми государствами. Так, например, независимость Украины воспринималась и осознавалась далеко не сходным образом населением Западной и Восточной Украины. Запад Украины под независимостью понимал чаще всего движение к украинской национальной государственности, т.е. государственности украинской нации, имеющей право на национальное самоопределение. На востоке Украины независимость связывалась, прежде всего, с надеждами достижения экономического расцвета и утверждения материально благополучия граждан, независимо от того, чьим государством станет Украина - одной только украинской нации или всего населения. Однако даже сравнительно короткий, трехлетний опыт "незалежной" истории, если отсчет независимости вести с августа 1991 г. до июля 1994 г., т.е. с документа о независимости до поражения Леонида Кравчука, ставшего первым Президентом Украины благодаря реактивной перекарске из идеолога коммунистов в идеолога националистов, показал, что две полярные идеи, соответственно исповедуемые Западом (мононациональная государственность) и Востоком (этнополитическая независимость), несовместимы.

Активное участие Л.Кравчука в развале Советского Союза, записанное ему в его политический актив Западом Украины и Европой, стало причиной его поражения, которое нанес ему электорат Украины 10 июля 1994 г., отдав предпочтение Леониду Кучме. Как выясняется, народ не признает политических кульбитов, даже если их исполнителем является бывший секретарь ЦК, а затем и Президент республики.

Нетитульное население воспринимало суверенитет совсем по-другому: как такую, наполненную новым смыслом и содержанием автономию, при которой минимизируются федеральные налоги, облегчается допуск к естественным ресурсам и национальным (республиканским) богатствам, доходам, бюджету.

Здесь не место и не задача разбирать наличие внутренних противоречий в Декларации о государственном суверенитете Башкирской ССР¹⁶. В целом для своего времени она была составлена грамотно, с учетом интересов "многонационального народа" республики, гарантировала и "равные права и свободы всем проживающим на ее территории гражданам, независимо от их национальности", объявляла носителем суверенитета и источником государственной власти в Башкирской ССР "ее многонациональный народ" и т.д.¹⁷. Однако, на-

ряду с указанными общедемократическими принципами, она все же давала некоторые основания башкирам надеяться на особые льготы и условия для своего развития. Так, например, в преамбуле выделялось "неотъемлемое право башкирской нации на самоопределение", а в одной из статей закреплялась необходимость государственного содействия "удовлетворению национально-культурных потребностей лиц башкирской национальности, проживающих за пределами республики"¹⁸.

Анализ двухлетних плодов суверенизации отвечает, в известной мере, на вопрос, свершились ли чаяния народов, реализованы ли их ожидания (в зависимости от того, кто и что от нее ожидал).

НАПРАВЛЕННОСТЬ ИЗМЕНЕНИЙ

Похоже, что городские башкиры, больше, чем представители других национальностей, обрели в суверенизации то, чего хотели, или на что изначально были больше ориентированы. Без малого каждый четвертый башкир, и чуть немногим более четверти татар, и русских не увидели никаких изменений за 3 года "суверенной" жизни. Группы скептиков, как видно по итогам опроса, у всех трех национальностей почти равны. В Татарстане следы суверенизации были несколько глубже, чем в Башкортостане. Об этом свидетельствует в два раза меньшая доля титульных татар по сравнению с титульными башкирами, не заметившими изменений (см. таблицу 7).

Соответственно похожи и, примерно, равновелики и группы тех, кто не заметил состоявшиеся перемены. Здесь также национальность не повлияла на долю представителей каждой из трех национальностей. Они были едины в одном: изменений в худшую сторону произошло гораздо больше, чем в лучшую (см. таблицу 7).

Не пытаясь определить уровень дискомфорта ощущений у каждой национальной группы, отметим, что доля "пессимистов" среди башкир всего лишь в полтора раза больше, чем доля "оптимистов", среди татар более чем в четыре раза, и среди русских - в семь раз. Эти данные чрезвычайно выразительны и свидетельствуют о том, что национальности Башкортостана отнюдь не единодушны в оценке своей прошлой и настоящей истории. Данные настораживают и требуют дальнейшего, более углубленного анализа. В Татарстане мнения о направленности изменений оказались более полярными, чем в Башкортостане, для титульных русских и чувашей изменения, связанные с суверенизацией, однозначно шли в более худшую сторону. Среди русских доля людей, негативно оценивших суверенизацию,

почти в четыре раза выше доли тех, кто считает, что произошли изменения в лучшую сторону, а среди чувашей - немногим более чем в четыре раза (см. таблицу 7).

Таблица 7

"Плоды" суверенизации в общественном мнении городского населения Башкортостана и Татарстана (в %, по данным опроса)

	Произошли ли какие-либо изменения после принятия Декларации о суверенитете?					
	не произошли	произошли				нет ответа
		в том числе:				
		всего	в лучшую сторону	в худшую сторону	в чем-то в лучшую, в чем-то в худшую	
А) Башкортостан:						
башкиры	24,8	62,4	8,8	12,0	41,6	12,7
татары	26,6	61,5	4,6	19,4	37,5	11,8
русские	26,8	59,6	3,3	23,0	19,4	13,5
Б) Татарстан:						
татары	12,3	77,2	21,0	13,0	43,2	10,3
русские	15,0	72,1	6,2	24,7	41,2	13,0
чувашы	21,3	63,8	6,9	28,7	28,2	14,4

При выделении всех "оптимистов" в отдельный таксон, в его составе все три национальности, естественно, оказались представленными далеко неравномерно: в Башкортостане больше половины (53,3%) его составляли - башкиры, и приблизительно в два раза меньше доля татар (26,7%) и в 2,5 раза меньше была доля русских (20,0%). В Татарстане контраст оказался еще разительнее: удельный вес оптимистов среди татар был выше, чем среди русских - в 3,4 раза, и выше, чем среди чувашей, в 10,6 раза. Полученные данные подтвердили, во-первых, наличие полярных мнений о направленности изменений между титульным и нетитульным населением, во-вторых, выявили наличие оснований для неудовлетворенности русских и чувашей, и, наконец, в-третьих, свидетельствуют о глубоком кризисе в социальном самочувствии чувашского национального меньшинства в Татарстане.

Закономерно возникает вопрос, в чем именно видят улучшения и ухудшения люди разных национальностей. Какова иерархия ценностей суверенизации? Кому и что она принесла?

ИЕРАРХИЯ ЦЕННОСТЕЙ СУВЕРЕНИЗАЦИИ

Две соревнующиеся ценности - мобилизованный этницизм и личностное раскрепощение человека, отмеченные респондентами соответственно как национальное возрождение и рост самостоятельности и инициативы, заняли среди городского населения первые и вторые места. Иными словами, ни условия труда, ни материальное положение, ни проблемы быта и семейной жизни, ни экология и здоровье, не идут в сравнение с такими "достижениями" суверенизации, как подъем национального духа и демократизация. Эта истина могла бы выглядеть одновременно и очень серьезной и весьма банальной, если бы опрос не выявил в обеих республиках, и в Башкортостане и в Татарстане, наличия внутренних различий между национальностями.

ИЗМЕНЕНИЯ К ЛУЧШЕМУ

Таблица 8

"Плоды" суверенизации в общественном мнении городского населения Башкортостана и Татарстана (в %, по данным опроса)

А) Башкортостан:			
Перемены к лучшему	башкиры	татары	русские
1. в национальном возрождении	22,9	15,3	9,2
2. в росте самостоятельности, инициативы	17,6	18,5	16,3
3. в материальном положении	3,9	3,5	3,9
4. в уважении к человеческому достоинству	2,8	1,5	1,8
5. в условиях труда	1,6	1,7	2,7
6. в быту и семейной жизни	1,0	0,5	1,2
7. в улучшении экологии	0,5	1,2	0,9
8. в состоянии здоровья	0,1	0,1	0,6
9. другой ответ или нет ответа	49,6	57,8	63,3
<i>Итого:</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>

Таблица 8 (продолжение)

Б) Татарстан:

Перемены к лучшему	татары	русские	чуваши
1. в национальном возрождении	30,2	12,1	8,4
2. в росте самостоятельности, инициативы	18,5	22,0	9,9
3. в материальном положении	5,4	5,2	5,4
4. в уважении к человеческому достоинству	6,3	2,7	4,0
5. в условиях труда	1,7	1,6	3,0
6. в быту и семейной жизни	1,8	2,7	4,0
7. в улучшении экологии	0,6	0,8	0,5
8. в состоянии здоровья	-	0,3	-
9. другой ответ или нет ответа	35,5	52,6	64,9
<i>Итого:</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>

Для титульных национальностей однозначно улучшение состояло в национальном возрождении. Во всяком случае, из 8 перечисленных для выбора ценностей позитивные сдвиги в национальном возрождении по самооценкам башкир в Башкирии и татар в Татарстане оказались на первом месте (22,9% и 30,2%). Для татар и русских в Башкортостане, а также для русских и чувашей в Татарстане более привлекательными и утешительными оказались демократические ценности, связанные с ростом самостоятельности и инициативы (см. таблицу 8).

ИЗМЕНЕНИЯ К ХУДШЕМУ

В отличие от позитивных итогов суверенизации, ее негативы и "беды" оказались одинаковыми для населения Башкортостана практически независимо от его национальной принадлежности. Во всяком случае, представители всех трех крупнейших национальностей в числе перемен к худшему на первое место единогласно поставили падение жизненного уровня и ухудшение материального положения, а на второе - рост преступности (см. таблицу 9).

Усиление напряженности в межнациональных отношениях оказалось на третьем месте среди перемен к худшему, замеченных и сознательно манифестированных в ходе опроса башкирами и русскими. У татарского населения Башкортостана экологические проблемы вызывают большую тревогу (почти в два раза), чем межнациональные отношения (см. таблицу 9).

Таблица 9

**"Плоды" суверенизации в общественном мнении
городского населения Башкортостана и Татарстана
(в %, по данным опроса)**

А) Башкортостан:			
Перемены к худшему	башкиры	татары	русские
1. в материальном положении	21,2	19,9	19,3
2. возросла преступность	12,2	17,6	13,1
3. в межнациональных отношениях	6,7	4,0	7,9
4. в ухудшении экологии	6,2	7,8	7,0
5. в настроении	2,9	3,3	3,9
6. в условиях труда	2,6	2,3	2,7
7. в семейной жизни	0,9	0,9	0,9
8. в состоянии здоровья	0,9	1,2	1,6
9. другой ответ или нет ответа	46,4	43,0	43,6
<i>Итого:</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>
Б) Татарстан:			
Перемены к худшему	татары	русские	чуваш
1. в материальном положении	20,0	16,6	23,8
2. возросла преступность	19,5	21,3	17,3
3. в межнациональных отношениях	8,9	17,3	6,4
4. в ухудшении экологии	2,0	2,0	,5
5. в настроении	2,5	5,6	4,0
6. в условиях труда	2,0	2,0	1,5
7. в семейной жизни	0,4	0,3	1,5
8. в состоянии здоровья	0,8	0,7	1,0
9. другой ответ или нет ответа	43,9	34,1	43,1
<i>Итого:</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>

В Татарстане с ее преимущественно двухполюсной системой межнациональных отношений ситуация одновременно и проще и сложнее. Оценка негативных последствий суверенизации оказалась однотипной среди титульных татар и чувашей. Среди тех и других наиболее высокой оказались группы людей, для которых "беды" суверенизации свелись, во-первых, к ухудшению материального положения, во-вторых, росту преступности. В оценках русских Татарстана расклад иной: среди негативных последствий суверенизации для

них на первом месте рост преступности, на втором - ухудшение межнациональных отношений (см. таблицу 9).

Следовательно, несмотря на то разгорающуюся, то на затухающую борьбу-полемику в печати между лидерами и теоретиками башкирского и татарского национальных движений, что, кстати, находит адекватное отражение и в документах БНЦ и ТОЦ, линия возможного, более глубинного напряжения проходит не между тюркоязычными, единственными башкирами и татарами, как это может показаться с первого взгляда, а также по имиджу, созданному газетно-журнальными публикациями и телевизионными шоу-программами, а между тюркоязычными башкирами и славяноязычными русскими.

В Башкортостане, как и в остальных бывших автономных республиках РСФСР, конечно, не было той оголтелой антирусской кампании, что была развернута лидерами народных фронтов в бывших союзных республиках Прибалтики. Не было обилия полемически заостренных статей с явной или скрытой антирусской направленностью, как это было в Молдове, частично в Белоруссии и на Украине. Тем не менее, осязаемые отголоски русофобии обнаруживают себя и среди городского башкирского и татарского населения. По крайней мере немногим более, чем каждый десятый башкир и татарин в городах Башкортостана ответили решительно "нет" на вопрос о том, оказали ли русские большую помощь в развитии других народов бывшего СССР, а еще треть башкир и более чем четверть татар ответили "да, но..." т.е. помогли, но далеко не всем и не во всех областях (см. таблицу 10). Общая оценка климата этнополитической ситуации и атмосферы межнациональных отношений вполне достаточны для выдвижения гипотезы о том, что в тех республиках, где русские негативно оценивают состояние межнациональных отношений, следует ожидать и наличие негативной установки на роль русских в истории нерусских народов. Почти четверть татар в городах Татарстана без утайки сообщили интервьюерам, что, по их мнению, русские не оказали большой помощи в развитии других народов бывшего СССР, или же их (русских) влияние на национальные культуры было скорее вредным, чем полезным (см. таблицу 10).

Обращают на себя внимание установки "третьей стороны" - отношения к русским со стороны татар в Башкортостане и чувашей в Татарстане.

Позиции первых по "качеству" и направленности скорее совпадают с аналогичными установками титульной башкирской нации. Чувашское население Татарстана, напротив, не только высоко ценит помощь русских, но даже ставит его выше, чем делают это сами русские. Чуваша Татарстана, значительно уступая татарам Башкортоста-

на по численности и по месту, занимаемому в составе населения республики, отставая от титульного татарского и русского населения по степени урбанизированности, свое будущее связывают не с тюркоязычными татарами, а с русскими.

Таблица 10

**Мнения о роли помощи русских в развитии других народов
в бывшем СССР**

(в %, по данным опроса горожан)

	Да, помогли	Помогали, но не всем и не во всех областях	Нет, не помогли	Это было больше, чем помощь	Затрудняются сказать вред, сказать
А) Башкортостан:					
башкиры	28,0	32,2	12,0	8,3	19,5
татары	33,1	26,7	11,7	6,2	22,3
русские	67,3	18,1	1,8	1,0	11,8
Б) Татарстан:					
татары	23,4	26,4	14,7	10,2	25,4
русские	61,8	17,1	2,5	2,1	16,5
чуваши	63,4	13,4	1,5	1,0	20,8

Как будет показано ниже, чем меньше численность национальной группы, тем меньше у нее желаний адаптироваться в системе культуры титульной нации.

В Башкортостане вызывает интерес и обратная сторона этой позиции: удельный вес городских башкир, разделяющих мнение о положительной роли русских в развитии не-русских народов, составил 28,0% и оказался, во-первых, в 3,4 раза больше доли башкир, убежденных в том, что русские принесли нерусским народам больше вреда, чем пользы, и, во-вторых, почти в 2,5 раза меньше, чем среди городских русских (см. таблицу 10). В целом же, если принять во внимание совокупные доли башкир, безоговорочно или с оговорками позитивно оценивших помощь русского народа в развитии других народов Союза, или, наконец, четко не определивших свою позицию по этому вопросу, (всего около 80,0%), то можно считать несколько преувеличенной постановку задачи в общегосударственном масштабе (на уровне проекта Программы, подготовленной для правительства Республики Башкортостан) преодолевать "бытующее у части нерусского населения мнение" о вине русского народа в этнических и других бедствиях нерусских этносов¹⁹. Вероятно, столь же несостоятельной, по крайней мере применительно к национальностям Баш-

кортостана, является еще одна, безосновательно раздутая задача по преодолению сложившегося у некоторой части представителей нерусских, в том числе титульных, народов "комплекса национальной неполноценности", состоящего в укоренившемся мнении о том, что будто бы "данная нация обречена быть отсталой, что она не может достигнуть таких высот этнического саморазвития, как русская и другие, имеющие более высокие показатели национально-культурного развития." Корни этого комплекса скорее всего залегает не в народе и не среди интеллигенции, а лишь у немногих национально озабоченных философов, пытающихся комплексы своей профессиональной неполноценности экстраполировать на часть национальной интеллигенции, без каких-либо оснований обвиняя последнюю в национал-нигилизме и нежелании бороться за суверенитет башкирской нации²⁰.

Резкая политизация этничности, радикализация требований лидеров БНЦ "Урал", конечно, нашла определенный отклик среди людей различной национальности Башкирии.

В первой половине 1993 г. этнополитические движения в одних республиках РФ набирали силу, в других ослабевали или мелели из-за разногласий между лидерами. К числу первых, по данным Федерального Министерства по делам национальностей и региональной политике, относились Всесоветский Совет "Стыр нахас", общественно-политическое объединение "Наша Осетия", общественно-политическое движение в Дагестане ("Тенглик", "Бирлик", "Народный Фронт имени Шамиля", "Садвал", коми национальная партия "Дорьямс Асны-мэс", Бурят-Монгольская партия и др.)²¹, к числу вторых - расколовшаяся Масторава - движение мордовского народа²².

Поэтому чрезвычайно важно установить правомерность употребления термина "национальные движения", если под правомерностью понимать наличие некоей реальной социально-демографической базы каждого из них. Действительно, если идеи, принципы, задачи и лозунги самопровозглашенных движений поддерживаются в основном их теоретиками и лидерами, то вряд ли такие этнополитические группы можно именовать национальными движениями²³. В последнем случае, скорее всего, мы имеем дело с корпоративными объединениями, добивающимися определенных целей, например, увеличения количества часов радио- и телепередач, подготовить проект закона по делам своей национальности или, наконец, увеличить квоту для представителей данной национальности в законодательных или исполнительных органах власти.

Объявляя себя выразителями интересов своей нации и обретая таким образом право на выступление от имени целой нации, лидеры национальных движений надеялись вовлечь в создаваемые ими этнополитические организации как можно более широкий круг участни-

ков. В плену этого соблазна в первые переломные годы оказались не только журналисты, но и некоторые политики, деятели культуры и даже часть ученых. Укоренению этого термина в немалой мере способствовали и успехи народных фронтов Эстонии, Латвии, Литвы, Молдовы, Украины и некоторых других титульных наций в республиках бывшего Союза.

Между тем, успех национальных движений во многом зависел от того, насколько широкую поддержку они получали среди населения. Если активистам национального движения - теоретикам, организаторам, агитаторам и особенно лидеру удавалось убедить широкие круги общества в справедливости, актуальности и перспективности своих целей и задач, шансы такого движения, естественно, повышались. Однако, как показал опыт, одной реакции широких слоев населения на выдвинутые задачи мало. Необходимо, чтобы политизация масс влияла не только на настроения, но и воплощалась в тех или иных формах деятельности, например, в различных более или менее надежно и стабильно действующих организациях.

Таблица 11

Информированность о существовании или деятельности национальных движений отдельных национальностей в Республике Башкортостан и принадлежность к культурной или этнополитической организации своей национальности
(в %, по данным опроса)

Знают ли о существовании или Принадлежат ли к культурной или деятельности общественного дви- этнополитической организации жения, защищающего интересы: своей национальности:				
	Да	Нет	Да	Нет
А. Башкир				
башкиры	44,1	55,9	7,2	92,8
татары	31,1	68,9	-	-
русские	23,3	76,7	-	-
Б. Татар				
татары	31,5	68,5	4,6	95,4
башкиры	25,8	74,2	-	-
русские	17,8	82,2	-	-
В. Русских				
башкиры	22,8	77,2	-	-
татары	17,6	82,4	-	-
русские	15,7	84,3	2,1	97,9

Опрос в Башкортостане, где национальные движения башкирского, татарского и русского народов конституировались на довольно высоком организационном и теоретическом уровне, показал наличие глубокого разрыва между информированностью граждан о существовании и деятельности этих движений, с одной стороны, и между принадлежностью к культурной или этнополитической организации, отстаивающей интересы своего народа: среди башкир доля первых была в 6,1 раза больше доли вторых, среди татар и русских соответственно в 6,8 и в 7,5 раза (см. таблицу 11).

Серьезные отличия обнаружились и в мерах информированности граждан о "своих" и "не своих" национальных движениях. Самой высокой популярностью среди башкирского населения пользуется БНЦ: о его существовании и деятельности слышали или знают более чем каждый второй из пяти городских башкир. Менее всего информированы о "своем" национальном движении русские, среди которых удельный вес знающих в два раза меньше, чем среди татар. Даже городские башкиры больше осведомлены о движении русских, чем сами русские о себе (см. таблицу 11).

Таблица 12

Информированность о существовании или деятельности национальных движений в Республике Татарстан и принадлежность к культурной или этнополитической организации своей национальности
(в %, по данным опроса)

	Знают ли о существовании или деятельности общественного движения, защищающего интересы:		Принадлежат ли к культурной или этнополитической организации своей национальности:	
	Да	Нет	Да	Нет
А. Татар				
татары	75,3	24,7	4,5	95,5
русские	68,4	31,6	-	-
чуваши	39,1	60,9	-	-
Б. Русских				
татары	29,6	70,4	-	-
русские	26,9	73,1	1,6	98,4
чуваши	7,4	92,6	-	-
В. Чувашей				
татары	7,5	92,5	-	-
русские	3,1	96,6	-	-
чуваши	8,4	91,6	1,0	99,0

Как и в Башкортостане, осведомленность городского населения Татарстана о деятельности национальных организаций была в целом выше, чем конкретное участие в движении за возрождение. Абсолютное большинство горожан в ходе опроса указало, что не принадлежит к этнополитическим организациям либо культурным центрам. При этом представители татар и русских гораздо больше знали об общественных движениях, защищающих интересы татар, чем интересы русских и чувашей. Среди чувашского населения доля людей, хорошо знающих о деятельности протатарских движений, оказалась гораздо меньше тех, кто не знал об этом (см. таблицу 12).

В отличие от Башкортостана, где движение титульной нации по сути породило два других движения - татарское и русское, в Татарстане этого не случилось. Во всяком случае, общественное мнение совсем не брало в расчет движение за возрождение группы чувашского населения, и лишь немногим более четверти русских и татар указали, что они знают о существовании движения, защищающего интересы русских в Татарстане (см. таблицу 12).

Таблица 13

Факторы, формирующие политические взгляды
(в %, по данным опроса)

	Что больше всего оказывает влияние на формирование политических взглядов?					
	А. Башкортостан			Б. Татарстан		
	башкиры	татары	русские	татары	русские	чувашы
Телевидение	67,0	63,3	70,5	72,4	69,5	81,7
Радио	19,0	17,1	17,6	25,4	26,2	37,0
Периодическая печать	36,4	27,7	33,0	35,0	40,3	39,6
Участие в политической деятельности	3,4	2,3	2,3	4,1	2,0	2,0
Мнение ближайшего окружения	18,7	18,4	17,6	19,0	19,2	15,4

Узкая и слабая социальная база национальных движений в Башкортостане объясняется низким уровнем политической ангажированности населения. Так, например, выявилось, что на формирование политических взглядов городского башкирского населения меньше всего оказывает влияние непосредственное участие граждан в политической деятельности. Доля последних, в частности, оказалась минимальной, составив, по данным опроса, всего 3,4% среди башкир, 2,3% среди татар и 2,2% среди русских. Нетрудно заметить,

что эти показатели, во-первых, тесно корреспондируют с данными о принадлежности респондентов к какой-либо из культурных или национальных организаций (клубы, ассоциации, землячества, объединения). Во-вторых, они резко контрастируют с данными о влиянии на формирование политических взглядов других факторов: влияние фактора "участие в политике" в несколько десятков раз слабее, чем влияние всемогущих средств массовой информации и в первую очередь - телевидения, которое и в Башкортостане и в Татарстане безоговорочно занимает лидирующее положение по сравнению со всеми остальными, едва ли не вместе взятыми (см. таблицу 13).

ЯЗЫКОВАЯ ЛОЯЛЬНОСТЬ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ

Камнем преткновения в понимании сути и содержания суверенизации является неоднозначный подход к проблеме государственного языка, и в частности, к количеству языков в многонациональной республике, которым надлежит придать статус государственных. Тут, пожалуй, больше всего сломано копий, выпущено полемических стрел.

Лидеры и активисты национальных движений, выступающие от имени титульной нации, естественно, исходят из глобальной идеи деколонизации и по-особому понимаемых задач национального возрождения. Принимая в расчет опыт мобилизованного лингвизма, обеспечившего победу этническим элитам в целом ряде бывших союзных республик, новые лидеры национальных движений в бывших автономных республиках Российской Федерации однозначно настроены придать статус государственного лишь языку титульной нации, имеющей, по их логике, монопольное право на построение такой национальной государственности, в которой язык титульной нации должен быть языком власти, а власть государственного языка не должна быть разделяема с другими языками. Однако мало кто задавался вопросом, насколько эта позиция разделяется представителями своей и иных национальностей.

В общественном мнении Башкортостана идея одного государственного языка решительно не находит широкой поддержки. Лишь двое из сотни опрошенных русских и только 9 человек из сотни опрошенных татар в городах республики в той или иной мере выразили свое согласие с утверждением, что башкирский язык должен рассматриваться в качестве единственного государственного языка в Башкортостане (см. таблицу 14).

В целом, сходным образом распределились мнения среди представителей 3-х национальностей в городах Татарстана, где без малого

Отношение к башкирскому языку как единственному государственному языку Башкортостана и языку гражданства республики
(в %, по данным опроса)

А. Согласны ли с утверждением, что башкирский язык должен рассматриваться в качестве единственного государственного языка в Башкортостане?			
	безусловно и скорее согласны	безусловно и скорее не согласны	затрудняются сказать
Башкиры	23,8	64,8	11,4
Татары	9,2	83,7	7,1
Русские	1,5	94,7	3,8

Б. Согласны ли с утверждением, что гражданами Башкортостана с правом на голосование могут быть только те, кто владеет башкирским языком?			
	безусловно и скорее согласны	безусловно и скорее не согласны	затрудняются сказать
Башкиры	10,3	81,4	8,3
Татары	4,4	88,9	6,5
Русские	0,1	94,8	4,2

четверть татар предпочли рассматривать татарский язык в качестве единственного государственного языка в Татарстане. Среди чувашей не нашлось ни одного человека с таким мнением, а среди русских - всего лишь 1,7% (см. таблицу 15).

Среди городских башкир без малого лишь каждый четвертый выразил полное или частичное согласие с указанным подходом. Остальная же часть выявила иной взгляд: около двух третей городских башкир выразила свое несогласие и еще каждый десятый затруднился ответить на данный вопрос (см. таблицу 14).

Потенциально возможное или же уже реализованное придание языку титульной нации статуса государственного языка оказывает сильнейшее психологическое давление на русских и представителей отдельных (нетитульных) национальностей. Человек, не владеющий государственным языком, как без крыши над головой, чувствует себя неуютно. Он, как бы соизмеряет свои возможности овладеть еще одним языком, и, предвидя немалые трудности, внутренне сопротивляется или открыто протестует.

**Отношение к татарскому языку как единственному
государственному языку Татарстана и языку гражданства
Республики Татарстан
(в %, по данным опроса)**

А. Согласны ли с утверждением, что татарский язык должен рассматриваться в качестве единственного государственного языка в Татарстане?

	безусловно и скорее согласны	безусловно и скорее не согласны	затрудняются сказать
татары	23,3	66,8	9,9
русские	1,7	95,8	2,5
чувашаи	-	90,6	9,4

Б. Согласны ли с утверждением, что гражданами Татарстана с правом на голосование могут быть только те, кто владеет татарским языком?

	безусловно и скорее согласны	безусловно и скорее не согласны	затрудняются сказать
татары	12,0	79,0	9,0
русские	2,8	93,7	3,5
чувашаи	2,5	92,9	5,0

Несколько иной подход обнаруживается к государственному языку и к тому, должен ли владеть им Президент Республики. Подавляющее большинство городских башкир, около трех четвертей татар и около двух третей русских, безусловно, или скорее согласны с тем, чтобы в законодательном порядке Президент Башкортостана свободно владел башкирским (как государственным) языком (см. таблицу 18).

Аналогичная позиция в Татарстане имеет гораздо более широкое распространение. Девять татар из десяти и каждые трое из четырех русских полагают, что в соответствии с законом Президент Татарстана должен свободно владеть татарским языком (см. таблицу 18).

Признание за Президентом как высшим должностным лицом суверенной республики гражданского (и профессионального) долга свободно владеть языком титульной нации свидетельствует о высокой степени уважительного отношения татарского и русского населения к титульным народам Башкортостана и Татарстана, их самобытным культурам, к многовековому опыту совместного проживания. Солидарность с башкирами и татарами в этом вопросе представляет собой одновременно и признание права на национальную гордость народа,

именем которого названа каждая республика, и понимание того, что представители органов управления, включая и самого главного, должны свободно владеть языком башкирского народа. Конечно, среди башкир удельный вес тех, кто, безусловно, согласен (63,2%) с тем, чтобы Президент Башкортостана свободно владел башкирским языком, больше, чем среди татар (49,2%) и среди русских (34,9%). Но, в конечном счете, если принимать в расчет совокупную долю толерантно настроенных татар и русских, разница в показателях как бы теряет свое принципиальное значение (см. таблицу 18). Более того, языковая лояльность татар и русских в отношении башкирского языка не является односторонней и безответной. Всего лишь каждый десятый башкир требует от граждан Башкортостана с правом на голосование владение башкирским языком. Подавляющее же большинство башкир (89,7%) безусловно, или скорее не согласны с тем, что для получения гражданства Башкортостана не башкирам следует овладеть башкирским языком. Сюда же относятся и те, кто затруднились дать ответ на этот вопрос (см. таблицу 18).

Таблица 16

Национальный состав групп населения с разным подходом к признанию языка титульной нации единственным государственным языком республики
(в %, по данным опроса)

Согласны ли с утверждением, что башкирский (татарский) язык должен рассматриваться в качестве единственного государственного языка Башкортостана (Татарстана)?			
А) Башкортостан			
	башкиры	татары	русские
безусловно согласны	71,7	24,8	3,4
скорее согласны	67,9	26,9	5,2
скорее не согласны	46,9	35,1	18,0
безусловно не согласны	17,1	32,5	50,3
затрудняются сказать	52,0	30,7	17,3
Б) Татарстан:			
	татары	русские	чуваши
безусловно согласны	94,0	6,0	-
скорее согласны	92,6	7,4	-
скорее не согласны	61,1	29,9	9,0
безусловно не согласны	25,7	58,8	15,5
затрудняются сказать	65,4	16,8	17,8

Таблица 17

**Национальный состав групп населения с разным подходом
к признанию гражданами республики с правом на голосование только тех, кто владеет языком титульной нации
(в %, по данным опроса)**

Согласны ли с утверждением, что гражданами Башкортостана (Татарстана) с правом на голосование могут быть только те, кто владеет башкирским (татарским) языком?

А) Башкортостан:

	башкиры	татары	русские
безусловно согласны	63,2	26,5	10,3
скорее согласны	70,7	27,6	1,7
скорее не согласны	49,9	32,2	17,9
безусловно не согласны	24,8	32,7	42,5
затрудняются сказать	44,4	33,3	22,2

Б) Татарстан:

	татары	русские	чуваши
безусловно согласны	72,7	15,9	11,4
скорее согласны	80,3	19,7	-
скорее не согласны	63,9	27,2	8,9
безусловно не согласны	33,1	52,5	14,4
затрудняются сказать	64,6	25,3	10,1

Как известно, в прибалтийских странах политическое развитие²⁴ привело к законодательному утверждению моноэтнической государственности, были приняты законы о гражданстве, согласно которым гражданами этих государств могли стать только те, кто владеет государственным языком. По итогам многих международных экспертиз, подобные законы являются дискриминационными, и вызывают осложнения в отношениях России с этими государствами, способствуют падению их престижа в мировом общественном мнении²⁵.

Языковая толерантность и понимание языковых обязанностей Президента не означает механической экстраполяции подобных установок на его этническую принадлежность. Здесь позиции башкирского населения и русских расходятся. В отличие от городских башкир, более половины которых полагают, что в соответствии с законом Президент Башкортостана должен быть башкиром по национальности, татары и русские не согласны с такой постановкой вопроса. Более того, они решительно возражают против этого. Во всяком

случае, более двух третей городских татар и преобладающее большинство русских (86.1 %) скорее и, безусловно, не согласны, чтобы Президент Башкортостана в законодательном порядке был башкиром по национальности, или же затрудняются высказаться по этому поводу (см. таблицу 18).

Таблица 18

Отношение к языку и национальной принадлежности Президента Башкортостана (Татарстана)

А) В соответствии с законом Президент Башкортостана должен:

	<u>свободно владеть</u> <u>башкирским языком</u>			<u>быть башкиром по</u> <u>национальности</u>		
	безусловно и скорее согласны	и скорее и безусловно не согласны	затрудняются ответить	безусловно и скорее согласны	и скорее и безусловно не согласны	затрудняются ответить
башкиры	87,4	8,0	4,5	58,2	29,4	12,4
татары	71,1	21,4	7,4	32,5	58,4	9,1
русские	62,7	29,2	8,2	13,9	76,5	9,6

Б) В соответствии с законом Президент Татарстана должен:

	<u>свободно владеть</u> <u>татарским языком</u>			<u>быть татариним по</u> <u>национальности</u>		
	безусловно и скорее согласны	и скорее и безусловно не согласны	затрудняются ответить	безусловно и скорее согласны	и скорее и безусловно не согласны	затрудняются ответить
татары	90,0	6,4	3,5	65,8	26,7	7,6
русские	76,5	15,1	6,2	25,6	64,3	10,2
чувашаи	72,3	15,3	12,4	17,8	66,3	15,8

Нелегким оказался этот вопрос и для самих башкир, среди которых 12,4% затруднились дать ответ и еще 29,4% высказали свое несогласие с этим в мягкой или жесткой форме (см. таблицу 18).

В Татарстане сложилась сходная ситуация, полярность мнений между титульной нацией и остальным населением оказалась выраженной в более жесткой форме: две трети татар "за" то, чтобы президент республики был татариним по национальности, в то время, как две трети русских и чувашей - "против" (см. таблицу 18).

В отличие от Башкортостана в Татарстане меньше всего сомневающийся среди татар - всего 7,6%, и особенно много среди чувашей - 15,8%. Сомнения башкир понятно: составляя всего лишь одну пятую часть населения они прекрасно понимают малообоснованность своих претензий иметь президентом обязательно человека башкирской национальности. Там же, где доля титульной нации составляет хотя

бы половину населения республики, как, например, в Татарстане, желание иметь "своего" президента представляется вполне уместными. Это и отражено в итогах опроса.

Особое значение законов о государственном языке, к сожалению, не достаточно раскрытое в литературе, состоит в разграничении и конституировании языковых прав граждан и языковых обязанностей должностных лиц. Ясно, что проблема языковой компетенции и речевого поведения должностных лиц входит в сферу жизненно важных интересов и личности, и государства. В многонациональном государстве (в т.ч. суверенной республике) эта проблема непосредственно затрагивает профессиональные интересы сотен тысяч людей. Более чем половина городских башкир считают, что в соответствии с законом люди, находящиеся на государственной службе Башкортостана, должны свободно владеть двумя языками - башкирским и русским. Такого же мнения придерживается более чем двое из пяти городских русских. Среди городских татар наиболее крупной оказалась доля тех, кто считает, что должностным лицам по закону полагается владеть тремя языками: башкирским, русским и татарским (см. таблицу 19). Иными словами, концепция башкирско-русского двуязычия в государственной сфере является доминирующей для совокупного большинства городского населения Башкортостана.

Концепция двуязычия для категории должностных лиц (госсфера) занимает доминирующее положение и в Татарстане. При этом наиболее широко этой точки зрения придерживаются представители титульной нации: 86% городских татар полагают, что в соответствии с законом люди, находящиеся на государственной службе, должны свободно владеть двумя языками - татарским и русским (см. таблицу 19). Такого же мнения придерживаются солидарные с татарами 68,4% русских. Что касается чувашского национального меньшинства, то среди них нет однозначного отношения к этому. Желанием сохранить язык своей национальности и одновременно иметь хоть какие-то перспективы для социально-профессиональной карьеры обусловлены голоса одной четверти чувашей, отданные за "только один русский язык", еще одной четверти - за три языка "татарский, русский и чувашский", и лишь 45,5% голосов за самую разумную, конституированную законом модель, состоящую из взаимодействия двух языков - татарского и русского.

Вместе с тем, в Башкортостане требуют дополнительного внимания и два других фактора, один из которых вводит в поле зрения языковые потребности татар, требующих выдвижения языка своей национальности в государственную сферу, и другой, назовем его условно "языковым эгоизмом" тех русских, для которых на втором месте (после сочетания русского и башкирского языков) оказался наиболее желательным русский язык в единственном числе (см. таблицу 19).

Таблица 19

**Отношение к языку должностных лиц республики
Башкортостана и Татарстана (в %, по данным опроса)**

А) Каким языком (языками) в соответствии с законом должны свободно владеть люди, находящиеся на государственной службе в республике Башкортостан?

	<u>только одним языком</u>			<u>двумя языками</u>		<u>тремя языками</u>	<u>трудно сказать</u>	
	<u>баш.</u>	<u>тат.</u>	<u>рус.</u>	<u>баш.+рус</u>	<u>тат.+рус.</u>			<u>баш.+тат.</u>
Башкиры	5,5	-	4,4	56,8	-	-	24,1	8,1
Татары	1,3	-	7,7	25,5	7,4	-	45,3	10,3
Русские	-	-	26,9	42,3	-	-	17,3	12,5

Б) Каким языком (языками) в соответствии с законом должны свободно владеть люди, находящиеся на государственной службе в республике Татарстан

	<u>только одним языком</u>		<u>двумя языками</u>	<u>тремя языками</u>	<u>трудно сказать</u>
	<u>татарским</u>	<u>русским</u>	<u>тат.+рус.</u>	<u>тат.+рус.+чув.</u>	
Татары	2,4	3,1	86,0	3,8	4,7
Русские	-	16,1	68,4	3,5	11,8
Чуваши	-	24,3	45,5	24,3	5,9

В таблицу не включены ответы, составившие менее 1,0%.

Если языковая лояльность и взаимная межэтническая толерантность имеют место, то они, по-видимому, могут проявляться не только по отношению к одному из многих возможных способов решения проблемы государственного языка. Не менее интересны сопоставления альтернативных вариантов. Одним из таких предложений, выдвинутых Татарским общественным Центром, и включенным в его программные документы²⁶, является требование придать статус государственного языка Башкортостана наряду с башкирским еще двум языкам - русскому и татарскому. Относительно большой удельный вес башкир, татар и русских в той или иной форме, полностью или частично, одобрявших идею государственного трехязычия, свидетельствует о стремлении этой части населения к достижению консенсуса в этом ключевом вопросе этнополитики.

Понятно, что с точки зрения финансовой стоимости и реальности одно-временное функционирование трех языков весьма проблематично. Но не менее проблематично и введение только одного из них, что неизбежно привело бы к межнациональному альянсу носителей двух других языков - против носителя государственного языка.

Идею трех государственных языков, как видно из показаний опроса, больше всего поддержали городские татары, меньше всего - башкиры. Размах вариаций, свидетельствующий о полярности их позиций по этому вопросу, составил 23,7% Промежуточную позицию заняли русские. В то время как для татар государственное трехязычие является едва ли не единственным логически допустимым шансом самоутверждения, для русских не исключены иные варианты, например, два государственных языка при сочетании русского и башкирского. Для татар, разумеется, типологически сходный вариант государственного двуязычия (башкирский + татарский) мало реален.

Таблица 20

Национальный состав групп городского населения Башкортостана, занимающих различные позиции в отношении придания статуса государственного трем языкам: башкирскому, русскому и татарскому
(в %, по данным опроса)

	башкиры	татары	русские
полностью одобряют	20,8	43,6	35,6
скорее одобряют	33,9	35,0	31,2
относятся безразлично	39,8	23,6	36,7
скорее не одобряют	46,3	19,7	33,9
категорически не одобряют	46,0	13,0	0,9

Обращает на себя внимание позиция представителей титульной нации. Удельный вес городских башкир, безоговорочно или полностью поддержавших идею трех государственных языков, почти в два раза превысил долю тех, кто "проголосовал" за башкирский язык в качестве единственного государственного языка. Важную роль здесь сыграло, конечно, не желание установить полное языковое равноправие, сколько психологическая установка на такое решение вопроса, которое не ущемляло бы ничьих национальных интересов. Насколько трехязычие, возведенное в ранг государственной языковой политики, практично и целесообразно - это уже другой вопрос.

Важно еще раз подчеркнуть наличие значительной прослойки населения среди башкир, русских и особенно среди татар, поддерживающих идею государственного трехязычия. Во всяком случае среди тех, кто "полностью одобряет" и "скорее одобряют" эту идею соответственно 43,6% и 35,0% составили лица татарской национальности (см. таблицу 20).

Особого анализа заслуживают этнополитические аспекты языковых самооценок и выраженных установок татарского населения Башкортостана. Опрос показал, что по многим политизированным аспектам языковой жизни установки татар занимают промежуточное, хотя и не всегда строго среднее положение между установками башкирского и русского населения, тяготея, как правило, то к одним, то к другим, в зависимости от ситуации, сферы употребления языков и соотношения языковых прав граждан и языковых обязанностей должностных лиц. Так, например, по вопросам о башкирском языке как единственном государственном о необходимости владеть башкирским языком, чтобы иметь гражданство Башкортостана, о необходимости Президенту суверенного государства Башкортостана свободно владеть башкирским языком или быть башкиром по национальности, позиции городских татар близки позициям городских русских.

Действительно, формирование языковых установок татар в Башкортостане происходит в довольно сложном положении. С одной стороны, с башкирами их связывает родственная этноязыковая и этноконфессиональная принадлежность, с другой - над ними висит угроза башкиризации, как это было в определенные периоды истории их межкультурных взаимоотношений.

Политизация проблемы языка, введение его в сферы государственного управления, делопроизводства, науки, культуры, образования, - все это вольно или невольно создает преимущества носителям государственного языка, ущемляет интересы тех, кто ими не является, поляризуя установки представителей первых и вторых. В другом случае, когда речь идет о необходимости овладения языком титульной нации в свободном режиме, без законодательного установления и правительственного "давления", конфронтация между национальностями также не сглаживается, размах вариации между полярными позициями не сокращается. Так, например, каждый десятый русский и 16.8% татар считают, что все лица, проживающие в Башкортостане, должны свободно владеть башкирским языком (см. таблицу 21).

Размах вариации, а, следовательно, и полярность позиций между башкирами и русскими достигает 24,7%, т.е. такой же величины, как и в случае с тем, когда от Президента Башкортостана требуется свободное владение башкирским языком (см. таблицы 18 и 21).

Чрезвычайно показательно в этом вопросе (в сравнении с Башкортостаном) мнение национальностей Татарстана. Здесь уже не одна треть (как среди башкир в соседней республике), а каждый второй татарин считает, что все лица, проживающие в Татарстане, должны свободно владеть татарским языком и не каждый десятый, а каждый пятый русский также согласен с этой установкой.

Таблица 21

**Отношение к необходимости свободного владения языком
титульной нации всем жителям Республики независимо
от их национальной принадлежности**
(в %, по данным опроса)

А) Должны ли все лица, проживающие в Башкортостане, свободно владеть башкирским языком?

	да	нет	трудно сказать
Башкиры	34,8	47,4	17,9
Татары	16,8	65,1	18,1
Русские	10,1	79,1	10,8

Б) Должны ли все лица, проживающие в Татарстане свободно владеть татарским языком?

	да	нет	трудно сказать
Татары	52,0	31,9	16,1
Русские	21,3	57,4	21,3
Чуваши	14,4	62,9	22,8

Вывод очевиден: чем крупнее доля титульной национальности, тем естественнее для нее самой и для представителей других национальностей, и, прежде всего, для русских, понимание необходимости владеть ее языком.

**ВОЗРОЖДЕНИЕ ЯЗЫКОВ.
ПОТРЕБНОСТИ. РЕЙТИНГИ. ПЕРСПЕКТИВЫ.**

Усиленное внимание к проблемам государственного языка со стороны лидеров этнополитических организаций, обильные газетно-журнальные публикации, уже проявившие себя результаты "войны законов" о языках, положившие начало распаду СССР, - эти и другие факторы катализировали общественное мнение россиян, подвели граждан к осознанию необходимости свободного владения и рационального употребления языка своей национальности в различных сферах общественной жизни. Возникло стремление более четко, чем прежде, определить соотношение между "спросом" и "предложением" на каждый из языков в случае их попеременного или параллельного употребления. При этом сами отношения между языками характеризовались в разных терминологических системах достаточно широко: от сотрудничества до конкуренции.

Одной из наиболее наглядных сфер языкового взаимодействия (распределения функциональной нагрузки языков) являются средства

массовой коммуникации. Именно к этой сфере чаще обращается национальное самосознание, сюда адресуются претензии, когда имеют место случаи языковой дискриминации. И, размышляя на тему о том, достаточно или недостаточно ведутся радио- и телепередачи на языке своей национальности, печатаются газеты и журналы, выпускаются книги, создаются и дублируются фильмы, люди вольно или невольно сравнивают взаимодействие языков по различным параметрам, в том числе по продолжительности передач в эфире, по количеству наименований книг, их тиражности и т.д.

До начала перестроечных процессов средства массовой коммуникации Башкортостана и Татарстана работали преимущественно на русском языке. Ясно, что потребности лиц не русской национальности не удовлетворялись полностью. Это и было использовано лидерами башкирского и татарского национальных движений для закладки фундамента под свои политические программы, первоначально ориентированные преимущественно на культурно-языковые ценности. О ценностях - разговор особый. Однако предварительно можно заметить, что осознание, ощущение и понимание национальных интересов в области языка и культуры не совсем и не всегда совпадали у лидеров, политиков, экспертов и более широких народных масс. Кроме того, финансовые и технологические возможности не всегда позволяли быстро переключиться с одного языка на другой.

Именно поэтому весной 1993 г. в Башкортостане лишь для немногим более четверти городских татар количество радио- и телепередач на татарском языке осознавалось достаточным, остальные три четверти татар были не удовлетворенными количеством радио- и телепередач на татарском языке.

Большинство русских (не менее трех четвертей городских жителей) существующее положение дел, т.е. количество радио и телепередач вполне устраивало. Размах вариации между крайними группами "удовлетворенных" среди русских и татар составил 47% (см. таблицу 22).

Однако складывается впечатление, что, как бы ни достаточно было своего языка, его все равно мало. Удельный вес опрошенных среди всех трех национальностей Башкортостана, отметивших полный или частичный недостаток радио- и телепередач на языке своей национальности, оказался выше, чем доля информаторов этой же национальности, признавших недостаточными передачи на инациональном языке. Подобной национальной интравертности не избежали даже русские, которым, казалось бы, не было никаких оснований быть обиженными на "количество" русскоязычных радио- и телепередач (см. таблицу 22).

Что касается татар и башкир, то они, остро ощущая недостаток передач на языке своей национальности, одновременно взаимно оце-

Потребности в использовании языков своей и несвоей национальности в работе средств массовой коммуникации Башкортостана (в %, по данным опроса)

А. Достаточно радио- и телепередач				
	на языке своей национальности	на других языках		
		на татарском	на башкирском	на русском
Татары	27,7	-	54,0	88,8
Башкиры	41,1	37,3	-	86,4
Русские	74,7	53,6	73,3	-

Б. Не достаточно и не вполне достаточно				
	на языке своей национальности	на других языках		
		на татарском	на башкирском	на русском
Татары	59,0	-	30,8	7,1
Башкиры	51,9	29,0	-	8,9
Русские	20,7	10,7	6,1	-

нивали как недостаточные передачи как на башкирском, так и на татарском языках, по крайней мере, в сравнении с русскоязычными передачами. По мнению городских татар, в частности, передач на башкирском языке в 4,3 раза больше, чем на русском, а, по мнению башкир, недостаток передач на татарском в 3,2 раза больше, чем на русском (см. таблицу 22).

Осенний опрос в Татарстане позволил выявить картину, во многом сходную с Башкортостаном. Двое из пяти татар и почти трое из четверых русских были вполне или полностью удовлетворены количеством телепередач (см. таблицу 23). Серьезного внимания требуют потребности чувашского национального меньшинства, среди которого в городах лишь 4,9%, т.е. только каждый двадцатый удовлетворен наличием передач на чувашском языке. Три четверти представителей городских чувашей считают себя обиженными. Работа средств массовой информации на чувашском языке их не устраивает. Видимо, руководству республики имеет смысл серьезно заняться не только улучшением ретрансляций передач из Чебоксар, но и организацией обеспечения на чувашском языке непосредственно из Казани.

При сопоставлении перспектив функционального развития каждого из трех языков важен учет не количества "голосов", поданных за каждый из них, а взаимная оценка шансов каждого из них. При таком подходе и обнаруживается, что в Башкортостане, к примеру, наилучшими представляются шансы татарского языка. Самооценка "изнутри"

и "извне" совпали. Как сами татары, так и башкиры с русскими, оказались единодушными в оценке недостаточности радио- и телепередач на татарском языке.

Таблица 23

**Потребности в использовании языков своей и несвоей
национальности в работе средств массовой коммуникации
Татарстана (в %, по данным опроса)**

А. Достаточно радио- и телепередач				
	на языке своей национальности	на других языках		
		на татарском	на русском	на чувашском
Татары	39,4	-	84,2	10,9
Русские	72,8	60,6	-	6,8
Чуваши	4,9	75,2	76,2	-

Б. Не достаточно и не вполне достаточно				
	на языке своей национальности	на других языках		
		на татарском	на русском	на чувашском
Татары	47,1	-	20,2	9,6
Русские	8,8	6,3	-	7,1
Чуваши	73,7	7,5	15,8	-

В. Затрудняюсь ответить				
	на языке своей национальности	на других языках		
		на татарском	на русском	на чувашском
Татары	13,5	-	7,1	85,5
Русские	7,1	33,0	-	86,2
Чуваши	15,3	17,3	7,9	-

Суверенизацию важно оценивать не только с позиций того, что уже свершилось, но и с позиций дальнейших предъявляемых ей ожиданий. При этом оценка должна быть привязана к реальной стороне жизни и доступной для понимания большинством населения. Таким, в частности, является вопрос о роли языка каждой из национальностей в социально-профессиональной карьере: поможет или не поможет знание башкирского, татарского, чувашского или русского языков получить высокооплачиваемую или престижную работу в суверенном Башкортостане или Татарстане.

Перед тем, как оценивать итоги этого, назовем его рейтинговым, голосованием, имеет смысл обратить внимание на распределение сомнений в размышлениях на заданную тему. Больше всего затруднений при ответе на этот вопрос испытали городские башкиры и татары

оценивая перспективы языков друг друга. Соответственно 39,8% и 34,4% опрошенных оставили этот вопрос без ответа.

В Татарстане этот вопрос также оказался трудным для ответа, и в первую очередь, для чувашского меньшинства, две пятых которых не взялись судить о татарском и четверть - о русском языках. Самооценки татарского и русского городского населения по рейтингу своего языка и языка-партнера оказались близкими. Так, например, среди горожан-татар 39,5% назвали перспективным татарский, а 35,1% - русский языки, среди горожан-русских соответственно - 40,2% и 30,6%. Иными словами, современное положение и статус, а, следовательно, и возможности функционального развития татарского языка в Башкортостане и чувашского в Татарстане, а также перспектива их более широкого использования весьма проблематичны.

Таблица 24

Рейтинги перспективности языков в сфере социально-профессиональной мобильности в оценках городского населения Башкортостана и Татарстана
(в индексах*, по итогам опроса)

А) Знание языков поможет получить высокооплачиваемую или более престижную работу в Башкортостане

	Знание языка своей национальности	Знание языка другой национальности		
		татарского	башкирского	русского
Татары	0,4	-	0,5	1,5
Башкиры	1,0	0,2	-	2,8
Русские	1,6	0,1	0,4	-

Б) Знание языков поможет получить высокооплачиваемую или более престижную работу в Татарстане

	Знание языка своей национальности	Знание языка другой национальности	
		татарского	русского
Татары	1,4	-	1,2
Русские	0,9	1,5	-
Чуваши	-	1,6	3,2

*Индекс рейтинга языка = $\frac{\% \text{ положительных ответов}}{\% \text{ отрицательных ответов}}$

*Индекс рейтинга языка =

%

С точки зрения "спутника" и "помощника" социально-профессиональной карьеры, наиболее высоким в общественном мнении представителей всех трех национальностей в Башкортостане оказался рейтинг

русского языка. Это подтвердилось в самооценках как языка своей, так и иной национальности (см. таблицу 24).

Самую высокую самооценку позволили себе русские, почти половина из которых указала, что знание русского языка окажется полезным для получения более высокооплачиваемой или более престижной работы. Несколько хуже оценили русские шансы башкирского и совсем низко - татарского языков. Разница между самооценкой и инооценкой в первом случае составила 25,5%, во втором - 38,5%. Разрыв оказался весьма значительным. Бесперспективность функционального расширения татарского языка относительно хорошо понимают и осознают сами городские татары, установившие языку своей национальности самую низкую планку, оценив при этом шансы русского языка в два раза выше, чем шансы башкирского и почти в полтора раза выше, чем шансы татарского языка.

Весьма реалистичными оказались распределения самооценок и инооценок среди башкир, оценивших шансы своего языка ниже русского (с разрывом в 19,6%) и значительно выше, чем татарского - (с разрывом в 42,1%). В Татарстане рейтинг татарского языка был оценен хоть и не намного, но все же выше, чем рейтинг русского языка, как самими татарами, так и русскими. Чуваши отдали свои предпочтения русскому языку (см. таблицу 24).

Таблица 25

Отношение к языку обучения своих детей в школах Башкортостана*
(в %, по данным опроса)

	Желательно обучать своих детей в школе (сейчас или в будущем).						
	<u>только на одном языке</u>			<u>на двух языках</u>			<u>на трех языках</u>
	баш.	тат.	рус.	баш.+рус	тат.+рус.	баш.+тат.	
Башкиры	8,1	-	6,6	62,8	4,0	11,8	12,0
Татары	-	3,3	13,0	9,6	38,1	-	25,0
Русские	-	-	54,1	28,3	3,4	-	6,6

* В таблицу не включены сведения о башкирах (5,6%), русских (7,6%) и татарах (8,7%), затруднившихся дать ответ на поставленный вопрос, а также ответы, составившие менее 1 - 2,0 % опрошенных.

В Башкортостане и башкирам и татарам оптимальным вариантом обучения детей в школе представляется сочетание языка своей национальности с русским языком, русские предпочитают обучать детей в школах с русским языком обучения. К сожалению, масштабы "электоратов" всех трех моделей - башкирско-русской, татарско-русской и русской - не совпадают (см. таблицу 25). Отсюда следует, что

правительству Башкортостана необходимо всерьез думать о дифференцированном подходе к формированию и проведению в жизнь школьной политики с учетом ее языкового аспекта. При этом особого внимания заслуживает башкирско-русская модель, за которую, кроме башкир, отдали свои предпочтения более четверти русского населения и почти каждый десятый татарин (см. таблицу 25).

Таблица 26

**Отношение к языку обучения своих детей в школах Татарстана
(в %, по данным опроса)***

	Желательно обучать своих детей в школе (сейчас или в будущем):						
	<u>только на одном языке</u>			<u>на двух языках</u>		<u>на трех языках</u>	
	тат.	рус.	чув.	тат.+рус.	чув.+рус.	тат.+чув.	
Татары	7,3	4,5	-	83,6	-	-	-
Русские	-	31,0	-	61,4	-	-	-
Чуваши	-	41,6	2,5	11,9	14,9	1,5	23,8

* В таблицу не включены сведения о татарах (3,4%), русских (4,5%) и чувашах (4,0%), затруднившихся дать ответ, а также ответы, составившие менее 1-2,0% опрошенных.

В Татарстане концепция татарско-русского двуязычия в сфере языка школьного обучения имеет более широкую социальную базу и более устойчивые корни, чем в соседнем Башкортостане. Судя по тому, что подавляющее большинство татар (83,6%) и значительное большинство русских (61,4%) выразили желание обучать своих детей на двух языках (татарском и русском). Указанная модель взаимодействия языков является устойчивой.

Вместе с тем, в Татарстане сложилась непростая ситуация с чувашским меньшинством. Только каждый десятый из числа городского чувашского населения считают желательным для своих детей сложившуюся и пользующуюся наиболее широкой поддержкой татарского и русского населения двуязычную татарско-русскую модель. Основная же масса чувашей более приемлемым считает для себя иные модели языка школьного обучения: в том числе каждые двое из пяти (даже больше, чем среди самих русских) хотели бы обучать своих детей только на русском, еще четверть - проголосовала за обучение на трех языках (татарском, русском и чувашском) и, наконец, 14,9% чувашей избрали сочетание татарского и чувашского (см. таблицу 26).

За обязательное преподавание башкирского языка во всех школах Башкортостана с большей или меньшей долей уверенности высказалось около двух третей городских башкир, одна треть татар и немногим более одной четверти русских (см. таблицу 27).

Таблица 27

**Отношение к преподаванию башкирского и татарского языков
во всех школах Башкортостана в качестве обязательного предмета
(в %, по итогам опроса)***

Согласны ли с тем, чтобы во всех школах Башкортостана преподавались в качестве обязательного предмета?

	<u>башкирский язык</u>		<u>татарский язык</u>	
	безусловно и скорее согласны	скорее и безусловно не согласны	безусловно и скорее согласны	скорее и безусловно не согласны
Башкиры	62,3	28,4	15,3	64,9
Татары	34,1	35,9	35,3	52,0
Русские	28,9	63,6	7,9	80,2

* В таблицу не включены сведения о затруднившихся ответить на эти вопросы башкирах (9,3 и 19,7%), татарах (10,4 и 12,7%) и русских (7,5% и 11,9%).

Аналогичные пожелания в отношении татарского языка оказались гораздо скромнее, в том числе среди башкир в 4 раза, среди русских - в 3,6 раза. Более того, голоса самих татар в поддержку башкирского и татарского языков оказались равномерно распределенными. Удельный вес татар, скорее и, безусловно, не согласных с преподаванием татарского языка в качестве обязательного предмета во всех школах Башкортостана, превысил в полтора раза долю в той или иной степени согласных с таким подходом (см. таблицу 27).

Таблица 28

**Отношение к преподаванию татарского и русского языков во всех
школах Татарстана в качестве обязательного предмета
(в %, по итогам опроса)***

Согласны ли с тем, чтобы во всех школах Татарстана преподавались в качестве обязательного предмета?

	<u>татарский язык</u>		<u>русский язык</u>	
	безусловно и скорее согласны	скорее и безусловно не согласны	безусловно и скорее согласны	скорее и безусловно не согласны
Татары	80,2	14,8	88,6	8,0
Русские	58,8	32,4	91,2	5,8
Чуваши	30,7	58,0	93,6	1,5

* В таблицу не включены сведения затруднившихся дать ответ на указанные вопросы: соответственно 4,9% и 3,4% татар, 8,7% и 3,1% русских и 11,4% и 5,0% чувашей.

Можно полагать, что установка на преподавание башкирского языка в качестве обязательного предмета корреспондирует с установкой на модель самой школы. Видимо, этим, в частности, объясняется совпадение числа "голосов" русских, поданных за обучение на двух языках (русском и башкирском) и за введение преподавания башкирского языка в качестве обязательного предмета. Не лишены логики и внутренней согласованности установка и позиция башкирского населения в отношении татарского языка. Во всяком случае, по 12,0% башкирских "голосов", поданных за обучение в каждом из двух типов школ - двуязычных (башкирско-татарских) и трехязычных (башкирско-русско-татарских), вполне согласованы с 15,3% башкир, безусловно, или скорее согласных с преподаванием татарского языка в школах Башкортостана в качестве обязательного предмета (см. таблицу 27).

Устойчивое положительное отношение населения Татарстана к татарско-русской модели двуязычия прекрасно подтверждается одобрением подавляющего большинства татар и русских включения каждого из двух языков - и татарского и русского - в число обязательных предметов школьной программы (см. таблицу 28). И снова, как и во многих других языковых ситуациях, свою "особую" точку зрения проявили чуваша, среди которых лишь 30,7% в той или иной мере согласны с тем, чтобы татарский язык преподавался в качестве обязательного предмета (см. таблицу 28).

Потребности функционального развития языка осознаются и выражаются не только применительно к конкретным сферам их применения, но и там, где языки имеют одновременно и прикладное, и символическое значение.

Среди принятых в 1989-1990 гг. языковых законов, почти нет такого, в котором не упоминались бы требования маркировки наименований улиц, площадей, дорог и других мест на государственном языке.

Две трети башкир в городах Башкортостана высказались за то, чтобы названия улиц были написаны одновременно на двух языках: башкирском и русском. Лишь для каждого десятого более предпочтительными были бы названия, написанные только по-башкирски.

Применение двух языков в написании названия улиц устраивало многим более половины русских и одну треть татарского населения. Около четверти русских и 12,3% татар считают вполне достаточным и такое положение, когда наименования улиц обозначены только на русском языке (см. таблицу 29).

Понимая нереальность единоличного (монопольного) использования татарского языка в названиях улиц более четверти городских татар

вполне приемлемым и наиболее удобным после башкирско-русской модели считают вариант трехязычия, когда названия улиц написаны на трех языках: башкирском, татарском и русском (см. таблицу 29).

Таблица 29

**Отношение к языку (языкам) названий улиц в своем городе
(в %, по данным опроса)***

А) На каком языке (языках) должны быть написаны названия улиц в городах в Башкортостане?							
	<u>только на одном языке</u>			<u>на двух языках</u>			<u>на трех языках</u>
	баш.	тат.	рус.	баш.+рус.	тат.+рус.	баш.+тат.	
Башкиры	6,7	9,1	-	62,3	2,1	-	13,2
Русские	23,0	-	-	54,7	2,2	-	16,5
Татары	12,3	-	-	35,3	14,0	-	27,2

Б) На каком языке (языках) должны быть написаны названия улиц в городах в Татарстане?							
	<u>только на одном языке</u>			<u>на двух языках</u>			<u>на трех языках</u>
	тат.	рус.	чув.	тат.+рус.	чув.+рус.	тат.+чув.	
Татары	5,6	2,8	-	84,8	-	-	-
Русские	-	11,8	-	81,5	-	-	2,5
Чуваши	-	53,5	-	28,2	-	-	10,9

* В таблицу по Башкортостану не включены сведения о затруднившихся ответить на поставленный вопрос русских (3.3%), башкирах (5.3%) и татарах (7.4%), а также ответы, не превышающие 1-2.0 %; по Татарстану - татар (4,9%), русских (3,7%) и чувашей (4,0%), а также ответы, не превышающие 2,0%.

СУВЕРЕНИЗАЦИЯ "ДЛЯ СЕБЯ" И НЕ "ДЛЯ СЕБЯ"

Как уже отмечалось, понятие суверенитета относительно. Даже в обществах с устоявшейся демократией нет общепризнанных определений. Тем более трудно выделить важнейшие реквизиты в переходном обществе с его мучительными попытками трансформироваться и перейти от тоталитаризма к демократизму. Не имея точно выраженных ориентиров, не располагая взвешенной информацией о понимании значения этих ориентиров, приходится продвигаться к сути происходя-

щих преобразований буквально на ощупь, прибегая к помощи описательных и вспомогательных показателей.

Таблица 30

**Отношение к провозглашению независимости
соседней республики (в %, по итогам опроса)**

А) Как относятся в Башкортостане к провозглашению независимости Татарстана?

	одобряют	не одобряют	безразличны	затрудняются ответить
Русские	15,0	30,2	37,1	17,7
Башкиры	47,4	7,6	29,5	15,5
Татары	63,4	8,9	17,1	10,7

Б) Как относятся в Татарстане к провозглашению независимости Башкортостана?

	одобряют	не одобряют	безразличны	затрудняются ответить
Татары	51,8	4,2	30,0	14,0
Русские	15,4	13,7	49,9	21,0
Чуваши	12,3	8,0	59,9	19,8

Такие показатели залегают в различных сферах жизни - от экономики и государственного устройства до гражданских и семейных отношений, - затрагивают как конституционные, так и личностные аспекты, формируемые каждым человеком "для себя" и "для соседа". Так, например, относительно сдержанно реагируя на суверенизацию Башкортостана, татарское население в городах этой республики более решительно, чем городские башкиры и особенно русские, поддержали провозглашение независимости соседнего Татарстана (см. таблицу 30).

Русское и чувашское население Татарстана, "вкусив" плоды суверенизации у себя дома, подавляющим большинством "не одобрили", отнеслись "безразлично" или "затруднились ответить" к провозглашению суверенитета соседнего Башкортостана. Доля лиц, одобряющих суверенитет соседнего Башкортостана, среди татар выше, чем среди русских, и в 4,2 раза выше, чем среди чувашей (см. таблицу 30).

* * *

Итак, эмпирические данные об этнополитической действительности создают впечатление, что о суверенизации бывших автономных республик РСФСР сказано и написано²⁷ гораздо больше, чем сделано

и осмыслено. В немалой мере это объясняется крайне противоречивыми последствиями суверенизации, неадекватными решениями правящих кругов по реализации суверенитета, неоднозначной оценкой ее итогов различными слоями и группами населения, ситуативным проявлением элементов возрождения национальной культуры и языков, случайным набором демократических элементов, несовпадением того, что ожидали и что получили люди от суверенитета своей республики, обнажением истинных целей инициаторов суверенизации и явным несовпадением манифестированных и реализованных замыслов.

Едва ли не самым сильным итогом суверенизации стали подъем национального самосознания и раскрепощение человека. Однако обретенная свобода без руля, ветрил и правил обернулась не только благом, но и бедами: ухудшением межнациональных отношений, ростом преступности, спадом экономики, дисбалансировкой общественной жизни, расколом общества, деградацией личности, сопровождаемой люмпенизацией²⁸.

Суверенизация разрушила воздвигнутый декларируемый прошлым строем монолит общества и привела к такой плюрализации, при которой выплеснулись на улицу старые и новые меж- и внутринациональные претензии и противоречия, всплыли неординарные внутри- и межклассовые распри.

Этносоциологическое изучение итогов суверенизации не случайно выявило, что, во-первых, эти итоги воспринимались далеко неоднозначно различными группами населения, в том числе представителями различных национальностей, во-вторых, сами плоды суверенизации в разных республиках созревали далеко не в одно и то же время. Да и плоды, похоже, были с разных деревьев.

Ясно, что путь, пройденный республиками под флагом суверенизации, исключает тривиальное возвращение на нулевые предперестроечные позиции и надежду на восстановление прежних социалистических порядков. Совершенно очевидно и наличие разных подходов к пониманию сути, содержания, ключевых вопросов суверенизации со стороны разных национальностей. Исключительно ценными, в частности, представляются выявленные опросом данные, во-первых, о том, что в Башкортостане среди башкир есть группы людей, отрицательно оценивающих суть, содержание, пределы и итоги национального возрождения, а среди русских и татар этой республики, наоборот, есть убежденные сторонники истинного башкирского возрождения, во-вторых, о том, что сторонники демократизации распределяются не по национальной линии, а по оси реальных политических и экономических преобразований. В отличие от башкир титульные татары гораздо более решительно настроены углублять суверениза-

цию "по-татарски". Сам процесс суверенизации Татарстана оказал консолидирующее влияние на самосознание татар.

Вместе с тем, наличие "своей" истины у различных групп населения, своего видения хода, механизмов и итогов суверенизации побуждает воспринимать новый плюрализм, как уже сложившуюся реальность.

Реализация суверенитетов выявила, что в отдельных случаях сущность национального возрождения, воспринималась не как демократизация и социально-культурно-языковое развитие национальностей, а как борьба за власть и создание моноэтнических государств, борьба за распределение и перераспределение собственности в пользу "суверенизирующейся" нации, борьба за создание приоритетов в пользу одной нации за счет и подчас в ущерб представителям других национальностей.

Имеется немало признаков того, что дальнейшая суверенизация в рамках концепции "национального возрождения" будет способствовать разладу между интересами личности и интересами группы. В итоге, возможно, будут иметь место болезненные процессы двойной маргинализации (по этнической и государственной линиям) как среди представителей титульных национальностей, так и среди русских, особенно там, где русским грозит остаться в демографическом меньшинстве.

Каждая из составляющих суверенизации - и национальное возрождение, и раскрепощение личности, по-своему предъявили заявки на переоценку ценностей, в том числе продиктовали спрос на новое видение прошлой истории, и оценке роли народов в ней. И не стоит удивляться, что, например, в оценке роли русских, а точнее русской культуры, в оказании помощи другим народам, в том числе в развитии их национальных культур, общественное мнение поляризовалось не только в межнациональном, но и во внутринациональном планах.

Не случайно, что признавая такую помощь в принципе, одна треть городских башкир уклончиво ответила "... далеко не всем народам и не во всех областях", а каждый десятый башкир высказал свое убежденное "нет", выявив тем самым прямо противоположную позицию в оценке этого феномена с позиций 28% тех башкир, которые дали ему положительную оценку.

Одним из фундаментальных выводов проведенного исследования является вывод о слабой и узкой социальной и демографической базе национальных движений. Предварительно можно полагать, что те этнополитические группировки, что выступают от имени народа и выдают себя за национальное движение, действительно отражают назревшие проблемы социально-культурного и языкового развития своих народов. Однако ограниченные масштабы их деятельности, слабая вовлеченность широких масс позволяют, во-первых, квалифицировать эту

деятельность как тренинг политических активистов, а сами общественные организации как резервуар для пополнения рядов официальных политиков и их официальных оппонентов, во-вторых, наличие таких общественных организаций (национальных движений) поставляет удобную аргументацию республиканским лидерам в их борьбе с Центром за расширение республиканского суверенитета и за получение более обширных полномочий по самоуправлению. Закономерно, что именно в тех республиках, где национальные движения особенно сильны, там и официальные власти добились от Москвы наибольших уступок. Приложение к Федеративному договору от Республики Башкортостан (от 31 марта 1992 г.)²⁹ и Договор Российской Федерации и Республики Татарстан "О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан" (30), подписанный 17 февраля 1994 г., - красноречивые тому подтверждения. Опрос показал, что лидеры этнополитических организаций не выполнили свою задачу по консолидации своих рядов на внутриэтнической основе, а официальные элиты не смогли добиться консолидации нации в общегражданском смысле. Ни национальная, ни гражданская идеи не стали такой доктриной, которую разделяло бы большинство титульной нации или большинство населения суверенной республики.

Исследование межнациональных отношений на личностном уровне позволило выявить наличие глубоких корней взаимной толерантности людей с различной этнической, языковой, конфессиональной и социально-профессиональной принадлежностью. Суверенизация подвергла ее суровому экзамену и даже поколебала в ряде случаев, но не смогла разрушить. Ограничимся из итогов опроса только одним примером.

Вопреки ожиданиям многих, вопреки прогнозам экспертов, ангажированных с того или иного крыла правящих элит или оппозиции, почти трое из четверых татар и двое из троих русских согласились с тем, что в соответствии с законом Президент Башкортостана как высшее должностное лицо должен свободно владеть башкирским языком, т.е. языком народа, именем которого названа суверенная республика Башкортостан. При этом половина татар и треть русских поддержали эту идею в "безусловной", категоричной форме. Не в меньшей мере и столько же неожиданной оказалась "ответная" реакция башкирского населения, подавляющее большинство которого (89.7%) не потребовало от граждан Башкортостана небашкирской национальности обязательного знания башкирского языка. В соседнем Татарстане указанные установки, хотя и оказались со своим особым привкусом, но все же совпали с установками населения со-

седней республики. Нельзя не напомнить, в частности, что около трех четвертей русских и чувашей согласились с тем, что президент Татарстана в соответствии с законом должен свободно владеть татарским языком. И также, как башкиры в соседнем Башкортостане, титульное татарское население не потребовало от не-титульного населения обязательного знания татарского языка, чтобы иметь право на получение гражданства Татарстана.

Выявленная опросом взаимная толерантность, распределенная, как было показано выше, в целом ряде таблиц, по конкретным сферам приложения башкирского и татарского языков, имеет исключительно важное значение.

Прежде всего, она свидетельствует о наличии в общественном мнении республики готовности и серьезных предпосылок для сохранения межнационального мира и согласия, сохранения политической стабильности, несмотря на многонациональный состав республик и разное понимание национальностями сути и задач суверенизации.

Сегодня мало кто отрицает, что одной из наиболее острых является проблема национальной школы. Прежние попытки создавать универсальные модели для всех народов и всех республик, как правило, вели в тупик. Национальная школа и сегодня у всех на слуху. И, похоже, что выход, скорее, может быть подсказан самими народами, чем ломающими себе головы экспертами и специалистами в области школьной политики.

Для городов Башкортостана этот выход оказался на путях создания различных моделей школы, в соответствии с потребностями и желаниями самих народов. Респонденты убежденно выбрали не одну, а, по крайней мере, по 3 разные модели для башкир (башкирско-русская (62,8%), башкирско-татарская (11,8%), башкирско-русско-татарская (12,0%), и для татар (татарско-русская (38,1%), башкирско-русско-татарская (25,0%) и русская (13,0%), и две модели для русских (русская (54,1%), и башкирско-русская (28,3%).

При этом имеет смысл подчеркнуть, что наибольшее число голосов (суммарно) собрала модель такой школы, в которой обучение детей должно вестись на башкирском и русском языках. В этом особенно сошлись позиции башкир и русских. Однако, если правительство сконцентрирует свое внимание только на этом типе школ, и оставит без внимания другие, например, татарскую школу, то вряд ли такая школьная политика будет отвечать чаяниям татарского населения и углублению межнационального согласия.

В Татарстане с его двухполюсным модусом межнациональных отношений выбор моделей языка школьного обучения оказался менее вариативным. Большинство лиц татарской и русской национальности "согласились", чтобы школа была татарско-русской. Что касается

"обиженных" чувашей и их неутоленность школьной политикой, выраженной в желании иметь или только "русскую", или "татарско-русско-чувашскую", но не татарскую и лишь на худой конец - татарско-русскую, то от руководства республики, бесспорно, требуется дополнительная чуткость и внимание к чувашскому национальному меньшинству.

Какую бы грань общественной жизни ни взять, везде обнаруживается наличие 4-х заинтересованных сторон: политиков, представленных сотрудниками государственных органов и внедряющих правила игры из официальной доктрины, лидеров национальных и иных общественных движений, оказывающих давление на официальную политику, независимых и зависимых экспертов, предлагающих как независимые, так и "заказные" оценки ситуации и разработанные предложения, и собственно населения, ждущего от всех первых трех участников политической драмы лучшего обустройства своей жизни. Задача аналитиков состоит в том, чтобы найти такую равнодействующую между интересами выделенных компонентов, которая в разумных пределах устраивала бы каждую из сторон. При этом нужна величайшая осторожность при выработке практических рекомендаций, таких рекомендаций, которые отдавали бы предпочтение консенсусным и эволюционным, а не эгоистическим и революционным методам воплощения суверенизации.

В конечном счете, плоды суверенизации, если и не исключают возврата к прежнему тоталитаризму, то, по крайней мере, уменьшают такую вероятность и побуждают думать о выборе того нового, что еще предстоит сделать.

Сравнительный анализ самооценок плодов суверенизации гражданами двух соседних республик позволил дать срез этнополитической ситуации и выделить повторяющиеся тенденции. Типологически сходное распространение мнений представителей титульной национальности и русских в городах двух соседних республик, дало возможность сделать вывод о наличии определенных, повторяющихся и тут и там тенденций. Суть этих тенденций в том, что чем выше оценка плодов суверенизации лицами титульной национальности, тем заметнее несовпадение во взглядах между титульным и русским населением. Одна и та же тенденция, повторенная в двух республиках, дает основание видеть в ней некую закономерность, имеющую, на наш взгляд, огромное значение.

Без знания закономерностей вряд ли возможно достижение одной из целей науки - прогнозирования. И если справедлива обратная зависимость между плодами суверенизации и углублением дезинтеграции, любой политик может самостоятельно извлечь для себя уроки и получить ответ на вечный вопрос - что делать? Конечно, характеризуя

выявленные этнополитические параллели двух республик, мы сумели обозреть лишь надводную часть айсберга, т.е. практически лишь то, что лежит на поверхности и фиксируется в откровенных установках граждан. К сожалению, за пределами внимания пока еще остались более глубинные вещи - факторы, предопределяющие декларируемые установки, и институты, насаждающие их. Поэтому к сделанным в данном и в последующих трех очерках выводам и обобщениям надо отнестись с известной осторожностью, принимая незавершенность сделанного в них анализа.

- ¹ Губогло М.Н. Что такое этнополитология // Союз, 1990. №26. С. 6-7; его же: От корней до кроны. Задачи изучения этнополитических ситуаций // Гражданские движения в Таджикистане. М., 1990. С. 5-12.; его же: Предпосылки изучения современной этнополитической ситуации в СССР // Национальные процессы в СССР. М., 1991. С. 5-42.; его же: О задачах этнополитологической антропологии // Этнополитическая мозаика Башкортостана. М., 1993. Т. 3. С. 17-32.
- ² Новейшую библиографию о суверенизации Башкортостана, насчитывающую более 2 тыс. названий и охватывающую события 1989-1992 гг. см.: Этнополитическая мозаика Башкортостана, т. II. Башкирское национальное движение. М., 1992. С. 252-336.
- ³ Освещение новейших тенденций в этнополитическом развитии Татарстана см., например: Межэтнические и меконфессиональные отношения в Республике Татарстан. Материалы научно-практической конференции, состоявшейся 9 июня 1993 г. в г. Казани, ч. I. Казань, 1993, ч. II. Казань, 1993. С. 256.
- ⁴ Первая пилотажная этносоциологическая экспедиция по проекту "Оптимизация социально-культурного развития и сближения наций СССР" (автор Ю.В.Арутюнян) была проведена (руководитель - М.Н.Губогло) в Лаишевском районе Татарской ССР в 1967 году. Подробнее см.: Арутюнян Ю.В. Опыт социально-этнического исследования (по материалам Татарской АССР) // Сов. этнография, 1968, №4. С. 7. Первая монография по итогам этносоциологических исследований была посвящена Татарии. См.: Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М., 1973.
- ⁵ Этнополитическая мозаика Башкортостана. Очерки. Документы. Хроника. Том I. Контурсы этнополитической ситуации в очерках и законодательных актах. М., 1992. С. 302; Том II. Башкирское национальное движение. М., 1992. С. 342; Том III. Векторы этнополитической ситуации в документах и материалах. М., 1993. С. 340.
- ⁶ Губогло М.Н. Башкортостан. Штрихи к этнополитическому портрету // Язык и национализм в постсоветских республиках. М., 1994. С. 58-115.
- ⁷ В будущем предполагается это сравнение продолжить в более широком контексте на примере 16 бывших автономных республик РСФСР. Материалы для такого сравнения были получены в ходе реализации крупного международного проекта "Предвыборная и поствыборная ситуации в России" (авторы проекта - Джерри Хафф, Тимоти Колтон, Сьюзен Лейманн, организатор и руководитель исследований в 16 бывших автономных республиках - М.Н.Губогло), реализованном в ноябре-декабре 1993 г.
- ⁸ См., например: С.Алексеев и А. Собчак. Конституция и судьба России // Известия, №75, 1992. 30 марта; Владимир Латифский. Плюсы и минусы альтернативного проекта Конституции // Известия. 1992, 7 апреля.
- ⁹ Башкирский народный центр "Урал". Устав Башкирского народного центра /БНЦ/ "Урал". Уфа, 1990. С. 2-3.

- ¹⁰ Независимая газета. 1992. 18 апреля.
- ¹¹ Подробнее об этом см.: *Гилязетдинов Дж.М.* О роли национальных движений и национально-культурных объединений в решении национальных и межнациональных проблем // Этнополитическая мозаика Башкортостана. Т.3. Векторы этнополитической ситуации в документах и материалах. М., 1993. С. 23-28; *Зинуров Р.Н.* Грозит ли Башкортостану синдром "душанбинского митинга"? (К изучению межнациональных отношений в Башкортостане) // Там же. С. 29-38.
- ¹² Резолюции: 1) "По докладу председателя БНЦ "Урал" Кульшарипова М.М. "Общественно-политическая и социально-экономическая ситуация в Башкортостане"; 2) "О воспитании, подготовке и расстановке национальных кадров в Республике Башкортостан"; 3) "О статусе языков в Башкортостане"; 4) "О демографических проблемах Республики Башкортостан"; 5) "По вопросам экологии"; 6) "По народному образованию". // Замандаш, 1992. 31 января.
- ¹³ Материалы переписей населения бывшего СССР, упоминаемые в тексте и таблицах, почерпнуты из источников: ЦГАНХ, фонд 1562, опись 336; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., IV том; Национальный состав населения СССР. М., 1973; Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1984; "Союз". 1990, №№32, 34, 39, 44, 51; "Союз". 1991, №№2, 6, 11, 12, 15, 23. Более подробное, в том числе постраничное описание источников, см.: *Губогло М.Н.* Развитие этнодемографической ситуации в столицах автономных республик в 1959-1989 гг. (По материалам переписей населения СССР) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1991.
- ¹⁴ Цит. по: Литературная газета. 1994. 12 января. С. 3.
- ¹⁵ Этнополитическая мозаика Башкортостана. Очерки. Документы. Хроника. Т. 1. Контур этнополитической ситуации в очерках и законодательных актах. М., 1992. Т. 2. С. 111-149.
- ¹⁶ Там же, Т.1. С. 141-143.
- ¹⁷ Там же. С. 141.
- ¹⁸ Там же. С. 142.
- ¹⁹ Государственная Программа Республики Башкортостан по решению национальных и межнациональных проблем на современном этапе. (Государственная программа "Этносы Башкортостана"). Часть I, Уфа, 1993. С. 107.
- ²⁰ См., например: *Д.Валеев.* Для чего нужен статус союзной республики? // Вечерняя Уфа. 1990. 3 окт., его же: На защиту суверенитета // Ленинец. 1991. 18 мая; его же: Проблемы реализации и развития государственного суверенитета Башкирской ССР в его отношении к суверенитету башкирской нации. Уфа, 1991.
- ²¹ *Жан Тощенко.* Потенциально опасные точки. Этнополитическая ситуация в России в 1993 году // Независимая газета. 1993. 1 марта. С. 5.
- ²² *Маресьев В.В.* Общественные движения в Мордовии // Общественные движения в Мордовии. Документы. Материалы. М., 1993. С. 15-85.
- ²³ См. подробнее.: *Чешко С.В.* Идеология распада. М., 1993.
- ²⁴ Подробнее об этом см. специальный раздел в книге: *Губогло М.Н.* Переломные годы. Т. 1. Мобилизованный лингвизм. М., 1993
- ²⁵ Там же. С. 95-96 и др.
- ²⁶ Этнополитическая мозаика Башкортостана. Т. 3. Векторы этнополитической ситуации в документах и материалах. М., 1993. С. 70,108,115.
- ²⁷ См.: Этнополитическая мозаика Башкортостана. М., 1992. Т.2. С. 252-286.
- ²⁸ *Владимир Жириновский.* О собирательной роли России и молодых волков // Известия. 1994. 23 апреля. С. 4.; *Отто Лацис.* Капкан для молодых волков. Там же.
- ²⁹ Этнополитическая мозаика Башкортостана. Т. 1. С. 225-226.
- ³⁰ Российская газета. 1994. 17 февраля.

Споры об альтернативах переходного времени перегружены схоластикой и риторикой. Сторонникам двух противоположных точек зрения - и радикал-демократам и патриотам-государственникам по-прежнему не хватает двух вещей - знания реалий жизни и убеждающего плана-программы действий¹. Программы и лозунги каждой из них ведут народ в тупик. Население целых регионов и республик оказывается "без руля и ветрил", не зная как жить дальше, за кого и за что голосовать сегодня, что и кого выбирать завтра. Понять такие настроения и трудно и легко, если принять во внимание, что каждое индивидуальное решение голосовать "за" или "против" ситуативно и хронологично, т.е. привязано к конкретной этнополитической ситуации и определенному моменту истории.

СУВЕРЕНИТЕТ И ДЕМОКРАТИЯ: СОТРУДНИЧЕСТВО ИЛИ СОПЕРНИЧЕСТВО?

Очередной гигантский эксперимент, начатый перестройкой, и состоящий в широком смысле в революционной попытке перевести социум бывшего СССР из коллективизма в индивидуализм, безнадежно буксует.

Демократическое и этнополитическое реформирование, в том числе под флагом суверенизации, не бывает легким и безболезненным. Тем более, если реформа имеет многоплановый, крутой, революционный характер. Поэтому мы не ставим перед собой задачу анализа важнейших ее составных частей в различных сферах от экономики до политического устройства.

Среди основных факторов, объективно противодействующих реформам, оставим в стороне географию - необъятные пространства

России от Балтийского моря до Тихого океана, затрудняющие организацию управления, умолчим о тысячелетней истории державы, укрепившейся с помощью византизма, православия, державности, общинных традиций, отметим с сожалением отсутствие устоявшейся политологии, вследствие чего затруднена подготовка квалифицированных политиков, закроем глаза на вопиющую неграмотность и некомпетентность части руководителей и окружающих Президента советников².

Обратимся к психологии - индивидуальной и коллективной, к тому, как реагирует население на реформы. Сосредоточим свое внимание на более управляемых факторах и, прежде всего, на "настроении масс" и рассмотрим, как отнеслось население бывших автономных республик России к демократизации и реформированию. Обратимся к росткам демократизации, и поставим перед собой несколько фундаментальных для этнополитологии вопросов: что представляла собой демократизация, кем и ради кого она была предпринята, в чьих интересах осуществлялась ее реализация, и кто в итоге выиграл и проиграл!

Поиски ответа на поставленные вопросы крайне затруднительны отнюдь не от недостатка, а скорее от избытка информации и особенно от умышленных ее искажений в зависимости от позиции, социальной, партийной или национальной принадлежности пишущих и выступающих перед микрофоном.

В предыдущем очерке уже было показано, что суверенизация двух республик - Башкортостана и Татарстана, понимаемая частью населения этих республик как возрождение титульных народов, по-разному воспринималась представителями титульного и не-титульного населения. Среди первых - в основном поддержка и одобрение, среди вторых - понимание и лояльность (русские), болезненность и ревностность - у чувашского национального меньшинства в Татарстане. При этом выявленные установки, видимо, не случайны, они достаточно устойчивы и последовательны в разнообразных этноязыковых и этнополитических ситуациях: от подхода и оценок взаимодействия языков в сфере управления государством до использования их при номинации улиц и товаров. Эта закономерность позволяет выделить в качестве одной из задач очерка гипотезу о том, что различные формы дискриминации национальных меньшинств являются зачастую теми факторами, которые блокируют внедрение принципов демократии и тормозящих реформирование. Если с помощью суверенизации и под ее демократическими лозунгами создаются условия для выхода из неравенства только для одной нации, то возникает новое неравенство для других.

Создание приоритетных условий для "развития и расцвета" титульной нации приводит к возникновению недоверия национальных меньшинств не только к титульному большинству, но и ведет к коррозии принципов самой демократии. Это означает, в частности, что демократия и дискриминация национальных меньшинств - несовместимы. Более того, титульному большинству просто не выгодно дискриминация национального меньшинства, так как она (дискриминация) становится балластом на пути переустройства и реформации.

СУВЕРЕНИЗАЦИЯ И РЕФОРМИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ

В обзоре "Российская экономика в 1992 году", подготовленном Институтом экономики переходного периода ни слова не сказано о допущенных ошибках³. В связи с этим возникает очень серьезный вопрос о реформировании, реформаторах и об отношении к ним широких слоев населения. Кто должен нести ответственность за провал экономических и демократических реформ или пожинать плоды достигнутых успехов? Сами реформаторы вину за провал реформ чаще всего пытаются свалить на консерваторов и отсталость народа.

И поскольку в литературе нет сколько-нибудь обстоятельной информации об отношении населения к реформированию в целом и в отдельных сферах, имеет смысл обратиться к итогам представительных опросов.

Отсюда вторая гипотеза: суверенизация, не ущемляющая прав любой национальности, имеет больше шансов на успех, чем реформирование, подстраиваемое под национальное возрождение одной из национальностей, не учитывающее интересов других, особенно национальных меньшинств.

Понятно, что, например, такие "участки" экономического реформирования, как система государственного управления, институты рыночного хозяйства, хозяйственное законодательство, демонополизация, приватизация, инвестиции, налогообложение, блокирование инфляции, требуют профессионального подхода и особого анализа. Наша цель иная: попытаться зафиксировать психологические и поведенческие перемены у населения Башкортостана и Татарстана в экономической сфере, уловить переход от старых, отживших стереотипов к новым, определить элементы адаптации производителей и потребителей к некоторым узловым звеньям рыночного механизма, например, к приватизации, ценовой политике, к конкуренции, ос-

лаблению социальных гарантий, к либерализации инвестиционной политики и т.д.

Конечно, в настоящее время экономическое положение России в целом как всегда в переломные годы ее истории, является неустойчивым и, к сожалению, пока без признаков улучшения.

Спад производства, рост цен, агрессивная инфляция, взаимные неплатежи, необдуманые барьеры на пути десятилетиями налаженных связей - все это пододвигает субъекты Российской Федерации, как и всю страну, к грани экономической катастрофы.

Миллионы людей воочию убеждаются, что экономические преобразования ситуацию пока не улучшают. Социальное напряжение, увы, продолжает нарастать. Лишь немногим более чем каждый десятый русский, татарин и башкир в городах Башкортостана считают, что демократизация полезна для разрушения старой системы, хотя и признают при этом, что нынешние экономические затруднения стали ее естественным негативным итогом (см. таблицу 1). Небольшая разница между долями русских, с одной стороны, и долями башкир и татар, с другой, положительно оценивающих общие "деструктивные" итоги реформирования, принципиального значения не имеют. Более важно, что представители всех трех национальностей более или менее единодушно (59,8% башкир, 63,1% татар и 63,4% русских) оценивают процессы демократизации в общем негативно, считая, во-первых, что демократизация в целом хорошая идея, но ее реализация привела к возникновению экономических трудностей, и, во-вторых, что чрезмерная демократизация привела к разрушению всей экономики (см. таблицу 1).

Установка городского населения Башкортостана совершенно очевидна: люди поддерживают демократизацию, согласны с неизбежностью преобразований, но не приемлют радикальные меры, темпы и способы ее реализации. Значительной части населения противопоказан экстремизм, особенно в сфере экономики.

Прослойка сторонников безоговорочной позитивной оценки демократических реформ в городах Татарстана в целом приблизительно такая же, что и в Башкортостане, с той лишь разницей, что доля чувашей здесь в два и в два с лишним раза меньше, чем среди татар и русских (см. таблицу 1).

Обращает на себя иная, чем в Башкортостане, полярность позиций в оценке итогов демократизации. Если мнение чувашского населения, как было показано в предыдущем очерке, полярно расходилось с мнением татар по этноокрашенным ситуациям, и сферам, где непосредственно соприкасаются национальные интересы разных народов,

то, в национально-нейтральной сфере на передний план выступила разница в оценке итогов демократических реформ между русским и чувашским населением (см. таблицу 1).

Таблица 1

Отношение к демократическим реформам (в %, по итогам опроса)

	Полезны для раз- рушения старой системы, резуль- татом которой ста- ли экономические затруднения	В целом хорошая идея, но ее реали- зация привела к возникновению трудностей	Чрезмерная демократизация привела к разру- шению всей эко- номики	Затрудняются ответить
А) Башкортостан:				
башкиры	13,8	29,3	30,5	26,4
татары	12,6	27,0	36,1	24,4
русские	10,6	26,8	36,6	26,0
Б) Татарстан:				
татары	10,0	30,9	34,0	25,1
русские	12,8	28,6	39,1	19,5
чувашы	5,0	31,7	33,2	30,2

Следовательно, актуальным является вопрос не о том, нужны ли демократические преобразования в сфере экономики, а о том, какими путями продвигаться вперед.

ЗАНЯТОСТЬ, ТРУД И МОБИЛЬНОСТЬ

Для успешного воплощения в жизнь экономических аспектов демократизации исключительно важными являются изменения в сфере деловой активности людей, в том числе тесно сопряженные с утверждением частной собственности, почти полностью искорененной за годы советской власти, особенно после прекращения нэпа и массовой насильственной коллективизации.

За короткий срок произошли перемещения части занятого населения из государственного в частный сектор экономики. В апреле 1993 г., т.-е. всего через год после начала интенсивного реформирования, в частном секторе в городах Башкортостана работало уже приблизительно по 5% русских и татар и более 6% башкир, в городах Татарстана - соответственно по пять с лишним процентов татар и русских и 4% чувашей (см. таблицу 2).

Важным результатом реформирования являются заметные перемены в психологии. Похоже, что психологическая переориентация значительных групп людей от государственных к частным структурам происходит более ускоренными темпами, чем ожидалось. Итоги опроса по этому поводу оказались весьма неожиданными и чрезвычайно впечатляющими.

Таблица 2

Сфера (сектор) деловой активности (в %, по итогам опроса)

	работают в государственной сфере	работают в частной сфере	не работают
А) Башкортостан:			
татары	66,2	5,0	28,4
башкиры	65,6	6,1	27,9
русские	62,4	4,8	32,6
Б) Татарстан:			
татары	69,5	5,5	24,3
русские	66,0	5,2	28,3
чуваши	70,8	4,0	24,3

Действительно, кто бы мог предположить, что 60,6% башкир, 53,7% татар и 51,4% русских в городах Башкортостана, 55,5% русских, 53,7% татар и 30,7% чувашей в городах Татарстана отдадут предпочтение не привычной государственной, а какой-либо новой (негосударственной) сфере: и выразят готовность работать (если представится возможность) в кооперативах, в акционерных или частных предприятиях, в совместных с иностранным капиталом предприятиях, или даже организуют свое дело (см. таблицу 3). Простые советские люди, годами идеологически "накачиваемые" средствами массовой информации антибуржуазными уставами, проголосовали за новые сферы деловой активности. Впрочем, если бы в госсекторе платили зарплату, то результаты голосования за "новые сферы", возможно, были бы другие. Несколько округляя данные таблицы 3 можно сказать, что каждый пятый башкир, татарин и русский сделали свой выбор в пользу совместных предприятий с иностранным капиталом. Хорошо бы, если бы, во-первых, эта информация о настроениях широкого круга деловых людей дошла до серьезных инвесторов, а, во-вторых, депутаты более решительно, чем до сих пор, принялись

бы за подготовку соответствующего законодательства, гарантирующего правовую защиту частной деловой активности.

Татары и русские Татарстана более или менее едины в предпочтениях сферы приложения своей деловой активности. Распределение их симпатий между государственным и негосударственным секторами - одинаково. Чуваши здесь более консервативны. Среди них почти в два раза больше удельный вес людей, предпочитающих работать в государственном секторе, и соответственно почти в два раза меньше доля тех, которые предпочли такие новые сферы, как кооператив, акционерное или частное предприятие, с иностранным капиталом, или, наконец, решили бы организовать свое дело (см. таблицу 3).

Таблица 3

**Предпочтительная сфера (сектор) деловой активности
(в %, по данным опроса)**

	При наличии выбора, где бы предпочли работать?						Затрудни- лись отве- тить
	В гос. предпри- ятии или учрежде- нии	В коо- перативе	В ак- ционер- ном или частном предпри- ятии	В совмест- ном с иностран- ным капи- талом предпр.	Орга- низовали бы свое дело	Другое	
А) Башкортостан:							
башкиры	31,0	7,0	15,4	31,3	16,9	1,6	6,9
татары	34,7	5,5	12,3	18,4	17,5	2,1	9,6
русские	35,0	4,5	14,7	21,5	10,7	0,9	12,7
Б) Татарстан:							
татары	28,8	3,2	15,1	22,3	13,1	-	17,5
русские	29,1	4,1	14,7	25,0	11,7	-	15,5
чуваши	54,5	5,9	6,9	10,4	7,9	-	14,4

Вне всяких сомнений, существует прямая, многократно проявляемая связь между наличием дискриминации и консерватизмом в восприятии итогов экономического реформирования в целом, и состоянием дел в сфере трудовой занятости.

Иностранные предприятия на территории России становятся совершенно новым явлением для многих людей. Тем не менее, лишь без малого каждый пятый башкир, татарин и русский в Башкортоста-

не, а так же каждый четвертый русский, каждый пятый татарин и 15,3% чувашей в Татарстане не смогли дать ответ на вопрос о том, хотели бы они работать на иностранном предприятии, расположенном на территории Башкортостана.

Половина татар и русских и несколько более половины башкир в Башкортостане "безусловно" или "скорее" согласились, если бы такая возможность представилась (см. таблицу 4). В Татарстане желающих среди татар оказалось несколько выше, чем среди русских и чувашей.

Удельный вес желающих работать на иностранном предприятии среди городского башкирского населения в Башкортостане оказался в 2,2 раза больше, чем доля не желающих, среди татар и русских - в 1,7 раза, в Татарстане - среди татар - в 2,6 раза, среди русских - в 1,6 раза. Мнения чувашского населения распределились поровну между сторонниками и противниками иностранных предприятий на территории Татарстана.

Таблица 4

Отношение к иностранным предприятиям (в %, по итогам опроса)

	Хотели бы лично работать на иностранном предприятии, расположенном на территории республики?				
	безусловно да	скорее да	скорее нет	безусловно нет	затрудняются ответить
А) Башкортостана					
башкиры	25,8	29,9	13,2	11,9	19,2
татары	24,0	26,8	14,9	15,3	19,0
русские	23,3	27,3	15,7	13,9	19,8
Б) Татарстана					
татары	26,9	30,3	12,6	9,3	20,9
русские	23,0	24,7	17,5	9,6	25,9
чувашаи	15,8	26,2	21,3	21,3	15,3

Поддерживая курс на экономическое реформирование, городское население Башкортостана и Татарстана не приемлет тех методов и способов, какими это до сих пор делается. Напомним, что в апреле 1993 г. во время общероссийского референдума без малого две трети (61%) населения Башкортостана проголосовало против экономической политики правительства, больше половины населения (58%) против реформ, претворяемых в жизнь под руководством Ельцина. Попытки некоторых радикалов объяснить провал референ-

дума 1993 г. консерватизмом руководства Башкортостана, особенно в аграрном секторе, вряд ли можно признать состоятельным. Дело не в том, что население против реформ, а в том, что оно против реформ, насаждаемых сверху. Вполне закономерно, в частности, что 76% решительно поддержало экономическую самостоятельность Башкортостана и отношения с Центром, построенные на договорных началах.

Иными словами, правительство Башкортостана и Президент Муртаза Рахимов так же, как и Минтемир Шаймиев в Татарстане, вполне могут быть уверены в широкой поддержке населением плодов суверенизации, экономических преобразований на локальном республиканском уровне.

Одной из чувствительных сторон демократизации в России является освобождение людей от былого тоталитарного страха, раскрепощение духа и готовность взять ответственность за свою судьбу в собственные руки. Нет сомнений, что успех демократических преобразований во многом будет предопределяться избавлением от державного иждивенчества, разбуженной инициативой и сознательным обращением людей к индивидуальной деятельности.

Таблица 5

Отношение к бизнесменам (в %, по итогам опроса)

Как относятся к появлению граждан, занимающихся бизнесом						
	приветствуют их появление	они нужны, хотя их деятельность порождает проблемы	к ним относятся с симпатией, но к ним нужен контроль за деятельностью	они вызывают тревогу, нужен отрицательный контроль за их деятельностью	вызвать их появление нельзя	допустить их деятельность затруднительно
А) Башкортостан:						
башкиры	7,1	12,6	42,4	19,2	13,2	5,5
татары	7,1	11,9	35,4	22,5	16,9	6,2
русские	8,2	9,3	40,8	20,0	17,6	4,1
Б) Татарстан:						
татары	6,6	11,3	40,9	22,7	11,0	7,5
русские	7,1	11,6	41,6	21,0	12,4	6,3
чувашаи	5,0	6,4	30,7	26,2	23,8	7,9

Так, например, отношение к гражданам, занимающимся бизнесом, продолжает оставаться негативным. Несколько округляя полученные данные, можно сказать, что в Башкортостане каждые двое из пяти человек татарской и русской национальности, а так же каждый третий

башкир в той или иной мере отвергают новую форму деятельности. В Татарстане указанная прослойка граждан включает каждого третьего татарина и русского и каждого второго чуваша (см. таблицу 5).

При этом у одной части населения граждане, занимающиеся бизнесом, вызывают тревогу, и бывшие советские люди соответственно ждут от государства, чтобы оно установило контроль за деятельностью новых бизнесменов, у другой части бытует еще более жесткая установка: они считают, что государство совершает большую ошибку, допуская появление бизнесменов и занятие индивидуальным бизнесом (см. таблицу 5)

Позиция большей части городских башкир, татар и русских в Башкортостане является неустойчивой, не вполне определившейся. Во всяком случае, приблизительно каждые двое из пяти внутри каждой из национальных групп к одним бизнесменом относятся положительно, к другим - негативно. В конечном счете, по мнению этих людей, все зависит от конкретной деятельности конкретного бизнесмена. И лишь очень узкая прослойка лиц, в том числе по 7,1% башкир и татар, и 8,2% русских в Башкортостане и 7,1% русских, 6,6% татар и 5,0% чувашей в Татарстане безоговорочно верит в демократизацию и, в частности, в то, что именно эта новая категория граждан, занимающихся бизнесом, сможет вывести экономику страны из кризиса (см. таблицу 5).

Определенный интерес представляет сравнение негативных позиций татар и русских в Татарстане. У каждого третьего вновьявленные бизнесмены вызывают тревогу и желание запретить их деятельность. Такие же установки, имеют широкое распространение среди чувашей, практически каждый второй из них относится неодобрительно к новому классу людей. Разброс мнений в 16,6% между группами чувашского и русского населения в Татарстане, в сопоставлении с 7,0% разницы между татарами и русскими, дает еще один аргумент в том, что не чуваша лидеры реформационных процессов в Татарстане (см. таблицу 5).

Приведенные данные внутренне противоречивы, так как отражают непростые реалии переходного времени. Отношение к гражданам, занимающимся бизнесом, складывается сегодня в некоем идеологическом вакууме. Главное препятствие на пути формирования положительных установок на институт частного предпринимательства и на пионеров-бизнесменов состоит в криминализации малого бизнеса и отсутствии прочной правовой базы. Недостаток законодательных актов, стихийность, противоречивость, коррумпированность в регулировании

предпринимательства, тормозят развитие бизнеса и, прежде всего, в его малых, индивидуальных формах. Именно поэтому, надо думать, советники Президента включили в текст "Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию", во-первых, обещание обеспечить российскому предпринимательству прочную правовую базу, во-вторых, оказать государственную поддержку тем предпринимательским структурам, которые способствуют продвижению наиболее приоритетных направлений реформы, и, в-третьих, создать условия для реализации в 1994 г. Федеральной программы государственной поддержки малого предпринимательства⁴.

Количество негативных и позитивных установок среди трех рассматриваемых национальностей Башкортостана на деятельность бизнесменов распределяется более или менее равномерно, что дает основание полагать, что процессы адаптации к рыночной экономике, на примере отношения к гражданам, занимающимся бизнесом, происходят относительно быстро и равномерно, в целом независимо от национальной принадлежности.

Лишь некоторые дополнительные расчеты позволяют выявить, что среди татар и русских удельный вес противников частного бизнеса в 2,1 раза превышает долю его сторонников, а среди башкир - в 1,6 раза (см. таблицу 5).

Чтобы оценить эволюцию взглядов населения на свободную деятельность граждан, занятых бизнесом, можно, как думается, сравнить отношение респондентов к бизнесу с отношением к национальным обычаям и традициям в прошлом и в настоящем. Желание следовать национальным обычаям ("полностью" и "частично") в целом несколько выше, по сравнению с тем, что было раньше у горожан. Эта закономерность, хотя и в мало заметной форме, присуща каждой из трех национальностей в городах как Башкортостана, так и Татарстана (см. таблицу 6). На примере этого отношения вполне проявляет себя тенденция роста национального самосознания. Ничем иным, как этим ростом, нельзя, в частности, объяснить сокращение удельного веса городских башкир, татар и русских Башкортостана, считающих "не желательным" следовать национальным обычаям и традициям при следующем бракосочетании (собственном или кого-нибудь из близких в семье) по сравнению с долей тех, у кого в прошлом, при первом, бракосочетании национальные обычаи и традиции своего народа не были соблюдены (см. таблицу 6).

В конечном счете приведенные данные (ср. таблицы 5 и 6) подтверждают тривиальную истину: демократизация в сфере деловой занятости может происходить более быстрыми темпами и несколько

более радикально, чем в сфере семейно-бытовых отношений, особенно, если при этом затрагиваются национальные особенности кодекса семейного обустройства. Несколько заостряя проблему, можно думать, что в национальной сфере, в отличие от деловой, нет освобождения от нарастающего конформизма, нет признаков освобождения от групповой зависимости и вырабатываемых группой (нацией) стандартов поведения.

Таблица 6

**Отношение к национальным обычаям и традициям
в прошлом и в настоящем
(в %, по итогам опроса)***

	Соблюдались ли национальные обы- чаи и традиции при первом браке- сочетании		Желательно ли следовать нацио- нальным обычаям и традициям при следующем бракосочетании			
			не соблю- дались		желательно	
	полностью	частично	полностью	частично	не жа- лательно	
А) Башкортостан:						
башкиры	23,7	37,9	11,8	29,9	41,2	7,0
татары	23,7	34,9	18,9	26,4	36,6	11,6
русские	14,6	35,9	25,7	20,5	33,3	15,6
Б) Татарстан:						
татары	30,3	37,8	19,7	29,6	32,4	12,0
русские	15,2	37,2	33,0	17,6	17,6	21,2
чуваши	32,2	33,7	21,3	27,7	28,2	22,8

* В таблицу не включены 2,1% башкир, 1,3% татар и 4,9% русских, не давших ответа на первый вопрос 13,3%, 16,2%, 19,8% лиц, оставивших без ответа второй вопрос в Башкортостане, и соответственно 10,7% и 20,2% татар, 14,2% и 25,8% русских, 11,9% и 18,3% чувашей в Татарстане.

Утверждение национализма в отличие от приобщения к бизнесу, диктует жесткую необходимость идентификации с группой и необходимость манифестации этой идентификации.

ПЕРЕХОД К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Несмотря на трудности переходного процесса, миллионы людей, похоже, позитивно приемлют переход к рыночной экономике: во всяком

случае, 55,6% татар, 59,3% башкир и 59,4% русских в городах Башкортостана, а также 63,5% русских, 57,4% татар и 46,1% чувашей в городах Татарстана считают этот переход единственным возможным путем социально-экономического развития (см. таблицу 7).

При этом люди не хотят одного - радикализма. Они устали от революций, призывов к ней, им надоели последствия революций. Закономерно в связи с этим, что сторонников эволюционного (постепенного) перехода к рыночной экономике среди представителей всех национальностей больше, чем сторонников революционного (быстрого) продвижения, в том числе среди русских Башкортостана в 2,1 раза, среди башкир в 2,4 раза, а среди татар в 2,8 раза, среди татар Татарстана - в 2,5 раза, русских - в 1,4 раза, и среди чувашей - а 2,2 раза. В Татарстане против рыночной экономики высказались без малого или немногим более каждый десятый русский и татарин, и едва ли не каждый пятый горожанин чувашской национальности (см. таблицу 7).

Таблица 7

Отношение к переходу к рыночной экономике
(в %, по данным опроса)

Что думают о переходе к рыночной экономике				
	Считают единственным возможным путем развития и надо идти по этому пути		Считают неприемлемым путем развития и затрудняются ответить	
	быстро	постепенно	быстро	постепенно
А) Башкортостан:				
татары	14,8	40,8	12,8	31,6
башкиры	17,7	41,6	11,1	29,5
русские	19,2	40,2	10,6	30,1
Б) Татарстан:				
татары	16,5	40,9	10,7	31,9
русские	26,5	37,0	8,2	28,3
чувашаи	14,4	31,7	17,3	36,6

В Башкортостане не приемлет рыночную экономику, приблизительно, каждый десятый башкир, татарин и русский. Все еще велико недоверие народа к правительству. Этим объясняется тот факт, что чуть ли не треть татар и русских и немногим более четверти башкир в Башкортостане вообще, а так же каждый приблизительно четвертый

русский и каждый третий татарин и чуваш не смогли выразить своего отношения к рыночной экономике.

Таким образом, доли "верящих" в рыночную экономику между тремя национальностями более близки, чем доли "верящих" и "неверящих" внутри каждой из них. В подтверждение сказанному вполне достаточно обратить внимание на то, что максимальная разница (размах вариации) среди "верящих" между национальностями составляет 12,1% (между русскими и чувашами), в то время как внутри русского населения этот же самый показатель (размах вариации) между "верящими" и "неверящими" достиг значительной величины - 55,3% (см. таблицу 7).

Отсюда вытекает существенный вывод: национальный фактор в процессах перехода к рыночной экономике в целом или не играет никакой, или же играет крайне малозаметную роль. Впрочем, позиции чувашского национального меньшинства в Татарстане, как и в ряде других случаев, нарушают общее правило. Равномерное распределение мнений между тремя национальностями в Башкортостане, зафиксированное вполне близкими долями лиц, поддерживающих переход к рыночной экономике, в Татарстане повторяется только на опыте татар и русских. Размах вариации в 3,8% (между русскими и татарами) в Башкортостане не идет ни в какое сравнение с 17,4% расхождений между русскими и чувашами в Татарстане. Это означает, что чувашское население заметно нарушает общую тенденцию по поддержке двух форм (быстрой и постепенной) перехода к рыночной экономике.

Снова возникает вопрос, который приходится оставить открытым: Что на что влияет? Консерватизм чувашей в отношении к реформированию определяет их чувство национальной ущемленности или, наоборот, недостаток внимания к их национальным потребностям нагнетает в них дух сопротивления демократическим реформам?

Для политиков и реформаторов крайне важно иметь адекватное представление и взвешенное знание о реальных последствиях реформирования, информацию об отношении населения к ним, а также и то, какие свои ожидания связывают люди с рыночной экономикой и какие в связи с этим возлагают надежды на изменение своего жизненного уровня. Запас и запал реформирования во многом зависит от настроений людей и того, что в этих настроениях преобладает: оптимизм или пессимизм, улучшение или дальнейшее падение жизненного уровня?

"Потерпите еще!" - неустанно призывают демократы-реформаторы. "Сколько еще терпеть?" - спрашивают с экрана телевизора лидеры

оппозиционных (В.В.Жириновский) и бывших неопозиционных партий (Г.Х.Попов) (Телепередача 26 апреля 1994 г.).

Опрос в Башкортостане и Татарстане позволил выявить, что в городском населении этих республик среди выделенных трех национальностей сложились приблизительно по три относительно равные группы людей, ожидающих улучшения, стагнации или ухудшения своего жизненного уровня (см. таблицу 8).

В процентном отношении в каждой республике преобладают группы, по мнению которых рыночная экономика, скорее всего, не принесет никаких изменений в их жизненный уровень. При этом более всего к этому ответу предрасположены русские (31,9%), в Татарстане - чувашаи (27,7%) менее всего в Башкортостане - татары (23,7%). Среди башкир и татар в Башкортостане доля "оптимистов", т.е. тех, кто хоть как-то уверен в улучшении своего жизненного уровня в ближайшие 2 - 3 года (28,4% и 28,5%) несколько превышает долю "пессимистов", ожидающих (с той или иной долей вероятности) ухудшения (22,4% и 25,8%). Среди русских, напротив, доля пессимистов (25,5%) несколько превышает долю оптимистов (23,9%) (см. таблицу 8). И хотя разница небольшая, тенденция дискомфорта ощущений у русских требует анализа и внимания.

Таблица 8

**Мнения о влиянии рыночной экономики на изменение
жизненного уровня в ближайшей перспективе (2-3 года)**
(в %, по данным опроса)

	Уверены жизненно- го уровня	В Вероятно жизненный уровень возрастет	Скорее жизнен- ный уровень не меняется	Вероятно жизненно- уровень снизится	Уверены жизненно- го уровня	Затрудня- ются отве- тить
А) Башкортостан:						
башкиры	11,8	16,6	27,9	13,0	9,4	21,3
татары	10,1	18,4	23,7	14,4	11,4	22,0
русские	7,4	16,5	31,9	15,4	10,1	18,8
Б) Татарстан:						
татары	8,5	16,5	27,4	16,8	9,9	21,0
русские	8,0	13,7	27,6	18,6	12,3	19,7
чувашаи	3,0	13,4	27,7	18,8	14,4	22,8

Сторонников "мягкого" или плавного (эволюционного) реформирования немало и среди ученых Башкортостана. Так, например, авторы

проекта Государственной программы "Этносы Башкортостана" не без оснований предлагают при решении неотложных проблем развития национальностей и межнациональных отношений и проведении курса на коренное обновление общественных отношений предусмотреть следующие меры: прекращение падения производства и переход к его подъему; приоритетное инвестирование отраслей народного хозяйства, производящих продовольственные и промышленные товары для населения; плановое осуществление приватизации, переход к смешанной экономике, сочетающей многообразие форм собственности, включая государственную, коллективную, акционерную, частную; пресечение экономических преступлений, блокирование роста мафиозных структур, преодоление ошибок в размещении производительных сил внутри и вне Республики Башкортостана; (Этносы Башкортостана. С. 68-69). Как видно, экономическое реформирование мыслится широко, комплексно, с учетом потребности не одной нации, а всего населения Башкортостана.

Именно такой подход позволяет гибко осуществлять экономическую деятельность в различных регионах республики, учитывая при этом их национальный состав, принимая во внимание национальные особенности, уклад жизни, ценностные ориентации, состояние социальной, в том числе этнической психологии, восстановление и развитие пчеловодства, коневодства и других традиционных отраслей хозяйственной деятельности.

СУВЕРЕНИЗАЦИЯ И РЕФОРМИРОВАНИЕ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Исход экономических реформ будет предопределяться не столько экономически трудным положением страны, сколько психологическим настроением различных групп населения. Так, городские слои населения не имеют прямого отношения к производству сельскохозяйственной продукции, но понятно, что от решения продовольственной проблемы, будет во многом зависеть система жизнеобеспечения большинства городских жителей. Поэтому чрезвычайно важно узнать, на чьей стороне симпатии горожан: сторонников или противников реформирования сельского хозяйства? Поддерживают ли горожане колхозы и совхозы или видят иные пути решения продовольственной проблемы?

Опрос позволил выявить, что к стану консерваторов (т.е. к числу тех, кто для решения продовольственной проблемы считает необходимым продолжать командно-административную линию, укреплять колхозы, совхозы и систему государственных закупок) среди город-

ского населения Башкортостана относится меньшинство - каждый пятый башкир, татарин и русский.

Таблица 9

Распределение мнений о темпах экономического реформирования на примере отношения к судьбе колхозов и совхозов (в %, по итогам опроса)*

Каким образом можно быстрее всего решать продовольственную проблему в Башкортостане?			
	укреплять колхозы, сов- сохранять колхозы, сов- расформировать колхозы и систему государ- ственных закупок	хозы и разрешить им зы, совхозы продавать, по крайней мере, половину продук- тов по рыночным ценам	фермерство развивать
татары	21,6	37,6	27,6
башкиры	20,7	40,8	25,8
русские	18,2	39,2	25,2

* В таблицу не включены 12,7% башкир, 13,2% татар и 17,4% русских, затруднившихся ответить на поставленный вопрос.

Две трети представителей каждой из 3-х национальностей в городах Башкортостана решение продовольственной проблемы связывают с необходимостью экономического реформирования в двух основных формах: мягкой, при сокращении колхозов и совхозов, с разрешением им свободно продавать по рыночным ценам, по крайней мере, половину произведенной продукции и в радикальной, предполагающей немедленную ликвидацию колхозов и совхозов и ускоренное развитие фермерства (см. таблицу 9).

При относительно близких удельных весах сторонников каждой из полярных позиций ("укреплять" или "разрушать" колхозы и совхозы) в составе башкир, татар и русских (от одной пятой до одной четверти) самой высокой оказалась доля лиц, настроенных на такое постепенное реформирование, когда рыночные отношения будут внедряться параллельно при сокращении колхозов и совхозов (см. таблицу 9).

Еще в более ярко выраженной форме настрой на эволюционный путь реформирования сельского хозяйства выразили горожане Татарстана. Более половины татар и русских проголосовали за развитие фермерства. При этом эволюционному пути ("при сохранении колхозов и совхозов") отдали свои предпочтения в четыре с лишним раза больше, чем революционному ("ликвидируя колхозы и совхо-

зы"). Опрос позволил в очередной раз выявить неоднозначное отношение к реформированию среди разных национальностей. Если, к примеру, в Башкортостане размах вариации между татарами и русскими по вопросу о фермерстве составил всего 2,4% и свидетельствовал практически о полном единстве позиций по этому вопросу, в Татарстане этого не проявилось.

Таблица 10

Распределение мнений о темпах экономического реформирования на примере отношения горожан к судьбе колхозов, совхозов и фермерства

(в %, по итогам опроса)

	Укреплять колхозы, совхозы и систему государственных закупок		Сохранить колхозы и совхозы, разрешить им продавать по крайней мере половину продуктов по рыночным ценам	Развивать фермерство		Затрудняются ответить
				всего	в том числе сохраняя колхозы и совхозы	
татары	14,1	19,9	54,0	44,0	10,0	12,0
русские	10,6	16,1	59,9	47,2	12,7	13,4
чуваши	15,3	27,2	39,6	31,7	7,9	17,8

Среди русских сторонников фермерства на 20,3% больше, чем среди чувашей. Размах вариации между крайними позициями в Татарстане оказался в 10 раз больше, чем в Башкортостане.

СИЛА И СЛАБОСТЬ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Продвижение демократических реформ при определенном уровне суверенизации переносит некоторые узловые вопросы взаимоотношений "республика - центр" в плоскость "республика - районы". И уже перед руководством суверенной республики встают ответственные задачи по обеспечению своей территориальной целостности и единства, преодолению внутриреспубликанских признаков и прояв-

лений сепаратизма. Возникают опасения, что победа над унитаризмом Центра в известной мере затрудняет укрепление собственной государственности. И задача нового правительства заключается в том, чтобы наработанный опыт, приобретенный в борьбе за достижение республиканского суверенитета, не переносился из вчерашнего дня в день сегодняшний и не становился опорой борьбы районов за расширение своего собственного "районного" суверенитета.

Передача столицей суверенной республики части полномочий в районы не должно приводить к ослаблению внутренней политики республики, к подрыву или умалению значения местного самоуправления, призванного мобилизовать широкие слои граждан к участию в управлении и к политической деятельности.

К сожалению, политическая культура большинства граждан настолько низка, что они испытывают затруднения в своем политическом самоопределении, и, в частности, в выборе оптимальной формы демократического устройства.

В бывших автономных республиках положение усугубляется бесконечными спорами о сути суверенизации, о том, чьей является новая государственность, кто является носителем суверенитета - титульная нация, как единственно "республикообразующая нация", или "народ" или "многонациональный народ" республики.

Таблица 11

Мнения о предпочтительном типе демократии
(в %, по данным опроса)

Лучший тип демократии такой, при котором:			
существует сильное центральное правительство			
существует высокая степень децентрализации, ответственные органы власти дающая значительную власть отдельным регионам и городам			
А) Для Башкортостана:			
башкиры	44,8	19,1	36,1
татары	36,6	23,2	40,2
русские	32,6	19,0	48,4
Б) Для Татарстана:			
татары	48,1	20,9	31,0
русские	37,9	24,1	37,9
чувашаи	31,2	25,2	43,6

Дискомфортное ощущение испытывают и русские. Не удивительно, что в городах Башкортостана почти половина русских не сумела найти ответа на вопрос о том, какой тип демократии является для нее наиболее предпочтительным. У татар и башкир этот же вопрос вызвал несколько меньше затруднений (см. таблицу 11). Трудным оказался этот вопрос и для многих жителей в городах Татарстана (см. таблицу 11).

В целом опрос выявил, что среди титульной нации ориентации на такой тип демократии, при котором существует сильное центральное правительство, распространены несколько шире, чем среди не-титульного (см. таблицу 11). В Башкортостане среди башкир доля лиц, ориентированных на "унитаристское", т.е. на сильное центральное правительство, в 2,3 раза больше доли башкир, предпочитающих иной тип демократии с высокой степени децентрализации, дающей значительную власть отдельным регионам и городам. Среди татар и русских доля первых больше доли вторых в 1,6 и в 1,7 раза (см. таблицу 11).

Можно предположить, что "унитаристские" наклонности части башкир проявляются, как следствие понимания сути Республики Башкортостан в духе программных положений Башкирского национального движения и ассоциированных с ним пробашкирских партий общественных организаций, т.е. положений, трактующих Башкортостан, как историческую родину башкирской нации и соответственно Республику Башкортостан как государственность скорее башкирского народа, чем государственность многонационального народа Башкортостана.

Что касается Татарстана, то здесь значительный размах вариации (16,9%) в положительных оценках, вынесенных центральному правительству со стороны татар и чувашей, подтверждает наличие настороженного отношения чувашского меньшинства к татарской государственности, которое при сильном центральном руководстве может склониться в новый унитаризм или тоталитаризм.

Два важнейших условия необходимы для самореализации демократического государства, курс на который взят Конституцией, принятой 12 декабря 1993 г. Во-первых, Конституция должна четко и недвусмысленно определять правовую базу взаимоотношений между Федеральным Собранием как новым Парламентом России и Президентом, и, во-вторых, нужен определенный уровень политической культуры, обеспечивающий благожелательный, а не конфронтационный характер взаимоотношений между Парламентом и Президентом.

Утверждение демократических принципов, сохранение стабильности общества, обеспечение прав человека, защита прав национальных меньшинств во многом зависят от соотношения сил между сторонниками и противниками демократических принципов, от степени налаженности связей и взаимодействия между различными ветвями власти. К сожалению, приходится констатировать, что в нынешнем общественном сознании нет сколько-нибудь устоявшихся установок на то, каким должно быть соотношение между различными ветвями власти.

Весной 1993 г., когда в городах Башкортостана в ходе опроса задавался вопрос о том, каково должно быть соотношение властей президентской и представительной, были получены ответы, свидетельствующие о наличии серьезных расхождений между различными группами населения. Двое из десяти башкир и один из десяти русских признали необходимым, чтобы существовавший тогда в Российской Федерации Верховный Совет был более сильным, чем Президент России.

Таблица 12

**Мнения о распределении власти между
Президентом и Верховным Советом Российской Федерации**
(в %, по итогам опроса)

Каково должно быть соотношение между Президентом и Верховным Советом Российской Федерации					
		необходим более сильный		необходим	затрудняются
		Верховный Совет	Президент	более сильный Верховный Совет, но на ближайшие годы трудные экономические условия временно требуют укрепления Президентской власти	ответить
А) Башкортостан:					
башкиры	20,8	36,0	19,8	23,4	
татары	17,6	35,9	22,1	24,4	
русские	11,3	42,4	22,2	24,1	
Б) Татарстан:					
татары	9,4	31,7	24,5	34,6	
русские	10,6	38,1	25,1	26,2	
чуваша	18,3	22,3	10,9	48,5	

Треть башкир и татар и двое из пяти русских, наоборот, отдали свои предпочтения более сильному Президенту (см. таблицу 12).

Еще одна группа лиц, без малого или немногим более каждого пятого из пяти человек соответственно башкирской, татарской или русской национальности, сочла необходимым для России иметь сильный Верховный Совет, но учитывая трудные этнополитические условия, в которых оказалась Россия, проголосовали за приоритетное укрепление президентской власти. Иными словами, доля сторонников в той или иной мере желающих более сильного Президента, превышала долю тех, кому так или иначе более "симпатичным" был Верховный Совет образца весны 1993 г., среди горожан - башкир в 2,7 раза, среди татар - в 3,5 раза, среди русских - в 5,7 раз (см. таблицу 12).

Одна из причин такого глубокого расхождения между русским и башкирским населением, вероятно, заключалась в том, что русское население в суверенной республике в защите своих прав в ту пору весной 1993 г. больше надеялось на Президента, чем на Верховный Совет.

Возникает вопрос, на кого больше надеялись татарстанцы осенью 1993 г., когда оставался всего лишь месяц с небольшим до жестких выяснений отношений между Президентом и Верховным Советом? Опрос однозначно дал ответ, что симпатии многих татарстанцев на стороне Президента. Во всяком случае, доля сторонников Президента была выше доли тех, кто симпатизировал Верховному Совету среди татар и русских в 3,4 - 3,6 раза (см. таблицу 12). Такой расклад не случаен: у татарстанцев особое отношение к Ельцину с тех пор, как здесь, на Казанской земле он провел линию переднего края на фронте борьбы за власть с М.С.Горбачевым.

Здесь, в Татарстане прошел важный рубеж перетягивания каната за поддержку со стороны бывших автономных республик России. Скорее эмоциональная, чем взвешенная фраза о суверенитете, всплывшая видимо из тогдашнего радикально-демократического окружения Президента была составной частью разрушительной концепции "до основания, а затем...". Она по вполне понятным причинам пришлась по душе и значительной части гуманитарной интеллигенции. По-своему поняв и рассчитав суверенитет эту идею поддержало и русское население Татарстана.

И хотя урок суверенизации Татарстана имеет всего лишь трехлетний стаж, память сработала: респонденты подтвердили свои благодарные симпатии Президенту России, здесь, с Татарстана, начавшему раздавать суверенитеты автономным республикам бывшего РСФСР.

СУВЕРЕНИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА

Важным элементом демократизации многонационального общества является совершенствование его национальной политики. В новой Конституции России предложено новаторское для нашей теории и практики понимание нации как согражданства. Важным индикатором является благожелательное, ответственное и заботливое отношение государства к обеспечению прав национальных меньшинств, при общем соблюдении прав и свобод всех граждан, независимо от их национальной принадлежности. Ответственность государства за свою целостность во многом проявляется в его отношении к наиболее уязвимым слоям населения. Чаще всего таковыми выступают национальные меньшинства.

При этом многие люди гарантию прав национальных меньшинств связывают с прочным межгосударственным объединением. Более 36% башкир, 42% татар и почти 44% русских в городах Башкортостана заявили, что они "безусловно" или "скорее" согласны с тем, что только прочный СНГ может обеспечить права национальных меньшинств в новых государствах Союза (см. таблицу 13). Конечно, заданный им неловкий вопрос, представляющий уравнение с двумя неизвестными (кто может дать гарантию, что респондент хорошо знает, что такое СНГ и что такое права национальных меньшинств?) вызвал у респондентов значительные трудности: 41,1% башкир, 39,0% татар и 38,2% русских оставили его без ответа.

Тем не менее, распределение ответов остальных чрезвычайно разнообразно. Среди башкир доля "безусловно" согласных с тем, что нужен прочный СНГ для защиты прав меньшинств в демократических условиях, почти в 2 раза превысила долю башкир, "безусловно" не согласных с этим подходом, среди татар - почти в 2,5 раза, и среди русских - более чем в 3 раза (см. таблицу 11). Не менее трудным он оказался и для татарстанцев (см. таблицу 13).

Почти половина русских и чувашей в городах Татарстана в той или иной форме выразили свое согласие с тем, что только в рамках прочного СНГ права национальных меньшинств могут быть защищены надежно. Строго говоря, голоса, отданные за прочный СНГ - это ничто иное, как проявление поддержки интегративных тенденций. Ясно, что русским и чувашам эта тенденция больше по душе, чем татарам, среди которых доля аналогично настроенных лиц оказалась в полтора раза меньше, чем среди первых (см. таблицу 13).

**Мнения о защите прав национальных меньшинств в республиках
бывшего Советского Союза (в %, по итогам опроса)**

Согласны ли с тем, что только прочный СНГ может обеспечить права национальных меньшинств в республиках бывшего Союза?				
	безусловно согласны	скорее согласны	скорее не согласны	безусловно не согласны
А) Башкортостан:				
башкиры	15.8	20.6	14.4	8.1
татары	18.0	24.1	11.3	7.6
русские	23.5	20.4	10.6	7.4
Б) Татарстан:				
татары	16.1	15.1	18.2	8.6
русские	28.5	18.8	9.7	4.9
чувашаи	31.7	16.8	5.4	2.0

* В Татарстане этот вопрос вызвал затруднения у 42,0% татар, 38,1% русских и у 44,1% чувашей.

Когда Жанна-Франсуа Денко, видного французского политика, бывшего министра и посла, академика и писателя попросили одной фразой сформулировать, что такое демократия? - он, не размышляя, ответил: "Это искусство быть ответственным"¹⁵.

Судя по показателям проведенного опроса, руководство Татарстана вполне ответственно подходит к решению проблем русского населения и в полной мере осознает необходимость более глубокого изучения и своевременного решения проблем чувашского меньшинства. Выявленное опросом состояние внутренней напряженности чувашей по ряду узловых вопросов развития национальной культуры чревато вирусом межнациональной конфликтности.

Эхо ухудшающегося статуса и положения русских в бывших союзных республиках СССР доносится и до бывших автономных республик России. А в некоторых новых суверенных республиках Российской Федерации русским приходится сталкиваться с отношением к себе как к национальному меньшинству порой даже без учета того, что по численности они преобладают над титульной нацией. В такой новой для них ситуации взоры русских, вполне естественно, обращаются к Москве. При этом надежда на нее увязывается с тем, что она будет столицей сильного Российского государства. И вопрос о защите прав национальных меньшинств в бывших республиках

России, проживающие там русские воспринимают гораздо ближе к сердцу, чем аналогичный вопрос о правах меньшинств в новейших странах ближнего зарубежья.

Именно этим обстоятельством, по-видимому, объясняется тот факт, что доля городских русских в городах Башкортостана, так или иначе ("безусловно" и "скорее") настроенных на дальнейшее укрепление Российской государственности в целях защиты прав национальных меньшинств, более чем в 9 раз превысила долю тех, кто "скорее" и "безусловно" не разделит эту точку зрения. Среди башкир доля первых оказалась почти в 5 раз, а среди - татар в семь с половиной раз больше, чем доля вторых (см. таблицу 14). В национальном составе городов Башкортостана русские численно преобладают. Это дает основание для вывода о двояком отношении русских к проблемам национальных меньшинств. С одной стороны, они, разумеется, понимают, что в подобной этнодемографической ситуации не существует реальной угрозы для их этнической самобытности, для сохранения национальной культуры и языка. С другой стороны, националистические тенденции со стороны отдельных представителей титульной нации порождают тревогу и беспокойство.

Таблица 14

**Мнения о защите прав национальных меньшинств
в бывших автономных республиках РСФСР
(в %, по итогам опроса)**

Согласны ли с тем, что в России необходимо укрепление государственности, чтобы защитить права национальных меньшинств в бывших автономных республиках *				
	безусловно согласны	скорее согласны	скорее не согласны	безусловно не согласны
А) Башкортостан				
башкиры	28,6	23,7	5,1	6,1
татары	29,1	27,9	5,4	2,2
русские	34,2	24,9	3,8	2,6
Б) Татарстан				
татары	22,8	21,2	10,4	7,1
русские	42,2	21,6	4,4	2,0
чувашаи	38,1	22,8	3,0	0,5

* В таблицу не включены 36,4% башкир, 35,4% татар и 34,5% русских Башкортостана, а также 38,5% татар, 29,9% русских и 35,6% чувашей Татарстана, затруднившихся ответить на этот вопрос.

В соседнем Татарстане эта тревога проявляет себя даже несколько в более обостренной форме, чем в Башкортостане. Об этом красноречиво свидетельствуют итоги нашего осеннего опроса. Русское и чувашское население здесь гораздо больше, чем татарское, заинтересовано в укреплении Российского государства. Во всяком случае, среди городских русских и чувашей доля сторонников сильной российской государственности как гаранта их прав и статуса соответственно в 10 и в 17,4 раза превосходит долю противников этой цели. Среди татар, ориентированных больше на Казань, чем на Москву, доля первых больше доли вторых всего лишь вдвое (см. таблицу 14).

Именно в этом надо искать корни дискомфорта и последующее обращение к Центру в поисках защиты своих прав, формирование веры в то, что на повестке дня стоит проблема укрепления государственности. И надо полагать, что не зря в качестве общей практической задачи, вокруг которой могли бы сплотиться все россияне, независимо от национальной, конфессиональной, языковой принадлежности, политической ориентации, социального и имущественного положения, Президент избрал идею укрепления Российской государственности. Эта задача, как видно из итогов социологического изучения этнополитической ситуации в Башкортостане и Татарстане, проведенного до того, как Президент обнародовал свое Послание новому Парламенту (Федеральному Собранию), вполне импонирует чаяниям и ожиданиям большинства нетитульного и даже немалой части титульного населения каждой республики.

* * *

Материалы, полученные в ходе совместного Российско-американского этносоциологического исследования, позволили выявить два препятствия на пути реформационного процесса в постсоветском пространстве: национализм, щедро подпитанный искаженно понятой суверенизацией, и политиканство, вскормленное неуправляемым плюрализмом.

Однако самый важный итог состоит в том, что плоды суверенизации и ростки демократизации, выглядят едва ли не более впечатляюще, чем изнурительная борьба за демократию, а скорее за власть на вершине политического Олимпа России.

Прежде всего, следует признать несостоятельной попытку некоторых экспертов обвинить россиян в противодействии демократическим реформам. Народ не отвергает реформы. Более того, он готов к ним и ждет их. Но он, во-первых, ждет от своих мыслителей и полити-

ков четкие аргументированные программы; во-вторых, он категорически против радикализма и шоковой терапии и выступает за эволюционный путь преобразований. Это хорошо видно из позитивного отношения большинства городского башкирского, татарского, русского населения к различным аспектам экономического трансформирования, из стремлений, опережающих реальные процессы, перейти работать из государственного в частный сектор, из рациональных (взаимодобных для различных национальностей) моделей национальной и языковой политики в ключевых сферах общественной и социально-культурной жизни (школа, работа средств массовой коммуникации, государственный язык и т.д.).

Проведенный летом 1993 г. Российским независимым Институтом социальных и национальных проблем опрос двухсот представителей малого предпринимательства в Москве, Владимире, Волгограде и Сыктывкаре выявил, что среди тех, кто препятствует реформе (либерализации цен, оздоровлению бюджета, приватизации, земельной реформе) были названы аппараты местной (54,0%) и центральной (39,0%) исполнительных властей⁶.

И в этом смысле нельзя не признать малообоснованным признание голосов, отданных за Жириновского, результатом глупости народа России. Совершенно очевидно, что эти голоса были предупреждением власть имущим о несостоятельности их курса политики. Попытки отдельных представителей "Выбора России" объяснить свое поражение 12 декабря 1993 г. темнотой, забитостью, неразвитостью народа приведут к увеличению раскола между народом и нынешними политическими элитами. "Я не помню политических деятелей или правительств, - говорил профессор Сорбонны А.Берелович, - которые объясняли бы успех Ле Пэна глупостью французского народа, но все начали думать над тем, какие объективные и субъективные причины побудили часть населения голосовать за такого популиста-фашиста"⁷.

Начало диалога, поиск точек соприкосновения между различными силами, начатый подписанием "Договора об общественном согласии" 28 апреля 1994 г., отражает сложившееся противоречие между "верхами" и самим обществом. Отказ аграрников, коммунистов и "Яблока" и др. подписать договор не является намеренной попыткой воспрепятствовать экономическим и демократическим преобразованиям; это - отражение взглядов и позиций широких слоев населения, уже принявших реформу, но требующих эволюционных методов и способов ее внедрения.

Взвешенное народное "голосование" за эволюционный путь демократических преобразований демонстрирует высокий уровень менталитета граждан России. Нельзя ни забывать, ни обесценивать, ни очернять высокий уровень грамотности населения. Нельзя не доверять широкому культурному кругозору, задающему хорошие перспективы для превращения населения России в открытое гражданское общество, восприимчивое к новейшим тенденциям, в том числе к восприятию демократических форм обустройства общественной жизни.

Политика и экономика тесно взаимосвязаны. И вряд ли можно было ожидать утверждения демократии без узаконения частной собственности, свободной конкуренции и, напротив, ждать легитимизации частной собственности без слома командно-административной системы. Проблема же заключается снова в том, какими темпами, увы, еще раз перераспределять государственную собственность, нажитую трудом миллионов между далеко не миллионами новыми собственниками. И задача не в том, чтобы встать на пути этого перераспределения, а в том, чтобы исключить хищническое, воровское растаскивание и разбазаривание всенародного достояния.

И если новый государственный аппарат не сумеет взять под контроль этот процесс, то народ сам возьмется за его решение. Народ к этому готов. Весь вопрос в том, чем это кончится, если не удастся достичь межнационального согласия и разумно утвержденной политической стабильности.

¹ См. например, *Виктор Алкснис*. Империя погибла, да здравствует интеграция. Двух суверенитетов в одном государстве быть не может // *Независимая газета*, 1994. 2 июня.

² О высоком уровне некомпетентности советников из ближайшего окружения Президента подробнее см.: *Андрей Быстрицкий, Дмитрий Шумарин*. Тень Брежнева меня усыновила // *Литературная газета*, 1994. 30 марта. С. 11.

³ *Голанд Ю.М.* Об ответственности реформаторов // *Куда идет Россия?..*, М., 1994. С. 50.

⁴ Послание Президента Российской Федерации Собранию Об укреплении Российского государства (Основное направление внутренней и внешней политики). М., 1994. С. 58.

⁵ *Жан-Франсуа Денко*. Гарантия демократии - национальная гордость // *Литературная газета*, 1994. 9 марта.

⁶ *Чепуренко А.Ю.* Малый бизнес и большая политика // *Куда идет Россия?..*, М., 1994. С. 99.

⁷ *Алексей Берелович*. Об идее перехода к демократии через авторитаризм // *Куда идет Россия?..*, М., 1994.

Суверенизация союзных и автономных республик СССР и РСФСР проходила под флагами утверждения правовых демократических порядков, установления равных прав и свобод всем гражданам, независимо от их национальной, социальной, религиозной принадлежности, политических позиций и убеждений. Однако в ходе последующего наполнения декларированных суверенитетов реальным содержанием, обнаружилось, что суверенизация совместима с демократизацией до тех пор, пока она, во-первых, воспринимается как суверенизация всего населения республики, а отнюдь не одной какой-либо ее части в ущерб остальным, во-вторых, она не подтачивает внутреннего единства ни республики, ни Российского государства, в-третьих, не нагнетает межнациональное напряжение, в-четвертых, не изолирует республику от других регионов и не отгораживает ее от внешнего мира. В противном случае суверенизация вступает в непримиримое противоречие с демократией и становится не ее сподвижницей, а соперницей.

"Идеи о суверенитете, - говорил Р.Г.Абдулатипов на Всероссийской научно-практической конференции "Федерализм и межнациональные отношения в современной России" (27-28 мая 1994 г.), - к которым примкнули национал-демократические силы, вместо свободы, самостоятельности и возрождения принесли многим народам разочарование, а то и трагедии взаимного отчуждения. И вина за это лежит на тех, кто пошел по самому примитивному и потому - самому неблагоприятному пути и стал самоутверждать свой суверенитет и свое достоинство за счет суверенитета и национального достоинства соседей" ¹.

И тогда на свободу вырываются разрушительные силы дезинтеграции, которые, похоже, еще не попали под пристальное внимание аналитиков и политиков.

По оценке авторитетных экспертов, итоги реформирования (или реформации, по их терминологии) не вселяют оптимизма, так как "до сих пор земельная реформа явно задержалась, демократическое устройство и свободы еще на перепутье, экономическое положение масс опустилось до крайней черты". Такова, в частности, по мысли А.Н.Яковлева "цена искусственного торможения естественного хода истории"². Обращение к голосу народа дает основание думать, что итоги реформации скорее не результат торможения, а урожай форсированного, без расчетов, переустройства.

Отлучение советского человека от частной собственности во имя выполнения одного из марксовых заветов не привело к демократии. Наоборот, отвергнутая частная собственность стала поперек дороги процессам демократизации. Хотя со времен Гегеля было хорошо известно, что именно демократия и частная собственность взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Задача данного очерка состоит в диагностике этнополитической ситуации в республиках России, в определении основных тенденций и перспектив ее развития под влиянием процессов демократизации и суверенизации. При этом исследование качественной стороны суверенизации опирается, прежде всего, на анализ количественных показателей, характеризующих неадекватное понимание сути, целей и задач суверенизации различными слоями населения. Наряду с главным, "приоритетным" критерием плодов суверенизации, состоящих в передаче части полномочий от Центра республикам, в поле зрения вводится оригинальный, не публиковавшийся ранее материал, позволяющий, как нам кажется, выяснить взаимосвязи между суверенизацией, социально-экономическим развитием населения, его духовной жизнью и самосознанием. Особого внимания при этом заслуживает отдельный "срез" суверенизации, показывающий, как суверенитет республики отражается на судьбе национальных меньшинств, в том числе русских, из числа не- титульного населения. Уже накоплен немалый опыт, позволяющий думать, что положение национальных меньшинств может выступать наглядным показателем качественных изменений, вызванных суверенизацией. И именно исходя из этой посылки оценивать как дезинтегративные, так и реинтегративные импульсы суверенизации, полагая, что первые несут в себе негативный и деструктивный заряд, а вторые - начинены позитивными и конструктивными потенциями. Хотя не раз говорилось, что многое зависит от точки зрения.

Проблема национального суверенитета и национального возрождения еще долго будет будоражить, интересовать и интриговать теорети-

ков и политиков. Другой вопрос, насколько весомой она окажется, чтобы выстроиться в сколько-нибудь стройную теорию, или она будет обреченной остаться объектом политических спекуляций и оружием в руках амбициозных политиков. Похоже, что впереди нас ждут трудные поиски ответов на ряд непростых вопросов. Но уже сегодня очевидно, что имея за спиной немалый опыт суверенизации, анализ сути социальных факторов, деятельности политических лидеров надо искать не в справочниках по международному праву, не в контексте международных документов, не в надуманных диагнозах и сомнительных рецептах, а в сфере живой социальной практики. Там, где декларированные постулаты подтверждаются или опровергаются конкретными делами; там, где манифестированные идеи погружаются в мир национального самосознания и отражаются в фактических итогах; там, где налицо трагическая цена, предьявленная жизнью, благодаря тем эгоистическим положениям деклараций о суверенитете, которые неадекватно "реагируя" на реальность, принесли не мир и покой, а кровавую "разборку" - неизбежный итог насильственного насаждения приоритетов для одной части населения в ущерб другой.

Таковой вкратце представляется задача изучения "плодов суверенизации" в контексте "урожая дезинтеграции". Этим определен социологический подход, определивший порядок анализа и структуры очерка. Понятно, что речь идет о крайне сложной в научном плане проблеме, от незнания или непонимания которой может быть нанесен чувствительный урон национальной политике и социальной практике.

МОБИЛИЗОВАННЫЙ ЭТНИЦИЗМ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ДЕМОБИЛИЗАЦИИ

Логика огосударствления этнического фактора путем мобилизованного лингвизма и этнизма с помощью принимаемых законов о языке (языках), о гражданстве, миграциях и мигрантах и некоторых других, в которых государство берет под свой контроль какой-либо элемент национальной жизни от языка до психологии, неизбежно вступает в жесткое противоречие со стратегией и тактикой демократического реформирования. Суть реформ, как многие понимают, состоит в отказе от тоталитаризма с присущим ему огосударствлением всех сторон общественной жизни: политической экономической, культурной, идеологической, национальной и даже демографической, характеризующейся бесцеремонным вмешательством в сферу семейно-бытовых отношений, и переходу к их разгосударствлению.

Если мы хотим быть демократами в национальном вопросе, то национальный фактор, подобно профессиональному, должен быть отделен от государства. Мобилизованный этницизм должен быть демобилизован.

Однако приняв эту посылку за правило, тут же приходится думать об исключениях, и, прежде всего, в связи с тем, что у советского государства накопилось очень много долгов перед некоторыми депортированными народами и национальными меньшинствами, не вернув которые, оно не имеет шансов стать демократическим. Именно поэтому, думается, разгосударствление национального фактора, размагничивание национализма должно происходить, во-первых, синхронно с демократизацией политической системы, во-вторых, с сочетанием параллельного функционирования государственной и негосударственной форм собственности, в-третьих, сопровождаться и подкрепляться поиском новых форм социальных компенсаций, гарантий, направленных на удовлетворение потребностей национальных меньшинств. Словом, для того, чтобы разумно и своевременно осуществлять демобилизацию этницизма, необходимо хорошо знать и понимать условия возникновения и становления мобилизованного этницизма, в том числе помнить, что "историческая вина" и "историческая обида" - не самый лучший фундамент для построения демократического общества.

О ПРАВЕ НА НАЦИОНАЛЬНУЮ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Вопрос об отношении различных групп населения к признанию за титульными нациями исключительного права на создание национальной государственности в ряде случаев стал той демаркационной линией, которая пролегла не только по межнациональному, но и внутринациональному параметру.

Так, например, в бывших автономных республиках России в ходе первой волны суверенизации, когда спешно готовились и не менее поспешно принимались декларации о суверенитете, в республиканской печати было опубликовано немало альтернативных вариантов проектов с различным пониманием того, чей именно суверенитет провозглашается: титульной ("республикообразующей") нации или всего населения республики. При этом ожесточенные дискуссии разгорались не только на уровне управленческих и идеологических структур, не только между теоретиками и активистами национальных движений, но и на митингах и демонстрациях. Однако народ России в целом остался равнодушным к печатным и митинговым

страстям, кроме народа Татарстана, который первым среди народов бывших автономных республик легитимность своего суверенитета подтвердил референдумом.

Совершенно очевидно, что два фактора - язык и этничность - еще долго не потеряют потенциальную возможность для быстрой и целенаправленной политической мобилизации. Именно поэтому в программы и в инструментарию двух масштабных проектов, разработанных американскими учеными, была включена серия вопросов для сопоставительного изучения сути и динамики развития этнополитических ситуаций совместно с уже осуществляемым проектом "Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве".

Трехстороннее сотрудничество (Университеты США, Институт этнологии и антропологии РАН, а также научные и учебные учреждения столиц суверенных республик) принесло свои плоды³. Важную роль при этом сыграла финансовая поддержка, оказанная рядом фондов - Карнеги, National Science Foundation, Маккартуров.

Можно без преувеличения сказать, что только благодаря разносторонней кооперации, объединив усилия многих ученых, удалось услышать голос самих народов.

Выдвинутые национальными движениями проекты Деклараций о суверенитете, в которых суверенизация воспринималась исключительно в интересах одной нации, были отвергнуты трезвомыслящими депутатами Верховных Советов республик. Так, например, в проекте Декларации "О государственном суверенитете Мокшанской Эрзянской Советской Республики (МЭСР), разработанной теоретиками общества "Масторава", Единая Мокшанская и Эрзянская республика провозглашалась "суверенным государством, созданным для осуществления мокшано-эрзянской нацией ее права на самоопределение", а так же с помощью "государственности мокшано-эрзянской нации" - удовлетворять "культурные и языковые потребности эрзян и мокшан на всей территории СССР"⁴. Из принятой 7 декабря 1990 г. Декларации "О государственно-правовом статусе Мордовской Советской Социалистической Республики" тезис о Мордвее как государственности мокшанского и эрзянского народов депутатами был исключен⁵.

Принятие деклараций, сняв часть противоречий, особенно между Центром и республиками, привнесло новые: линия раскола пролегла даже внутри самих республик, а именно, в отношении к идее национальной государственности.

Дальше других национальных движений в обосновании идеи национальной государственности и соответствующей ей парадигмы

Таблица 1

**Отношение к требованию БНЦ "Урал" признать право
на создание национальной государственности только для башкир
(в %, по данным опроса)**

Одобрят ли требование признать башкир единственным "республикообразующим" народом с монопольным правом создания национальной государственности?				
	одобряют	не одобряют	безразличны	затрудняются ответить
башкиры	31,5	43,9	7,5	17,1
татары	7,0	71,5	8,2	13,2
русские	3,3	82,6	4,1	10,1

"республикообразующей нации", пожалуй, продвинулись аналитики Башкирского народного Центра "Урал". Дискуссия по этому вопросу глубоко взволновала пишущую и читающую часть населения Башкортостана. Вместе с тем, еще накануне принятия Декларации не выясненным осталось самое главное - мнение народа. Его голос не был услышан. Однако и после ряда лет суверенизации не поздно обратиться с этим вопросом к населению республики: и не только к башкирам, но и к татарам и русским.

Таблица 2

**Национальный состав групп населения (таксонов), по-разному
оценивающих требование БНЦ "Урал" признать право
на создание национальной государственности только для башкир
(в %, по данным опроса)**

Одобрят ли признание башкир единственной республикообразующей нацией?			
	башкиры	татары	русские
Полностью одобряют	75,3	15,3	9,5
Скорее одобряют	76,5	17,4	6,0
Безразличны	38,6	40,5	20,9
Скорее не одобряют	38,8	38,1	23,1
Категорически не одобряют	13,6	33,4	53,0
Затрудняются дать ответ	43,1	31,7	25,2

Действительно, одобрили эту идею почти треть городских башкир, но вместе с тем, около 44% высказались против. Скорее не одобрили

или категорически отвергли идею "республикообразующей" нации более чем четверо из пятерых русских и без малого каждые трое из четверых татар (см. таблицы 1-2). Иными словами, несмотря на широкую пропагандистскую деятельность БНЦ, его руководству в целом не удалось превратить концепцию республикообразующей нации в общешкирскую национальную ценность. Вопреки утверждениям некоторых лидеров башкирского национального движения, их радикальные требования не нашли широкой социальной базы даже среди городских башкир.

Имеет смысл в этой связи еще раз напомнить о расхождениях, которые имеются в некоторых ключевых положениях программных документов трех национальных движений.

Можно полагать, что при разработке программных целей и задач движения между теоретиками БНЦ "Урал" не было полного единства. Ясно, что необычно смелыми для того времени (конец 1989 г.) были выдвигаемые ими требования. Чересчур робкими были первые шаги мобилизуемого этницизма, слишком маловероятными казались попытки утверждения лингвизма. Вероятно, по этой причине в программные документы I съезда вкрались разночтения, касающиеся некоторых из вышеупомянутых ключевых положений. Так, например, в отличие от "Устава" в "Резолюции" и в "Обращении" - документах, принятых на том же съезде, за русским языком устанавливался как бы двойной статус: "общегосударственного" языка и "языка межнационального общения"⁶.

Особую озабоченность небашкирского населения вызвало требование лидеров БНЦ "Урал" признать право самоопределения только за башкирским народом. В принятом по этому поводу специальном "Обращении", была разработана целая программа мер по башкиризации - содействию башкирам в реализации их права на национально-государственное самоопределение⁷, и лишению других народов аналогичного права.

В одном из программных требований выдвигалась задача по неокоренизации сферы управления путем разработки специальных мер для содействия увеличению доли башкир в составе "руководящих работников и высококвалифицированных специалистов республиканских органов, городских и районных организаций, предприятий центральных ведомств и местных хозяйств"⁸.

Радикализм и этноцентрическая направленность выдвинутых требований, естественно, породили ответную реакцию. Характерна в этом отношении эволюция культурно-языковых требований татар в политические. В самом деле, среди ключевых положений и задач,

включенных в Устав татарского общественного центра (от 14 января 1989 г.), не было упомянуто о преобразовании статуса республики из автономной в союзную, об огосударствлении языков, о каких-либо сепаратистских устремлениях. В спокойных, умеренных тонах речь шла лишь о создании благоприятных условий для свободного развития и применения татарского языка в республике, о необходимости культурно-языковой консолидации татар и о развитии национального самосознания⁹.

Совсем иной характер приобрели требования ТОЦ после принятия Декларации о государственном суверенитете Башкирии. В специальной Резолюции, принятой на Пленуме ТОЦ БССР 20 октября 1990 г., руководители и участники Пленума призвали своих сторонников и сочувствующих "использовать все дозволенные законом формы и методы действий" для: 1) объявления не одного, а трех (башкирского, русского и татарского) языков государственными языками на всей территории БССР; 2) образования национальных районов и сельсоветов в местах компактного проживания граждан не-башкирской национальности; 3) образования двухпалатного Верховного совета БССР; 4) "наметить реальные меры по воссозданию Уфимской области в составе РСФСР"¹⁰.

В программных установках русского национального движения, гораздо позже заявившего о себе на этнополитической карте Башкирии, были выражены полярно иные позиции, чем в документах БНЦ "Урал". "Единая и неделимая Россия", "не повышение статуса национально-автономной республики в национально-союзную, а отказ от них и переход на территориальное деление страны", "многопартийная демократическая система", "выборы в городскую, губернскую, государственную Думы" - таков был едва ли не основной узел важнейших положений Программы Уфимского историко-патриотического Собора, положений, опубликованных в 1-м номере малотиражной газеты "Соборные ведомости" в начале 1990 г. В "Уставе" общественного объединения "Русь", принятом на Учредительном Собрании 28 марта 1992 года, была выдвинута программа развития русского населения, предусмотрено расширение пропаганды русскости (языка, самосознания, культуры, истории, традиций русского народа, восстановление его духовности), обращено внимание на расширение участия русских в управлении республикой и в политической жизни¹¹.

О новой ситуации в межнациональных отношениях на рубеже 1991-1992 гг. свидетельствует выдержка из Резолюции Первого Собора общественного движения "Русь", принятой 23 мая 1992 года: "В республике идет систематическая обработка населения в национали-

стическом духе. Во многих средствах массовой информации, на митингах, в пикетах, на инспирированных голодовках сегодняшнее российское руководство обвиняется в имперской колониальной политике. Русские именуются колонизаторами, великодержавными шовинистами. Постоянно раздаются призывы к разворачиванию национально-освободительной борьбы. Проповедуется неизбежность развала Российской Федерации. Организируются антиконституционные акции по захвату республиканского телевидения, надругательству над российским государственным флагом. При этом правоохранные органы не привлекают виновных к ответственности"¹².

Итак, идея создания мононационального государства в открытой или имплицитной форме стала одной из наиболее зажигательных в том смысле, что титульная нация мобилизовалась на приобретение реальных приоритетов. Однако в Башкортостане эта идея, как видно, не получила достаточно широкой поддержки.

Четверть века тому назад, формулируя непростые задачи американской политики, президент США Линдон Джонсон заострил внимание на том, что проблема администрации Белого дома состоит не в том, чтобы поступать справедливо, а в том, чтобы хорошо знать и хорошо представлять себе, что есть сама справедливость¹³.

Борьба за монопольное право одной нации быть "республикообразующей" и иметь свою национальную государственность страдала, кроме национал-эгоизма, слабым и недальновидным расчетом причинно-следственных связей в сложившейся системе координат и межнациональных взаимоотношений. Внимание, безраздельно отданное возрождению своей нации, без учета того, что другие нации неминуемо захотят тоже возродиться, обернулось ослаблением собственной позиции, подрывом и истощением сил в борьбе за национальную консолидацию. Только первостепенный учет потребностей иных национальностей, разумеется, когда они в силу малочисленности нуждаются в патронаже, могло бы блокировать межнациональное противостояние и обернуться благом для нации большинства. Иными словами, допущение несправедливости по отношению к национальным меньшинствам по закону обратной связи наносит не меньший вред доминирующему большинству, чем дискриминируемому меньшинству. И чем выше менталитет и духовный баланс большинства, тем ответственней задачи его политиков и мыслителей в деле отказа от идеологии и власти насилия, в разработке взаимоприемлемых механизмов саморегуляции всего комплекса вопросов развития национальностей и построение достойной человека системы межнациональных отношений.

Очередной исторический парадокс состоит в том, что воинственный национализм, не желая того, подписывает себе приговор, открывая дорогу бесплодному космополитизму и оголтелому интернационализму.

ВЛАСТЬ И СИЛОВЫЕ СТРУКТУРЫ. ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Определение роли суверенизации в обновлении политического устройства до сих пор плохо изучено.

Мало кто знает о внутренних причинах и механизмах этого процесса. Однако есть вещи, которые лежат на поверхности и могут быть "схвачены", если не стопроцентным пониманием, то, по крайней мере - сочетанием интуиции и здравого смысла. Ясно, что суверенизация началась с отсутствия согласия между периферией и Центром и означала в сущностном плане борьбу за власть, за перераспределение полномочий между республиками и Центром. Эта посылка не требует особых доказательств, особенно в свете того итогового политического документа, принятием которого закончилось трехлетнее перетягивание каната между Казанью и Москвой. Даже само название документа - Договор "О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан"¹⁴ - говорит само за себя.

Однако для того, чтобы власть была властью, а не декорацией, ей нужна серьезная опора. Наполнение суверенизации республик реальным содержанием означало не только перераспределение власти, но и установление нового соотношения сил, на которых эта власть могла продержаться и реализовывать свою волю, преодолевая сопротивление тех, у кого эта власть частично или полностью изымалась.

Определенную нагрузку в осмыслении реалий суверенитета несет понимание того, в чем подчинении - Центра (Москвы) или суверенной республики находятся силовые структуры, к которым, как правило, относят министерства обороны, безопасности и внутренних дел. Половина городских башкир и без малого такая же доля татар полностью или скорее одобрительно отнеслись к возможному переводу армии, милиции и органов госбезопасности под юрисдикцию Башкортостана. Русское население отнеслось к подобной перспективе гораздо более сдержанно: лишь немногим более четверти одобрили возможность такой акции (см. таблицу 3).

В Татарстане поляризация мнений между городскими татарами и не татарами оказалась более сильной, чем в Башкортостане. Если в первом случае, т.е. в городах Башкортостана, доля "одобряющих"

башкир превосходила долю аналогично думающих русских в 1,7 раза и была равновелика среди башкир и татар, то в Татарстане удельный вес татар, проголосовавших за перевод силовых структур под власть своей республики, превосходила долю русских в 2,7 раз, а долю чувашей в 3,0 раза.

Таблица 3

**Отношение к возможной перспективе перевода силовых структур
(армии, милиции, органов госбезопасности)
под юрисдикцию своей республики
(в %, по итогам опроса)**

	полностью и скорее одобряют	безразлично	категорически и скорее не одобряют	затрудняются ответить
А) Башкортостан:				
Башкиры	50,4	15,2	15,0	19,3
Татары	46,1	11,9	21,0	20,9
Русские	29,2	12,4	38,1	20,3
Б) Татарстан:				
Татары	53,8	14,5	13,5	18,2
Русские	20,2	11,0	48,7	20,2
Чуваши	17,8	8,4	40,6	33,2

Из этих ответов следует чрезвычайно важный вывод, имеющий принципиальное значение для определения климата межнациональных отношений в двух соседних республиках. Оснащение республики властью и подкрепление этой власти силой вызывает разную реакцию не-титульного населения: относительно спокойное отношение в Башкортостане и беспокойство в Татарстане. И чем меньше численность не-титульного населения, тем выше уровень беспокойства.

Почти треть чувашского населения в городах Татарстана не взяла на себя ответственности дать ответ на поставленный вопрос о том, на чьей стороне - Казани или Москвы - должна быть сила (см. таблицу 3).

Иными словами, линия разброса мнений по такой непростой вещи, как юрисдикция силовых структур в Татарстане между татарами и не татарами пролегла глубже, чем в Башкортостане. Президент Татарстана Минтимер Шаймиев как мудрый политик, хорошо осведомлен-

ный о положении дел в своей республике и уверенно контролирующей этнополитическую ситуацию, не зря счел необходимым особо заявить о своем несогласии с идеей создания национального парламента (Милли Меджлиса) как некоего моноэтнического параллельного правительства "Великого Татарстана" и с планами создания татарской национальной гвардии, и тем самым рассеять "тревогу русских за свое положение в Татарстане". Именно благодаря этой центральной идее, изложенной не только Президентом, но и другими государственными органами, М.Шаймиеву на выборах 13 марта 1994 г. в Совет Федерации России удалось получить на 204 тыс. голосов избирателей больше, чем три года назад, когда его избрали Президентом Татарстана¹⁵.

Поляризация мнений по отношению к власти в лице ее силовых структур пока еще происходит на фоне слабой в целом политической ангажированности широких кругов населения. Напомним рассмотренные выше (в 1-ом очерке) данные, согласно которым минимальная доля городского населения, в том числе 7,2% башкир в Башкортостане и 4,5% татар в Татарстане, а так же 2,1% и 1,6% русских в каждой из республик принадлежат культурным или этнополитическим организациям, отстаивающим интересы своей национальности.

Эти данные вполне корреспондируют с итогами опроса, проведенного в июле 1994 г. в 11 регионах России Российским независимым институтом социальных и национальных проблем. Каждый второй из 1700 опрошенных респондентов в ответ на вопрос "какой из способов воздействия на власть с целью отстаивания своих интересов Вы считаете наиболее эффективным?" ответил, что таких способов не существует¹⁶. В основе этого явления - политической анемии, или, по словам Ю.Левады, "защитного механизма массовой политической апатии" лежат как отсутствие опыта к самоорганизации, так и критическое отношение россиян к не оправдавшим свои обещания политическим и в первую очередь властным структурам.

Логическая реализация (до конца) идеи "одна нация - одно государство" ведет в тупик. Пока это ясно не всем. Но такова уж другая логика - логика прозрения: сначала разум светлеет у одних и следует добровольный отказ от дальнейшей эскалации национального суверенитета, затем у большого числа лиц и рождаются документы, по крайней мере, об адекватном понимании суверенитета, и, наконец, становится достоянием большинства и одновременно делается необратимым.

В нынешнем постсоветском пространстве пока еще этого нет и не скоро предвидится. Более того, сегодня разрушительная энергия национал-сепаратизма находится еще в соку и в силе. Суверенитеты продолжают наполняться содержанием, а правительство подписывает

программы национального возрождения по принципу принадлежности к языковой семье, а не по факту совместного проживания народов. Между бывшими союзными республиками воздвигаются таможенные барьеры и наращиваются отряды контролеров. Люди в военной форме и с той и с другой стороны ставят полосатые пограничные столбы.

Одновременно растет число прозревших политиков. Именно поэтому имеет исключительно важное значение "урок впрок", т.е. весь позитивный и негативный опыт мобилизованного этницизма, документальной основе которого посвящена создаваемая Институтом этнологии и антропологии РАН хроникальная серия очерков, свидетельств и документов "Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве". Без охвата всей совокупности данных, собранных по городам и весям и посвященных основным проявлениям национальных движений, нам будет угрожать информационный инфантилизм, а вместе с ним беспомощность в понимании сути и тенденций этнополитических процессов и ситуаций.

Исчерпывающая информация о теории, идеологии и практике национальных движений нужна для того, чтобы прозрение, как бы тяжело оно не давалось, не стало фатальным для самих народов. Предстоит очень большая работа по изданию стенографических отчетов съездов и пленумов творческих союзов, как грибы после дождя возникающих ассоциаций, клубов, союзов, землячеств. Все это бесценный материал и надо приложить максимум усилий, чтобы не дать ему погибнуть, сохранить для грядущих поколений. И, наконец, информационная насыщенность должна скрасить тревожное ожидание того, что принесет национальным движениям дальнейшая дезинтеграция постсоветского пространства и последующий за ним очередной виток реинтеграции. Тем более очевидно, что вряд ли мы сможем как-то приближенно судить о будущем, не говоря уже о возможности как-то повлиять на него, если мы не будем всесторонне изучать теорию национальных движений дня сегодняшнего и дня завтрашнего.

В статье, написанной на основе доклада, подготовленного к Международной конференции "Мир в XXI в.", состоявшейся 27 марта 1993 г. в Сеуле, М.С.Горбачев пришел к горькому умозаключению: "Народы, живущие в постсоветском пространстве, дорого заплатили за понимание того, что им судьбой предназначено жить вместе"¹⁷.

Этот запоздалый вывод тем более ценен, что свидетельствует о прозрении крупного руководителя долгое время в упор не признававшего значения национального фактора, тесной взаимосвязи прав человека и прав национальных меньшинств. Анализируя сложнейшие по

своим историческим предпосылкам и социологическим последствиям центробежные тенденции, расколовшие бывший Советский Союз и новейшие центристские силы, заинтересованные в реинтеграции постсоветского пространства, М.С.Горбачев вынужден был сделать еще одно самокритичное признание относительно особой значимости национальных проблем "в стране, где накопились многие национальные проблемы, которые раньше подавлялись, загонялись вглубь, а теперь выплеснулись наружу"¹⁸.

В первой половине 1994 г. на общественность обрушился целый каскад покаяний со стороны лидеров порой прямо противоположных политических ориентаций. Большинство из них преследовало одну цель: снять с себя вину за соучастие в создании кризисной ситуации в широком диапазоне от дестабилизации порядка в границах бывшего СССР до кризиса отдельной личности.

"Все "межнациональные", "этнополитические", "внутренние" и иные конфликты, вспыхнувшие на территории бывшего Союза, - пишет наблюдательный журналист,- разворачиваются вокруг одного "приза" - власти. У каждого из этих конфликтов есть свои авторы". С этим трудно не согласиться.

ПОЛЯРИЗАЦИЯ ОЖИДАНИЙ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ НОВЫХ УЗЛОВ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

Различное понимание целей, задач и функций суверенизации, обостренное внимание к реализации различных ее аспектов, в частности, развития республики в составе России или вне ее, не могло не привести к столкновению интересов в сферах экономики, управления, безопасности. Анализ законодательной деятельности бывшего Верховного Совета России, а также Верховных Советов бывших автономных республик дает основание для вывода о том, что политикам явно не хватает информированности о взаимопонимании и конфронтации между национальностями по конкретным узловым вопросам.

Между тем, политикам трудно выписывать рецепты, если, во-первых, нет профессионально поставленного диагноза о таких грозных заболеваниях, как этноограниченность, этноэгоизм, этнофобия..., и если, во-вторых, не определено, какую форму - доброкачественную или злокачественную - приобретают выявленные очаги заболеваний.

Этносоциологические исследования позволяют ставить задачи по определению корней нарастающей тревоги русского населения даже в

тех республиках, где они составляют большинство городского или столичного населения.

Почему, например, в городах Башкортостана, где русские составляют демографическое большинство, им неуютнее, чем другим национальностям?

Обратимся к оценкам людей различной национальности по вопросам, ответы на которые дают некоторые основания судить о наличии или отсутствии установок этнической интра- или экстравертности.

Таблица 4

**Отношение к ограничениям на въезд в республику
лицам нетитульной национальности
и для приобретения дефицитных товаров
(в %, по данным опроса)**

Согласны ли, что надо создавать ограничения для въезда в Башкортостан и в Татарстан?					
	представителям нетитульной национальности	за приобретением дефицитных товаров (представителям из других республик)	представителям нетитульной национальности	за приобретением дефицитных товаров (представителям из других республик)	
	безусловно и скорее согласны		безусловно и скорее не согласны		
А) Башкортостан:					
Башкиры	22,3	59,1	63,0	32,9	
Татары	12,5	57,4	76,1	33,2	
Русские	4,3	53,0	88,0	37,6	
Б) Татарстан:					
Татары	23,7	58,4	58,3	31,3	
Русские	5,9	49,0	84,3	42,1	
Чуваши	5,5	58,9	80,2	28,8	

Но одним из надежных средств выявления степени взаимной толерантности может служить анализ установок башкир, татар и русских по отношению к ограничениям на въезд в Республику Башкортостан для лиц башкирской и не-башкирской национальности в сравнении с ограничениями на въезд лиц без учета их этнической принадлежности, например, на въезд для приобретения дефицитных товаров. Опрос показал, что среди городских башкир удельный вес согласных или,

безусловно, согласных на этническое ограничение, оказался в 5 раз больше, чем среди русских и почти в 2 раза больше, чем среди татар (см. таблицу 4). В то же время в мнениях представителей всех трех национальностей почти не оказалось существенной разницы по вопросу о необходимости введения ограничений на въезд в республику за покупкой дефицитных товаров (см. таблицу 4).

В соседнем Татарстане, где доля русских в целом по республике меньше доли татар, а в городах, напротив, даже больше (на 8,7%), в том числе в Казани - на 14,2%, установки на ограничение по этническому признаку оказались сходными. Среди городских татар доля лиц, ориентированных на необходимость введения ограничений для въезда в Татарстан для людей не татарской национальности, оказалось в 4,0-4,3 больше, чем среди русских и чувашей (см. таблицу 4). И так же, как в Башкортостане, татары и чувашки оказались приблизительно одинаково предрасположенными к ограничениям для лиц безотносительно их национальной принадлежности. Лишь среди городских русских доля подобным образом настроенных горожан оказалась несколько меньше, чем татар и чувашей (см. табл.4). Тем не менее, впечатляет разница в голосах, поданных "за" ограничения по национальному признаку и "за" - ограничения для тех, кто приезжает за покупками: первых среди татар меньше, чем вторых, в 2,5 раза, среди русских - в 8,3 раза, среди чувашей - в 10,7 раза.

Следовательно, идеология и ориентация на национальную государственность, понимание суверенитета как реализации монопольного права титульной нации на самоопределение сопряжено у части городского башкирского населения в Башкортостане и городского татарского в Татарстане с чувствами этнической замкнутости. Это находит свое выражение в готовности оказать содействие в возврате мигрантов из других районов и регионов страны в свою республику для консолидации соответственно башкирской и татарской нации и в отказе на въезд, а, следовательно, и на внутриэтническую консолидацию живущим представителям по соседству нетитульной национальности.

Путь к осязаемым достижениям в социально-профессиональной карьере в открытом обществе лежит через высшее образование. Не преодолев порога высшей школы человек вряд ли может рассчитывать на занятие высокооплачиваемой или престижной работы¹⁹. Башкортостан в этом смысле не является исключением, хотя, по сравнению с доперестроечным периодом, наблюдается тенденция некоторого падения рейтинга высшего образования как ценности. Неудивительно, что теперь, особенно в условиях обострения межнациональ-

ных отношений, вопросы, связанные с поступлением молодежи в институты и университеты, не теряют своей актуальности.

Почти половина городских татар и едва ли не каждый второй из трех русских считает, что при поступлении в ВУЗы Башкортостана национальная принадлежность дает преимущество прежде всего башкирской молодежи²⁰. И, похоже, что обнаруженный стереотип является достаточно устойчивым и относительно широко распространенным в общественном мнении Башкортостана, так как даже среди самих башкир это мнение является доминирующим. По крайней мере, двое из пятерых башкир также согласны с этой точкой зрения, тогда как доля башкир, признающих наличие привилегий для татар и русских, во много раз уступает удельному весу первых (см. таблицу 5).

Таблица 5

Мнения о наличии преимуществ по национальному признаку при поступлении в ВУЗы Башкортостана и Татарстана
(в %, по итогам опроса)

Дает ли национальная принадлежность преимущества?									
А) при поступлении в ВУЗы Башкортостана (башкирам, татарам, русским)									
	<u>дает</u>			<u>не дает</u>			<u>трудно сказать</u>		
	баш.	тат.	рус.	баш.	тат.	рус.	баш.	тат.	рус.
Башкиры	40,5	12,1	15,9	31,6	43,1	42,0	27,9	44,8	42,1
Татары	45,6	14,9	11,4	24,4	46,7	47,5	30,0	38,4	41,4
Русские	60,3	26,2	6,0	13,3	26,0	60,6	26,4	47,8	33,4
Б) при поступлении в ВУЗы Татарстана (татарам, русским, чувашам)									
	<u>дает</u>			<u>не дает</u>			<u>трудно сказать</u>		
	тат.	рус.	чув.	тат.	рус.	чув.	тат.	рус.	чув.
Татары	24,7	8,2	2,1	39,1	44,1	36,5	36,2	47,7	61,4
Русские	43,9	5,6	1,8	18,2	55,4	33,9	37,9	38,9	64,3
Чуваши	57,4	7,9	2,0	7,9	36,1	55,9	34,7	55,9	42,1

Нетитульное население Татарстана также склонно думать, что татарские абитуриенты имеют некоторые привилегии для преодоления порога высшей школы. По крайней мере, как показал опрос, каждые двое из пяти русских, более, чем каждый второй чуваш считают, что принадлежность к татарской нации дает абитуриентам преимущество при поступлении в ВУЗы Татарстана. Сами татары в это не верят, за исключением каждого четвертого, по мнению которого, они все же имеют преимущество при поступлении в ВУЗы (см. таблицу 5).

Какovo происхождение этого стереотипа в каждой республике? Является ли это убеждение наследием прошлого, опытом советской истории, политика аффириативных действий которой требовала создания приоритетных условий для подготовки кадров из числа представителей титульных наций, или оно (убеждение) является новообретением перестроечного и постперестроечного времени и принадлежит к "плодам" суверенизации, трудно сказать. Более того, задумываясь над поставленным вопросом, представители всех национальностей испытали серьезное затруднение, значительно превышающее усилия, необходимые чтобы дать ответы на многие иные вопросы анкеты. Обращает на себя внимание важная деталь: ответы на вопрос о наличии преимуществ для башкир в Башкортостане и для татар в Татарстане, давались респондентам все-таки легче, чем ответы о наличии преимуществ для представителей нетитульной национальности в каждой из республик (см. таблицу 5).

Понятно, что выяснение генезиса небезопасного стереотипа без проведения панельных исследований крайне затруднено. Однако важно подчеркнуть другое - в общественном сознании сидит заноза, она нервирует население и оказывает отнюдь не оздоравливающее влияние на климат межнациональных отношений, и поэтому требует серьезного внимания и со стороны исследователей, и со стороны политиков.

Данные по Башкортостану и Татарстану, разумеется, не следует экстраполировать на всю Россию. Однако, если судить по тому, как оценивают россияне нынешнюю ситуацию в России, можно убедиться в том, что поляризация ожиданий от суверенитетов и демократов продолжает раскалывать общество и вводит значительные массы населения в состояние глубокой коллективной депрессии. Об этой тенденции, в частности, можно судить по красноречивым итогам опроса 1700 респондентов, проведенного в июле 1994 г. Российским независимым институтом социальных и национальных проблем в 11 регионах России. Оказалось, что только 5,9% опрошенных оценили ситуацию в России как обычную. Подавляющее же большинство - 88,9% оценили ее как ненормальную, в том числе 22,0% - как вызывающую тревогу, 39,8% - как кризисную, и, наконец, 22,0% - как катастрофическую²¹.

ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТЬ КРИЗИСНЫХ И ДЕЗИНТЕГРАЦИОННЫХ ФАКТОРОВ

История распада трех многонациональных государств - СССР, СФРЮ и ЧССР позволяет выявить глубокие и разносторонние связи между нарастанием кризисных явлений и углублением дезинтеграцион-

ных процессов. Сильнейшим катализатором распада выступает неразрешимая дилемма о том, что важнее: право народов на самоопределение или нерушимость границ и нерасчлененность территорий.

Трагедия постсоветского пространства состоит в том, что проклятие указанной дилеммы переносится в этнополитическую практику новейших государств, большинство из которых, подобно России, Казахстану, Молдове, Латвии и другим, многонациональным по своему составу. Тенденции развития, признаки и закономерности распада СССР обнаруживаются и у государств, возникших как на базе СССР, порождая сходные проблемы, связанные, прежде всего, с решением территориальных споров в связи с изменившимся статусом проживающих в бывших республиках титульных наций и нетитульного населения. Особые споры при этом вызывают проблемы самоопределения национальных меньшинств.

В основе сопутствующих кризисных явлений лежат не только правовые вопросы по регулированию межнациональных отношений, но и вопросы, связанные с разделом общего имущества. В состоявшемся в 1990 г. параде суверенитетов вслед за такими ключевыми понятиями, как носитель власти и суверенитета, верховенство законов республики над законами Центра и рядом других, важное место занимали проблемы разделения имущества бывшего СССР. "Украинская ССР, - говорится, например, в Декларации "О государственном суверенитете Украины", - имеет право на свою долю в общесоюзном богатстве, в частности, в общесоюзных алмазном и валютном фондах и золотом запасе"²². Аналогичные пункты-требования содержались в декларации Белоруссии²³, Казахстана²⁴, Армении²⁵, Туркмении²⁶, Кыргызстана²⁷.

В отличие от других союзных республик Декларация "О независимости" Армении провозгласила дополнительное право Республики Армении "на свою долю вооружений СССР"²⁸.

Нельзя не обратить внимание на то, что часть союзных республик, не упомянутых в вышеприведенном перечне, а так же автономные республики России тогда, в 1990 г., еще "не посягнули" на раздел общесоюзного или общероссийского имущества. Лишь только Коми ССР и Кабардино-Балкария внесли в свои декларации пункт о том, что они имеют право на свою долю в общественном национальном богатстве страны, которое создано благодаря усилиям народа республики²⁹, а Марийская ССР - "право на возмещение ущерба, нанесенного ей действиями союзных и республиканских органов"³⁰, опередив в желании и готовности делить общесоюзное имущество даже такие далеко шагнувшие впоследствии в суверенитет республики, как Татария, Башкирия и Чечено-Ингушетия.

Кризисные явления и дезинтеграция шли нога в ногу, подпитывая, дополняя и усиливая друг друга. При этом особую тревогу вызывает нарастание кризисных явлений в сфере экономики, правопорядка, идеологии, духовной жизни, что, несомненно, в конечном счете, отражается на кризисе личности.

Дезинтегративные явления в настоящее время являются одновременно причиной и следствием продолжающегося спада производства в постсоветском пространстве. По данным статистического комитета СНГ, в первом полугодии 1994 г. в странах СНГ промышленное производство сократилось на 27,6% по сравнению с тем же периодом предыдущего года. Самые высокие показатели спада по-прежнему имели место в Грузии, где промышленное производство сократилось за январь-июнь на 50,0%. В ряду "лидеров" по отрицательным показателям выстроились Украина (36%), Туркмения (33%), Белоруссия (31,5%), Казахстан (29,0%).

Спад в России оказался несколько ниже среднего показателя в рамках СНГ и составил 25,8%³¹. Тем не менее, останавливаются не только отдельные предприятия, но и целые отрасли. Национальные вложения за два года (1992-1993 гг.) сократились более чем в два раза³².

Получить надежные сведения о реальном экономическом положении в бывших союзных республиках сегодня очень трудно. Приходится пользоваться непроверенными данными, полагаясь на личные впечатления российских журналистов, допущенных в новые независимые государства. Их "впечатления" действительно впечатляют. В городе Туркменбаши (бывший Красноводск) "колбасы не видели со времен распада СССР", а за хлебом жители города стоят в очереди по пять часов³³.

Шоковая терапия, навязанная россиянам реформами Гайдара открыла зеленый свет глубоким процессам имущественного расслоения, что, в свою очередь, создало предпосылки для криминализации общества.

"Когда я вижу в журнале "Коммерсант" рекламы о покупке вилл в Америке за 350 тыс. долларов, - говорил шотландский ученый Алек Нув, - я вспоминаю, что англичанам и французам в первые 30 лет после войны подобные покупки были запрещены. И валюта для туризма была ограничена, так как были другие приоритеты. Такие меры нужны и в России"³⁴.

Идеологический кризис в наиболее ярком виде проявил себя в поражении, которое коммунистическая идеология потерпела от агрессивного наступательного национализма. И тот факт, что национализм победил под флагом якобы демократизации еще больше обостряет ситуацию, начиная ее взрывоопасной смесью, так как попытка отхода от

коммунализма к индивидуализму в принципе несовместима с национализмом, возвращенном на почве приоритетов групповых, а не личностных интересов.

Кризис личности выступает субъективной равнодействующей объективного системного кризиса (от экономического и политического до семейно-бытового и психологического). Одновременно кризис человека как первостепенной ценности имеет обратную силу, дополняя и углубляя остальные грани системного кризиса, находящиеся вне сознания и поведения человека.

Среди критериев этого кризиса - девальвация образования, падение уровня ментальности, моральная деградация, вовлечение в криминальную революцию и расширение сферы аномального поведения.

Стремительная переоценка ценностей, особенно среди молодежи, замещение таких нравственных идеалов как вера, честность, справедливость, любовь к Родине и профессии, уважение к труду и хлебу новыми идеалами, среди которых на первом месте - нажива любой ценой, ведет к недопустимому падению нравственности, к коррозии самоуважения и самоидентификаций, включая манкуртизированную индифферентность к своей национальной культуре и национальной принадлежности. Для многих торговать сникерсами, презервативами и тапаксами кажется престижнее и выгоднее, чем добывать новые знания или заниматься производительным трудом.

Вслед за катастрофическим кризисом в социально-экономической сфере наступает обострение в демографических процессах. По сведениям специалистов, с 1992 г. в России начался отрицательный естественный прирост населения³⁵.

Пора признаться, что существует корреляция не только у политики с психологией, но и у экономики со здравоохранением, если иметь ввиду наряду с экономическими и социальными кризисами еще один кризис - рост венерических заболеваний, число которых в 1993 г. возросло по сравнению с 1987 г. в 7 раз и составило в абсолютных цифрах 33,8 больных сифилисом на сто тысяч населения³⁶. Снижение рождаемости также идет следом за резким ухудшением здоровья населения и повышением смертности в трудоспособных возрастных группах. Кризис в динамике численности и развитии народов осложняется и дополняется демографическим пессимизмом, проявляющем себя в увеличении численности граждан, воздерживающихся от желания иметь детей.

Среди большинства городского населения Башкортостана и Татарстана доли лиц, не желающих иметь детей, или не знающих, будут ли у них дети в будущем, превосходила долю тех, кто был уверен в том,

что у них дети будут. В городах Башкортостана, доля первых ("пессимистов") превосходила долю вторых ("оптимистов") среди татар - в 1,8 раза, среди башкир и русских - в 1,3-1,4 раза, в городах Татарстана соответственно среди русских - в 2,3 раза, среди татар и чувашей - в 1,7-1,8 раза (см. таблицу 6).

Таблица 6

Собираются ли иметь детей в будущем (в %, по данным опроса)

	Башкортостан			Татарстан		
	баш.	тат.	рус.	тат.	рус.	чув.
нет, не хотят	30,2	34,8	35,4	34,7	38,2	45,0
нет, не могут	22,8	25,0	30,1	18,2	27,5	17,3
да	32,8	31,3	24,1	30,5	22,1	29,2
не знают	13,0	8,2	8,4	15,8	11,6	7,9

КРИЗИС В СФЕРЕ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

Дезинтегративные тенденции усиливаются и ускоряются падением образованности и нравственности среди граждан постсоветского пространства. Еще совсем недавно советские люди гордились тем, что они - "самый читающий народ в мире", а их Родина - СССР - страна сплошной грамотности. Сегодня самых "читающих" хотят переделать в самых "считающих", но при этом не самых "думающих", а рейтинг высшего образования, да и образованности в более широком смысле слова катастрофически падает. Целенаправленная (последовательное сокращение бюджетных ассигнований) и стихийная (утечка мозгов) дискредитация науки и культуры, образования, травля научных учреждений и в первую очередь Российской Академии наук со страниц радикально-демократических изданий, таких как "Московский комсомолец", чехарда вокруг правоохранительных органов, бесконечная борьба за силовые структуры между политическими группировками, кланами и ветвями власти, то есть расшатывание основ государственности, в сочетании с метастазами коррупции, пожаром криминальности, анархией в управлении порождают апатию у одних, раздражение у других, неверие в любую власть у третьих.

На глазах хиреют давно устоявшиеся ценности, без которых не мыслим дальнейший прогресс, например, ставшее привычным для большинства граждан бывшего Союза стремление получить высшее образование.

Около двух третей башкир, татар и русских в городах Башкортостана и около трех четвертей татар и русских в городах Татарстана считают необходимым высшее образование приблизительно в равной мере как для мужчин, так и для женщин. Заметно отстают от русских и от татар представители чувашского национального меньшинства в городах Татарстана (см. таблицу 7).

Таблица 7

Рейтинг образовательного уровня (в %, по данным опроса)

А) Какой уровень образования считают необходимым для мальчиков?						
Образование	Башкортостан			Татарстан		
	баш.	тат.	рус.	тат.	рус.	чув.
среднее	4,2	3,6	2,9	4,7	5,2	11,4
ПТУ	2,3	2,4	2,2	0,4	0,4	0,5
среднее-специальное	24,2	22,5	23,8	19,0	16,1	25,7
высшее	63,6	65,7	66,7	73,1	75,3	58,9
затрудняются ответить	2,8	3,3	1,7	2,8	3,0	2,0
Б) Какой уровень образования считают необходимым для девочек?						
Образование	Башкортостан			Татарстан		
	баш.	тат.	рус.	тат.	рус.	чув.
среднее	5,6	6,9	5,5	4,7	4,5	8,4
ПТУ	0,7	1,0	0,9	0,6	0,6	1,0
среднее-специальное	25,0	24,6	27,4	19,9	15,7	28,2
высшее	62,7	60,6	61,2	70,5	76,0	59,9
затрудняются ответить	2,8	3,0	2,0	4,1	3,0	1,5

Совпадение рейтингов высшего образования среди лиц различных национальностей в городах двух соседних республик подтверждает глубокое понимание того факта, что какой бы суверенной ни была республика в составе России, ни одна отдельная взятая нация не может обеспечить процессы национального возрождения кустарно, в одиночку. Необходимо объединение усилий всех народов и только сложив свои потенциалы можно добиться совместных успехов. Из этого вытекает чрезвычайно важный вывод для социальной политики, которая, следовательно, должна предусматривать создание условий и механизмов получения высшего образования как важной предпосылки и механизма сохранения и развития национальных традиций, обычаев, языков, духовной и материальной культуры.

Новое отношение к высшему образованию
(в %, по данным опроса)

Изменилось ли в последние годы отношение к получению высшего образования?

	А) Мальчиками					
	<u>Башкортостан</u>			<u>Татарстан</u>		
	баш.	тат.	рус.	тат.	рус.	чув.
Несколько лет тому назад предпочел бы высшее, но в настоящих условиях этого делать не стоит:						
а) достаточно среднего	6,4	5,5	4,5	4,9	6,1	12,9
б) достаточно среднего специального	24,2	23,5	23,8	19,6	17,1	25,7
Высшее образование необходимо теперь, как и раньше	64,0	66,1	67,3	73,8	75,7	59,4
	Б) Девочками					
	<u>Башкортостан</u>			<u>Татарстан</u>		
	баш.	тат.	рус.	тат.	рус.	чув.
Несколько лет тому назад предпочел бы высшее, но в настоящих условиях этого делать не стоит:						
а) достаточно среднего	6,5	8,1	6,1	5,2	5,4	9,4
б) достаточно среднего специального	24,7	24,5	26,9	20,7	16,6	28,2
Высшее образование необходимо теперь, как и раньше	63,0	60,8	61,4	72,2	76,4	60,4

Принципиальное значение имеет, конечно, выявление тех групп населения, которые в последние годы под впечатлением нахлынувших изменений, разочаровались в необходимости иметь диплом о высшем образовании. Превращение высшего образования в зону бедствия, разумеется, не остается незамеченным в общественном мнении и не проходит бесследно для фиксирования установок молодежи при поступлении в вузы. В течение двух лет (1992-1993 гг.) 30,6% башкир, 29,0% русских и 28,3% татар в городах Башкортостана, и подобно им 24,5% татар, 23,2% русских и 38,6% чувашей в городах Татарстана отказались от высшего образования как социокультурной ценности для мужчин. Приблизительно такие же группы людей выявились в городах соседних республик по вопросу об исчезновении необходимости высшего образования для женщин (см. таблицу 8).

Несколько лет тому назад все они, по их признанию, предпочли бы высшее образование, но в настоящее время этого делать не стоит и можно ограничиться лишь средним или средним специальным образованием. Как видно из данных опросов, от четверти до трети населения среди трех национальностей отказались от высшего образования как ценности.

Не исключено, что эта тенденция не прекратится и в ближайшие годы, так как особых перспектив у высшего образования не предвидится даже, несмотря на то, что зарплата университетских профессоров несколько выше, чем у их коллег в системе Российской Академии наук. Во всяком случае на III съезде Союза ректоров Российских вузов, состоявшегося в начале 1993 г., указывалось, что из-за отсутствия средств и нищенской оплаты труда за последние два года количество аспирантов сократилось в 2 раза. Во многих вузах исчезли конкурсы и даже троечники отказываются поступать в институты.

Вместе с падением рейтинга высшего образования, деградацией личности, снижением планки нравственности нависает серьезная угроза основам существования самих народов и воспроизводству их самобытных культур. Увы, как ни парадоксально, это тоже плоды суверенизации. Между тем, развитие бизнеса и предпринимательства в серьезных формах и масштабах в самое ближайшее время выявит дефицит экономических и юридических знаний, необходимость финансовой, методической и информационной поддержки своего "дела", правовой защиты своих программ и проектов, содействия в решении вопросов безопасности, социальных и культурно-бытовых проблем.

Разгул национализма, сепаратизма, ксенофобия - тема, требующая специального внимания, также выступает одним из показателей кризиса личности. Но это уже предмет особого рассмотрения.

РАСКОЛ ВМЕСТО КОНСОЛИДАЦИИ

В сфере общественной жизни постсоветского пространства кризисные явления порождаются нарастающим противоречием между человеком и обществом, обществом и ветвями власти, периферией и Центром, общественными движениями и государственными структурами. Как уже говорилось выше, кризис становится системным. Противоречие между личностью и группой в наиболее острой форме приводит к расколу национальностей, что находит свое выражение не только в противостоянии демократов и коммунистов, но и в делении на националистов и "интернационалистов".

Победа, одержанная союзными и автономными республиками над Центром, во многом была предопределена тем, что в борьбе за суверенизацию "в едином порыве" объединились различные социальные и национальные группы с потенциально противоположными интересами. Однако после того, как цель была достигнута - суверенитет провозглашен, Центр повержен, независимость обретена, выявилось, что цели и интересы бывших сподвижников несовместимы. Логика и контекст суверенизации внешне напоминали опыт стран третьего мира, которые вели борьбу за освобождение от колониальной независимости. Республики бывшего Союза, понятно, не были колониями в классическом значении. Однако история повторилась в том смысле, что, одолев Центр и добившись свободы, новые независимые государства, а также суверенные республики России, не смогли предотвратить новую волну борьбы за власть между новыми лидерами и группами их поддержки. Начался очередной передел власти, дезинтегративные тенденции сползли с уровня бывшего Союза на уровень его составных частей.

Казалось бы, победа национализма над коммунизмом должна была привести к полному торжеству идей национального возрождения и запустить конвейер национальной консолидации на полную мощность. И действительно, поначалу это имело место, особенно в части подъема национального самосознания. Однако в недрах одной и той же нации, или даже национальной группы, появились новые категории людей с несовпадающими интересами.

Признаки и проявления этого раскола, к сожалению, обнаруживаются во многих регионах постсоветского пространства. Особую тревогу они вызывают в суверенных республиках. И как это ни парадоксально, одним из поводов для нового раскола является вырванная перед этим из рук коммунистов власть, а точнее - борьба за нее. Пример РУХа на Украине - едва ли не самый яркий, вполне достойный стать классикой на страницах будущих учебников этнополитологии. Напомним, что РУХ многое сделал, чтобы захватить власть. Но получил он ее все же не столько в борьбе с украинскими коммунистами, сколько из рук Б.Н.Ельцина, переигравшего в течение трех августовских дней своего главного политического соперника, в том числе благодаря более энергичной, чем у М.С.Горбачева, раздаче суверенитетов республикам. Иными словами, победа московских демократов, сделавших беспроигрышную ставку на Б.Н.Ельцина, позволила РУХу выполнить свою программу раньше срока и даже вопреки собственным ожиданиям.

Украина стала национальной государственностью украинской нации, руководящая и направляющая сила Компартии была сломлена, накануне украинский язык был объявлен единственным государственным языком Украины. И поскольку бороться РУХу больше оказалось не с кем и не за что, оппонентов пришлось искать внутри, в своих же рядах. Став единоличным председателем Руха, Вячеслав Черновил взял курс на преобразование национального движения в национальную партию, немедленно отторгнув и дистанцировав от себя часть научной и творческой интеллигенции, насытившейся по опыту прежних лет партийной дисциплиной и прочими уставными прелестями.

Откровенная борьба за власть, стала не единственной причиной раскола в рядах лидеров национальных движений. Они начали терять и без того тонкую прослойку народной поддержки из-за своей алчности и предательства декларируемых принципов. Не секрет, что в борьбе за социальную базу главным козырем у них была борьба с привилегиями коммунистической номенклатуры. Но как только вчерашние инакомыслящие "вошли во власть", они немедленно бросились лечиться в цеховские поликлиники, выбивать квартиры в привилегированных районах, получать в очередях и без очередей дешевые "жигули", предназначенные еще со времен коммунистов в качестве премий для колхозников за сдачу государству зерна и мяса. Народные депутаты-демократы регулярно попадали в разнообразные скандалы: от незаконной продажи и перепродажи нефти до мошеннического распределения гуманитарной помощи³⁷.

Попытки основных партий национально-демократической ориентации сплотить свои ряды в связи с грядущими парламентскими выборами провалились, как только началось выдвижение претендентов в кандидаты народных депутатов. Представители двух ведущих сил этого направления - РУХа и Украинской республиканской партии развернули ожесточенную борьбу друг против друга³⁸.

Подобных расколов оказалось немало и в лагере победителей в суверенных республиках России. Теперь уже проигравшие стали обвинять тех, кто правит в том, что новые властьюмущие не понимают идею суверенитета, что они предали и извратили его суть. Между тем, сами новые оппозиционеры, как, например, в Чечне, не прочь принести в жертву свою любимую идею суверенитета республики и скрепить своей подписью Федеральный договор с теми или иными уступками, лишь бы перехватить власть у Джохара Дудаева³⁹.

"Одобряете ли Вы планы создания на территории Поволжья Урало-Поволжской конфедерации с участием Республики Башкортоста-

на (Татарстана) вне России?" - такой непростой вопрос в умышленно заостренной форме задавался тысячам горожан этих двух республик и вполне естественно, что треть или более одной трети лиц из рядов трех национальностей, проявили осторожность. отказавшись дать ответ, или же откровенно признавшись, что подобный вопрос вызывает у них затруднения, в их числе 32,1% русских, 37,9% башкир и 38,5% татар в Башкортостане, а также 26,2% русских, 28,2% чувашей и 35,0% татар в Татарстане.

Настораживают ответы решительных респондентов, ответы, расколовшие по сути каждую из трех национальностей на пять дополнительных групп с разными установками по вопросу о возможностях новой конфедерации внутри России (см.табл.9). И принципиальное значение имеет не трехкратное превышение доли радикальных башкир над долей таким же образом настроенных русских в Башкортостане и шестикратное превышение доли татар над долей русских в Татарстане, "полностью одобрявших" эту сепаратистскую идею, и не наличие абсолютно совпадающих доль лиц указанных национальностей в каждой республике "безразлично" относящихся к этой идее, а сам факт раскола внутри каждой из национальностей. Надо думать, что внешняя безобидная "срединная" позиция не менее опасная, так как в соответствующих условиях ее носители могут пополнить с равным успехом ряды радикалов и в одну и в другую сторону.

Таблица 9

**Отношение к планам создания на территории
Поволжья Урало-Поволжской конфедерации**
(в %, по данным опроса)

националь-ности	полностью одобряют	скорее одобряют	относятся безразлично	скорее не одобряют	категорически не одобряют
А) Башкортостан					
башкиры	9,5	12,9	13,5	16,5	9,7
татары	8,1	11,4	10,5	17,2	14,2
русские	3,1	5,4	13,3	17,9	28,3
Б) Татарстан					
татары	13,0	13,1	14,5	13,5	10,9
чувашы	2,5	2,5	10,4	18,3	38,1
русские	2,1	2,8	13,1	19,3	36,4

В Татарстане против идеи Урало-Поволжской конфедерации высказались четверть татар (24,4%) и больше половины русских (55,7%)

и чувашей (56,4%). В Башкортостане четверть башкир, без малого треть татар и половина русских в целом решительно возражает против дальнейшего усиления центробежных тенденций внутри срединной России.

Однако обнаружались и другие точки зрения: чуть больше и несколько меньше, чем каждый пятый башкир и татарин, и почти каждый десятый русский в той или иной мере солидаризировались с откровенно провокационным предложением, ведущим к сепаратизму. Подобным опасным вирусом в Татарстане оказались зараженными каждый четвертый татарин, и по 5% русского и чувашского населения (см. таблицу 9).

Последствия подобных внутринациональных "плюрализмов", разумеется, чрезвычайно опасны. Речь идет о том, что наряду с центробежными тенденциями межнационального плана, ведущими, как уже подчеркивалось, к дроблению России или любого другого независимого государства, возможны дополнительные - внутринациональные - линии раскола, закладывающие мины замедленного действия под суверенитет. Обе тенденции неизбежно ведут в тупики изоляционизма и сепаратизма. Противостояние таким тенденциям необходимо, но способы его осуществления пока не найдены. Надежда на демократизацию как на панацею, похоже, оказалась несостоятельна. Скорее даже наоборот. Форсированная демократизация не столько сковывает межнациональный и внутринациональный сепаратизм, сколько подогревает и подпитывает его.

Идеологический кризис в сочетании с морально-психологическим привели к расколу общества и выпустили джина дезинтеграции. От угара суверенизации некоторые группы людей искренне поверили в то, что территориальная или даже государственная автономизация едва ли не сами по себе принесут изобилие, покой и благополучие. При этом наиболее опасной оказалась тенденция формирования такой идеологии и "оправдания" дезинтеграционных тенденций, суть которых состояла, якобы, в освобождении нерусских народов от имперского гнета русских. Тот же факт, что сами русские понесли не менее других народов потери в результате политики аффирмативных действий, предусматривавшей в течение не менее 6-7 десятилетий значительные льготы нерусским национальностям, воспринимался не вполне серьезно⁴⁰.

У национальных движений были свои цели и задачи, свои логика и форма деятельности, однако ясно одно: в условиях многонационального государства, каковым являлся Советский Союз, национальные движения изначально не могли не вести к расколу общества, к

столкновению интересов титульной нации с остальным населением. Революционный экстремизм, понятно, был исключен, так как тогда, на рубеже 1988-1989 гг., когда национальные движения только начинались, и думать нельзя было о "национальной независимости", о выходе из СССР, и других, теперь уже завоеванных позициях. И важнейший урок первого этапа национальных движений состоит в том, что их лидеры не пошли путем революционных преобразований, хотя многое их к тому толкало: дефицит знаний, самонадеянность и отчаяние отдельных радикалов, отсутствие популярных лидеров, способных понять национальные интересы своего народа через призму потребностей соседних национальностей. Был избран более трудный курс, рассчитанный на проведение преобразований законодательным путем, что вылилось, к сожалению, в войну законов 1989-1990 гг. Этот путь оказался длиннее, но надежнее. На законах о придании языкам титульных наций статуса государственных национальные движения сделали значительный шаг вперед в повышении своей грамотности и компетентности. Учились одновременно на достижениях и просчетах. учились диалектике самой жизни. Не сразу и не всем удалось понять, что приоритеты, создаваемые титульным нациям законами о языке (1989 г.), и декларациями о суверенитете (1990 г.), помогая им освобождаться от тоталитарного наследия, из цепких щупальцев отраслевых министерств, в корне противоречивы, потому что фактически создавали новые болячки - дискриминацию нетитульного населения и в первую очередь готовили пороховую бочку в лице обиженного русскоязычного населения. Перечень упущенных возможностей национальных движений имеет свою поучительную историю. Он не должен заслонить их позитивные итоги.

Напряжение агрессивного национализма, грозившего развалом России и новейшим государствам ближнего зарубежья, понемногу спадает. В Прибалтике потерпели поражение "Саюдис", а бывший коммунистический лидер Литвы одержал победу над националистическим. Наиболее радикальная часть верхушки Народного Фронта Молдовы, в том числе Мирча Друк, широко известный как инициатор и вдохновитель похода молдавских волонтеров на гагаузов, как организатор и руководитель расстрела жителей приднестровского городка Дубоссары в 1990 г., Леонида Лари, ныне депутат парламента Румынии, молдавские поэты из Кишинева - Григорий Виеру, Николае Дабижа, под руководством которого были подготовлены и опубликованы фальсификации по этнографии и демографии гагаузов, Думитру Матковски (все бывшие народные депутаты СССР, а затем Парламента Молдовы), проиграв борьбу, которую они вели против собственного молдавского народа, перебрались из Киши-

нева в Бухарест и уже из соседнего государства, не без его активной поддержки продолжают свои попытки убедить молдаван в том, что они не молдаване, а румыны, и что Молдавии лучше быть провинцией Румынии, чем независимым Молдавским государством. Возражение подавляющего большинства населения Молдавии (95,6% по данным представительного опроса, проведенного американскими университетами) против подобной перспективы, их, кажется, не смущает.

Став гражданами Румынии и получив при этом квартиры в Бухаресте с помощью председателя первого сената Румынии Александру Бырлэдяну и директора румынской разведслужбы Вирджила Магуряну, они не теряют надежды "объединить" два румынских государства⁴¹. Понятно, что эта политика работает не на консолидацию молдавской нации, а на ее дальнейший раскол.

Ушел с этнополитической сцены (и из жизни) вождь грузинского национализма Звиад Гамсахурдиа, оставив истории запомнившийся лозунг "Грузия для грузин", а Народный фронт республики без лидера. С приходом к власти Гейдара Алиева захирела деятельность Народного фронта Азербайджана. Однако оба бывших экс-президента - и Абульфаз Эльчибей, введенный в президентский кабинет Народным фронтом Азербайджана, и Аяз Муталибов не скрывают своих намерений добиться победы над нынешним президентом путем применения силы⁴².

По признанию бывшего президентского советника по национальной безопасности Армении Ашота Манучаряна "в Армении построено "полицейское государство": многие новые высокопоставленные чиновники задалась целью разбогатеть с помощью коррупции. Власти начали наращивать полицейский аппарат в стране, первые ряды которого двинулись в экономику, обложив теневыми налогами все государственные и частные экономические структуры, которые во много раз превышают государственные. МВД... создало в своих структурах специальные подразделения, которые занимаются ликвидацией неугодных властям людей"⁴³.

В затылок нынешнему президенту Армении, оказавшемуся у власти на крутой волне национализма, уже дышат другие претенденты, в том числе из бывших лидеров республики.

Падают напряжение национальных движений в суверенных республиках Российской Федерации. Раскололась "Масторава", так и не сумев консолидировать эрзя и мокшанские движения в Мордовской республике. Прекратились многотысячные митинги ТОЦ и БНЦ "Урал" в Башкортостане. С уходом в Госдуму РФ лидера А.Н.Арина приглушилась деятельность русского национального оборонительного движения в Башкортостане.

Не включив Федеративный договор в новую Конституцию, а по сути, отказавшись от него, Центр оказался не способным гарантировать достаточную эффективную защиту прав человека в сочетании с правами национальностей и особенно с правами малочисленных народов и национальных меньшинств, отдав эту заботу на откуп местной бюрократии. В итоге ряд национальных движений, потеряв землю под ногами, а заодно и крышу над головой, оказалось между небом и землей, и, слившись с коррумпированным чиновничеством, пополнило ряды мафиозных структур или вооруженных формирований.

Консолидация казахской нации блокируется глубокой жузизацией, которая развернулась с полной силой после обретения Казахстаном суверенитета. Президенту, выходящему из старшего Жуза, территориально связанного с Южным Казахстаном, нелегко удерживать баланс между ним и двумя другими жузами, представленными Средним жузом, тяготеющим к центральным и северо-восточным районам республики, и младшим жузом, исторически и демографически связанным с западом республики. Раскол нации не ограничивается жузовым уровнем, а проникает глубже вплоть до уровня родов.

В ноябре 1993 г. один из родов организовал свой собственный курултай на республиканском уровне и избрал собственного президента⁴⁴.

"Кулябизация" в Таджикистане, выражающаяся в том, что наиболее доходные места в городах и экономических центрах Таджикистана, откуда сам Эмомали Рахмонов, вызывает недовольство в Таджикистане, раздражение в соседнем Узбекистане⁴⁵.

Такие плоды суверенизации, как "кулябизация", "жузизация", представляющие внутринациональный раскол, дополняются и усиливаются межнациональными трениями, в том числе между таджиками и узбеками в Таджикистане, между русскими и казахами, казахами и узбеками в Казахстане.

"Силы боевиков Джохара Дудаева в составе отряда Шамиля Басаева и подразделения департамента государственной безопасности Чечни Султана Гелисханова атаковали" город Аргун, расположенный в 15 километрах от Грозного. Наступление было поддержано огнем артиллерии, танков и авиации. Вооруженные формирования Дудаева нанесли удары по жилым кварталам Аргуна и, прорвав оборону отряда Руслана Лабазанова, ворвались в город". В результате ожесточенного боя, длившегося с вечера в ночь с 4 на 5 сентября 1994 в отряде Лабазанова погибли более 15 человек. Большие потери понесли и формирования Джохара Дудаева⁴⁶. Приведенная цитата красноречиво характеризует выяснение национальных отношений, только не на меж-, а уже на внутринациональном уровне. Хотя некоторые эксперты, возможно, не без оснований, рассматривают события в Чечне как конфликт между Москвой и Грозным⁴⁷.

МАРГИНАЛИЗАЦИЯ. РАЗДВОЕНИЕ ИЛИ УДВОЕНИЕ ЛИЧНОСТИ?

Перед этнологами и историками долго будет маячить вопрос о том, каков урожай дезинтеграции, оправдан ли он и достаточно ли убедительны позитивные и негативные итоги национальных движений для прозрения тех, кто уже идет или будет идти, как через минное поле, в первых рядах мобилизованного этницизма, чтобы бороться за суверенитет своего народа или своей республики.

Глобальная дезинтеграция проходит не только на уровне государств или континентов, она обнаруживается, во-первых, и в системе самой культуры, если культуру понимать широко как взаимодействие различных форм деятельности - экономической, технической, хозяйственный, политической, научной, художественной, религиозной и, во-вторых, в условиях переходного времени, каковым, в частности, является переход от тоталитаризма к демократии. Разлад каждой системы и связей между ними грозит разладом самой личности и угрожает его самосознанию. Отсюда, из кризиса культуры и кризиса общества выступает кризис ролевых функций человека и его идентификаций.

Этносоциологические опросы настойчиво подтверждают появление новых форм идентификаций. Наряду с национальной, появляются и дают о себе знать (порой в обостренной форме) политические, общественные, конфессиональные, профессиональные, клубные, земляческие и иные. Этносоциологические опросы в Башкортостане и Татарстане показали наличие расхождений между принадлежностью человека к данному этносу "по убеждению" и "по паспорту". Едва ли не впервые, в частности, обнаружилось, что среди городского населения Башкортостана 3,1% башкир, 11,7% татар и 3,4% русских в паспорте записаны не так, как "в голове" и "в душе". Подобные, назовем их внутривоколенные, расхождения у татар, русских и чувашей в Татарстане несколько меньше, чем среди горожан Башкортостана (см. таблицу 11). Указанные расхождения - результат искажений в проведении так называемой ленинской национальной политики, когда запись в паспорте гораздо чаще, чем запись "в голове", зависела от произвола ретивых чиновников, пытающихся форсированно увеличить, или, напротив, сократить численность той или иной нации во имя очередной кампании коренизации или интернационализации.

Совсем иное происхождение межпоколенных расхождений, когда национальная принадлежность человека не совпадает с национальностью его родителей. Как показал опрос, в городах Башкортостана более заметными у башкир и татар были расхождения с национальностью матери, чем с национальностью отца. В Татарстане мас-

штабы межпоколенного несовпадения были, во-первых, несколько меньше, чем в Башкортостане, и, во-вторых, с менее заметно выраженной разницей между национальностью родителей (см. таблицу 11).

Таблица 11

Этническое самосознание

	Национальность						
	<u>Респондентов</u>	<u>Родителей</u>		Супруга	Друга	Родной язык	
		по само-по сознанию	отца				
А) Башкортостан							
башкиры	100,0	96,9	91,2	79,1	46,1	42,8	85,2
татары	100,0	88,3	92,7	82,2	53,5	47,4	91,0
русские	100,0	96,6	93,0	91,2	72,4	71,7	99,1
Б) Татарстан							
татары	100,0	99,3	97,3	94,9	65,2	66,4	91,8
русские	100,0	98,4	93,7	90,7	65,0	65,6	98,3
чувашаи	100,0	98,0	97,5	96,5	61,9	46,5	83,2

Национализм многолик и многогранен. Кажется, мы, наконец, готовы отказаться от вынесения ему однозначных черно-белых оценок. Подобно национализму, маргинализм так же требует неоднозначного подхода. То, что чаще всего подвергается убийственной критике лидерами и теоретиками национальных движений, представляет собой не столько двуэтничие, сколько двойное полуэтничие, когда человек потерял "половину" своей национальной культуры, и не сумел приобрести вторую половину инонациональной культуры. Между тем, незашоренный взгляд открывает несколько разновидностей маргинализма, которые как раз и располагаются не столько между двумя культурами, сколько внутри каждой из них в диапазоне от более или менее полного владения элементами каждого из этносов до полужнания элементов одной из культур или каждой из них.

Освобождение от навязанных бюрократами паспортных цепей немедленно сказалоcь на определении национальной принадлежности.

В абсолютном чистом, "незамутненном" виде в городах Татарстана проявили свою идентичность и ни с кем не разделяемую принадлежность к своему этносу более чем четверо из пятерых русских, каждые трое из четверых татар, и, наконец, без малого каждые двое из троих чувашей. Наибольшими оказались потери среди чувашского национального меньшинства, с наиболее устойчивым этническим самосозна-

нием. Об этом свидетельствует тот факт, что одна часть чувашей считает себя больше чувашами, чем русскими (7,4%), вторая часть - в равной мере и чувашами и русскими (17,3%), и, наконец, третья группа - больше русскими, чем чувашами (8,4%) (см. таблицу 12).

Таблица 12

Выбор национальности вне зависимости от записи в паспорте
(в %, по данным опроса)

Считают себя:	Кем считают себя горожане Татарстана?		
	татары	русские	чуваш
1. только татарин	75,6	0,6	-
2. больше татарин, чем русским	10,2	0,6	-
3. в равной мере и татарин и русским	10,4	3,7	1,5
4. больше русским, чем татарин	3,1	6,9	-
5. только русским	0,7	87,2	5,9
6. больше русским, чем чувашем	-	1,0	8,4
7. в равной мере и чувашем и русским	-	0,1	17,3
8. больше чувашем, чем русским	-	-	7,4
9. только чувашем	-	-	59,4

Маргинализация русского и татарского населения в Татарстане происходила в гораздо меньших масштабах. При этом "отход" татар от татарскости шел в сторону русскости, а русских - соответственно в сторону татар. Каждый десятый татарин, считающий себя больше татарин, чем русским, вместе с каждым десятим татарин, ощущающим себя в равной мере "и татарин и русским" - это маргинальные группы с освобожденным от паспортного регистратора, национальным самосознанием. Следовательно, суверенизация, демократизация, гласность и конституционно оформленное равноправие национальностей не только "повышают" уровень национальное самосознание, но и "очищают" его от бюрократических накладок.

Суверенизация республик оказывает сильное влияние на политическое и гражданское сознание населения. Складывание идентификации со своей суверенной республикой и с Россией в целом происходит в крайне сложных условиях, вызванных концептуальным вакуумом в правовом статусе республик и их новых взаимоотношений с Центром. Выбор гражданства буквально "раскалывает" население не только по межэтнической, но и внутри-этнической осям. Так, например, среди городских татар 61,1% убежденно считают себя или

только татарстанцами, т.е. гражданами суверенного Татарстана, или "больше татарстанцами, чем русскими", 28,8% татар объявляют себя носителями двойного гражданства "в равной мере татарстанцем и россиянином". Почти каждый второй русский в городах Татарстана так же осознает себя носителем двойного гражданства - и республиканского и общероссийского. Доля русских, склонных больше к российскому гражданству, чем татарстанскому (18,2%), почти в два раза превышает долю тех русских, для которых ощущение себя только "татарстанцем" (5,4%) или "больше татарстанцем, чем россиянином" связано с идущими процессами наполнения суверенизации реальным содержанием (см. таблицу 13).

Таблица 13

Выбор гражданства (в %, по данным опроса)

Представителем какой государственности себя считают?	Национальность		
	татары	русские	чуваши
1. только татарстанцем	42,6	5,4	13,9
2. больше татарстанцем, чем россиянином	18,5	6,2	6,9
3. в равной мере	28,8	48,5	25,2
4. больше россиянином, чем татарстанцем	5,1	18,5	18,8
5. только россиянином	1,3	18,2	26,2
6. затрудняются ответить	3,8	3,2	8,9

Четвертая часть представителей чувашского национального меньшинства отдала свои предпочтения двойному гражданству, 44,0% считают себя "больше россиянином, чем татарстанцем" или только россиянином (см. таблицу 13). Выявленное в ходе этносоциологического исследования плавающее гражданское самосознание является, по-видимому, результатом неустоявшегося юридического статуса республики. Напомним, что опрос происходил в сентябре 1993 г., когда оставалось еще почти полгода до подписания Договора о разграничении полномочий между суверенной республикой и Российской Федерацией.

Новая маргинализация сопровождалась размаргинализацией отдельных групп населения. Это имело место уже в первые годы перестроечных процессов. Во всяком случае, как уже отмечалось в предыдущих публикациях⁴⁸, перепись населения 1989 г. зафиксировала "возвращение" в лоно своей национальности целых групп населения с расширенным национальным самосознанием. Резкое увеличение численности отдельных народов (татары в Башкортостане, вепсы, крымские тата-

ры и ряд других) явно не за счет демографических факторов, неоспоримо подтвердило эту тенденцию.

* * *

Никто не знает, как собирать урожай дезинтеграции, кому он нужен и что с ним делать?

Постоянно растет число вынужденных мигрантов в Россию, а она не знает, что ей делать с 640 тысячами мигрантов из ближнего зарубежья, признанных беженцами или вынужденными переселенцами. По сведениям руководителя пресс-службы Федеральной миграционной службы России Сергея Солнцева, около половины всех мигрантов - выходцы из Таджикистана, Грузии, Азербайджана и Чечни. Относительно малую величину - 1,7% от общего числа прибывших в Россию составляют мигранты из бывших союзных республик Прибалтики⁴⁹.

Общеизвестно, как те плоды созрели на дереве суверенизации и демократизации. Имеет смысл еще раз напомнить о некоторых из них. Непризнанный Кишиневом умопомрачительный раскол цветущей Молдавии на Центр, Гагаузию и Приднестровье, законодательно оформленная грузинизация, ввергнувшая райскую Грузию в братоубийственные войны на западе с абхазами и на севере с осетинами, яростная жузизация, грозящая окончательно расколоть хрупкое единство казахской нации, недальновидные попытки лидеров некоторых национальных движений взять курс в России, где каждые четверо из пятерых ее граждан - русские по национальности, на башкиризацию, комизацию, татаризацию, тувинизацию, чеченизацию, немедленно обострившие межнациональные отношения в бывших автономных республиках бывшего РСФСР, оторванная от реальной этноязыковой ситуации лингвизация, выразившаяся в попытках придания статуса государственного языка каждому из двух марийских языков - горному и луговому в Марий Эл, эрзянскому и мокша в Мордовии, вызвавших в конечном счете не консолидацию, а раскол марийского и мордовского народов, дискредитировавших действия лидеров национальных движений. Да, всего, пожалуй, и не перечить.

Метастазы верхушечной дезинтеграции начинают угрожать корневой системе единой страны. Если разум не одолеет безрассудство националистического сепаратизма, не исключена дальнейшая эскалация дезинтеграционных явлений. Народам постсоветского пространства предстоит сделать выбор не между консерватизмом и динамизмом, а между различными формами динамизма. Иными словами, предстоит

выразить свое окончательное предпочтение эволюционному или революционному пути.

Судя по опросам десятков тысяч россиян, они сделали свой первый выбор - за динамизм, за реформирование, за прогресс. Однако трезвый расчет, в отличие от политиканства и инстинкта самосохранения, предопределяет второй выбор не в пользу революции, а в пользу эволюции. Ответы наших респондентов не оставляют сомнений в том, что экстремизм, насилие, правовой беспредел должны уступить место на этнополитической арене плановому компромиссу, межнациональному согласию, легитимности и разумности преобразований.

Отсутствие программы затрудняет выбор и пути. В прежнюю жизнь возврата нет, а будущее не поддается распечатке, ибо в памяти нет ни прогноза, ни программы.

Для того, чтобы выйти из системного кризиса, а заодно из фазы дезинтеграции, необходимо прозрение тех, кто толкнул страну в очередной, гигантский по масштабам и непредсказуемый по последствиям реформационный эксперимент, породивший еще одно смутное время Российской истории. Прозрение и покаяние ждут не только от М.С.Горбачева и А.Н.Яковлева, но и от радикальных демократов и в первую очередь от авторов модели "шоково-монетарной терапии", успевших развалить государственный сектор экономики, не восполнив его деятельность продукцией частного сектора. Апеллируя к запоздалому прозрению радикально настроенных идеологов революционного реформирования последовательный радикал А.Нуйкин заключил одну из своих статей криком души: "Увы, похоже, что самые важные и "судьбоносные" прозрения приходят к людям именно тогда, когда уже поздно. Прозревайте, Россияне!"⁵⁰.

Итак, запущенный в 1991 г. маховик дезинтеграции набирал скорость в течении 1992 - начала 1993 гг., продолжая наращивать свои разрушительные обороты. Едва ли не ведущей тенденцией стало преобладание дезинтеграционных факторов в главных сферах общественной жизни. Политические процессы развивались под воздействием дальнейшей эскалации конфронтационных и центробежных тенденций, с одной стороны, и возрастающей апатии значительных кругов населения - с другой. Экономическая система продолжала разрушаться под губительным влиянием агонизирующего народнохозяйственного комплекса. Немыслимое социальное расслоение создало заряд раздражений, готовый взорвать и без того криминальную обстановку. В духовной сфере стали доминировать силы, подрывающие единство народов, порождающие нигилизм и разобщенность.

Российское общество, как и ряд государств ближнего зарубежья, вкусив плоды суверенизации и национальной независимости, познав ростки демократизации, ощутив горечь поражения в "холодной войне", смирившись с утратой статуса одной из двух великих сверхдержав современности, испив чашу дезинтеграции, в очередной раз приблизилось к традиционному рубежу: "Так жить нельзя!"

¹ Абдулатипов Р.Г. Национальное возрождение и межнациональное сотрудничество // Региология, 1994. № 2-3. С. 26.

² Яковлев А.Н. Горькая чаша. Большевизм и реформация в России, М, 1994. С. 118.

³ Подготовлены и изданы 16 обзоров, в которых дается анализ этнополитической ситуации в каждой из бывших автономных республик РСФСР, за исключением Чечни. Обзоры опубликованы в издаваемой ИЭА РАН серии "Исследования по прикладной и неотложной этнологии".

⁴ Советская Мордовия, 1990. 11 октября. См. также: Общественные движения в Мордовии. Документы и материалы. М., 1993. С. 94.

⁵ Советская Мордовия, 1990. 11 декабря.

⁶ Этнополитическая мозаика Башкортостана. Т. 2. С. 94; там же. С. 103-104.

⁷ Там же. С. 108-117.

⁸ Там же. С. 105.

⁹ Этнополитическая мозаика Башкортостана. Т. 3. С. 55.

¹⁰ Там же. С. 67.

¹¹ Там же. С. 123-124.

¹² Там же. С. 129-130.

¹³ The Study of Policy Formation. Ed. by Raymond A. Bauer and Kenneth J. Gergen. New-York, London, 1968. Foreword.

¹⁴ Литературная газета, 1994. 30 марта.

¹⁵ Литературная газета, 1994. 30 марта. С.12.

¹⁶ Владимир Петухов, Андрей Рябов. Временный феномен апатии масс // Независимая газета, 1994. 17 августа.

¹⁷ Горбачев М.С. Вступая в XXI век // Независимая газета, 1994. 13 апреля. С. 5.

¹⁸ Там же.

¹⁹ В новых независимых государствах, возникших на базе бывших союзных республик СССР эта проблема стала чрезвычайно болезненной. Там, где вступили в силу законы о государственных языках и ВУЗы стали переводиться с русского языка на язык титульной нации, возникли серьезные проблемы перед русскими и русскоязычным населением. Степень этой болезненности руководители и ученые государств стараются не манифестировать, а порой и скрывать. Так, например, перед проведением этносоциологического опроса в Эстонии в мае 1993 г. по "Вопроснику", подготовленному по проекту "Язык, национальность и бывший СССР", вопрос о наличии приоритетов при поступлении в ВУЗы Эстонии по национальному признаку хорошо осведомленными эстонскими исследователями был исключен.

²⁰ Индексы приоритетности, представляющие собой дробь, в числителе которой доля лиц, считающих, что привилегии существуют для не-башкир, а в знаменателе - доля лиц, убежденных в обратном, т.е. в существовании приоритетов для башкир, составила среди опрошенных башкир 1,4, среди татар - 1,7, русских - 1,9. "Обратные" индексы, показывающие отрицательные ответы респондентов, т.е. отсутствие приоритетов для не-башкир по сравнению с башкирами, оказались еще более выразительными и составили среди башкир 2,7, среди татар - 3,7 и русских - 6,5. Вывод совершенно очевиден: основная поляризация мнений по вопросу о наличии привилегий при поступлении в ВУЗы Башкортостана по национальному признаку складывается между башкирами и русскими

- ми. Очевидно, что узел башкирско-русских отношений затянут в этой сфере более туго, чем в башкиро-татарских отношениях.
- ²¹ *Владимир Петухов, Андрей Рябов*. Временный феномен апатии масс // Независимая газета, 1994. 17 августа.
- ²² Декларации о суверенитете союзных и автономных республик. М., 1990. С. 9.
- ²³ Там же. С. 12.
- ²⁴ Там же. С. 18.
- ²⁵ Там же. С. 37.
- ²⁶ Там же. С. 39.
- ²⁷ Цит. по: Гражданские движения в Кыргызстане. М., 1991. С. 90.
- ²⁸ Декларации о суверенитете... С. 37.
- ²⁹ Там же. С. 57.
- ³⁰ Там же. С. 60.
- ³¹ Известия, 1994. 23 июля.
- ³² Независимая газета, 1994. 16 июля.
- ³³ *Андрей Князев*. Туркменбаши - город, где трудно выжить // Аргументы и факты, 1994. №32/94. август. С. 7.
- ³⁴ *Алек Ноув*. Об опасности новых либеральных утопий. Там же. С. 37.
- ³⁵ *Георгий Мелиянц*. Опасные связи // Известия, 1994. 6 сентября.
- ³⁶ Стратегический курс возрождения России // Независимая газета, 1994. 16 июля.
- ³⁷ *Сергей Киселев*. Украина. До и после президентских выборов // Литературная газета, 1994. 24 августа. С. 11.
- ³⁸ Там же. Независимая газета, 1994. 7 июля.
- ³⁹ *Ирина Дементьева*. Над Грозным собираются тучи? // Известия, 1994. 28 июля.
- ⁴⁰ *Александр Зиновьев*. Коммунизм как реальность. М., 1994. С. 422-423.
- ⁴¹ *Светлана Гамова*. Оппозиция в Кишиневе собирается взять реванш с помощью официального Бухареста // Известия, 1994. 25 августа.
- ⁴² *Айдын Мехтиев*. Мы осуждаем терроризм в любых его проявлениях // Независимая газета, 1994. 25 августа.
- ⁴³ *Лиана Минасян*. Власть и оппозиция в ожидании выборов // Независимая газета, 1994. 26 августа.
- ⁴⁴ Казахстанская правда, 1993. ноябрь.
- ⁴⁵ *Борис Виноградов*. Таджики расплачиваются за суверенитет портретами Ильича // Известия, 1994. 4 августа. С. 3.
- ⁴⁶ В Чечне идут бои // Известия, 1994, 6 сентября; *Дмитрий Колодов*. Гражданская война "в составе" России // Московский комсомолец, 1994. 6 сентября.
- ⁴⁷ *Теймураз Мамаладзе*. Кавказская политика Москвы на параде в Грозном // Известия, 1994. 7 сентября.
- ⁴⁸ *Губогло М.Н., Червонная С.М.* Крымскотатарское национальное движение. История. Проблемы. Перспективы. М., 1992. Том 1. С. 80-93.
- ⁴⁹ Известия, 1994. 25 августа.
- ⁵⁰ *А.Нуйкин*. Запоздалое прозрение // Литературная газета, 1994. 20 апреля. С. 3.

БОРЬБА ЗА РЕИНТЕГРАЦИЮ - НОВАЯ БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ

Первая половина 1994 г. как бы подвела черту бушующим центробежным устремлениям, продолжила ослабление национал-сепаратизма и ознаменовалась крутым виражом представителей различных политических сил в сторону поддержки новых реинтеegrативных тенденций, обозначившихся в сегодняшнем постсоветском пространстве. Однако складывается впечатление, что аналитики снова оказались в хвосте реальных событий и скорее по инерции, чем в силу объективной необходимости, обратили свое внимание на изменившуюся этнополитическую ситуацию. В первой половине июля, реинтеegrативные тенденции стали одной из широкообсуждаемых проблем. Комитет Государственной Думы по делам СНГ и связям с соотечественниками срочно проанализировал документы и предложенные модели возможной реинтеegrации постсоветского пространства и принял по итогам этого обсуждения внутренне противоречивый документ: "О возникновении Содружества Независимых Государств, его нынешнем состоянии и перспективах развития"¹.

Спешно выработанная в этом документе "принципиальная позиция" по отношению к СНГ не лишена алогичности. Иначе, как понять три, едва ли не взаимоисключающих друг друга тезиса-вывода. Первый из них призывает политически и морально осудить политиков - непосредственных участников заключения и поспешной ратификации Беловежских соглашений, которые де привели к антиконституционному развалу СССР. Второй вывод, явно противоречащий первому, осуждает действия, направленные на денонсацию соглашений, на основе которых на свет появилось СНГ. И, наконец, третий вывод, перечеркивающий второй (как в законе отрицания от-

рицания), сводится к призыву "рассматривать на сегодняшний момент в качестве базовой задачи укрепление и развитие Содружества Независимых Государств"¹².

Параллельно с Госдумой и Президент поспешил дать интервью, главный смысл которого, если оставить в стороне детали, сводится к тому, что правительству России надо "разработать среднесрочную (на 1,5 - 2 года) концепцию политики интеграции в рамках СНГ"¹³.

Реинтегративный бум, усиленный итогами выборов на Украине и в Белоруссии (10 июля 1994 г.), требует серьезного внимания, анализа, выявления истинных целей авторов различных моделей, проектов, схем и логики реинтеграции. При этом возникает кардинальный вопрос не только о сути, содержании и тенденциях реинтегративного процесса, но и о том, где он происходит: в реальности, т.е. в умах и делах граждан бывшего Союза, или вскипает в коридорах власти и в кабинетах ученых? Даже простой перечень выдвинутых политиками и экспертами проектов и предложений, сделанных за короткий срок, впечатляет.

В числе первых обратили на себя внимание инициативы Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева ("Проект формирования Евразийского союза государств"¹⁴), вице-преьера С.М.Шахрая ("Конфедеративное содружество"¹⁵), Председателя Совета Федерации России В.Ф.Шумейко и ряда других.

Не остались в стороне от обсуждения и военные. Идею создания оборонительного союза СНГ, например, активно поддержал министр обороны России Павел Грачев¹⁶. На вынужденную необходимость заниматься политикой неоднократно указывал Командующий 14-й армией генерал-лейтенант Александр Лебедь¹⁷. Те же из военных, кто решительно идет против течения и вопреки воле народов ратует за сепаратизм и дезинтеграцию, как, например, министр обороны Украины Радецкий, вынуждены, подчинясь воле электората и решению выбранного им президента Кучмы, уходить в отставку.

Активизировали свои усилия в этом направлении влиятельные политики, ныне отставники, еще совсем недавно Президент бывшего СССР М.С.Горбачев¹⁸ и спикер бывшего Верховного Совета Российской Федерации Р.И.Хасбулатов¹⁹.

В дискуссии о содержании и путях реинтеграции приняли участие известные эксперты и аналитики: Леокадия Дробижева²⁰, Алексей Арбатов²¹, Сергей Кургинян²², Андраник Мигранян²³, Зигмунд Станкевич²⁴, Жан Тоценко²⁵ и многие другие.

Словом, независимо от того, считать ли 1994 г. еще одним переломным годом или не считать, нам необходимо ясно представлять се-

бе, во-первых, где, в какой плоскости - в реальной жизни, в общественном мнении, в документах политиков или в писаниях толкователей политики - происходят реинтеграционные процессы, во-вторых, на каком уровне - в границах всего постсоветского пространства или только в недрах отдельно взятых государств или республик, например, на уровне всей Российской Федерации, или же только в рамках ее отдельных субъектов?

Знакомство с реальными этнополитическими ситуациями и процессами позволяет, несколько забегаая вперед, сделать вывод о том, что за идею реинтегративности особенно цепко ухватились политики, скоропалительно став интеграционистами, которые несут прямую или косвенную ответственность за разгул политического дезинтеграционизма в 1989-1991 гг. Недаром, например, перед депутатами Госдумы С.М.Шахрай пытался обосновать, что "Беловежские соглашения лишь подвели черту под дезинтеграцией и распадом СССР", и что три человека (Б.Н.Ельцин, Л.М.Кравчук, С.Н.Шушкевич - М.Г.) "как бы они этого не хотели, были бы не в состоянии распустить мировую ядерную державу"¹⁹.

Руслан Хасбулатов, как соучастник беловежской акции (его подписью заверено Постановление Верховного Совета РСФСР "О ратификации Соглашения о создании Содружества Независимых Государств")²⁰ и вместе с тем как пронизательный политик, одним из первых оценил высокую стоимость "реинтеграционной" карты²¹.

Во всяком случае, каждый из них - и С.М.Шахрай и Р.И.Хасбулатов, - в ответ на летнюю (1994) повышенную активность Государственной Думы прибрать к рукам выигрышные реинтеграционные политические акции поспешили напомнить, что именно они, якобы, были инициаторами и первопроходцами в содействии реинтеграционным процессам. Оказывается, позиция Партии Российского единства и согласия (ПРЕС) "на углубление интеграции была заявлена еще в предвыборной платформе", а ее лидеры, в том числе и сам Председатель партии, надо отдать им должное, хорошо представляли себе, хотя и прямо не осознавали, во-первых, урон, нанесенный дезинтеграцией народам бывшего СССР, во-вторых, исторический долг России перед своими соотечественниками, оказавшимися после ликвидации СССР выставленными из России, в-третьих, свою задачу восстановить прерванные экономические и социокультурные связи народов бывшего СССР²².

Знаменательные итоги президентских выборов на Украине и в Белоруссии, активизировавшие разговоры о возрождении Союза, о новом объединении бывших союзных республик в единое экономическое и

политическое целое подтолкнули Р.И.Хасбулатова напомнить о том, что "центростремительные тенденции возникли еще весной 1992 г. (т.е. не прошло и полгода после беловежских соглашений) и усилились в начале 1993-го"²³.

И, конечно же, оказалось, что тенденции реинтеграции были в центре внимания межпарламентской ассамблеи²⁴. Более того, выясняется, что "на каждом заседании Межпарламентской ассамблеи делегаты резко критиковали исполнительные структуры власти... накануне прошлогоднего путча (октябрь 1993 г. - М.Г.) мы подготовили меморандум об Евразийском союзе, который был опубликован. В нем была идея гораздо более тесной интеграции как в политике и экономике, так и в области обороны, в социальной сфере"²⁵.

Подробный анализ сути, целей, задач, принципов, институтов и механизмов формирования нового Союза, условия вхождения в него новых государств, родившихся из бывших союзных республик Советского Союза, рекомендованные наднациональные органы управления, особенности гражданства, официальный язык (языки), степень интегрирования в сфере экономики, обороны, науки и культуры, финансов - эти и другие стороны не входят в задачу нашего анализа, поэтому можно ограничиться в качестве примера сопоставлением некоторых предложений, взятых из проектов, с нашумевшей известностью (см. таблицу 1).

Таблица 1

Содержание и суть проектов реинтеграции

Н. Назарбаев	С. Шахрай
1. Наименование	
Евразийский Союз (ЕАС)	1. Союз Евразийских государств (СЕГ) 2. Конфедеративное Содружество
2. Формулировка сути	
"Союз равноправных независимых государств, направленный на реализацию национально-государственных интересов каждой страны-участницы и имеющегося совокупного интеграционного потенциала"	Содружество независимых государств
3. Цель создания	
"Согласование экономической политики и принятие обязательных для исполнения государстами-участниками совместных программ проведения экономических реформ"	Дальнейшая, более глубокая интеграция и действенное содружество стран-участниц "по экономическим: социально-культурным и оборонительным вопросам".

Таблица 1 (продолжение)

Н. Назарбаев	С. Шахрай
4. Задачи	
<p>Разработка механизма сдерживания, локализации и погашения конфликтов, создание условий функционирования единого интеллектуального пространства, обеспечение территориальной целостности и безопасности входящих в ЕАС государств, совместное разрешение экологических проблем</p>	<p>Возрождение общего рынка стран-членов Конфедеративного соглашения как единого экономического пространства, создание общей валютной, банковской системы и Евро-Азиатского Инвестиционного банка, проведение таможенной политики, унификация гражданско-правового и финансового законодательства стран-участниц.</p>
5. Принципы и механизмы формирования	
<ol style="list-style-type: none"> 1. Проведение национальных референдумов или решения парламентов о вхождении в ЕАС 2. Подписание договора о создании ЕАС государствами-участниками 3. Недопустимость ассоциированного членства 4. Принятие решений в ЕАС на основе принципа квалифицированного большинства - 4/5 голосов от общего количества стран-участниц 	<p>Сохранение независимости и суверенных прав государств-участниц; заключение "Конфедеративного Соглашения"; ни одно из положений ФС не может толковаться в ущерб СНГ, договорным и иным отношениям каждой стран-участницы</p>
6. Предварительные условия вхождения в союз	
<ol style="list-style-type: none"> 1. Обязательное соблюдение принятых международных соглашений 2. Взаимное признание сложившихся государственно-политических институтов стран-участниц 3. Признание территориальной целостности и нерушимости границ 4. Отказ от экономического, политического и иных форм давления в межгосударственных отношениях 5. Прекращение военных действий между собой 	
7. Формирование наднациональных органов управления	
<ol style="list-style-type: none"> 1. Высший орган политического руководства ЕАС - Совет Глав государств и правительств с полугодовым председательством каждого государства-участника 2. Высший консультативно-совещательный орган - Парламент ЕАС, сформированный 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Правительственный (? - М.Г.) комитет (КЭС) по вопросам осуществления общей экономической политики 2. Генеральный политический Совет 3. Совет Безопасности

Таблица 1 (продолжение)

Н. Назарбаев	С. Шахрай
<p>одним из двух способов: или делегированием депутатов национальных парламентов, или прямыми выборами</p> <p>3. Совет министров иностранных дел для координации внешнеэкономической деятельности</p> <p>4. Межгосударственный Исполнительный Комитет (Исполком) с руководителем, назначаемым поочередно из представителей стран-участниц ЕАС</p> <p>5. Информационное бюро Исполкома ЕАС</p> <p>6. Совет по вопросам образования, культуры и науки</p> <p>7. Формирование ряда наднациональных координирующих структур в сферах экономики, науки, культуры и образования; обороны; экологии</p>	<p>4. Суд конфедеративного объединения</p> <p>5. Институт модельного законодательства при Суде конфедеративного объединения</p>
8. Официальный язык	
<p>Русский наряду с функционированием национальных законодательств по языкам</p>	<p>Не указан</p>
9. Гражданство	
<p>Раздельное гражданство, сочетающееся со свободным перемещением граждан в рамках ЕАС</p>	<p>Не указано</p>
10. Столица	
<p>Один из городов на стыке Европы и Азии: например: Казань или Самара</p>	<p>Не обозначена</p>
11. Деньги	
<p>Переводной рубль - как расчетная денежная единица</p>	<p>Сохранение национальных валют государств-участниц при согласованных принципах кредитно-денежного регулирования</p>
12. Оборона	
<p>Создание единого оборонного пространства и формулирование коллективных миротворческих сил ЕАС</p>	<p>Создание:</p> <p>А) Оборонительного Союза, основу которого образуют национальные армии</p> <p>Б) Объединенных Вооруженных сил</p> <p>В) Объединенного Военного командования</p>

Совершенно очевидно, борьба за реинтеграцию взята на вооружение в качестве одного из решающих аргументов в острой конкурентной схватке, разгоравшейся на вершине политического олимпа России до и после выборов в декабре 1993 г. за президентское кресло. В списке инициаторов реинтеграционизма и авторов проектов и "теорий" по реализации этой идеи серьезные политические деятели - Б.Н.Ельцин, М.С.Горбачев, Р.И.Хасбулатов, С.М.Шахрай, В.Ф.Шумейко - каждый из них потенциальный претендент на пост Президента России. Однако анализ их позиций, программ и лозунгов свидетельствует не столько о том, что они обеспокоены судьбой народов, сколько желанием оправдать свои предшествующие шаги по дезинтеграции Союза и исподволь легитимизировать, и уж во всяком случае, не афишировать трагические последствия развала СССР.

Политические маневры и хитрости многолики. Можно заняться поисками идеологического обоснования перехода с одной позиции на другую, например, от участия в дезинтеграции к поддержке реинтеграции. А можно "не поступиться принципами", назвав ликвидацию страны "реформацией Советского Союза"²⁶.

Опрос, проведенный в начале марта 1994 г. по заказу Центра исследований русских меньшинств в странах ближнего зарубежья Службой Vox Populi профессора Б.А.Грушина среди 400 экспертов (депутатов Государственной Думы, руководителей исполнительной власти страны, лидеров политических партий, руководителей государственных предприятий и негосударственного бизнеса, военачальников, руководителей прессы и деятелей науки и культуры) выявил, что главным основанием повышенного внимания руководителей России к проблеме русских в странах ближнего зарубежья является "поиск аргументов в политической борьбе". Сторонники этой точки зрения составили 42% опрошенных. Почти в два раза меньше была по оценкам экспертов доля тех (22%), кто руководствовался действительной заботой о соотечественниках, и, наконец, еще 20% указали и то и другое вместе²⁷.

На самом деле дискуссия, как бы солидаризируя на первый взгляд ее участников между признанным лидером Казахстана и возможным претендентом на роль лидера России, заключается в поиске нового баланса между Европейской и Азиатской частями бывшего СССР, между народами, создавшими славянскую и тюркскую цивилизацию, между целями и ценностями православия и ислама. Совсем иного свойства острая конкуренция между двумя крупными государственными деятелями России, каждому из которых идея и лозунги реинтегративности нужны для накопления политического капитала в предстоящей

гонке за президентское кресло. Каждый из них, видимо, хорошо понимает, что российский электорат, подобно украинскому, не поддержит дальнейшее разыгрывание карты дезинтеграции. Что же касается полемики между экс-президентом СССР, экс-спикером ВС РФ и нынешним президентом России, то для каждого из них идея реинтеграции подобна соломинке для утопающего и вряд ли окажется спасительной. Именно они - главные виновники развала СССР.

Приговор депутатов Госдумы в этом отношении был однозначен: "Если бывший президент СССР М.С.Горбачев видел причину распада СССР в основном в действиях Российского руководства и августовском путче 1991 г., то, по мнению ряда бывших руководителей Советского Союза (А.И.Лукьянова, В.С.Павлова) большая доля вины за распад СССР лежит как на самом бывшем президенте СССР, так и на всем тогдашнем политическом руководстве Советского Союза и России"²⁸.

Словом, активная политическая кампания, развернувшаяся накануне, в ходе и особенно после выборов в России (12 декабря 1993 г.), на Украине и в Белоруссии (10 июля 1994 г.) в поддержку реинтеграции и культивирования в общественном сознании воссоединительных идей и лозунгов, имеет ограниченный, преимущественно верхушечный характер, представляя собой по сути старую, как мир, тривиальную борьбу за власть, борьбу внутри клана новых политиков, а также борьбу между новыми и старыми кланами.

О том, что в корне реинтеграционных политических акций кроется именно борьба за власть, свидетельствует соревновательный спор, кто первым начал возрождать разваленный союз, и рьяный поиск главного врага на очередном историческом этапе, который получил название реинтегративного этапа.

"Но вся эта деятельность, - жаловался Р.И.Хасбулатов, выйдя из Лефортова, - была прервана расстрелом российского Дома Советов... Начавшейся интеграции был нанесен огромный, непоправимый ущерб. Накатилась тенденция к дистанцированию от российских властей. Заметьте, что победившие на президентских выборах и на Украине, и в Белоруссии совсем не торопятся заявлять о сближении с Россией. Они понимают, что с нынешними хозяевами Кремля надежное сотрудничество невозможно - слова своего там не держат, исполнять решения не умеют и ни с какой интеграцией просто не справятся"²⁹.

И для того, чтобы не дать себя ввести в заблуждение по поводу истинных замыслов и намерений нынешних сторонников реинтеграции, надо глубоко осознать простую истину: в глубину постсоветского пространства метастазы дезинтеграции не успели проникнуть. Са-

ма дезинтеграция, широко разрекламированная так называемыми демократами, имела скорее верхушечный характер, отражая больше антагонизм и плюрализм позиций среди политиков, нежели противоречия между народами бывшего Союза. И поскольку этой стороне дела - балансу дезинтегрированности и реинтегративности не уделено достаточно внимания в печати, стоит к ней присмотреться более внимательно.

**РАСПАД СОВЕТСКОГО СОЮЗА
В РЕАЛЬНОСТИ И В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ
ЕГО ГРАЖДАН**

Мобилизованный лингвицизм, суверенизация и обвальная политизация этницизма, став ядром политического сознания и составной частью социальной психологии народов, наряду с другими объективными и субъективными факторами сыграли важную катализирующую роль в развале Советского Союза и в дезинтеграции советского общества. Три предыдущих очерка, посвященные "плодам суверенизации", "росткам демократизации" и "урожаю дезинтеграции" дали некоторое представление о том, как сработали разрушительная и созидательная силы этнического фактора. Вместе с тем, события переломного времени помогли развеять иллюзию и мифы о том, что национальные движения и суверенизация, покончив с СССР, как бы сами собой создадут в постсоветском пространстве и в новых независимых государствах царство демократии и рынка, свободы и благополучия граждан.

Суровая действительность опровергла оба мифа, изначально заложенных в суверенизацию и в достижение национально-государственной независимости. Миф первый покоился на наивном ожидании того, что суверенитет, добытый в войне слов, законов и демонстраций, улучшит материальную жизнь, сохраняя при этом прежнюю экономическую помощь и дотации, к которым привыкли этноэлиты, воспитанные на принципах политики аффирмативных действий, заложенной в основу национальной политики Советского Союза еще со времени X съезда ВКП(б), и его решений о помощи Центра отставшим в своем развитии народам.

Миф второй, тесно связанный с первым, состоял в ожидании помощи Запада и по сути сводился к рецидиву политики аффирмативных действий, но при смене коммунистического донора из Москвы на богатого западного благодетеля.

Оба мифа потому и оказались мифами, что идеологи суверенизации не взяли в расчет, что вместе с отрывом от Центра, случится отрыв от выгодных экономических связей и сотрудничества, и что самим придется думать о том, как зарабатывать на новую жизнь и как прокормить свое население.

Мало кто обратил внимание на обратную сторону медали, в частности, на удивительную способность советских граждан превращать отрицательные факторы в положительные. Между тем, в недрах центростремительных тенденций зарождалась новая центробежная волна, которая накатила на нас конструктивную сторону суверенизации.

Вырастив богатый урожай дезинтеграции, суверенизация и движение к так называемой деколонизации, посеяли семена новой тенденции к реинтеграции. Национальный изоляционизм, сепаратизм, таможенные барьеры, воздвигнутые между бывшими союзными республиками, безумный скачок цен, в том числе на транспортные расходы, провалившиеся эксперименты с введением национальных валют, приближение некоторых независимых государств к экономическому и социальному краху - стали благоприятной почвой, готовой взрастить новый урожай реинтеграции. Даже в относительно благополучной России, отнюдь не более многонациональной, чем ряд новейших государств ближнего зарубежья, стала широко осознаваться необходимость достижения социального и межнационального согласия, что, в частности, и проявило себя в инициированной Ельциным кампании по подписанию "Договора об общественном согласии".

Однако путь к достижению такого согласия, конечно, лежит через ответ на чрезвычайно трудный вопрос о том, как расценивать развал Советского Союза. При этом общая этнополитическая ситуация в постсоветских республиках осложняется тем, что никто не знает, на какой оси координат искать ответ на мучительный вопрос о ликвидации Союза.

Попытки построения каких-либо гипотез на оси межнациональных отношений и готовность прямолинейно думать, что русские впали в безысходную ностальгию, а нерусские народы пребывают в неопикуемой эйфории, нельзя признать состоятельными и убедительными.

Имеется ряд указаний на то, что значительная часть из 25 миллионов русских, оставшихся в 14 бывших союзных республиках, мягко говоря, не испытывает удовольствия от развала Союза³⁰. Около 2 млн. беженцев и продолжающийся исход русского населения из бывших союзных республик, от заставшей их там врасплох суверенизации и "деколонизации" красноречиво свидетельствуют сами за себя.

В отличие от стран ближнего зарубежья, из России русские не бегут. Хотя трагический отток русских имеет место из некоторых республик Сибири и Северного Кавказа. Поэтому чрезвычайно важным является отношение русских в самой России к переломному времени, к самим себе и к развалу Союза. От этого в немалой мере зависит судьба народов постсоветского пространства. В ходе предвыборной кампании сразу же после трагических событий октября 1993 г. более чем двое из трех русских России (69,7%) распад Советского Союза признали вредным (50,0%) или скорее вредным, чем полезным (19,7%). При этом нельзя не обратить внимание на то, что разница в мнениях населения, проживающего в суверенных республиках России, с одной стороны, и в отдельных субъектах Российской Федерации (областях, краях, Москве, Санкт-Петербурге) - с другой, оказалась минимальной и составила всего лишь 1,0% (см. таблицы 2, 3). Отсюда следует важный вывод о том, что на фоне перманентного кризиса власти, в том числе непосредственно на фоне политических "разборок" во всех субъектах Российской Федерации отношение к распаду Союза в целом было однозначно негативным (таблица 2). И это - не "гром среди ясного неба", это - реальность.

Таблица 2

Отношение к распаду Советского Союза граждан России
(в % по итогам опроса 1993 г.)

Как расценивают распад Советского Союза	В целом по России	В том числе: все население	
		В 16 бывших автономных республиках РСФСР	В областях и краях России
Он был полезен	9,5	9,0	9,6
Он был скорее полезен, чем вреден	11,2	10,1	11,4
Он был скорее вреден, чем полезен	19,7	20,7	19,5
Он был вреден	50,0	49,9	50,1
Затруднились дать ответ	9,3	10,3	9,1
Опрошено	4060	720	3340

При этом негативная оценка распада, ностальгия по бывшему Союзу в своей основной содержательной части не имела в себе какие-либо

тайные или явные проимперские настроения. Бывшие советские люди хотят интегрироваться не ради возрождения империи и уж не ради восстановления власти партийной номенклатуры, а ради той спокойной жизни, которая хотя и была бедной, но с надежными социальными гарантиями таких общечеловеческих прав, как право на труд, образование и отдых. Мировая система социализма не была империей. Тем не менее, половина взрослого населения Москвы, как показали итоги представительного опроса (1411 человек), проведенного Институтом этнологии и антропологии РАН в 1992 г. (автор программы и руководитель исследования Ю.В.Арутюнян) сожалела о состоявшемся распаде "мирового содружества", еще 28,7% оказались к этому безразличными, и лишь немногим более чем каждый пятый (22,3%) - одобрили³¹.

Таблица 3

Отношение к распаду бывшего Советского Союза граждан России русской и нерусской национальности
(в %, по итогам опроса 1993 г.)

Как расценивают распад Советского Союза	<u>Русское население</u>			<u>Нерусское население</u>		
	Всего	<u>в том числе</u>		Всего	<u>в том числе</u>	
		в респуб- ликах	в облас- тях		в респуб- ликах	в облас- тях
Он был полезен	9,4	9,1	9,5	9,5	8,9	10,2
Он был скорее полезен, чем вреден	11,2	10,3	11,4	11,0	10,0	12,4
Он был скорее вреден, чем полезен	19,9	20,3	19,8	19,0	21,1	16,3
Он был вреден	50,2	52,1	50,0	49,5	47,9	51,6
Затруднились дать ответ	9,0	8,2	9,1	10,9	12,0	9,2
Опрошено	3397	340	3097	663	380	283

Среди русского населения, проживающего в суверенных республиках и ощутивших на своем опыте горячее дыхание суверенизации, истолковываемой отдельными представителями из рядов титульной этноэлиты как суверенизации только титульной нации, удельный вес лиц, негативно оценивших распад Союза оказался самым высоким - 72,4%. Тем не менее, этот показатель всего лишь на 2,6% превышал долю русских в областях и краях России, так же негативно оценивших

развал СССР. Разница не является сколько-нибудь существенной, хотя и не может быть оставлена без внимания (см. таблицу 3).

Данные таблицы 3, в которых зафиксированы итоги опроса русского и нерусского населения в целом по России и отдельно по республикам и областям (краям), могли бы показаться избыточными, если бы не были столь красноречивыми в подтверждении единодушного негативного отношения граждан России, независимо от национальной принадлежности, к развалу Союза (см. таблицу 3).

Совпадение мнений русского и нерусского населения в рассматриваемом вопросе имеет принципиальное значение. Особенно, если иметь в виду, что на наличие таких расхождений делают ставку в большой геополитической игре некоторые зарубежные политики. Широкий резонанс, в частности, получила пространная статья-эссе бывшего помощника президента США по национальной безопасности, поляка по происхождению Збигнева Бжезинского, посвященная постсоветскому периоду Российско-американских отношений и претенциозно озаглавленная "Преждевременное партнерство"³².

Для З.Бжезинского, упорно продолжающего выступать против улучшения отношений между Западом и Россией, досадным фактом являются результаты голосования, показывающие, что "две трети народа России и даже большинство демократических политиков считают ликвидацию Советского Союза трагической ошибкой, которая должна быть так или иначе исправлена"³³. К сожалению, из контекста эссе не ясно о результатах какого голосования идет речь. Но тот факт, что эти результаты почти абсолютно совпадают с итогами исследования, проведенного по проекту "Предвыборная ситуация в России", дает возможность для некоторого пояснения, что это значит.

Прежде всего, итоги исследования опровергают исходную предпосылку-надежду З.Бжезинского найти коренные противоречия между мнениями и установками русского и нерусского населения. Пытаясь, как и прежде, любыми способами противопоставить их друг другу, он, во-первых, пугает своих читателей тем, что "любая попытка восстановить империю в той или иной форме, подавляя при этом пробужденные национальные устремления нерусских, придет в прямое столкновение с усилиями по консолидации демократии внутри России", во-вторых, вводит в заблуждение, выставив якобы непреодолимую аксиому, согласно которой: "Россия может быть или империей или демократией, она не может быть тем и другим сразу"³⁴.

Угрозу Российской демократии З.Бжезинский видит в опасности, исходящей из имперских побуждений и в возможном подавлении национализма нерусских народов, стремящихся создать независимую национальную

государственность. В действительности все обстоит зеркально наоборот: мобилизованный этницизм для демократии более опасен, чем стремление народов иметь сильное государство с налаженным порядком, которое может совмещаться с демократией и не быть при этом империей.

Впрочем, спорить с З.Бжезинским трудно по той простой причине, что он не раскрывает, что такое в его представлении империя. Особое беспокойство у него вызывает "растущая агрессивность российских военных в их усилиях, направленных на сохранение или восстановление контроля над прежней советской империей". Вместе с тем, он не замечает, что именно присутствие миротворческих сил России приглушает или прерывает конфликты в ряде горячих точек, а в конечном счете, содействует сохранению гражданского мира.

Больше всего З.Бжезинского раздражает все то, что мешает реализации выдвинутой им долгосрочной стратегии, суть которой в его формулировке сводится к "консолидации геополитического плюрализма в пределах бывшего Советского Союза", или, если сказать проще, все то, что в той или иной мере проявляет себя как фактор или тенденция к дальнейшему развалу бывшего Союза. Выписанный им рецепт не отличается дипломатическим совершенством, осторожностью и отточенностью конкретных предложений. Он прост, как военная команда: во-первых, отказ от партнерства с Россией, во-вторых, отказ ей в участии в интеграционных процессах, в-третьих, поворот американской помощи в сторону бывших союзных республик и предоставление новейшим государствам "американских политических гарантий независимости и территориальной целостности Украине", в-четвертых, расширение американо-китайских консультаций для решения политической судьбы государств Средней Азии, в-пятых, вопреки официальной доктрине Белого Дома, провокационное признание в долгосрочном плане отрыва Украины от России более важной задачей США, чем настаивание на демонтаже постсоветского ядерного арсенала, и, наконец, в-шестых, манифестация американской заинтересованности в независимости трех государств в Закавказье.

Как видно, в этой схеме нет места настроениям миллионов людей с исковерканными судьбами, действительно страдающим от разорванных экономических и социокультурных связей, нет понимания забот тех новых государств, которые уже активизировали свою внешнеполитическую деятельность в стремлении укрепить связи с Россией или внутри СНГ, нет ссылки на желание Беларуси войти в рублевую зону, нет упоминания об энергичных объединительных усилиях президента Н.Назарбаева и т.д. Есть расчет на американскую экономическую

и военную силу и на мобилизацию антироссийской деятельности в государствах с нерусским титульным населением.

Антиреинтеграционный замысел конфронтационной модели З.Бжезинского был раскрыт английским журналом "Экономист", квалифицировавшим его концептуальный замысел как "выброс старомодной геостратегии", как адекватное выражение "старых ястребов, налетевших" на новую администрацию Клинтона. Комментируя фразу Бжезинского "Я друг России", английский журнал саркастически замечает: "С друзьями, подобными Збигу, многие русские зададутся вопросом, нуждаются ли они во врагах. Они могут также заподозрить, что по сути дела лишь слышат напряженное биение польского сердца"³⁵. Вместе с Кареном Брутенцом, выражая недоумение, что сподвигло столь опытного политика и советолога на резкий конфронтационный выпад против реинтеграционных тенденций в постсоветском пространстве, хотелось бы думать, что дело не в его этнической принадлежности.

ОТНОШЕНИЕ К РАСПАДУ СОЮЗА В РАЗНЫХ ТИПАХ ПОСЕЛЕНИЙ РОССИИ

Таблица 4

Отношение к распаду Советского Союза граждан России в разных типах поселений (в %, по итогам опроса 1993 г.)

Как расценивают распад Советского Союза	Типы поселений			
	рас-столицы и об-ластные цен-тры	города	поселки родского па	го-села ти-па
Он был полезен	9,9	10,4	8,6	7,8
Он был скорее полезен, чем вреден	14,8	11,5	7,3	6,8
Он был скорее вреден, чем полезен	23,8	18,2	19,8	15,6
Он был вреден	41,9	49,7	57,6	60,0
Затруднились дать ответ	9,3	9,9	6,8	9,5
Опрошено	1428	1322	384	926

В отличие от национального фактора, который вполне можно вывести за скобки того уравнения, с помощью которого раскрывается роль факторов, формирующих отношение к распаду Союза, территориально-поселенческий фактор, безусловно, находится в ряду причин, предопределяющих неоднозначное отношение к этому явлению.

Коротко говоря, чем крупнее поселение, тем больше в нем доля лиц, позитивно или полупозитивно - с "демократических" позиций - оценивающих распад Союза, в том числе в столицах - 24,7%, в городах - 21,9%, в поселках городского типа - 15,9%, и, наконец, в селах - 14,6%.

И наоборот, чем дальше от столиц и крупных городов, тем выше была доля граждан, полагающих, что распад Союза был вредным, или скорее вредным, чем полезным. Индекс "вредности" распада, представляющий собой дробь с удельным весом лиц негативно оценивающих распад в знаменателе составил для столиц - 2,7 раза, и далее соответственно для городов - 3,1 раза, для поселков городского типа - 4,9 раза, и для сельской местности - 5,2 раза (см. таблицу 4).

ОТНОШЕНИЕ К РАСПАДУ СОЮЗА И РАЗЛИЧИЯ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЯХ

Серьезную поддержку той или иной тенденции - как дез- так и реинтеграции - можно организовать только дополняя знания настроений знанием материальных интересов носителей тех или иных настроений.

Бывшие коммунисты более болезненно, чем те, кто не состоял в рядах КПСС, переживают развал Союза. Среди первых доля лиц, отрицательно оценивающих распад страны составила 78,2% и почти в пять раз превысила долю тех коммунистов, кому распад видится полезным (16,0%), среди вторых доля сторонников Союза (67,1%) превысила долю противников (21,8%) в три раза.

Среди противников рыночной экономики доля лиц, для которых распад Союза был нежелательным и вредным, превышал долю лиц позитивно оценивших в 6,4 раза, среди сторонников постепенного перехода к рынку указанный показатель составил 3,4, а среди радикалов, проголосовавших за быстрый переход к рынку - 1,4 (см. таблицу 5).

Следовательно, две установки - позитивное отношение к распаду Союза и стремление к ускоренному переходу к рыночной стихии тесно связаны между собой. Скорее всего, их совпадение связано с общим синдромом леворадикальной ультрадемократической позиции. Противоположная позиция выражается совпадением установки на посте-

пенное эволюционное экономическое реформирование или же решительное возражение реформам в экономике с нескрываемой внутренней поддержкой идеи сохранения бывшего Союза (см. таблицу 5).

Таблица 5

**Взаимосвязь между отношениями к рыночной экономике
и распаду бывшего Советского Союза**
(в %, по данным опроса 1993 г.)

Как расценивают распад Советского Союза	Переход к рынку должен быть		Против рыночной экономики	Затруднились дать ответ
	быстрым	постепенным		
Он был полезен	15,8	8,5	7,9	8,5
Он был скорее полезен, чем вреден	21,7	12,5	5,0	5,6
Он был скорее вреден, чем полезен	21,2	24,3	12,1	14,1
Он был вреден	32,9	47,5	70,3	52,4
Затруднились дать ответ	8,3	7,2	4,6	18,7
Опрошено	590	1967	646	822

Какая из двух тенденций - дальнейшая дезинтеграция или реинтеграция - будут преобладать территории бывшего СССР во многом будет зависеть не только от состояния экономики, но и от общественного мнения, от настроений среди широких масс. Выразителем этих тенденций, скорее всего, будет поведение электората. Вслед за электоратом Украины и Белоруссии свое решительное слово скажут избиратели России, когда перед ними распахнутся двери избирательных участков на грядущих выборах Президента России.

И, похоже, имеются серьезные основания думать, что именно электорату придется в скором будущем вынести окончательную оценку развалу Советского Союза. В бюллетенях, опущенных в урны будет вынесен приговор тем политикам, кто развалил Союз, если, разумеется, эти политики будут пытаться остаться на политической арене. Из демократического окружения Российского Президента исходит немало щадящих гипотез, в которых делается запоздалая попытка как-то оправдать ликвидацию Союза, найти удобные объяснительные аргументы, солидаризируясь с признанием трагических последствий развала и пытаясь во что бы то ни стало снять с себя вину.

"Когда большинство жителей Москвы и Ленинграда на референдуме 1991 г. проголосовали против сохранения Советского Союза, - говорилось на международном симпозиуме 17-19 января 1993 г., организованном Междисциплинарным аналитическим центром социальных наук, - то, естественно они выступали не против сохранения целостности страны, а против политического режима, который тогда в ней господствовал. Считалось, и не без оснований, что нельзя ликвидировать коммунизм, не разрушив империю"³⁶.

Анализ этнополитических установок Российского электората в ходе предвыборной кампании во второй половине ноября и первой половине декабря 1993 г. позволяет выявить, что больше всего сторонников распада Союза сосредоточено среди тех, кто голосовал за "Выбор России". Вслед за одним из своих лидеров Е.Гайдаром³⁷, выборосовцы не скрывали своих истинных симпатий состоявшемуся развалу.

Даже в начале февраля 1994 г., когда для многих наблюдателей стали очевидными новые центростремительные тенденции, объективно направленные на ревизию процессов суверенизации и распада Союза, Е.Гайдар продолжал настаивать на своем: "Мы не мечтаем вновь объединить за свой счет все республики бывшего Союза"³⁸. Обе сделанные при этом дипломатические оговорки - "за свой счет" и Россия как "страна ... не собирающаяся никого присоединять, покорять" - не снимают ответственности как за развал, так и за блокирование дезинтегративных поисков.

Выразителен факт, что более трети избирателей, которые собирались проголосовать за "Выбор России" жестко признавали распад СССР полезным или мягко соглашались с тем, что он был скорее полезным, чем вредным. Индекс несогласия (доля лиц, признавших вредным, поделенная на долю тех, кто считал распад Союза полезным) среди сторонников "Выбора России" составил минимальную среди электоратов других партий и блоков величину - 1,4.

Прямо противоположные позиции продемонстрировали те избиратели, которые намеревались накануне выборов опустить свои бюллетени в урны за коммунистов. Преобладающее большинство (95,4%) прокоммунистически настроенного электората России распад Союза оценило вредным, или скорее вредным, чем полезным (см. таблицу 5). В итоге индекс "несогласия" с распадом СССР у этой части электората составил значительную величину - 15,4, т.е. в 11 раз превысил аналогичный индекс среди поклонников "Выбора России".

В первой тройке групп избирателей с негативной оценкой развала СССР оказались те, кто не скрывал, что собирается голосовать за ЛДПР

(индекс - 5,0) и за ДПР (индекс - 3,7). Близкими к установкам Выборороссийского электората оказались избиратели, решившие поддержать ПРЕС (2,2) и Яблоко (2,9).

Разумеется, приведенные данные нельзя абсолютизировать, так как скоропалительно организованная предвыборная кампания не позволила широким кругам избирателей сколько-нибудь обстоятельно познакомиться с предвыборными платформами блоков и партий, оценить потенциал их лидеров, внимательно приглядеться к спискам. К тому же сами списки были опубликованы, во-первых, в изданиях с крайне ограниченным тиражом, во-вторых, с большим запозданием по времени, когда до выборов оставалось всего лишь 3 недели. В результате, больше половины потенциальных избирателей не имело возможности заранее идентифицировать блоки и партии, самоидентифицироваться в своих политических позициях, (40,8%) или же отказались вообще от участия в голосовании (13,6%), или же, наконец, решило, что будет голосовать "оптом" против всех (1,2%).

Вторая часть вышеупомянутой гипотезы, оправдывающая необходимость развала Союза ("разрушения империи") потребностью достижения победы над коммунизмом также не вполне корректна, так как Союз развалился не столько под ударами борьбы против коммунизма, сколько в результате межгрупповой борьбы за власть в верхнем эшелоне партийной номенклатуры. Лидеру одной из группировок для того, чтобы сместить лидера противоборствующей группировки пришлось идти сначала на суверенизацию России, затем за выход России из состава СССР, и, наконец, на задачу суверенитетов и независимости бывшим союзным республикам в расплату за победу над первым и последним Президентом СССР.

Итоги обследования (опроса) электората по общенациональной выборке позволяют с известной долей осторожности представить контуры происходящих процессов, в ходе которых у значительного контингента избирателей происходит рост политического самосознания и утверждение новой структуры предпочтений и ценностей. В этом плане проблема распада Союза и, прежде всего, оценка этого распада, безусловно, выступает одним из ярких индикаторов утверждения и поляризации политических ориентаций. Происходит подъем политической грамотности россиян. Так, например, распределение мнений по указанному индикатору между выборосовцами и коммунистами однозначно проистекает из полярности их убеждений, а в конечном счете, из того, что вторые отобрали власть у первых.

И совершенно очевидно, что если "Выбор России" и ассоциированные с ним группировки, равно как и президентское окружение и

правительственные структуры, не признают тенденцию сужения социальной базы их метода реформирования, в том числе не откажутся от оправдательно-позитивной оценки распада Союза, воспринимаемого многими гражданами постсоветского пространства как "потерю исторической перспективы", им грозит политическое банкротство на очередных выборах.

Понимая смысл поражения претендентов на пост президента в Белоруссии и на Украине, в том числе и по причине противодействия новейшим реинтеграционным настроениям масс, и извлекая важные выводы из итогов выборной кампании один из ведущих американских корреспондентов в Москве откровенно заявил: "На Потомаке не считают нужным ухаживать за третьим беловежским зубром, который может разделить судьбу своих собратьев, даже если по просьбе Шумейко, президентские выборы перенесут в XXI век"³⁹.

Таблица 6

Отношение к распаду СССР электората блоков и партий, выдвинувших своих кандидатов в Государственную Думу по общефедеральному избирательному округу (в %, по итогам опроса 1993 г.)^{*41}

Блоки и партии	% голосов, полученных в ходе выборов	Как расценивают распад СССР				затруд. ответить
		полезен	скорее		вреден	
			полезен	вреден		
ЛДПР	22,92	10,6	5,5	14,6	66,1	3,1
Выбор России	15,5	15,8	22,0	23,0	29,7	9,2
Коммунисты	12,4	3,4	2,8	12,4	83,0	1,1
Женщины России	8,13	8,9	11,7	21,7	51,1	6,7
Аграрная	7,99	9,7	11,2	15,7	57,5	5,2
Яблоко	7,86	11,9	12,4	25,9	44,8	5,0
ПРЕС	6,73	13,7	15,3	22,0	41,9	8,1
ДПР	5,52	14,3	6,2	24,8	51,6	3,1
Против всех		12,8	8,5	21,3	48,9	8,5
Не знают		7,5	10,4	19,1	49,9	12,7
Не будут голосовать		8,9	10,5	19,7	49,3	11,4
Итого		384	455	801	2032	378

* Партии и блоки расположены в соответствии с количеством полученных голосов по итогам выборов 12 декабря 1993 г.

Хотя справедливости ради надо отметить, что и среди убежденных демократов, в том числе защитников Белого Дома в августовские дни 1991 г., были весьма уважаемые и авторитетные люди, сожалеющие о распаде Союза. "Ох! Мне даже страшно об этом думать... - отвечал М.Ростропович на вопрос главного редактора "Литературной газеты" о самочувствии после распада Советского Союза. ...Нет, нет. Наше сообщество возродится. Но, конечно, я не хочу, не могу, прилетая из Москвы в Киев, предъявлять заграничный паспорт"⁴⁰.

И логично предположить, что многими россиянами распад бывшего СССР воспринимается не как прерыв постепенности, не как угроза существованию постсоветского пространства, а как начало очередного в широком историческом смысле социокультурного и политического обновления. И вынесение негативной оценки распаду Союза означает не только ностальгию и пессимизм, но и обновленные здоровые ростки новой фазы реинтеграции.

Важно одно: приведенные данные этносоциологических опросов не следует абсолютизировать. О широком распространении ностальгических настроений по поводу бывшего Союза честные политики знают и без социологии. Тем не менее, для многих наблюдателей стала неожиданной поддержка коммунистами Казахстана идеи Назарбаева о создании Евразийского Союза. Так, например, во время полуторачасовой встречи руководства компартии Казахстана с премьер-министром республики Сергеем Терещенко была выражена обеспокоенность тем, что идеи ЕАС недостаточно пропагандируются в республике. По мнению коммунистов, инициатива Назарбаева является одним из важнейших этапов на пути к обновленному союзу советских народов. К тому же, по словам лидера КПК Леонида Королькова, около 70% населения Казахстана, согласно опросам общественного мнения, поддерживают идею Евразийского союза.

"Тот, кто не сожалеет о распаде союза, не имеет сердца, тот, кто хочет возродить его, - не имеет головы"⁴² - сказал Председатель Верховного Совета Украины Александр Мороз, в ответ на просьбу прокомментировать предложения о новом объединении, будучи первым из новых украинских руководителей, посетивших российскую столицу после поражения Л.Кравчука во время выборов в президенты летом 1994 года.

И последнее: основой для предлагаемого здесь прогноза является динамичное изменение в политическом сознании населения постсоветского пространства. Всего лишь двумя годами отделены итоги представительных этносоциологических опросов, проведенных учеными Института этнологии и антропологии РАН в 1991 (автор и руководитель проекта - Ю.В.Арутюнян) и в 1993 гг. (авторы проекта Джерри Хафф, Тимоти Колтон, Сьюзен Лейманн, руководители исследования в

республиках России - М.Н.Губогло, в областях и краях России - С.В.Туманов). А как разительны случившиеся за это время перемены!

В 1991 г., т.е. в год, на который пришелся пик дезинтеграционных процессов, 60 % москвичей, 43% саратовцев⁴³ проголосовали, условно говоря, за развал Союза, отдав предпочтение развитию России вне Союза. Таким образом, трансформация политического сознания граждан бывшего Союза происходит быстро и оказывается направленной далеко не в одну и ту же сторону. Поэтому в каждом случае к итогам этой трансформации, равно, как и к оценке его устойчивости, следует подходить не только с ситуативной, но и с временной корректировкой.

Как перестроечные (дезинтеграционные), так и постперестроечные (реинтеграционные) настроения меняются динамично, в духе, скорее, не эволюционных, а революционных перемен.

КОРНИ РЕИНТЕГРАЦИИ

По-разному можно спрашивать человека, где его родина и как остро он ощущает свою связь с ней, т.е. насколько актуализирована в его сознании идентификация с родиной, которую в одном случае он понимает как место, где он родился, в другом - республику, в которой проживает, в третьем - как пространство всего бывшего Советского Союза. И хотя люди живут рядом, родина в их представлениях ощущается такая разная...

Серьезное изучение этого феномена было положено этносоциологическими исследованиями, проведенными учеными Института этнологии и антропологии РАН, сначала под руководством⁴⁴ Ю.В.Арутюняна и Л.М.Дробизевой, а позднее - С.С.Савоскула⁴⁵.

Различное понимание Родины, а, следовательно, и своей связи с ней, может служить одной из основ определения степени дезинтеграции в глубинах общественного мнения. Даже преобладание положительных установок на реинтеграцию не закрывает вопрос, т.к. остается неясным комплекс объективных факторов, формирующих реинтегративные (или отсутствие дезинтегративных) настроений в широких кругах населения.

Этносоциологические исследования, проведенные в ряде республик и государств постсоветского пространства, позволили выявить в числе объективно сближающих народы причин - длительность совместного проживания на одной и той же территории и сложившееся осознание этой территории своей подлинной родиной не только вместе с

людьми своей национальности, но и с представителями других народов.

Преобладающее большинство городских башкир и татар, как показал опрос, родились в городах и селах Башкортостана. Несколько меньше по сравнению с ними, но все же более чем каждые четверо из пятерых русских так же родились в республике нынешнего проживания (см. таблицу 7).

Таблица 7

Где был родительский дом, когда родились?
(в %, по итогам опроса горожан Башкортостана, 1993 г.)

География места рождения	башкиры	татары	русские
I. Башкортостан			
1. В деревне, в селе	43,1	41,8	22,4
2. в районном центре	7,6	6,9	4,8
3. в маленьком городе	8,2	7,1	5,3
4. в среднем городе	19,3	15,3	25,2
5. в большом городе, но не в Уфе	1,1	1,0	0,7
6. в г. Уфе	16,8	18,9	25,2
ИТОГО	96,1	91,0	83,6
II. За пределами Башкортостана			
1. в России	2,5	7,4	14,2
2. вне России	1,3	1,8	2,1
ИТОГО	3,8	9,2	16,3

Многим нынешним политикам, а особенно тем из них, кто склонен идти в фарватере идеологов и лидеров национальных движений, очень часто не хватает конкретного знания исторической перспективы и одновременно знания современной социологической оси координат. Одним из решающих аргументов в притязаниях на приоритеты для титульной нации, как правило, выступает ссылка на глубину исторической памяти, из которой далее выводится понятие исконной территории и право если не на монопольное, то, по крайней мере, на приоритетное пользование ею.

Дефицит историко-правовых документов для подкрепления этой ссылки восполняется фольклором или риторикой. На мельницу этой концепции льет воду и слабая осведомленность политиков, во-первых,

о степени "коренизации", (точнее о степени укоренелости) различных совместно проживающих групп населения, во-вторых, о глубине исторической памяти, и, в-третьих, о причинах формирования территорий с национально-смешанным составом населения. Этносоциологические исследования, проведенные Институтом этнологии и антропологии РАН, в том числе Центром по изучению межнациональных отношений, дали некоторые материалы для восполнения указанного пробела.

Опрос в городах Башкортостана показал, что наряду с преобладающим большинством башкир (93,4%), приблизительно такая же доля татар (86,2%) и более двух третей русских (67,2%) совершенно уверены в том, что их предки "всегда жили здесь", или же поселились так давно, что даже трудно это восстановить в памяти (см. таблицу 8). Если же отсчет "стажа" предков вести с рубежа, отмеченного Октябрьской Революцией, то оказывается, что у 95,0% башкир, 91,6% татар и у 78,0% русских предки проживали в Башкортостане.

Иными словами, для большинства нынешних обитателей Башкортостана, независимо от их национальной принадлежности, Башкортостан является родиной и исконной территорией. И делить население, чьи предки третьего поколения расселены здесь, на коренных и некоренных, очень трудно, да и опасно.

Таблица 8

**Корни геоисторического самосознания.
Идентификация с предками своей национальности
(в %, по данным опроса горожан Башкортостана, 1993 г.)**

С каких пор предки проживают в Башкортостане	башкиры	татары	русские
1. не известно	20,9	23,7	25,8
2. всегда жили здесь	72,5	62,5	41,4
3. приехали до Октябрьской революции	2,0	5,4	10,8
4. приехали между Октябрьской революцией и Великой Отечественной войной	1,3	3,1	6,9
5. приехали во время Великой Отечественной войны	0,4	1,4	4,1
6. приехали после Великой Отечественной войны	2,7	3,3	9,5

Упоминание о взаимосвязи исторической памяти и нынешних реалиях, конечно, не случайно. Особенно на фоне того, что для многих стало очевидным: одним из результатов суверенизации стали межнациональные конфликты и разбегание по национальным квартирам. В ряде бывших республик нависла угроза разделения производствен-

ных коллективов по национальному признаку. Между тем, национальный состав многих предприятий, учреждений, особенно в городах, был многонациональным. Так, например, по самоощущению одной трети башкир, более двух пятых татар и почти половины русских национальный состав их трудовых коллективов наполовину составляют люди одной с ними национальности. Каждый пятый башкир и татарин, а также двое из пяти русских работали в коллективах, где люди своей национальности составляли большинство (см. таблицу 9).

Таблица 9

**Национальный состав трудовых коллективов
в городах Башкортостана**
(в %, по данным опроса 1993 г.)

Национальный состав	Национальность		
	башкиры	татары	русские
1. Люди своей национальности составляют большинство	20,1	20,9	41,5
2. Люди своей национальности составляют, примерно, половину работающих	32,9	42,9	45,1
3. Люди своей национальности в меньшинстве	46,1	34,8	12,8

Осознавая себя коренными жителями Башкортостана ничуть не в меньшей мере, чем представители титульной национальности, татары и русские, памятуя о происхождении своих предков и опираясь на глубинные пласты исторической памяти, не склонны проявлять какие-либо устремления к национал-сепаратизму. Согласно данным опроса, лишь 17,6% татар и 14,8% русских согласились (полностью или частично) иметь право на территориальную автономию в местах компактного заселения Башкортостана небашкирским населением (см. таблицу 10). Следовательно, все остальные, т.е. преобладающее большинство татар и русских не дали увлечь себя идеями самоопределения вплоть до территориальной автономности. А там, где не было разлома, естественно, есть полная готовность к продолжению межнационального союза и сотрудничества.

Успешное воплощение идей реинтеграционизма в России во многом будет зависеть от того, в какой мере новые усилия российских политиков будут корреспондировать с умонастроением широких народных масс, в том числе с тем, каким видят свое будущее те или иные группы национальностей, оказавшиеся волей суверенизации в новых самостоятельных суверенных республиках. Как показали итоги опроса,

нет никаких оснований сомневаться в интеграционистских настроениях большинства не-титульного населения. Среди горожан Башкортостана ничтожная доля - лишь 2,2% татар и 1,4% русских пессимистично думают, что нетитульному населению в будущем придется уехать из Башкортостана.

Таблица 10

**Отношение к праву не-титульных национальностей
(татар и русских) иметь территориальную автономию
в компактно заселенных ими районах Башкортостана
(в %, по итогам опроса, 1993 г.)**

Согласны ли с тем, чтобы не башкиры (татары и русские) в компактно заселенных районах Башкортостана имели право на территориальную автономию	Национальность	
	татары	русские
1. безусловно согласны	7,7	7,9
2. скорее согласны	9,9	6,9
3. скорее не согласны	26,4	25,4
4. безусловно не согласны	28,6	35,1
5. затрудняюсь ответить	27,3	24,7

Это одна крайность. Другая крайность представлена полярными установками людей, считающих, что русские должны организовать политически, чтобы вычленив территории, населенные русскими, из состава Башкортостана. Однако эта крайность, как и первая, не имеет под собой сколько-нибудь реальной социально-демографической базы. Подобный экстремизм нашел поддержку в умах лишь среди 0,3% татар и 2,3% русских (см. таблицу 11). Между указанными крайними позициями располагаются основные массы людей с умеренными взглядами на будущее русских в Башкортостане.

На адаптацию, т.е. на изучение русскими башкирского языка, освоение башкирской культуры, на сближение с башкирами ориентированы более чем каждый пятый татарин. Доля аналогичным образом настроенных русских более чем в 3 раза меньше, чем среди татар. Видимо большинство русского городского населения Башкортостана не видит особых перспектив в реализации указанной адаптационной модели. Преобладающее большинство русских - более трех четвертей - считают, что русские могут (должны) остаться в Башкортостане, добиваясь права на сохранение русского языка и культуры, т.е. на статус-кво в отношениях с титульной нацией.

Эту же самую наиболее популярную модель будущего для русских поддерживает 54,6% татар (см. таблицу 11).

Таблица 11

Выбор будущего для русских Башкортостана
(в %, по итогам опроса, 1993 г.)

Каким видится будущее для русских: проживающих в Башкортостане	Национальность	
	татары	русские
1. выехать за пределы Башкирии	2,2	1,4
2. изучить башкирский язык, освоить культуру, чтобы стать для башкир своими	22,6	6,5
3. остаться, добиваясь права на сохранение русского языка и культуры	54,6	77,6
4. организовать политически, чтобы вычленили русские территории из состава Башкортостана	0,3	2,3
5. затрудняются ответить	20,4	12,2

Итак, из четырех, предложенных на выбор вариантов судьбы русских в Башкортостане, татары и русские по отношению "к самим себе" предпочтение отдали наиболее "спокойной" третьей модели, т.е. проголосовали за сохранение status-quo, за такое будущее, в котором не было бы места ни одной из возможных крайностей - ни этнической капитуляции в форме бегства от мобилизованного этницизма титульной нации, ни сопротивления, толкающего их на обострение отношений с башкирами. Нельзя не отметить и относительно слабо выраженную ориентацию русских на адаптационную модель, в которой лишь 6,5% русских видят для себя какие-то смутные перспективы.

Настрой русских, вызванный длительным совместным проживанием с башкирами, и ощущением себя таким же коренным населением Башкортостана, является примером здоровой основы реинтеграционного движения в России.

Совсем по иному выглядят в общественном мнении установки на будущее русских в государствах нового зарубежья. Так, согласно данным группы этносоциологов Института этнологии и антропологии РАН (Руководитель С.С.Савоскул) более 20% русских Кыргызстана и Молдавии и около 10% Литвы собираются голосовать ногами, т.е. уехать из этих республик⁴⁶.

Одни и те же факторы, определяющие нынешнее положение и разграничивающие судьбу русских в будущем, по-разному проявляют себя в суверенных республиках России и в странах нового зарубежья. Если, например, в первых доля русских, желающих выехать за пределы республики, или настроенных на адаптацию, является крайне малой,

и в сочетании с той частью русских, которые не ощущают адаптационных позывов, является фактором стабильности и единства Российского государства, то в странах нового зарубежья эти же самые факторы имеют совсем другой смысл. Повышенный удельный вес русских, желающих уехать из Кыргызстана, Молдовы и некоторых других независимых государств, складывается, конечно, не от хорошей жизни.

Но, как это ни цинично звучит, именно эти повышенные доли потенциальных мигрантов из нового зарубежья в Россию создают в самой России климат реинтеграционных настроений и становятся сильным козырем в руках политиков, избравших реинтеграцию курсом своей политики и аргументом своей политической карьеры.

Выразителем и последовательным носителем реинтеграционных тенденций в постсоветском пространстве выступают крупные контингенты людей, и, прежде всего, часть из тех 25 млн. русских, которые в одночасье оказались в новых независимых государствах на положении дискриминируемых национальных меньшинств. Даже если в некоторых из новых государств нет злой воли или конституированной политики по вытеснению не-титульного населения за пределы нового государства, сам факт ориентации на моноэтнизацию нельзя не признать дискриминационным по сути. И, поскольку действие вызывает противодействие, национальные меньшинства, хоть и с разной скоростью консолидируются и мобилизуются в борьбе за свою самобытность, за выживание, за свои права и свободы. Не надо быть пророком, чтобы предсказать, по крайней мере, одну из нескольких линий возможного их поведения и взаимоотношения с новыми этноэлитными структурами.

В одном случае национальные меньшинства, проявив мудрость и благоразумие, начнут структурироваться в новые условия жизни без сопротивления, воспринимая новые правила игры, не пытаясь наводить свои порядки.

Во втором - полярном варианте - они окажут отчаянное сопротивление, чреватое обострением межнациональных отношений и эскалацией международных скандалов и конфликтов. И, наконец, в третьем случае они могут стать источником и катализатором реинтегрированных тенденций или мостом для строительства новых взаимоотношений как в области политики, так и в области экономики и культуры⁴⁷.

Повседневный опыт убеждает, что в сердцах и умах маргинально настроенных граждан накапливается взрывоопасный реинтеграционный заряд. Несколько лет тому назад о маргиналах и маргинальности в общественных науках не принято было говорить. Лишь случайные

упоминания встречались на страницах журнала "Советская этнография" в статьях, написанных этнографами-зарубежниками и посвященных опыту межэтнических контактов в зарубежных странах.

Гласность как одно из позитивных достижений перестройки сняла запрет с этой темы. Однако первыми за ее разработку взялись не специалисты, а писатели, поэты, иные представители творческой интеллигенции, а также вездесущие журналисты. Большой вред был нанесен тем, что в целом ряде едких, не лишенных таланта публицистических статей и выступлений были перепутаны два совершенно разных явления этнической жизни - маргинализация как овладение элементами двух национальных культур и манкуртизация как полная утеря элементов национальной культуры своего народа.

Для идеологов национальных движений нужны были враги, дальние и ближние. В ряду первых оказались Москва и Кремль, в числе вторых - собственные соэтники, не пожелавшие безоглядно поддерживать политические амбиции самозванных нацлидеров. Шквальный огонь был сосредоточен на "манкуртах" и "маргиналах", и даже на ни в чем неповинных билингвах, т.е. на тех, кто в повседневной жизни пользовался двумя языками. И надо признать, это было придумано довольно ловко - бороться с двуязычием, хотя, если разобраться, полемические снаряды летели мимо цели, так как сама цель неоднократно смещалась с "маргиналов" - на "манкуртов", с двуязычия - на двойное полуязычие и т.п.

Никто не оспаривает негативный факт, если человек забывает язык своей национальности. Плохо, когда грузин, живущий в Москве не гордится знанием нескольких строк из "Витязя в тигровой шкуре", плохо, если армянин в Санкт-Петербурге не слышал про сокровища Матенадарана, ужасно, если молдаванин в России не может вспомнить строку из Эминеску.

Но, во-первых, это все же не вина, а беда, а, во-вторых, само явление не маргинализм, а манкуртизм.

Тем не менее, бешенство националистов вызывал не отказ своих соэтников "спеть" или "станцевать" по национальному, а то, что политически не ангажированные люди отказывались исполнять произведения из их политического сценария.

Конечно, маргинал маргиналу рознь. В одних случаях он - носитель двойного полуязычия (или полукультурия), в других, - политического двуязычия и двукультурия, в-третьих, - носитель языков и культур в различных комбинациях⁴⁸.

"Да, по отцу я - казах, но по матери - татарин. А по воспитанию я - и казах, и татарин и русский, убежденно, без комплексов и без колебаний отвечал Аман Тулеев на каверзные вопросы избирателей, намекающих

на его этническую неполноценность в ходе предвыборной кампании.

Преодолеть насаждаемые националистической идеологией негативные стереотипы, применяемые к миллионам людей, оказавшимся на рубеже этнических культур, призвал Аман Тулеев - претендент в президенты России. Он пришел к твердому умозаключению о том, что у миллионов маргиналов, подобных ему, имеется "огромное преимущество: в нас по закону рождения заложено доброжелательное отношение к представителям других национальностей." В самом деле, могут ли быть веские основания не соглашаться с самопризнанием, или, если угодно, с национальным самоопределением Амана Тулеева, когда он обдуманно и всенародно делает свой выбор: "Я люблю казахов, потому что во мне течет отцовская кровь, и мне близки татары с материнской стороны, не менее родными для себя считаю русских"⁴⁹.

Около 70 миллионов бывших советских граждан, в том числе и те, чья национальная принадлежность не совпадала с их родным языком, люди, состоявшие в национально-смешанных браках, или потомки подобных браков, наконец, восприимчивые люди, оказавшиеся в иноэтнической среде и быстро усвоившие правила, принятые в этой среде, после развала Союза стали носителями воссоединительных настроений и идей.

Именно они больше, чем другие, оказались заинтересованными в том, чтобы все нации, прежде всего, бывшего Советского Союза жили в единой дружеской семье, чтобы им самим не нужно было разрываться на части

И что в этой позиции предвзвешенного?

И хотя придуманный Аманом Тулеевым термин "многонациональник" звучит непривычно для слуха, нельзя не согласиться с тем, что в формуле его этнической самоидентификации заложен здравый смысл, а крик его души вызывает сочувствие. "Именно нам, российским многонациональникам, - примем во внимание, что их в России немало, - в это бурное, с точки зрения межнациональных конфликтов, время, не надо выискивать что-то подозрительное: нам уезжать некуда"⁵⁰.

СУВЕРЕНИЗАЦИЯ И РЕИНТЕГРАЦИЯ. ПОИСКИ НОВЫХ БАЛАНСОВ. ОПЫТ РОССИИ.

Признаки реинтеграции заявляют о себе все более решительно. В одних случаях они проявляются в виде подписантов Договора об общественном согласии⁵¹, в других - вместе с заключением (15 февраля

1994 г.) Договора "О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан"⁵², в третьих -стораживают или пугают противоестественным на первый взгляд отказом Калмыцкой Республики от уже завоеванного ею государственного суверенитета⁵³.

Однако одних проектов для успеха реинтеграции, конечно же, мало. Нужны не слова и лозунги, а конкретные дела. Даже если желание народов бывшего СССР явление чисто психологическое и означает не столько "быть вместе", сколько "не быть порознь", оно все равно требует от политиков уважительного отношения, принятия адекватных мер. Ни красивые лозунги, ни развернутые проекты без учета реальных потребностей и настроений масс проблемы не решают. Нужны конкретные поступки, фактически ведущие к созданию благоприятного климата межнациональных взаимодействий и отношений. В России такие шаги, похоже, уже сделаны. Насколько ее пример окажется заразительным для соседей из ближнего зарубежья, покажет история.

Рассмотрим опыт Татарстана и Башкортостана, указавших новый путь к цивилизованному суверенитету и Калмыкии, давшей пример самоограничения своего собственного суверенитета. Каждая из них внесла свою лепту в знаменательный контекст событий нашего переломного времени: событий, развивающихся по логике - суверенизация - независимость - дезинтеграция - реинтеграция.

Как известно, провозгласив свой суверенитет в августе 1990 г. Татарстан решительно приступил к наполнению его реальным содержанием. Тем более, что на это была получена санкция Москвы в крылатой фразе раннего Ельцина, кажется, неосторожно обронившего в ходе первого визита в Казань разрешение "взять республике суверенитета столько, сколько она сможет".

Последовательная суверенизация Татарстана выразилась в "перехвате" ряда ключевых полномочий вплоть до неуплаты налогов или минимизации налоговых отчислений в федеральный бюджет.

На референдуме в марте 1992 г. суверенитет Татарстана получил значительную поддержку не только со стороны татарского, но и остального населения, в том числе со стороны русских, составляющих в республике (43,3%), а вместе с татарами (48,5%) - почти 92%.

В ноябре 1992 г. Новая Конституция, принятая на основе референдума, провозгласила Республику Татарстан - "суверенным государством, объектом международного права, ассоциированным с Российской Федерацией - Россией на основе Договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения"⁵⁴, в декабре 1993 г. произошел срыв,

не состоялись выборы в Федеральное Собрание, якобы из-за массовой неявки избирателей. После подписания Договора "О разграничении..." повторные выборы при высокой активности электората состоялись 13 марта 1994 г., и депутаты Татарстана заняли свои два места в Совете Федерации и все пять мест в Государственной Думе России. Это всего лишь отдельные страницы из многотрудной летописи суверенизации республики и ее непростых взаимоотношений с Москвой. За этими этнополитическими процессами с тревогой наблюдала общественность не только Татарстана, но и всех остальных республик и регионов России. Особая озабоченность Москвы складывалась вследствие концептуальной неразработанности самого понятия суверенитета ни в нашей, ни в мировой науке и практике⁵⁵, а также из-за того, что различные социальные и национальные слои и политические группировки каждый по-своему понимали и воспринимали суверенитет.

Сам М.Ш.Шаймиев как Президент Татарстана, несмотря на постоянное давление оппозиции справа и слева, "ни разу, ни в какой форме не заявил о требовании "независимости" для Татарстана"⁵⁶. Татарские национал-радикалы стояли на позициях полной независимости Татарстана, ни о какой федеративной связи с Россией и слышать не хотели, воспринимая Россию исключительно как "соседнее государство, а Президента Шаймиева, как "предателя "Татарстана"⁵⁷. Другая крайность была представлена "российскими федералистами", с самого начала ополчившимися на суверенитет Татарской Республики и мобилизовавшими усилия в борьбе за унитарную Россию⁵⁸.

По мнению М.Ш.Шаймиева, Договор между РФ и РТ перекрыл дорогу дальнейшей дезинтеграции внутри Федеральной России и стал моделью обоюдного компромисса между Конституцией РФ, принятой 12 декабря 1993 г. и утвердившей по сути Россию как унитарное государство, и Конституциями, принятыми в 7 республиках из 21, в которых было провозглашено верховенство республиканских законов над общероссийскими.

Политический смысл Договора "О разграничении..." заключался в том, что он "разделил" полномочия Центра и республики и признал суверенность Татарстана в вопросе создания собственных государственных учреждений и органов власти. В полномочиях же, делегированных в исключительное или совместное ведение Федерации, верховенство было передано Конституции РФ. Таким образом, признавая и уважая обе Конституции - и РФ и РТ, Договор занял доминирующую позицию над каждой из них.

Экономический аспект Договора заключался в наведении порядка в налоговой политике. Договор, в частности, узаконил механизмы такого сбора налогов, когда республика сама их собирала и вносила в федеральный бюджет ту их долю, которая нужна была для выполнения переданных Центру полномочий.

Реальный шаг к реинтеграции состоял в том, что в Конституции Татарстана было узаконено понятие "народ Татарстана" вместо "нация Татарстана", что позволило, вместе с признанием двух государственных языков - татарского и русского - избежать трагического межнационального раздора, расколовшего мир между национальностями в Молдове и в ряде других бывших союзных республик с многонациональным составом населения.

Вслед за Татарстаном, добившимся для себя политического статуса государства, объединенного с Российской Федерацией, и последовавшей за ним Кабардино-Балкарией 3 августа 1994 г. был подписан договор о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между Москвой и Уфой. В отличие от первых двух документов в третьем по счету договоре за Башкортостаном был утвержден статус суверенного государства, имеющего право на самостоятельную законодательную и судебную систему, исключительное право собственности "многонационального народа" Башкортостана на природные богатства республики, утверждена самостоятельность прокуратуры, адвокатуры, нотариата, а также право самостоятельно определять общие принципы налогообложения и сборов в бюджет республики и, наконец, право Уфы на проведение самостоятельной внешнеполитической и экономической деятельности, не противоречащей интересам Российской Федерации.

Однако в официальных оценках, данных этому политическому документу сразу же после его подписания, акценты были расставлены разнонаправленно. Б.Н.Ельцин выделил реинтегративную функцию документа, сказав на официальной церемонии, что "Башкортостан делает важный шаг к укреплению единства страны, развитию подлинной федерации"⁵⁹. Муртаза Рахимов, напротив, сфокусировал внимание на том, что с помощью этого документа, официально закрепившего результаты башкирского референдума 25 апреля 1993 г., Башкортостан получил больше полномочий, чем Татарстан⁶⁰.

Однако вряд ли каждую из вынесенных оценок можно считать окончательной, так как обе они не вполне учитывают диалектику дезинтеграционных и реинтеграционных тенденций и объективно не могут предугадать дальнейший ход развития событий. Надежной базой для политического деятеля выступают осознанные и конституиро-

ванные интересы при том, что сформированы социальные и национальные носители этих интересов⁶¹. Но именно эта сторона подвергается, в-первых, динамичным изменениям, а, во-вторых, труднейшему испытанию демократией и этнополитическим реформированиям⁶².

Потребности в реинтеграции неоднозначны и многолики, ситуативны и по-разному дают о себе знать в различных республиках России, в новейших государствах ближнего зарубежья, неадекватно воспринимаются сторонниками "демократических" и консервативных взглядов, представителями различных партий и движений. В 1991 г., когда национальные движения за суверенизацию блестяще добились даже больше, чем смели предположить, вряд ли кому-нибудь из активных сторонников приходило в голову, что наступит время попятного движения. Калмыкия, как видим, первая стала на этот попятный путь, вызвав крайне неоднозначную реакцию и среди общественности и у себя, и в Москве.

"Провозгласив свой суверенитет, подписав федеративный договор, Калмыкия однозначно высказала волю своих народов к социально-экономическому прогрессу, национальному и культурному возрождению, повышению уровня жизни населения в рамках единой Российской Федерации"⁶³ - так говорил кандидат в президенты Калмыкии Кирсан Илюмжинов в марте 1993 г., подводя итоги двухлетнего марафона суверенизации и вписывая себя как крупного политика в контекст этнополитических процессов своей республики.

Всего лишь год понадобился К.Илюмжинову для того, чтобы на опыте убедиться в бесперспективности логики национального изоляционизма, губительности национально-государственного сепаратизма и в необходимости более тесной интеграции Калмыкии в правовую и экономическую систему России, а себя и республику увидеть в более широком горизонте этнополитической ситуации Российской Федерации.

"Никто нам не пришлет сюда деньги, и жители республики окажутся в плачевном состоянии. Поэтому ... - взяв новый курс на интеграцию с Москвой, уже в ранге Президента Калмыкии Кирсан Илюмжинов пришел к решительному выводу - мы должны отменить Конституцию Республики Калмыкия, двойное гражданство, провозгласить только гражданство России и действие только российской Конституции на территории Калмыкии"⁶⁴.

Шоковая терапия, начатая Илюмжиновым 11 марта 1994 г., завершилась 5 апреля 1994 г. единодушным принятием "Степного уложения", положившего конец суверенизации и вместе с ней и дальнейшему движению к установлению независимой национальной государственности.

Мгновенно консолидировавшаяся на "антикирсановских настроениях" оппозиция в лице отстраненных год назад государственных чиновников, лидеров из среды гуманитарной интеллигенции и активистов Айратской национальной партии встретили самоотказ от суверенитета в штыки. Татарстан и Чечня проявили настороженность, официальная Москва - сдержанность. В то же время ультра-демократически настроенная московская пресса, в частности, в лице газеты "Известия" встретила историческое значение антисуверенизации истерическим неприятием.

"Степное уложение", принятое взамен упраздненной Конституции, ернически было перефразировано в "Уложение в степь" и вынесено в заголовки статьи с оскорбительным для чувства национального достоинства калмыков пояснением: "Похороны калмыцкой государственности Кирсаном Илюмжиновым"⁶⁵.

Более того, автор этой статьи не ограничился ироническим описанием "прощания с суверенитетом", старательным перечнем антиилюмжиновских лозунгов, пренебрежительным изображением принятия "Уложения", как эстафеты "одобрямса", наклеиванием ярлыков, в том числе на Президента Калмыкии как "предателя" и "отступника", как "торговца суверенитетом Калмыкии", но пошел дальше ... составляя перечень-список его преступлений. Молодому президенту были инкриминированы злоупотребления льготным кредитом на сумму в 14 миллиардов рублей, выданных Центральным банком коммерческому банку "Степь", "суетливая" сдача суверенитета Москве в качестве "прошения о прощении", уличения в неточности и лжи, обвинение в болезненной тщеславии (Илюмжинову "хочется всюду быть первым. На именинах - именинником, на свадьбе - женихом, на похоронах - покойником")⁶⁶.

Возникает вопрос, почему московскому журналисту так решительно не понравилось добровольное самоограничение своего суверенитета Калмыцкой республикой? Напомним, что для подобной политической акции у президента республики были серьезные основания, о которых широкой публике беспристрастно поведала "Независимая газета", особо выделив в сложившейся ситуации Калмыкии безудержную эскалацию экономического спада, взрывоопасное имущественное расслоение, 30% падение рыночного оборота, сокращение объема перевозок, массовое истребление скота, высокий удельный вес молодежи, составляющей половину армии безработных и т.п.⁶⁷.

Возможно, все дело в том, что акция по ограничению суверенизации объективно означает конец дезинтеграционным процессам, приостанавливает вслед за развалом Союза и потенциально возможное

расчленение России, открывает обнадеживающие перспективы новой интеграции. Однако именно такой поворот дела не устраивает некоторых политиков, чью позицию так активно поддерживает газета "Известия" и ее неистовый журналист.

Имеет смысл напомнить, что добровольный отказ от суверенизации известен истории межгосударственных отношений стран, входящих ныне в постсоветское пространство. Два столетия после Георгиевского трактата, заключенного в Георгиевске в 1783 году между Россией и Картлийско-Кახетинским царством, а затем после 1801 г., когда Грузия сама вошла в состав России, означали не только ее добровольный отказ от суверенитета во имя спасения грузинской нации, но и предпосылку для последующего двухвекового выживания в составе Российской империи, спасения ее от посягательств Турции и Ирана.

* * *

Надгосударственный политический суррогат, наспех названный СНГ, единственной задачей которого, похоже, было выбить страну из-под ее первого и последнего президента, оказался мертворожденным дитем, хотя и позволил Б.Н.Ельцину "въехать в Кремль", одержав блистательную победу над М.С.Горбачевым. За время, истекшее после декабря 1991 г., в рамках СНГ было принято не менее 400 "не выполняющихся" по признанию Нурсултана Назарбаева документов. СНГ не сохранило даже видимости прежних связей. Обман быстро раскрылся. Его развитие шло в одном - псевдоинтегративном направлении, а жизнь шла совсем в другом - в утверждении жесткой, экономической в своей основе, необходимости восстановления прерванных связей. Новейшие маневры политиков, того же Н.Назарбаева⁶⁸, предложившего пожертвовать частью суверенитета и иметь нормальные наднациональные координирующие органы, стали скорее очередной попыткой поставить телегу впереди лошади, чем рациональным предложением создать реальную, взаимовыгодную для всех "субъектов" СНГ конструкцию в виде Евразийского Союза. Политик трезвого ума и холодного расчета, друг Н.Назарбаева, президент Узбекистана Ислам Каримов смело раскрыл карты, указав, что идея политической реинтеграции как возможного средства выхода из экономического кризиса взята на вооружение Н.Назарбаевым для поднятия своего рейтинга.

Между тем, решение экономических вопросов политическими методами, по мысли И.Каримова, нецелесообразно. В самом деле, с его аргумен-

тацией трудно не согласиться: "Я всегда говорил: политика вторична, а первична экономика. А что у нас получается? Вместо того, чтобы нам довести до конца вопросы экономического союза, создание единой денежной системы, вместо того, чтобы заниматься ликвидацией таможенной, вместо того, чтобы заниматься вопросами единой политики цен, уже не говоря о вопросах коммуникаций, транспорта, которые сегодня являются очень большими и, самое главное, создать возможность свободного передвижения граждан..., мы выдвигаем идею решения этих вопросов политическими средствами, и эта идея обречена"⁶⁹.

Анализ деятельности политиков свидетельствует, что "этническую карту", как в преферансе, можно разыгрывать как с нарастающим, так и с убывающим знаком. Для перехвата политической инициативы в 1989-1991 гг. гордо именуемыми демократами годами "бури и натиска" на волне дезинтеграции, на крутом повороте вздутых национальных амбиций национализм был знаменем, идеологией и движущей силой развала СССР. И чем больше его было, тем крупнее были ставки и взятки. Позднее, когда развал СССР вызвал обвал экономики, падение жизненного уровня, разрыв исторически сложившихся этнополитических и социокультурных связей, и когда стало осознаться, кто реально в этом повинен, стало выгодно и модно разыгрывать этническую карту по "мизеру". От ставки на дезинтеграцию политики перешли на эксплуатацию идей реинтеграции.

В этнополитической игре меняется не только "этническая карта", как это на глазах происходит в России, но и порой сами игроки. Характерный пример тому - Азербайджан, в котором идея реинтеграции постсоветского политико-экономического пространства обрастает нарастающим числом сторонников. Так, например, недавно взошедшая на политическую сцену Азербайджана новая Партия труда, в отличие от партий и движений правонационалистической ориентации, разыгрывающих во главе в "Мусаватом" и НФА карту национальной независимости и последовательной тюркизации, считает жизненно важной реинтеграционную тенденцию, позволяющую восстановить связи Азербайджана с его историческим и геополитическим пространством. По словам лидера этой партии Расима Агаева "развал Союза не был вызван объективными причинами, волна квазидемократизации прошла, и сегодня силу набирает объединительный процесс, в котором мы намерены всячески участвовать"⁷⁰.

Заметно набирают оборот реинтегративные тенденции и в некоторых новейших государствах ближнего зарубежья. Расколота и растерзанная Молдова настойчиво подбирает ключи, чтобы у себя

дома приостановить дезинтегративные тенденции и сохранить тем самым свои достоинство, самостоятельность и целостность. Свидетельство тому - принятое недавно парламентское постановление "О мерах по обеспечению изучения государственного языка гражданами Республики Молдова в целях выполнения ими своих служебных обязанностей" и законопроект (принят 24 декабря 1994 г.) об особом правовом статусе Гагаузии.

В первом документе пересмотрены дискриминационные и трудно реализуемые положения закона о языках, отодвинуты сроки и облегчены условия сдачи экзамена на знание государственного (молдавского) языка⁷¹, во втором - Гагаузия, часть южной Молдовы, определяется как национально-территориальное образование, являющееся формой национального самоопределения гагаузского народа и одновременно составной частью Республики Молдовы. По словам вице-президента непризнанной гагаузской Республики Петра Бужаджи, "национальный суверенитет гагаузов становится неотъемлемой частью суверенитета Молдовы. Их право на самоопределение и стремление к нему нельзя трактовать как покушение на целостность республики"⁷².

Анализ всходов дезинтеграции дает основание для выводов о том, что в балансе дезинтеграционных и реинтеграционных тенденций наступает перелом. Важные перемены обусловлены тем, что, во-первых, разделение народов в ходе суверенизации и достижения национальной независимости было искусственным, так как лежало вне реальных интересов самих народов, во-вторых, тем, что обладатели и соискатели власти, не опасаясь разоблачений, метались от одной, национально окрашенной и преимущественно разрушительной идеологии к противоположной объединительно-конструктивной. Для того, чтобы сохранить власть или себя у власти, политики вместо парада суверенитетов, ставшего достоянием истории, быстренько переключились к параду идей, программ, платформ и доктрин некоего нового объединения. При этом каждая из групп соискателей власти стремится действовать на опережение. Об этом, в частности, красноречиво свидетельствует проект президентского указа и программа правительства, предписывающие правительству взять под государственную опеку 25 миллионов русских и еще 11 миллионов человек, исторически или культурно ассоциированных с русскими или с Россией и оказавшихся после развала Союза в государствах СНГ и в странах Прибалтики⁷³.

250 лет тому назад, в 1745 году канцлер Австрии Кауниц давал характеристику политической ситуации тогдашней России, политика ко-

торой, по его словам, "истекает не из действительных ее интересов, но зависит от индивидуального расположения отдельных лиц"⁷⁴. Предполагается, что помощь российскому населению в странах ближнего зарубежья будет составной частью новой реинтеграционной политики, разрабатываемой экспертами из ближайшего президентского окружения и будет реализовываться в виде двусторонних государственных соглашений и договоров между Россией и другими бывшими республиками СССР.

Рождение указанной программы, - как без утайки пишет обозреватель "Известий" В.Выжutowич, - можно рассматривать как меру "политической профилактики, предпринятую накануне ожидаемого осеннего наступления оппозиции. Вне всяких сомнений, мощной атаке, особенно теперь, после смены лидеров Белоруссии и Украины, подвергнутся белорусские соглашения. Судьба русских в новом зарубежье, ставшая в нашем Отечестве предметом политических спекуляций, как, впрочем, и предметом неподдельной тревоги и беспокойства, к чему немало оснований, - эта судьба может вдохновить неутомимых агитаторов за восстановление СССР на новые действия. Но первый шаг, упреждающий подобную кампанию, - продолжает корреспондент, - солидаризируясь с позицией экспертной группы Президентского Совета и оказывая ей медвежью услугу, - кажется, сделан"⁷⁵.

Между тем, именно наличие этой заботы не просматривается в деятельности многих из нынешних политиков. По красноречивому признанию депутата Госдумы (фракция "Яблоко") Виктора Шейниса "борьба ведется не столько за курс..., сколько за место во властных структурах, за институты и рычаги власти, овладение которыми обещает более прочные и плодоносные результаты, чем неверные и не обещающие скорой отдачи шаги на пути социально-экономических преобразований"⁷⁶.

Политические игры "в реинтеграцию" останутся бесплодными до тех пор, пока политики не будут соотносить свою борьбу за власть с реальными потребностями народов постсоветского пространства, и не начнут, во-первых, искать реальные механизмы и способы исправления сделанных ошибок, во-вторых, научатся четко ставить перед собой задачи. Во всяком случае, не так противоречиво, как это было сделано при обсуждении состояния и перспектив развития СНГ, возникновение которого сначала было обсуждено, потом ему было отказано в денонсировании, тут же рекомендовано поддерживать "укрепление и развитие СНГ"⁷⁷.

К середине 1993 г. центристские тенденции начали проявлять себя в некоторых странах новейшего зарубежья, вопреки продолжающе-

муса в них нагнетанию антирусских и антироссийских настроений. Парадокс Грузии в этом отношении представляется едва ли не самым удивительным. Так, например, в октябре 1993 г., несмотря на бушующие в Тбилиси антирусские настроения и вопреки предполагавшимся отрицательным итогам голосования на референдуме за вступление Грузии в СНГ, Э.Шеварднадзе смело объявил о присоединении независимой Грузии к Содружеству, мотивируя эту вынужденную акцию экономической катастрофой в республике. Надо полагать все же, что дело было не только в экономике, и, пожалуй, не столько в ней, сколько в логике развития национальной суверенизации. Суверенизация Грузии и выход ее из состава СССР не сделали из бывшей союзной республики ни сильного, ни демократического государства, не принесли богатства, мира и культурного подъема. Более того, логика суверенизации подтолкнула не только к суверенизации две бывшие автономии (Абхазскую автономную республику и Юго-Осетинскую автономную область), но и к их выходу из состава Грузии. В итоге все - и грузины в Тбилиси и абхазы в Сухуми и осетины в Цхинвали - на горьком опыте убедились в разрушительной силе национализма и национальных движений.

Курс на реинтеграцию, бесспорно, будет приносить политические дивиденды. И чем медленнее будет прозревать политическое чутье народов, тем, возможно, солиднее будет нажитой капитал политиков.

Однако крутой сдвиг в сторону реинтеграции таит в себе некоторые сюрпризы и неожиданности. Этот поворот неизбежно вступит в противоречие с прерванным наступлением этницизма и лингвизицизма с платформой национально-патриотических сил, в которой заложена мина замедленного действия, после взрыва которой оборонительный русский национализм перерастет в агрессивный национал-шовинизм.

Безоговорочное принятие любой из этих доктрин создает для нынешнего руководства и подпитывающих его идеологов серьезную "зону риска". Чрезмерный крен в любую из сторон чреват решительным противодействием электората. При увлечении реинтеграционизмом грозит опасность быть обвиненным в космополитизме, в полярном случае при энергичном педалировании русской идеи - политик, напротив, может скатиться в неприемлемый для нерусских элит великорусский шовинизм. Оба крена, в конечном счете, мало пригодны и для утверждения подлинной демократии, т.к. создание приоритетов для одной нации или денационализация несовместимы с правами человека.

Курс на реинтеграцию крайне противоречив. Порой документы, принятые одними и теми же крупными политиками, в одной и той же строке

не вполне ассоциированы друг с другом. Так, например, наряду с обнадеживающим документом "Проект формирования Евразийского Союза государств" по инициативе Н.Назарбаева была обнародована "Концепция социокультурного развития Республики Казахстан", где, по оценкам экспертов, не только провозглашается "бесспорный приоритет казахской культуры", но и откровенно берется линия на казахизацию страны - линия, не сужающая ни русским, ни другим национальностям политического будущего в Казахстане"⁷⁸.

Между этими противоборствующими тенденциями, которым суждено наполнять реальным содержанием этнополитические процессы на рубеже второго и третьего тысячелетий, возможны временные перевесы то дезинтеграции, то реинтеграции, но вряд ли может быть окончательная победа одной над другой. Вынужденно ли, в случае патовой ситуации, по договоренности ли, в случае найденного компромисса, они обречены на вечную ничью. Иного, увы, пока не видно.

¹ Выводы и рекомендации Комитета Государственной Думы по делам СНГ и связям с соотечественниками по итогам парламентских слушаний "О возникновении Содружества Независимых Государств, его нынешнем состоянии и перспективах развития" // Независимая газета. 1994. 13 июля.

² Там же.

³ *Борис Ельцин*. В России проходит главный нерв мировых перемен. Известия. 1994. 21 июля.

⁴ *Нурсултан Назарбаев*. Проект формирования Евразийского государства // Независимая газета. 1994. 8 июня; см. комментарий: *Владимир Ардаев*. Назарбаев продолжает проектировать ЕАС // Известия. 1994. 8 июня.

⁵ *С.М.Шахрай*. От содружества к конфедерации // Независимая газета. 1994. 24 июня.

⁶ В.Шумейко

⁷ Известия. 1994. 22 июля.

⁸ Известия. 1994. 20 июля.

⁹ *М.С.Горбачев*. Вступая в XXI век // Независимая газета. 1994, 13 апреля; см. также: *Виталий Третьяков*. Михаил Горбачев считает, что политический курс сегодняшней власти в России ошибочен // Независимая газета. 1994. 7 июля.

¹⁰ *Татьяна Романенкова, Алексей Воробьев*. Президентских выборов в России не будет. Руслан Хасбулатов считает, что нынешние власти никогда не были последовательными в своих действиях и не соблюдали договоренностей // Независимая газета. 1994. 30 июля.

¹¹ *Л.М.Дробижева*. Этнический фактор в жизни российского общества к середине 90-х годов // Конфликтная этничность и этнические конфликты. М., 1994. С. 4-14.

¹² *Алексей Арбатов*. Реальная интеграция: с кем и какая? Имперский инфантилизм и национальные интересы России // Независимая газета. 1994. 4 июня.

¹³ *Сергей Кургинян*. Содержание нового интеграционизма. Модели евразийского содружества и их соответствие стратегическим интересам России // Независимая газета. 1994. 7 июля.

¹⁴ *Андриан Мигранян*. Россия и ближнее зарубежье. Все пространство бывшего СССР является сферой жизненных интересов России // Независимая газета; *Касенов*. Доктрина Козырева - российский вариант "доктрины Монро". О политике Москвы в ближнем за-

- рубежье // Независимая газета. 1994. 12 марта; *Сурен Золян*. Что хорошо для России, не обязательно приемлемо для всех. Кроме интеграции "по-московски", есть другие формы взаимодействия // Независимая газета. 1994. 22 февраля; *Вячеслав Дашичев*. Выкрутасы Российского внешнеполитического мышления // Независимая газета. 1994. 23 апреля.
- ¹⁵ *Зигмунд Станкевич*. Логика развития и воля народов. Иного нет у нас пути, в Союзе остановка // Независимая газета. 1994. 7 июля.
- ¹⁶ *Жан Тощенко*. Национальное мародерство // Независимая газета. 1994. 24 июня.
- ¹⁷ *Владимир Надеин*. Президент США отвечает на вопрос корреспондента "Известий" // Известия. 1994. 5 июля.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Цит. по: Независимая газета. 1994. 13 июля.
- ²⁰ Российская газета. 1991. 17 декабря.
- ²¹ *Татьяна Романенкова, Алексей Воробьев*, указ. раб. // Независимая газета. 1994. 30 июля.
- ²² *Сергей Васильев*. От содружества к конфедерации, Независимая газета. 1994. 24 июня.
- ²³ Независимая газета. 1994. 30 июля.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ *Александр Яковлев*. Любовь к ближнему нельзя променять на ненависть к инородцу // Известия. 1994. 6 августа.
- ²⁷ Пользуясь случаем, выражаю свою благодарность директору Центра исследований русских в странах ближнего зарубежья А.Т.Семченко за присланные информационные выпуски. Приведенные данные цит. по: Вып. 1, М., 1994. Апрель. С. 1.
- ²⁸ Независимая газета. 1994. 13 июля.
- ²⁹ *Татьяна Романенкова, Алексей Воробьев*. Указ. раб. // Независимая газета. 1994. 30 июля.
- ³⁰ См., например: *Валерий Тишков*. Русские вне России: мифы и политика // Независимая газета. 1994. 20 января; *Игорь Ротарь*. Средняя Азия.: некоренные в новом мире. - там же; Русские в новом зарубежье: Средняя Азия. Этносоциологический очерк. М., 1993; Анализ этой проблемы серьезное внимание уделяет ряд аналитических центров России, в том числе группа по изучению этнополитических ситуаций (руководитель С.С.Савоскул), ЦИМО ИЭА РАН, реализующая проект "Русские в странах нового зарубежья: социально-культурный статус и этнополитическая ситуация" (см.: Русские в новом зарубежье. Программа этносоциологических исследований. М., 1994, 140 стр.); Центр исследований русских меньшинств в странах ближнего зарубежья (директор А.Т.Семченко), приступивший к реализации проекта "Русские меньшинства в бывших республиках Советского Союза: реальное положение и проблемы, год 1994-й", и к выпуску ежемесячного бюллетеня "Последние новости".
- ³¹ Серия "Этносоциология в цифрах". Россияне: столичные жители. М., 1994. С. 16, 135.
- ³² Первоначально она была опубликована в мартовско-апрельском номере 1994 г. влиятельного американского журнала "Foreign Affairs", а затем в переводе на русский язык в "Независимой газете" (1994. 20 мая).
- ³³ *Збигнев Бжезинский*. Преждевременное партнерство. Ошибочная стратегия США в отношении России // Независимая газета. 1994. 20 мая. С. 5.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Цит. по: *Карен Брутенц*. Преждевременно ли Российско-американское партнерство? Реплика Збигневу Бжезинскому, "другу России" // Независимая газета. 1994. 13 мая.
- ³⁶ *Э.Паин*. Сепаратизм и федерализм в современной России // Куда идет Россия? М., 1994. С. 171.
- ³⁷ Известия, 1994. 10 февраля.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Цит. по: *Сергей Тихонов*. Запад, похоже, дистанцируется от Кремля. Этому способствуют результаты выборов на Украине // Независимая газета, 1994. 15 июля.

⁴⁰ А.Удальцов. Между прошлым и будущим // Литературная газета, 1994. 12 января. С. 3.

⁴¹ Для наглядности полярных позиций электората разных блоков и партий имеет смысл повторить данные этой таблицы в более сжатом виде.

Таблица 12

Блоки и партии	Как расценивают распад Советского Союза		
	считают (в %)		Индексы несогласия
	полезным	вредным	
ЛДПР	16,1	80,7	5,0
Выбор России	37,8	52,7	1,4
Коммунисты	6,2	95,4	15,4
Женщины России	20,6	72,8	3,5
Аграрная	20,9	73,9	3,5
Яблоко	24,3	70,7	2,9
ПРЕС	29,0	63,9	2,2
ДПР	20,5	76,4	3,7
Против всех	21,3	70,2	3,3
Не знают	17,9	69,0	3,9
Не будут голосовать	19,4	69,0	3,6

⁴² Виталий Портников. Крым в коммунике не попал. Визит украинской парламентской делегации в Москву // Независимая газета. 1994. 29 июля.

⁴³ Ю.В.Арутюнян. Испытание устойчивости нового политического сознания русских (этносоциологическое исследование) // Этнографическое обозрение. 1994. № 3. С. 5, табл. 2.

⁴⁴ См.: Инструментарий исследования. Указатель по содержанию опросных листов всех этапов исследования (1970-е, 80-е, 90-е гг.) // Россияне: столичные жители. М., 1994. С. 156-182.

⁴⁵ См. подробнее: Русские в новом зарубежье. Программа этносоциологических исследований. М., 1994. С.125, рис. №1.

⁴⁶ Русские в новом зарубежье. Программа этносоциологических исследований. М., 1994. С.138, рис. №7.

⁴⁷ Т.Илларионова. Этническая группа: генезис и проблемы самоидентификации (Теория диаспоры). М., 1994. С. 60.

⁴⁸ См. подробнее: С.А.Арутюнов. Билингвизм и бикультуризм // Советская этнография. 1978. №2. С. 3-14.

⁴⁹ Аман Тулеев. Как жить дальше? Малоярославец. 1993. С. 45.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Договор об общественном согласии // Известия. 1994. 30 апреля.

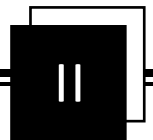
⁵² См.: Литературная газета. 1994. 30 марта.

⁵³ Валерий Выжуртович. Уложение в степь. Похороны калмыцкой государственности Кирсаном Илюмжиновым // Известия. 1994. 13 апреля.

⁵⁴ Конституция Республики Татарстан // Советская Татария. 1992. 12 декабря.

- ⁵⁵ См. подробнее анализ многозначности и неясности суверенитета и его парадоксы: в *О. Остеруд*. Суверенная государственность и национальное самоопределение. - Этнографическое обозрение. 1994. №2. С. 18-25.
- ⁵⁶ Примирил ли договор две Конституции? Президент Республики Татарстан М.Ш.Шаймиев в беседе со специальным корреспондентом "ЛГ" Александром Сабовым // Литературная газета. 1994. 20 марта. С. 12.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ *Радик Батыршин*. Ельцин и Рахимов договорились. Обе стороны довольны принятым документом // Независимая газета. 1994. 4 августа.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ *Виктор Шейнис*. Политическая интерлюдия // Независимая газета. 1994. 13 июля.
- ⁶² *Ю.В.Арутюнян*. Испытание устойчивости нового политического сознания русских (этносоциологическое исследование) // Этнографическое обозрение. 1994. №3. С. 9-13.
- ⁶³ Известия. 1994. 13 апреля.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ *Валерий Вьжутович*. Уложение в степь. Похороны калмыцкой государственности Кирсаном Илюмжиновым // Известия. 1994. 13 апреля.
- ⁶⁶ Известия, 1994. 13 апреля.
- ⁶⁷ *Игорь Емельянов*. Принятие "Степного уложения" вместо Конституции не сотрясло республику // Независимая газета. 1994. 14 апреля.
- ⁶⁸ *Виталий Портников*. Нурсултан Назарбаев: "Не надо искать того, чего нет" // Независимая газета. 1994. 11 июля.
- ⁶⁹ *Виталий Портников*. "Я уже много раз приговорен". Президент Узбекистана Ислам Каримов о ситуации в своей стране, Центральной Азии и СНГ // Независимая газета. 1994. 21 июня.
- ⁷⁰ *Эльмира Ахундова*. Над чем трудится партия труда. Кажется, над восстановлением Союза и государственного социализма // Независимая газета. 1994. 27 июля.
- ⁷¹ *Наталья Приходько*. Условия аттестации на знание госязыка упрощены // Независимая газета. 1994. 24 июня.
- ⁷² *Наталья Приходько*. Молдавский парламент принял Конституцию. У гагаузов появилась надежда на правовой статус // Независимая газета. 1994. 30 июля.
- ⁷³ *Отто Лацис*. Тема "союза" в жизни и на сцене политического театра. Известия. 1993. 21 сентября.
- ⁷⁴ Цит. по: *А.Солженицын*. "Русский вопрос" к концу XX века // Новый мир. 1994. №7. С. 140.
- ⁷⁵ *Валерий Вьжутович*. Россия возьмет под свое покровительство миллионы русских в новом зарубежье // Известия. 1994. 22 июля.
- ⁷⁶ *Виктор Шейнис*. Политическая интерлюдия // Независимая газета. 1994. 13 июля.
- ⁷⁷ Независимая газета. 1994. 13 июля.
- ⁷⁸ *Сергей Кургиян*. Содержание нового интеграционизма. Модели евразийского содружества и их соответствие стратегическим интересам России // Независимая газета. 1994. 7 июля.

**НА ПУТИ
К ПРЕЗИДЕНТСКИМ ВЫБОРАМ
(из советов будущим
претендентам)**

Вводное слово. Эксперимент ex-posto-fakto: 12x12

- 1: Новые зоны электорального риска***
- 2: В каком направлении идет Россия?***
- 3: От плановой к рыночной экономике.***
- 4: Синдром колхозно-совхозного фундаментализма***
- 5: Ключевое звено реформ в аграрном секторе***
- 6: Доходы богатых: ограничение или стимулирование***
- 7: Распад Союза в зеркале мнений***
- 8: Что есть Родина***
- 9: Рынок лидеров***
- 10: Генерал Лебедь***
- 11: Главное в демократии***
- 12: Электорат: мифы и реальность***

Вводное слово

Плывет. Куда же нам плыть?

.....
А. С. Пушкин

Эксперты и аналитики по этнополитической и национальной проблематике широким фронтом развернули изучение межнациональных отношений в постсоветской России и в новейших зарубежных странах. При этом особый интерес вызывают те болевые точки и острые ситуации, где эти отношения отличаются высоким накалом и напряжением. К сожалению, нынешнее постсоветское руководство едва ли не повседневно подкидывает дрова в этот незатухающий костер.

Будучи замороженными пламенем внутригосударственных межнациональных конфликтов, как кролик перед удавом, большинство ученых, политиков и практиков, растерявшись, упускают из поля зрения возможность взглянуть на сущность и содержание межнациональных отношений не только в зеркале конфликтов и через линзу внутренней политики, но и через призму восприятия гражданами внешнеполитической деятельности. Между тем немалый интерес представляет то, как ведут себя национальности, и как реагирует общественное мнение на узловые моменты каждой из политик. С существующим обыденным представлением об автономности межнациональных отношений и внутриполитической деятельности придется мириться до тех пор, пока не произведены эмпирические исследования. Априорно известно, что внутренняя и внешняя политика взаимосвязаны. От характера, курса и убедительности внешней по-

литики в немалой мере зависит не только внутреннее положение страны, но, и, как будет показано ниже, и состояние межнациональных отношений.

Даже беглые историографические наблюдения за расширяющимся потоком литературы по внутрироссийской национальной проблематике, создают впечатление, что беды и проблемы многих народов России имеют ограниченное происхождение и локальное значение, якобы характерное только для страны, уставшей от буксующих реформ.

Еще одно методологическое упущение аналитиков по вопросам внутренней и внешней политики состоит в том, что они, как правило, рассматривают каждую из линий политик как некую самодостаточную константу.

С другой стороны предлагаются интересные теории, как, например, концепция о кризисе самоидентификации, ядром которого является представление о современных процессах атомизации и становлений новой независимой личности¹. При этом совершенно справедливо подчеркивается, что формирование независимой (от государства - М.Г.) личности увязывается с развитием гражданского общества, правового государства, с формированием новой системы ценностей и качественно нового образа жизни. Понятно, что в рамках каждого из подходов проблемы деинфантилизации занимают видное место. Однако, отход от инфантилизма и формирование новой деинфантилизованной личности, с присущими ей чертами, вытекающими из стремления к личному успеху, свободному творчеству, наращиванию частной инициативы, самоактивизации в ряде сфер жизнедеятельности, как правило, не увязывается с гражданской позицией этой личности и ее представлениями о важнейших узловых моментах внутренней и внешней политики. Между тем именно увязка эта двух подходов, на наш взгляд, открывает возможность для анализа чрезвычайно противоречивых изменений, происходящих в постсоветской России, в том числе в той сфере, где имеют место раскол и единство, расщепление и синтез, устойчивость и размывание идентичности.

Показательно, что первая же попытка увязать межнациональные проблемы внутри России с ее актуальными внешнеполитическими проблемами приводит к неожиданным выводам. Отрыв внутригосударственных аспектов от внешнегосударственных лишает возможности беспристрастно и объективно оценить реальную картину с более широких позиций, с высоты птичьего полета.

Свободное самоопределение личности, выражаемое в форме этнической, гражданской, имущественной или политической идентификации, выдвигает перед аналитиками и депутатским корпусом, политиками и чиновниками целый ряд непростых, порой головоломных задач.

Так, например, свобода в выборе гражданства в некоторых странах, возникших на месте прежних союзных республик бывшего СССР, становится едва ли не самой животрепещущей политической проблемой. Резкая критика идентичности, в форме свободного волеизъявления граждан, вызывает раздражение не только среди этноэлиты и номенклатурного административного-бюрократического аппарата, но и среди националистически настроенной интеллигенции, в том числе научной. Следовательно, проблемы формирования новой идентичности, связанные с процессами деинфантилизации граждан России, как и многих других регионов постсоветского пространства, становятся не только фактом общественного мнения, но и предметом пристального, достаточного по количеству и надежного по качеству изучения. И тут без науки политики не обойтись. Мир и конфликт идентичностей становятся важной зоной в предметной области этнологии.

Как уже отмечалось (Оскар Лафонтен) "свобода самоопределения и свобода самовыражения предполагают, что человек является не объектом, а субъектом политики, более того, не объектом, а субъектом истории" ².

Исключительно важной, в частности, видится задача выбора и реализации адекватного официального курса в сфере взаимоотношений государства с этническим и конфессиональным фактором с одной стороны, а также с представлениями граждан о характере этих взаимоотношений.

Как и следовало ожидать, преобладающее большинство граждан (89.6%) в ходе опроса в конце 1995 г. указало, что государство, по их мнению, должно поддерживать сохранение национальной культуры и языка народов России. Такого мнения люди придерживались независимо от места проживания (см. табл. 1). В отличие от национальности за поддержку религиозности высказалось 57.4% опрошенных, а остальные 34.0% сочли, что государство должно оставаться нейтральным к религиозности своих граждан.

Вполне актуальной и уместной представляется постановка задачи по выявлению места и роли национального фактора среди других факторов в складывании представлений у современных граждан России на узловые вопросы ее внешнеполитической деятельности и на состояние ее статуса на международной арене. Одно дело - бесконечные дискуссии по поводу выяснения отношений между национальностями в самой России, у себя дома, и совсем другое - определение того, как национальности изнутри реагируют на вызовы, предъявляемые России внешним миром. Наряду с процессом суверениза-

ции ряда республик Российской Федерации, подъемом национального самосознания, стремлением к расширению своих полномочий в сферах действия внутренней (внутригосударственной и внутривнутриреспубликанской) политики, национальности обнаружили стремление прорубить свое "окно в Европу" и вырваться в своих международных контактах из жестких контрольно-цензурных объятий Москвы. Иными словами, рост национального самосознания, обусловленный наряду с другими факторами и успешной работой советской образовательной системы, стал устойчивым фундаментом для начавшейся деинфантилизации народов, входящих неотъемлемой частью в состав "самого читающего народа в мире".

Таблица 1

**Отношение государства к национальности и религиозности
своего населения в представлении граждан
(в % по итогам опроса 1995 г.)**

Факторы складывания представлений: место проживания	Как государство должно относиться:				
	к сохр.нац.культуры и языка народов		к религиозности граждан		
	под-держ.	остав.нейтр.	под-держ.	остав.нейтр.	противодейств.
Всего	87.6	5.7	57.4	34.0	0.5
В том числе:					
1. Столица республики, краевого, обл.центра	89.6	6.1	51.4	41.8	0.8
2. Город, но не столица	89.2	5.0	58.6	32.4	0.4
3. Поселок (гор. типа)	91.3	-	70.7	23.3	-
4. Село, деревня	83.2	6.6	62.0	27.2	0.4

И хотя по ряду регионов постсоветского пространства прошла целая волна международных съездов, конгрессов, ассамблей, той или иной конкретной национальности, или группы национальностей (например, Всемирный конгресс татар, всемирные конгрессы финно-угорских народов и т.д.), возникшая на глазах новая тема взаимосвязи национальных движений и мобилизованного национального самосознания с внешнеполитическим курсом России, не нашла внимания у исследователей. Между тем накоплена значительная документальная база в виде элитно-официальных и элитно-неофициальных решений, резолюций, обращений, манифестов различного рода национально-культурных объединений и национально-культурных меро-

приятий (типа упоминавшихся уже съездов народов, курултаев, конгрессов и т.п.) в которых оформлены национальные интересы и претензии национальностей, или по крайней мере национальных элит, на прорыв к зарубежным партнерам и на расширение своего участия в международных делах и контактах.

Эти интереснейшие источники, хотя и неплохо собраны, но, к сожалению, до сих пор не подвергнуты сколько-нибудь серьезному и обстоятельному сопоставительному контент-анализу. Видимо, тут продолжает сказываться инерция прошлого доперестроечного опыта и страха, когда даже кое-какие элементы участия национальных кадров в сфере международных отношений строго регламентировались соответствующими службами и отделами ЦК КПСС. Самодеятельность жестко пресекалась.

Но еще более важно изучение представлений самих народов о внешнеполитической деятельности Российского Государства. Именно этому вопросу было уделено внимание, среди остальных при изучении межнациональных отношений через призму электорального поведения граждан в ходе предвыборных кампаний.

При наличии двух баз данных по итогам представительных и надежных опросов взрослого населения России накануне парламентских выборов в 1993 и 1995 гг., можно поставить перед собой задачу определить место национального фактора в системе представлений россиян, в "час пик", т.е., с учетом их электорального настроения и поведения. Нет сомнений в том, что предвыборная ситуация не только заостряет и обнажает внимание избирателей к вопросам внутренней и внешней политики, но и политизирует и поляризует ориентации больших масс населения, перед которыми встает проблема выбора, за кого и за что голосовать.

Настроение гражданского общества, экономическое реформирование, политическая воля руководства страны и борьба за депутатские мандаты и президентское кресло переплетены и тесно взаимосвязаны. Именно это обстоятельство принято во внимание при построении концептуальной схемы анализа, а чуть раньше - и инструментальной основы исследований 1993 -1995 гг.

Для того, чтобы определить, какое место занимают вопросы внутренней и внешней политики, а так же национальные интересы России, в целом, в воображении и представлениях избирателей различных национальностей, имеет смысл выделить по 12 узловых вопросов внутренней и внешней политики, сгруппировать их, соответственно, в два отдельных корпуса вопросов и рассмотреть далее взаимосвязи этих вопросов с 12 факторами различного ранга и порядка.

При этом сильным искушением было вместо нудной и кропотливой работы с процентными распределениями заложить в основу предлагаемого эксперимента 12x12 тривиальную матрицу коэффициентов корреляции уже с готовой иерархией проранжированных факторов. Тем самым была бы значительно облегчена кропотливая авторская работа, но читатель лишился бы, во-первых, удовольствия, своими глазами проследить за логикой доказательств и, во-вторых, убедиться в надежности и ценности анализируемого материала.

В корпус вопросов внутренней политики попали блоки вопросов, охватывающих деятельность экономических и политических институтов нынешней России, последствия распада СССР и демократических преобразований, а так же рейтинга и деятельности известных государственных и политических деятелей, в том числе в связи с их реальным или предполагаемым участием в парламентских и предстоящих президентских выборах. Особенно показательными в этом отношении оказались отраженные в представлениях граждан различных национальностей вопросы о переходе от плановой к рыночной экономике, о судьбе колхозов и совхозов, о возможности перевода на правовую основу куплю и продажу земли, о роли государства в ограничении доходов граждан и в установлении норм протекционистской политики. Сложная и запутанная политическая система России, с трудом поддающаяся отнесению к какому-либо классическому типу государственного устройства с еще большим трудом поддается осуществляемой сверху интервенции демократических институтов. Прошлые века российской истории, давшие России свои формы общежития и гражданского устройства с трудом поддаются осмыслению, и само общество - модернизации и реформационным преобразованиям. Именно поэтому важным представляется определение того, какое место в правовой культуре россиян, в их правосознании занимает демократия, как новая и необычная для истории России политическая система и одновременно образ жизни. К этой же группе проблем примыкают вопросы, связанные с замерами и фиксацией рейтингов высших должностных лиц и определенных ведомств или органов представительной и исполнительной власти как на федеральном, так и на республиканском уровнях. И, наконец, исключительно важным является выяснение того, как воспринимают и как оценивают граждане России новые аспекты ее национальной, профессиональной, культурной политики, какое место занимают в связи с этим вопросы прав и свобод как на индивидуальном, так и на групповом уровнях.

По мере роста и укрепления национального самосознания, по мере конституционного и законодательного утверждения национального

права, (в том числе национализма) естественно было ожидать возрастания национальных притязаний. Закономерно было, в частности, предполагать, что продолжая развивать свою самодостаточность, некоторые многочисленные национальности, например, татары, вторые по численности среди народов России, станут претендовать на приоритеты не только внутри самой России, но и на более активную роль за ее пределами. И, действительно, мы имели возможность убедиться, что национальные претензии распространялись не только на область языка и культуры, но пошли дальше вплоть до обоснования такого национального права, суть которого состоит в создании условий для самоорганизации своей жизни и обретения независимости от федерального центра в вопросах национальной жизни.

Логика подобного развития национальной идеи и стремления к самодостаточности отнюдь не нова. Особенно наглядно она себя проявила в Европе в конце прошлого века. После 1875 г. система национализма не только стала важной составной частью европейской истории, но и пустила глубокие корни, воспалив сознание национальных меньшинств, мобилизуя их на создание собственных суверенных государств, хотя эти государства нередко, вопреки желаниям и проектам этнических лидеров, порой не только не были готовы перерасти в крупные державы, но и были не в состоянии образовать даже малые экономически, политически и культурно независимые государства³. Именно эта крутая волна национализма, которую не мог не заметить один из признанных мастеров философии истории Арнольд Тоинби, набрав новую силу, накатила через столетие на закате XX в. на бывший Советский Союз, раздробила его своим ударом на 15 независимых национальных государств и создала большую угрозу единству и целостности новой России.

Подобные идеи национальной государственности, а также требования, желая внедряться в общественное сознание настолько упорно и настойчиво, что породили сомнение в возможности пребывания в рамках единого и неделимого государства. Чечня - особенно яркий и трагичный пример. Отсюда возникла потребность оперативно определить, насколько широко подобные идеи превратились в представление граждан. Забегая вперед, отметим, что по решению чеченской проблемы российское общество раскололось на 4 неравные части. На исходе 1995 г., по мнению значительной части россиян (38.7%), наиболее приемлемым способом ее решения было предоставление Чечне независимости. 26.0% высказались за сохранение Чечни в составе России на правах, равных с другими республиками. Наименьшая доля граждан - 13.8% - думала, что Чечню надо оставить в составе России, но предоставить ей особый статус. И, наконец,

21.5% граждан не определились в своем отношении к решению чеченской проблемы.

Так родилась гипотеза выхода национального самосознания из внутригосударственной на межгосударственную арену, выхода, обусловленного внутренними факторами и расширяющимися претензиями. Для проверки этой гипотезы был сконструирован корпус из числа наиболее актуальных вопросов современной внешнеполитической деятельности России и пропущен через призму их восприятия различными группами населения России, в том числе, разумеется, по группам и по национальному признаку. В ряду ключевых вопросов внешнеполитической деятельности, отражаемых в менталитете россиян выбор был, в частности, остановлен на понимании гражданами России наличия очагов опасности для России и прежде всего наличия для нее главной угрозы, в понимании целей Запада в отношении к России, степени проявляемого интереса к НАТО, как о союзе стран Западной Европы, США и Канады, в степени осознания полезности и вредности расширения НАТО, в отношении к участию России в блоках, расходам на оборону, к освоению опыта Запада, к иностранным вложениям в экономику России и, наконец, к экспорту сырья.

Итак, в каждом из корпусов было включено по 12 вопросов, касающихся соответственно проблем внутренней и внешней политики. Третий корпус, так же состоящий из 12 вопросов - индикаторов, охватывал некоторые сведения о тех, кто так или иначе знал, оценивал и выражал свое отношение к внутренней и внешней политике России. Наряду с общепринятыми в социологии классификациями населения по месту проживания, национальной и конфессиональной принадлежности, возрасту и образованию, были включены особые индикаторы, с помощью которых фиксировались политические ориентации, в т.ч. малоизученные советской социологией готовность отдать свой голос за ту или иную политическую партию, динамику экономического и финансового положения семьи за последний год, форма собственности предприятия, в котором люди работали, отношение к той или иной форме государственного устройства, к темпам модернизации, к вхождению в ряды консерваторов или реформаторов.

В построенной схеме анализа и рассуждений оказались 3 корпуса по 12 вопросов-критериев, выявление взаимосвязи между которыми и дает основу для того, чтобы его условно назвать экспериментом *ex-posto- facto* 12x12.

¹ Матвеева С.Я. Новая русская мечта и кризис самоидентификации // Взаимодействие политических и национально-этнических конфликтов. Часть I, М., 1994. С. 99-106.

² Лафонтен О. Общество будущего. Политика реформ в изменяющемся мире. М., 1990, С. 27.

³ А.Дж. Тоинби. Постигание истории. М., 1991. С. 19.

С историко-хронологической точки зрения два года - срок крайне ограниченный для того, чтобы сверять представления того и этого электората о мире и войне, о хлебе и земле, о демократии и диктатуре. Однако на пороге третьих выборов мы не имеем право избегать сравнений и сопоставлений. Выборы сейчас, на рубеже 1995-1996 гг., едва ли не самое главное, после здоровья и хлеба, в жизни многострадальной России.

Не успев опомниться, выйдя из одной предвыборной гонки, Россия тут же, с места в карьер, вступила в новую зону электорального риска.

Парламентские выборы 1993 и 1995 гг. уже остались в прошлом, стали достоянием истории. Но их влияние на развитие политической жизни и этнополитической ситуации продолжается. Это влияние во многом определяется состоянием избирательной системы и электоральным поведением граждан России.

Итоги двух выборов в декабре 1993 г. и 1995 г., давшие оглушительную победу сначала партии Жириновского, а затем, через два года, - партии Зюганова, ввергли в шок многих аналитиков, как из числа коммунистов, так и из рядов экс-диссидентов. И с традиционным для российской интеллигенции шараханием из одной крайности в другую, многие из экспертов принялись интерпретировать случившееся исключительно в черно-белых красках.

Или победа демократов и тогда Россия продолжит идти по правильному с точки зрения демократов пути. И впереди у России будут "и победы, и провалы, и недоумения, и взлеты, и поражения", или победа коммунистов и в таком случае - "нам не миновать той длинной колонны

обреченных, бредущих по пыльной дороге в сопровождении конвоиров и собак... Выдернет образованный конвоир из колонны зэка Солженицына и скажет, что знает его и готов спасти ему жизнь. Но тот вернется и пойдет с нами со всеми в ледяной барак коммунизма или в газовую печь фашизма..."¹.

Даже если оставить в стороне навязчивый мазохизм, с позиций которого нарисована приведенная картина того, что ожидает Россию в случае победы извергов-коммунистов, только и думающих о ледяных бараках и газовых печах, два очень важных вывода вытекают из статьи известного политолога. Первый вывод заложен в вопросе, заданном в названии самой статьи. Мы-де демократы сегодня владеем Россией и сдадим (ли) страну коммунистам?" И хотя редакторы газетной статьи потеряли вопросительную частицу - ли, смысл заданного вопроса и заявленной авторско-редакторской позиции - совершенно очевидны: "или победа левых сил на выборах 16 июня 1996г. будет означать конец демократических надежд и мы проиграем президентские выборы коммунистам. Отдадим им Россию" или же раздробленные демократические силы сумеют объединиться под знаменами Ельцина или Солженицына и тогда этот выбор сумеет опереться на всю мощь структур государственного управления, на все "технологические" средства в политике (при очевидных нравственных утратах)"².

Не трудно себе вообразить, о каких именно средствах идет речь. Напомним о них, воспользовавшись мнением известного историка В.П.Волбуева. "Правовое насилие, - писал он в докладе, посвященном социальной сущности и перспективах политического режима, установившегося после событий 21 сентября-4 октября 1993 г., - апогеем которого стал расстрел парламента и многих сотен неповинных людей, навсегда покрыло позором наших "танковых демократов".. Они утратили какое-либо морально-политическое право обвинять большевиков в приверженности к насилию и террору в годы революции и гражданской войны"³.

Откровенно заявленная позиция - откуда мы демократы у власти, Россия - наша, а если в июне победят коммунисты, то Россия перейдет во владение победителям, - предопределяет ограниченный выбор красок: только белую или только черную. Между тем изображение политического спектра нынешней России в момент ее переходного состояния безусловно требует, во-первых, гораздо большего количества красок и оттенков; во-вторых, выхода из идеологемы: победители-демократы и реваншисты-коммунисты.

Это становится достаточно очевидным и ясным из анализа представлений расколотого электората России о современной социально-экономической и морально-политической обстановке в стране.

Первый предупредительный звонок, прозвеневший в декабре 1993 г. и засвидетельствовавший, во-первых, пробуждение Российского электората, и, во-вторых, глубокую неудовлетворенность положением в стране, похоже, не пошел впрок демократам. Создается впечатление, что они проглядели такие очевидные факты, что из 20 республик РФ, в 8 республиках (Калмыкия, Коми, Марий Эл, Мордовия, Саха (Якутия), Удмуртия, Хакасия и Чувашия) первое место среди прочих партий, блоков и политических движений заняла либерально-демократическая партия, а еще в 4 республиках (Адыгея, Дагестан, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия) победу одержали коммунисты.

Партии Российского Единства и Согласия первое место досталось в 4-х республиках (Бурятия, Алтай, Кабардино-Балкария, Тува), а Выбору России - только в двух (Карелия и Татарстан). Еще две партии - Аграрная и ДПР вышли на первое место, соответственно в Башкортостане и в Ингушетии.

Да, действительно более чем 107.5 миллионный электорат России по своим симпатиям и ориентациям в декабре 1995 г. раскололся на 43 электората и электоратика числом от 15.4 миллионов, отдавших свои голоса коммунистам, до всего лишь 39.5 тысяч избирателей, поставивших свой крестик в клеточку избирательного бюллетеня напротив мало кому известного "Международного Союза". Соответственно доля электората, занявшего первое место, составила 22.3%, доля второго - оказавшегося на последнем месте, всего лишь 0.06% от общего числа избирателей, принявших участие в голосовании ⁴.

На самом же деле этот арифметический раскол электората, дающий основание иным экспертам для черно-белых красок, не является единственным и самым важным расколом. Раскол на бедных и богатых едва ли не менее значим.

Сам по себе политический, он весьма информативен, особенно с точки зрения определения границ политической географии, выявления зон распределения сил между победившими и побежденными партиями на географической карте страны. Этот анализ, к слову сказать, незамедлительно был сделан и по непонятной причине анонимно опубликован в "Независимой газете", имеющей особое пристрастие и неплохие традиции публикации анонимных материалов ⁵. Напомним, к примеру, скандальную публикацию выдержек из доклада ФСК, вызвавшую бурю возмущения демократической прессы и либерально настроенных обществоведов ⁶.

Таблица 1

**Результаты голосования по общефедеральному
избирательному округу в республиках РФ**
(в % по итогам выборов 12 декабря 1993 г. и 17 декабря 1995 г.) *

Республики РФ	Партии и блоки							
	КПРФ		ЛДПР		Выб.Рос.		Яблоко	
	1993	1995	1993	1995	1993	1995	1993	1995
1. Адыгея	28.2	42.1	18.1	9.8	8.2	4.2	10.9	4.6
2. Алтай	11.0	26.8	17.0	9.6	9.3	5.1	1.6	2.3
3. Башкортостан	15.1	-	12.6	-	8.5	-	3.9	-
4. Бурятия	15.7	28.6	17.3	8.8	13.2	5.7	5.8	2.8
5. Дагестан	54.0	-	3.4	-	2.0	-	3.3	-
6. Ингушетия	6.6	5.3	3.2	2.2	1.6	35.4	2.1	5.5
7. Каб.-Балкария	20.2	24.1	8.8	3.1	6.6	25.4	4.2	2.7
8. Калмыкия	14.2	18.5	20.3	9.9	10.2	24.7	4.8	2.6
9. Карач.-Черкесия	38.2	-	20.2	7.2	4.3	12.9	3.4	1.9
10. Карелия	7.3	15.8	21.1	13.9	21.8	11.2	11.2	7.7
11. Коми	7.0	13.3	24.3	17.9	21.8	13.1	7.1	5.7
12. Марий Эл	12.6	18.8	24.5	21.1	11.4	5.1	4.5	2.9
13. Мордовия	18.7	23.6	35.3	20.1	7.6	20.2	5.4	2.5
14. Саха (Якутия)	10.2	18.1	15.4	7.0	13.4	14.1	7.0	3.7
15. Сев.Осетия	36.1	52.6	17.5	10.4	7.8	6.1	5.0	1.5
16. Татарстан	9.4	-	22.0	-	22.4	-	11.6	-
17. Тува	8.4	12.0	9.7	5.7	6.2	29.3	2.1	1.4
18. Удмуртия	11.1	-	17.6	8.2	16.2	-	8.2	-
19. Хакасия	10.9	22.0	27.4	14.6	15.4	4.4	3.9	4.1
20. Чечня	-	-	-	-	-	-	-	-
21. Чувашия	19.7	-	22.5	-	8.9	-	3.4	-
<i>Итого по РФ</i>	<i>12.4</i>	<i>22.7</i>	<i>22.9</i>	<i>11.4</i>	<i>15.5</i>	<i>10.3</i>	<i>7.9</i>	<i>7.0</i>

* Таблица составлена по источникам: Россия сегодня: реальный шанс. М., 1994, С. 63-65; Парламентские выборы 1995 года в России. М., 1996. С. 23, 51-54.

Политическая география "разделила" республики Российской Федерации по крайней мере в три территориальные группы, в каждой из которых оппозиционно и реформаторски настроенные избиратели принесли победу соответственно КПРФ и ЛДПР или НДР и Яблоку.

Таблица 2

**Характер и география распределения электоратов
по республикам РФ**

(По итогам выборов в Государственную Думу 17 декабря 1995 г.) *

Республики РФ	Общегеде- ральный округ	Одномандат- ный округ	Число избират.	% принявших участие в голосовании
А. Твердая оппозиция				
1. Адыгея	КПРФ	КПРФ	322279	66.5
2. Карач.-Черкесия	КПРФ	КПРФ	281060	60.9
3. Марий Эл	КПРФ	Вл.народу	588304	64.8
4. Саха (Якутия)	КПРФ	КПРФ	538059	68.1
Б. Умеренная оппозиция				
1. Алтай	КПРФ	ДВР	123672	73.2
2. Башкортостан	КПРФ	АПР	2785903	75.8
3. Бурятия	КПРФ	независ.	661506	65.2
4. Дагестан	КПРФ	независ.	1077229	55.8
5. Карелия	КПРФ	независ.	557224	64.3
6. Мордовия	КПРФ	независ.	674772	66.3
7. Сев.Осетия	КПРФ	независ.	410592	56.0
8. Удмуртия	КПРФ	независ.	1114667	56.3
9. Хакасия	КПРФ	независ.	378175	57.3
10. Чечня	КПРФ	независ.	662895	52.0
11. Чувашия	КПРФ	ПСТ	926116	58.6
12. Коми	ЛДПР	независ.	768404	55.3
В. Поддержка реформ				
1. Ингушетия	НДР	независ.	115741	50.2
2. Каб.-Балкария	НДР	НДР	504256	68.4
3. Калмыкия	НДР	АПР	199775	64.4
4. Татарстан	НДР	независ.	2636000	58.7
5. Тува	НДР	НДР	169984	61.2
<i>Итого по РФ</i>	<i>12.4</i>	<i>22.9</i>	<i>15.5</i>	<i>7.9</i>

* Таблица разработана по источнику: Независимая газета. 1996. 26 января.

В 4 республиках (Адыгея, Карачаево-Черкесия, Саха (Якутия) и Марий Эл) КПРФ одержала победу как по общегосударственному, так и по

одномандатному округам. В 11 республиках (Алтай, Башкортостан, Бурятия, Дагестан, Карелия, Мордовия, Северная Осетия, Удмуртия, Хакасия, Чечня, Чувашия) она победила по общефедеральному и проиграла по одномандатному округу, и, наконец, в пяти республиках (Ингушетия, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Татарстан, Тува) компартия потерпела поражение по обоим сторонам (см. табл. 2).

Внутри каждого электората немало своих, причудливо смешанных, дополнительных красок, тонов и полутонов. В самом деле, распределение мнений, представлений и оценок избирателей по тем или иным конкретным вопросам, относительно общего экономического положения страны, о политической ситуации и этнополитических процессах, о государственном устройстве и темпах реформирования, о предвыборной кампании и рейтинге лидеров, о Крыме и Курилах, о Чечне и Приднестровье, о нравственности и преступности, о морали и культуре, о роли НАТО и ЦРУ и т.д. и т.п. внутри одного и того же электората порой оказывается более дисперсным, чем между полярными электоратами. И совсем не исключено, что в ходе работы вновь избранной Госдумы блокировка политических сил нередко будет идти не строго по фракциям, а в зависимости от конкретной ситуации или конкретного вопроса.

¹ Лев Тимофеев. Сдадим страну коммунистам // Известия. 1996. 25 января.

² Лев Тимофеев. Там же.

³ Волобуев В.П.. Четвертооктябрьский политический режим: социальная сущность и перспективы // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М., 1995. С. 288.

⁴ Российская газета. 1996. 6 января.

⁵ Политические настроения региональной административной элиты России. Доклад анонимных, но квалифицированных авторов, основанный на результатах выборов в Госдуму // Независимая газета. 1996. 26 января.

⁶ Независимая газета. 1995. 10 января.

Беда журналистов и тех аналитиков, у которых нет данных о настроениях, поведении и установках электората, состоит в том, что они оперируют лишь преимущественно межэлекторальными различиями, не имея возможности принять в расчет более глубокие и более детальные внутриэлекторальные различия. Информация о первых лежит как бы на поверхности. Информацию относительно вторых надо добывать в ходе трудоемких и энергоемких исследований. Российская академическая наука сегодня не всегда располагает для этого нужными материально-финансовыми ресурсами.

К счастью, такая возможность появляется благодаря активизации деятельности некоторых Российских фондов и прежде всего РФФИ и РГНФ. Немалую помощь в проведении широкомасштабных, а потому дорогостоящих общеполитологических исследований, позволяющих изучить поведение электората, оказывают некоторые зарубежные фонды. Такова, в частности, помощь, оказанная американскими Фондами Макартуров, Карнеги, National Science Foundation и др. в проведении двух мониторинговых исследований в 100 регионах РФ по комплексной теме "Предвыборная ситуация. - 1993 и 1995" ¹.

Материалы этих исследований дают возможность искать ответ на поставленный вопрос: "Куда ведет электорат Россию?" и какова политическая и этнополитическая ситуация как в ее статическом, так и динамическом аспектах.

Этот ключевой для судьбы России вопрос можно переформулировать и спросить граждан, куда их ведет Россия. Именно так мы и поступили, включив в "Вопросник" по исследовательскому проекту "Предвыборная ситуация в России - 1995 г." известный социологичес-

кой общественности вопрос общего характера о том, в каком направлении (правильном или неправильном) идут дела в нынешней России.

ДВА ОРИЕНТИРА ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Выявленные опросом данные о том, что по мнению около двух третей респондентов дела в России в целом идут "в неправильном" направлении и лишь каждому десятому они видятся "в правильном", вполне можно отнести к разряду сенсационных. В этой убийственной оценке для развития страны коренится одна из разгадок полевения "умов" электората, сдвига, обусловленного развалом великой державы, обнищанием значительной части населения, высокой ценой, которую приходится платить россиянам за шоковую терапию и за ошибки в экономической, социальной и национальной политике. За двумя выявленными ориентирами кроются различные, противоречащие друг другу, понимания дел в России. Негативная оценка направления дел смыкается, в известной мере, с консервативным подходом, в основе которого лежит продвижение вперед с сохранением традиционных основ общественного устройства. Но не сводится целиком к ней. Позитивная оценка, напротив, демонстрирует социальную базу течения, тесно связанного с частичным пересмотром традиционных ценностей и необходимостью поиска новых путей и новых моделей развития. Однако не все так просто. За этой общей картиной кроются очень серьезные нюансы.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ РАСКЛАД ДВУХ ТЕЧЕНИЙ

Доля сторонников позитивной оценки направления дел в России среди столичного населения приблизительно в два раза больше удельного веса аналогичным образом настроенных сельчан. И, наоборот, в сельской местности неприятие нынешнего "направления дел" составляет 71.8% и почти на 11.0% превышает масштабы подобного же неприятия среди столичного населения. Эти данные недвусмысленно говорят о том, что сопротивление реформам и консерватизм сельчан имеет более глубокие корни, чем консерватизм городского населения.

ДВА ПОЛЮСА ДЕМОГРАФИИ

На тернистом пути к рыночной экономике и новому переустройству с особыми трудностями сталкиваются люди старших поколений. Им гораздо труднее, чем молодежи, дается адаптация к "радостям" и "успехам" шоковой терапии и свободе, оборачивающейся анархией и криминальным беспределом.

Лишь 4.8% лиц, в возрасте старше 60 лет нашли возможным оценить направления дел в России как правильное. Среди молодежи 21-24 летнего возраста, успевшей войти в новую жизнь не в качестве иждивенцев, а в начале своей трудовой деятельности, удельный вес позитивно оценивших состояние и направление дел был в 3.5-3.7 раза выше, чем среди пожилых людей.

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА И МЕЖНАЦИОНАЛЬНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ

Пламя костров межнациональных конфликтов, разрастающихся в России и особенно по периметру ее границ, не опалило представления граждан России по национальному признаку и не разбросало ее народы по разные стороны реформационной баррикады. Лишь крайне незначительно (всего на 1.4%) среди нерусских народов по сравнению с нерусским населением была выше доля приемлющих нынешнее состояние и направление дел в России. И, соответственно, на 3.4% среди русских был выше потолок неприятия всего происходящего на просторах России.

ГЛУБОКАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ И АТЕИЗМ - НЕ ПОМЕХА РЕФОРМАМ

Степень религиозности граждан, независимо от их вероисповедания не находится в числе факторов, сильно связанных с признанием курса и направления дел в России правильными или неправильными. Так, например, две полярные по степени религиозности группы граждан ("верующие и соблюдающие религиозные обряды и ритуалы" и "воинствующие атеисты") оказались рядом друг с другом по негативной оценке общего направления дел в России. Среди первых эта доля составила 70.7%, среди вторых - 77.8%.

ПОЛЯРИЗУЮЩИЙ ЗАРЯД ОБРАЗОВАНИЯ

Линейная зависимость между повышением образования и положительной оценкой направления дел в России не оставляет сомнений в том, что поддержка нынешнего курса Ельцинских реформ гнездится прежде всего в узком кругу интеллектуалов, а точнее, если оставаться на почве итогов опроса, в слоях населения, имеющего высшее образование. В составе последних, в частности, удельный вес тех, кто признавал в конце 1995 года правильным нынешнее движение России, составлял 17,4% и почти в 6 раз превосходил долю единомышленников среди малограмотного населения.

В оппозиции нынешнему курсу и направлению дел в России находились без малого каждые трое из четверых малограмотных и лишь немногим более половины граждан, получающих или уже получивших высшее образование.

БЛАГОПОЛУЧИЕ ГРАЖДАН - ТАЮЩАЯ ЛЬДИНА НАДЕЖД

Если вывести за скобки нашего анализа ответ на вопрос, что чем определяется: сознание бытием или, наоборот, бытие сознанием, и открыто смотреть в глаза фактам, то мы должны признать, что постоянно ухудшающееся экономическое и финансовое положение значительной части населения (именно так самооценили ситуацию своей семьи за истекший год 55.5% граждан в декабре 1993 г. и 60.5% в декабре 1995 г. отнюдь не расширяет социальную базу реформаторского курса в его нынешнем виде, с его нынешними результатами, с его смутными перспективами.

Результаты, как очевидно для многих, более чем плачевны. Провал реформ, начатых Е.Гайдаром, в смысле улучшения социально-экономического положения, вряд ли у кого вызывает сомнение. Тем не менее, надежды все еще окончательно не угасли. Иначе чем иным объяснить, что почти каждый десятый гражданин, у которого экономическое и финансовое положение его семьи "немного" и каждый двадцатый, у которого "существенно" ухудшилось за истекший 1995 г., тем не менее сочли возможным позитивно оценить общее направление дел в России.

Видимо только люди с неистощимым запалом и запасом оптимизма могут верить в успешное передвижение в рынок и в демократию в условиях, когда денежные доходы населения в расчете на душу населе-

ния падают, потребление продуктов снижается, уровень жизни безнадежно падает, социальная защита со стороны государства не внушает доверия.

Конечно, существует контраст между бедными и богатыми, между неблагополучными и благополучными в материальном обеспечении людьми. Среди первых, в частности, удельный вес лиц, поддерживающих нынешнее направление дел в России, почти в пять раз меньше, чем среди вторых.

Приходится констатировать, что унылого и темного пессимизма и неверия в умах и душах наших граждан сегодня накоплено гораздо больше, чем светлого оптимизма. Даже в прослойке той части населения, у которой экономическое и финансовое положение "существенно" или хотя бы "немного" улучшилось в истекшем ко времени опроса 1995 году почти или немногим более чем каждый второй считал, что направление дел в России складывается не так, как надо. Среди той же части населения, у которой материальное благополучие катилось вниз по наклонной ("немного" или "существенно" ухудшилось) соответственно 68.7% и 78.8% отрицательно оценивали направление дел в нынешней России.

Среди "подтянувшихся" и "мобилизовавшихся" граждан, чье экономическое положение улучшилось, но это тем не менее не изменило их отрицательного взгляда на ход и состояние дел в России, видимо, есть не только безнадежные пессимисты, но и высоконравственные люди, которые через призму личного благополучия оказываются все же в состоянии сквозь зарево рекламных огней на улицах некоторых столиц разглядеть беспросветную нужду и катастрофические рамки национального обнищания, ужасающей люмпенизации значительной части своих сограждан.

МНОГОЦВETИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

Зыбкий, противоречивый и неуравновешенный расклад политических сил России блестяще проявил себя в неадекватных итогах первых и вторых парламентских выборов. В самом деле, в избирательный бюллетень по выборам в Государственную Думу в декабре 1993 года было включено 13 наименований. Пятипроцентную планку, напомним, преодолели только 8: в том числе: ЛДПР, Компартия, Женщины России, Аграрная партия, Яблоко, ПРЕС, ДПР. Через два года спектр коллективных претендентов расширился до 43 наименований, но в Думу попали только четверо.

Словом, политическая пестрота усилилась, а круг политической влиятельности сузился. Предвыборная борьба за президентское кресло, надо полагать, этот круг сделает еще более узким, а размежевание - еще более очевидным. Таковая логика развития и расстановки сил в переходные от тоталитаризма к демократизации времена.

Анализируемое здесь синтетическое понятие "направление дел" можно понимать по-разному, акцентируя внимание то на экономической, то на политической, то на духовной стороне дела. Тем более интересными представляются взгляды различных слоев и групп населения, в зависимости от тех или иных критериев классификации.

В определении своего отношения к "направлению дел" самая высокая степень полярности взглядов между электоратами различных партий и движений, в том числе среди тех, чьи кандидатуры, попали в Государственную Думу. Так, например, среди сторонников радикал-демократического НДР удельный вес лиц, позитивно оценивающих направление дел (правительственный курс) составил 35.4% и почти в 15 раз превысил долю прокоммунистического электората, одобряющего нынешнее направление дел. Два наивысших показателя размаха вариаций между предпочтениями электоратов КПРФ и НДР - в том числе 33.0% по позитивной и 47.0% по негативной оценке направления дел в России красноречиво показывают, во-первых, те полюсы, между которыми развернется основная борьба за власть в будущем, в том числе за кабинет Президента в Кремле, во-вторых, дают основание для вывода о том, что политическая поляризация как грань размежевания действует сильнее, чем поляризация по иным признакам: национальным, демографическим, социокультурным, этнопсихологическим. КПРФ и НДР - непримиримые антиподы. Первые рвутся к власти, вторые всеми силами стремятся ее удержать. Но не только в этом смысле возникают в результате их противостояния коллизии.

В копилке тех и других различные приобретения от реформаторской деятельности последнего времени. В позитивном багаже радикал-демократов - обретенная свобода и гласность, свободные выборы президента, формирование и функционирование различных политических партий и национальных движений, разработка и принятие новой Конституции и позитивная часть приватизации и в первую очередь в сфере обслуживания, мелкого и среднего бизнеса. На негативном счету радикал-демократов - обворованный в ходе ваучеризации народ, оплеванная история Советского Союза, расстрелянный Верховный Совет России, нескончаемая война в Чечне, коррупция управленческой верхушки и криминализация всего общества.

Балластом коммунистов является созданный большевиками тоталитаризм, депортации народов, ГУЛАГ, отставание страны по уровню жизни от передовых стран Запада, отрицание индивидуальных свобод.

В активе - борьба за социальную справедливость и социальные гарантии, за порядок и безопасность граждан, за эволюционный путь модернизации, за оптимальное сочетание традиций и инноваций.

Между оппозиционным коммунистическим и проправительственным электоратом НДР находятся избиратели, симпатизирующие двум другим политическим течениям: умеренным демократам, которым меньше, чем радикалам досталось от госпирога, и которые недовольны вследствие этого ходом реформирования и национал-патриотам, ищущим поддержку среди той части населения, которая обостренно ностальгически переживает распад Советского Союза, но не исключает возможности реинтеграции в той или иной форме. В составе умеренных демократов, идентифицируемых, в частности, с электоратом Яблока, каждый пятый избиратель, хотя и находится в оппозиции НДР и Ельцину, но тем не менее согласен с генеральной линией демократизации и направлением дел в России. Среди избирателей ЛДПР удельный вес сторонников нынешнего "направления дел" почти в 3.5 раза меньше, чем среди избирателей Яблока.

ПОРЯДОК В СТРАНЕ И НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЛ

Взаимосвязь детоталитаризации общества и деинфантилизации личности в контексте постсоветской истории сегодня уже мало у кого вызывает сомнение. Опровергнувшая прогнозы социологов и предсказания астрологов электоральная активность граждан постсоветской России дает основание думать о нарастающем вовлечении людей в решение задач, связанных с политическим развитием и становлением гражданского общества. Похоже, наметилась позитивная тенденция складывания осознанного представления о своей собственной значимости в развитии общественных явлений и о своем месте в этнополитической ситуации.

Рост этнического самосознания и вспышки политической деятельности в сочетании с признаками экономической активности обретают не только психологический или символический, но и практический характер. Другое дело, что пробуждение различных форм активности имеет спорадический и непоследовательный характер, без какого-либо концептуального каркаса и без четко сформулированных

целей и ориентиров. Короче говоря, у нарождающейся активности нет устоявшейся идеологии и мобилизующих ориентиров. Неудивительно, что для такого переходящего времени характерными становятся разброд и шатание. Так бывает, когда страна лишилась одной идеологии, и не обзавелась другой.

Всем хочется, чтобы в стране был порядок, мир и взаимопонимание. Однако единодушие пока не получается. Люди по-разному видят пути к порядку. Так, например, по мнению 18.5% граждан для наведения порядка в России и для улучшения ситуации в экономике необходим жесткий контроль Центра (Москвы). Для другой категории людей более уместным и приемлемым представляется честное распределение контроля на основе договоренности между Центром и регионами. Доля этих людей приблизительно в два раза превышает долю первых. Еще одна группа, скорее всего демократически настроенных граждан, полагает, что России нужны сильные решительные администрации. И, наконец, часть граждан (17.4%) не решает возможным высказать свое мнение по вопросу о наилучшем устройстве нынешнего Российского государства. Этот раскол, представлений отнюдь не иррационален. Он несет в себе заряд раскрепощения духа и отказа от унаследованной от прошлого оппозиции "личность-государство". В этом свете оказывается, что совсем не случайно именно среди унитаристов (сторонников жесткого контроля Центра) доля лиц, негативно оценивающих направление дел в России, составляет 76.3% и на 10,1% и 13.4% превышает долю аналогично настроенных граждан среди тех, кто более целесообразным считает умеренный регионализм, т.е. передачу полномочий из Центра на периферии или радикальный регионализм, т.е. установление сильных региональных администраций.

Существенный размах вариации (6.7%) между долями граждан, (13.1% и 6.4%), не согласных с нынешним курсом и направлением дел в России в составе "Унитаристов" и "Регионалистов" так же дополняет картину формирующегося разнообразия и отказа от единообразия.

Установление порядка и направление дел в России в немалой мере зависят от того, как будет решаться особо болезненный чеченский вопрос. Общественное мнение, хотя и не располагает валидной информацией об истинных истоках, первопричинах и "первогероях" этого нарыва, тем не менее по-своему реагирует на него.

О невыносимой болезненности чеченского конфликта для российского общества свидетельствует тот кричащий факт, что на исходе 1995 г. 38.7% граждан России были согласны предоставить Чечне независи-

мость, лишь бы решить чеченскую проблему даже таким, крайне радикальным, неприемлемым для российского государства способом. Сохранить Чечню в составе России на правах, равных с другими республиками хотели бы 26.0%. И, наконец, 13.8% граждан полагали, что наиболее рациональным способом решения было бы предоставление Чечне особого статуса в рамках российской государственности. В каждой из трех самоопределившихся по чеченскому вопросу групп населения, внутренняя дифференциация по вопросу об оценке общего направления дел в России, была незначительной. Размах вариаций между наибольшей и наименьшей долями граждан, с позитивной оценкой направления дел составлял 2.1%, а с негативной - 5.4%.

Из этого следует чрезвычайной важности вывод о том, что отношение к чеченскому узлу "раскалывало" российское общество сильнее, чем отношение к направлению дел в России. Иными словами, отношение к Чечне в глазах отчаявшихся россиян находилось где-то в одном ряду с общим направлением и состоянием дел в стране.

Такая диагностировка чеченского узла, вскрытая представительным опросом, дает основание думать, что развязывание этого узла представляет собой задачу стратегического масштаба. Чечня - это не только Чечня. Ставки по конфликту слишком велики: мир и порядок в России и не только в ней, целостность государства, жизнь людей. Это обстоятельство не могут не учитывать претенденты в Федеральное Собрание или в кресло Президента России.

ВЫБОР ПУТЕЙ И ЛИДЕРОВ РОССИИ

Тяжелая судьба, доставшаяся гражданам России, как от наследия былого тоталитаризма, так и от новообретений нынешнего либерализма, угнетает народы России и толкает их на поиски новых лидеров, которые могли бы вывести Россию из тупика и повести иным путем. И хотя эта диагностировка не совсем точна, тем не менее выбор, который был сделан россиянами в двух мониторинговых российско-американских исследованиях, настораживает.

28.8% граждан, отдавших в конце 1995 г. свои симпатии лидеру, обещающему восстановить СССР, и 21.8% готовых поддержать лидера, который с помощью армии и сил безопасности установил бы диктаторский режим во имя восстановления порядка могут служить прекрасным барометром, во-первых, глубины унижения и степени ностальгии по великой державе, а, во-вторых, степени неудовлетворен-

ности разверзнувшегося бездной криминала и беспредела. И хотя влияние подобным образом настроенных граждан на политическую обстановку незначительно, надо признать, что определенная опасность от них исходит.

Возврату в тоталитаризм и в бывший Советский Союз противодействует преобладающая часть населения: 48.0% граждан указали, что они поддерживают лидера, обещающего развивать Россию в ее нынешних границах, а 51.8% были готовы противостоять любой диктатуре, считая свободу для себя важнее всего. Вместе с тем, едва ли не каждый четвертый житель России не сумел определиться ни по одному из этих двух вопросов и оставил выбор лидера по шкалам консерватор-реформатор, диктатор-не-диктатор открытым.

Четверо из каждых пятерых консервативно настроенных граждан находят, что дела в России идут в неправильном направлении. Подобную оценку дел разделяют 81.9% граждан, готовых поддержать диктатора, обещающего восстановить порядок любой ценой. Следовательно, в недрах оппозиции, в резервуарах их социальной поддержки, в ужасающих последствиях шоковой терапии, зреют грозные семена обстоятельств, способных толкнуть Россию в тоталитаризм или в объятия генерала-диктатора. И больше всего к этому толкают нынешние радикал-демократы, игнорирующие логику разумных компромиссов и толкающие к нетерпимости своим нерациональным отношением к оппозиции и инакомыслию. В итоге, страна погружается в обман, непослушание, конфронтацию, хаос, экстремизм. Именно эти обстоятельства становятся в конечном счете питательной средой для появления диктатора. Вспомним диагностировку диктаторов, сделанную К.Г.Юнгом в ноябре 1938 года². Муссолини стал диктатором в момент, когда Италия была в хаосе, рабочие вышли из повиновения, а над итальянцами повисла угроза большевизма. Гитлер пришел к власти, когда экономический кризис понизил уровень жизни немцев до опасной черты и расширил безработицу до невыносимых масштабов, а великая инфляция ввергла в нищету средний класс. Сталин пришел к власти, когда Ленин оставил партию и народ без руководства, а страну с ее НЭПом без определенных видов на будущее. Путь, по которому идут теперь нынешние радикал-демократы и особенно подпевающие им средства массовой информации, возмнившие себя четвертой силой, вызывает невольные ассоциации с дорогами, по которым когда-то прошли два европейских диктатора и один советский.

Эти невеселые исторические параллели приходят в голову, когда сегодняшние радикалы, полярные большевикам по идейности и риторич-

ке, в то же время похожие на них по амбициям и почерку, утверждают "примат личности перед обществом" с той же нетерпимостью, с какой большевики утверждали обратное. Когда они обманывают народ, обещающая шоковой терапией и крутыми мерами по ломке единого народно-хозяйственного комплекса можно достичь высот демократии и благосостояния. Когда без огляда на волю народа, на последствия своих действий, они пытаются без руля и без ветрил провести всеобщую приватизацию, полную и немедленную либерализацию цен, предоставить абсолютный ("берите, сколько хотите") суверенитет республикам, утвердить неограниченную власть "демократических" органов и т.п. Нет нужды продолжать перечисление, поскольку весь экстремизм радикалов дает основание для трезвомыслящих аналитиков сделать фундаментальный вывод об антидемократичности радикализма³.

Именно этим выводом согласуется общественное мнение, значительная часть которого, как показали наши представительные опросы, не приемлет того направления по которому сегодня, после десяти лет реформ, идет Россия.

Как и следовало ожидать, немногим более, чем каждые четверо из пятерых приверженцев КПРФ и ЛДПР оценили движение дел в России по неправильному пути. Вместе с тем вопреки ожиданиям, оказалось, что в составе двух других партий - проправительственной НДР и демократического Яблока оказались значительные контингенты лиц - соответственно двое из пятерых в первом случае и каждый второй во втором случае, в представлениях которых дела в России идут "в неправильном" направлении (см. табл. 1).

Таблица 1

В каком направлении идут дела?

В каком направлении - в правильном или неправильном идут дела в России в целом?	В правильном	В неправильном	Затруд.ответить
КПРФ	2.4	88.1	9.5
ЛДПР	6.0	80.2	13.7
НДР	35.4	41.1	23.4
Яблоко	20.5	51.6	27.9
Всего	10.4	65.7	23.9

Конечно, вышеупомянутый судьбоносный вопрос о направлении дел в России, адресованный тысячам российских избирателей накануне

выборов, требует некоторой осторожности в интерпретациях. В самом деле, какие надо ждать ответы от ведомых, т.е. от широких масс населения о направлении развития России, если сами ведущие (руководители страны) не имеют сколько-нибудь определившейся стратегии по достижению национального единства и выдвижения целей, которые россияне могли бы понять, одобрить и принять как руководство к действию. Бесконечные обращения, время от времени раздающиеся из демократического лагеря, и призывающие народы России идти по пути к "нормальности и цивилизованности", мало, что дают для понимания широкими слоями избирателей истинных целей и задач политики. Следовательно, перед властью встает важная задача прямого обращения к общественности и общественному мнению, высказаться (выступить экспертом с точки зрения здравого смысла сложившегося уровня жизни) с оценкой всего происходящего, затрагивающего наиболее чувствительные стороны нынешнего положения вещей и новых показателей образа жизни. И поскольку власть не делает этого, так как сама не располагает видением политической ситуации страны⁴ и места страны в системе мира, постольку эту роль, в известной мере, должна взять на себя наука.

Поэтому обнаруженный в ходе социологических опросов внутри- и межпартийный раскол в мнениях по поводу того, в правильном или в неправильном направлении идут дела, не следует ставить в вину населению. Это беда россиян и вместе с тем вина растерянной власти, не способной самоопределиться и сформулировать идеологию, стратегию и тактику развития России как во внутрироссийской, так и во внешнеполитической сферах.

¹ Подробнее см.: Электорат России в 1993 - 1995 годах. (по материалам социологических исследований). М. 1996. The 1996 Russian Presidential Election. Jerry F. Hough, Evelyn Davidheiser, Susan Goodrich Lehmann. Washington, 1996.

² Цит. по книге. *В. Одайник*. Психология политики. Политические и социальные идеи Карла Густава Юнга., М., 1996. С. 353.

³ *Дзарасов С.С.*. Российский путь: либерализм или социал-демократизм. М., 1994. С. 157-164.

⁴ Лукин В.П., Уткин А.И. Россия и запад: общность или отчуждение? М., 1995. С. 134.

В ряду факторов экономического характера немаловажное значение для формирования нынешнего мироощущения человека, в том числе для формирования его представлений об экономической и политической ситуации в стране, имеют многие факторы, в том числе рассматриваемые ниже - жилище, изменение экономического и финансового положения семьи за последний год, а также форма собственности предприятия или организации, в которых человек работает.

Вытекающие из перечисленных факторов гипотезы вполне тривиальны: наличие хорошего жилища, улучшение экономического и финансового положения, упрочение сопричастности к частной собственности, должны быть связаны с позитивными установками к политике правительства и к осуществляемому им курсу реформ, и, наоборот, отсутствие жилища, плохое его качество, падение благосостояния и жизненного уровня, в том числе ухудшение экономического и финансового положения семьи, дистанцированность от частной собственности, или нахождение по другую сторону баррикады - могут формировать негативные взгляды на нынешнюю ситуацию и суть вещей.

Указанные факторы представляют собой разнопорядковые и принципиально различные аспекты конкретно-экономических отношений. Так, например, формы собственности представляют собой совокупность объективных конкретно-исторических отношений, составляющих основу жизнедеятельности общества ¹. Наличие же собственности (жилище, деньги, дача, имущество и т.п.) представляет собой явление субъективного порядка и при помощи механизма

права на собственность юридически закрепляется фактическое состояние присвоения материальных благ.

Переход от плановой к рыночной экономике занимает едва ли не центральное место в идеологии, теории и практике современного экономического реформирования. В связи с этим принципиальное значение приобретает отношение к этому переходу общественного мнения. От того, каковы будут представления и установки граждан России, в немалой мере будет предопределен успех или провал экономических реформ. Сами инициаторы реформирования чаще всего сваливают вину или на консерватизм населения, или на противодействие оппозиции, или на то и другое вместе. При этом ни Гайдар, ни Чубайс, ни Шохин не берут вину на себя. Между тем независимые российско-американские опросы однозначно свидетельствуют о том, что, несмотря на колоссальные трудности переходного периода, большинство граждан России позитивно воспринимает необходимость перехода к рыночной экономике. Накануне выборов 1993 г. без малого две трети избирателей (62.9%) в той или иной мере позитивно относились к подобному переходу. Однако, при этом почти половина взрослого населения (48.3%) считали, что переход к рынку должен быть без скачков, постепенным. Доля сторонников эволюционного подхода к этому переходу превосходила долю радикалов, т.е. тех которые полагали, что переход к рынку должен быть быстрым почти в 3.3 раза, в целом же доля "рыночников" превосходила долю антирыночников, т.е. тех, кто был в принципе против рыночной экономики почти в 4 раза (см. табл. 1).

Подобное отношение граждан России к экономической реформе, сердцевиной которой был переход к рынку, проявленное на исходе 1993 года, вполне корреспондировало с общественным мнением весной того же года, когда состоялся знаменитый референдум по 4 ключевым вопросам тогдашнего бытия. "Да. Да. Нет. Да" (1993 г.) Надо напомнить, что для Ельцина и его команды неожиданным был итог этого референдума². Немногим более половины граждан России, принявших участие в голосовании, проголосовали в поддержку экономической реформы, в том числе приватизации, переходу в рыночные отношения, свободным ценам. Подобного результата, похоже, не ожидала и оппозиция. Народ России оказался мудрее всех тех, кто уцепился за референдум в отчаянной борьбе за власть.

Несмотря на необходимость голосования, ранг этого мероприятия был чрезвычайно высоким, едва ли не на уровне Президентских выборов. При этом люди голосовали в конечном счете не столько за Ельцина,

сколько за продолжение перестройки, разумеется, за по-своему понимаемый курс экономических реформ.

На второй год реформы, начатой командой Е.Гайдара в январе 1992 г., люди голосовали за то, чтобы сдвинуть камень с мертвой точки.

За истекшие два года между парламентскими выборами в умонастроениях граждан произошел откат. Особенно заметно (в два с лишним раза) поредели ряды сторонников радикальной модернизации. В итоге в 1995 г. по сравнению с 1993 г., общий удельный вес сторонников перехода к рыночной экономике сократился с 62.9 до 53.5%, а доля противников рыночной экономики, напротив, возросла с 16.0 до 21.8%. Накануне выборов во вторую Государственную Думу доля эволюционистов превосходила долю "революционеров", т.е. радикальных сторонников форсированного перехода к рыночной экономике в 7.5 раза, а преобладание "рыночников" над "антирыночниками" сократилось в целом с 3.9 до 2.2 раза (см. табл. 1).

Таблица 1

**Развитие представлений граждан России
о переходе от плановой экономике в России**
(в % по итогам опросов 1993 и 1995 г.)

Что думают о переходе к рыночной экономике в России?	1993	1995
1. Переход к рынку должен быть быстрым	14.6	6.3
2. Переход к рынку должен быть постепенным	48.3	47.2
3. Против рыночной экономики	16.0	21.8
4. Затрудняются ответить	21.2	24.7

В основе этого сдвига в общественном мнении лежит не только субъективный фактор, связанный с разочарованием в самой идее реформирования. Дело обстоит гораздо серьезнее. Даже убежденные сторонники кавалерийского въезда в рыночные отношения на практике убеждаются в бесплодности революционного подхода, и в том, что ломать прежнюю систему отношений гораздо легче, чем воздвигать новую.

Да, действительно в России появились люди с совершенно новой психологией, с психологией личностей, которые не ждут чужой помощи, ни на кого не надеются - ни на правительство, ни на парламент, ни на Ельцина. Критика существующих порядков у этих людей нередко сочетается с тем, что они упрямо продолжают делать свое дело. "Посмотрите вокруг, - призывает Б.Н.Ельцин, - и вы увидите, что такие люди

в основном молодые, есть и в бизнесе, и в творчестве, и в науке, и в культуре, и вообще в жизни. Пока они не очень заметны, пока они слишком заняты. Но они уже есть. В стране начали появляться незакомплексованные, смелые люди, которых раньше просто давили" ³. В той или иной мере, в тех или иных масштабах инициативные люди появляются и в других странах, возникших в пределах бывшего СССР, например, в Казахстане и на Украине ⁴.

Выявленный опросами 1993-1995 г. откат общественного мнения от широкого признания необходимости экономических реформ и перехода к рыночным отношениям - это не сопротивление ходу экономических реформ, - это отрицание таких радикальных мер, реализация которых может довести страну до катастрофы, а граждан - к лишению средств к существованию и последующему озверению.

ИЗМЕНЧИВАЯ ГЕОГРАФИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

За истекшие два года между выборами в Государственную Думу заметнее всего поредели ряды сторонников рыночной экономики в Москве, столицах республик, краев и областей (на 12.2%), а также в остальных нестоличных городах (на 9.8%). В сельской местности и в поселках городского типа указанное сокращение составляет соответственно 4.1% и 2.9%.

Разочарование в переходе к рыночной экономике среди столичных жителей - это не только дискомфортное похмелье или горькая утрата иллюзий, это еще и грозное предупреждение лидерам демократических партий и блоков, традиционно рассчитывающих на голоса столичных избирателей. Но об этом подробнее чуть позже. Неравномерные темпы указанного прорежения оказали некоторое влияние на географию распределения сторонников и противников перехода к рыночной экономике. Разница в долях сторонников перехода к рыночной экономике между столичными и сельскими жителями сократилась за два года с 24.5% до 16.4%, а разница в долях противников рынка соответственно с 15.4% до 10.9%.

Сокращение размахов вариации между полярными величинами позволяет сделать два вывода: во-первых, откат позитивного отношения к переводу экономики на рыночные рельсы был повсеместным, а, во-вторых, имело место сближение между группами населения, проживающего в столицах и в сельской местности.

УГЛУБЛЕНИЕ МЕЖПОКОЛЕННОГО РАСКОЛА

Знание и понимание установок различных поколений к переходу на рыночные отношения имеет чрезвычайное значение не только для теории и истории, но и для нужд повседневной практики. Несмотря на то, что Россия начала свой путь к рыночным отношениям довольно поздно, после отмены крепостного права, она все же успела сделать важные шаги в этом направлении до того, как развалилась под ударами национальных движений и поражениями первой мировой войны и Октябрьской Революции. Всплеск рыночных отношений во времена НЭПа был хотя и достаточно мощным, но не продолжительным.

В отличие от географического, демографический фактор "работал" совсем иначе, можно сказать, в противоположном направлении, что в конечном счете вело не к сближению разрыва между поколениями, а к его дальнейшему углублению. Общее между всеми поколениями состояло в том, что во всех возрастных группах, как среди молодежи, так и среди пожилых, за два года сократились сторонники перехода к рыночной экономике и расширились ряды противников. Так, например, сокращение доли сторонников рынка среди зрелой молодежи в возрасте 21-24 и 25-30 лет составило 9.5% и 12.0%, а среди пожилых людей в возрасте 51-60 и старше 60 лет - соответственно - 10.2% и 13.3%. Синхронно проявляла себя тенденция возрастающего разочарования и неприятия перехода к рынку.

В 3-х молодых возрастных группах от 18 до 30 лет доля противников перехода к рынку возросла в среднем на 7.0 - 10.4%, в трех старших (от 41 и старше) на 2.5 - 2.8%.

В итоге заметнее обозначилась полярность между поколениями в их отношениях к переходу на рыночные отношения. Разница в долях сторонников этого перехода, составлявшая в 1993 г. 32.1% (между самыми молодыми и самыми старыми) увеличилась в 1995 г. до 38.8%, а разница в долях противников этого перехода возросла с 17.1% до 33.2%.

Недопонимание между поколениями увеличивалось. Росло и понимание борцов за электорат, в том числе в том, кому, где и когда искать себе союзников и видеть противников.

НАЦИОНАЛЬНОСТИ И РЫНОК

В 1993 г. разница между русскими и остальным населением в их отношении к переходу к рыночной экономике была менее значительной, чем между жителями разных типов поселений и чем между различными

ми возрастными группами. За два года процент сторонников рыночной экономики среди русских сократился на 10.6%, среди людей всех остальных национальностей - на 3.7%. Соответственно и среди первых и среди вторых несколько возросли доли противников перехода к рыночной экономике соответственно на 6.4% и 3.6%. В итоге удельные веса лиц, поддерживающих переход к рыночной экономике среди русского и нерусского населения в 1995 г. стали абсолютно одинаковыми, а доли противников сократились вдвое с 5.6% до 2.8% .

РЕЛИГИОЗНОСТЬ И РЫНОК

Среди всех слоев населения, независимо от степени их религиозности и глубины религиозных чувств, за два года произошло некоторое охлаждение к переходу на рыночные отношения. Так, например, среди верующих и одновременно соблюдающих религиозные обряды, доля сторонников рыночной экономики за рассматриваемый период сократилась на 13.3%, а среди активных атеистов, считающих, что с религией надо бороться - на 3.1%. В последней группе было рекордное по сравнению со всеми другими группами, отличающимися друг от друга степенью религиозности увеличение (на 20.6%) лиц, принципиально не приемлющих переход к рыночной экономике. Заметное увеличение расхождений между группами населения с различной, порой полярной степенью религиозности, по доле сторонников рыночной экономики с 23.8% в 1993 г. до 28.4% в 1995 г. дает основание для вывода об усилении раскола. Это кстати подтверждается аналогичной тенденцией и по увеличению разрыва (росту размаха вариации) между группами с разной степенью религиозности по доле лиц, принципиально не приемлющих рыночные отношения. Соответствующие показатели возросли вдвое с 15.3% в 1993 г. до 31.6% в 1995 г.

ОБРАЗОВАНИЕ, КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА ПЕРЕХОДА К РЫНКУ

Среди географических, демографических и социокультурных факторов, уровень образования наиболее резко поляризует население России по части дифференцированного отношения к переходу от плановой к рыночной экономике. Чем выше его уровень, тем чаще встречаются представления о готовности к переходу на рыночные отношения.

Накануне принятия новой Конституции Российской Федерации в декабре 1993 г. среди населения, имеющего высшее или незаконченное высшее образование, каждые четверо из пятерых показали себя убежденными сторонниками рыночной экономики. Среди неграмотного и малограмотного населения "рыночные" взгляды разделяли менее, чем каждый четвертый. Убежденные противники перехода к рыночной экономике среди первых составляли 8.3%, среди вторых - 31.4%. Разницу вряд ли надо подробно комментировать.

В течение двух последних лет охлаждение к переходу на рыночные отношения имело место среди различных групп населения, в том числе независимо от их образовательного уровня. Особенно заметно охлаждение проявило себя среди высокообразованной части общества. Доля сторонников перехода к рыночной экономике здесь сократилась на 10,0%, а доля противников возросла на 4.4%. По удельным весам сторонников рыночной экономики разрыв между малограмотными и высокообразованными слоями населения сократился за два года с 57.3% до 53.8%, а по долям принципиальных противников рынка разрыв, наоборот, увеличился с 23.1% до 28.7%.

МАТЕРИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И РЫНОК

Наличие той или иной формы жилища входило в ряд факторов, разделяющих население на сторонников и противников перехода к рыночной экономике. Два истекших года не внесли существенных корректив в представления людей, живущих в разных типах жилья. Так, например, разница в долях "рыночников" среди населения, снимающего квартиру и имеющего собственный дом, снизилась за два года с 23.7% до 20.9%, а в долях противников рыночной экономики с 19.1% до 18.2%.

Снижение доверия к вхождению в рыночную экономику вопреки названной выше гипотезе, имело место как среди благополучных в экономическом и финансовом положении семей, так и среди неблагополучных. Так, например, за два года на 10,0% сократилась доля позитивно настроенных к рынку граждан среди тех, чем семьи существенно улучшили свое экономическое и финансовое положение в год опроса, и на 11.2% среди тех семей, чье финансовое и экономическое положение "существенно ухудшилось". Можно допустить, что в основе широкого истощения симпатий к рыночным отношениям как среди благополучных, так и неблагополучных слоев населения, лежало понимание того, что быстрое углубление беспрецедентного по своим масштабам

спада производства, деиндустриализации народного хозяйства⁵, деинтеллектуализации общества ничего хорошего не сулило гражданам, кроме нарастающего хаоса в сфере промышленности и производства товаров народного потребления, и связанного с этим хаосом угрозы обнищания.

Разрыв между благополучными и неблагополучными слоями населения по доле лиц, позитивно относящихся к переходу на рыночные отношения, за два года возрос с 27.6% до 33.7%, а по доле противников рыночных реформ - с 17.4% до 21.3%.

Поляризация и следовательно и потенциальное напряжение между имущими и малоимущими углублялась, угроза "выяснения отношений" соответственно возрастала. Такие выводы вытекают из анализа общественного мнения.

Формирование многоукладной экономики по истечении 5 лет реформ в России не отрицают даже коммунисты, по происхождению и по идеологии своей являющиеся противниками частной собственности и связанной с ней эксплуатацией человека человеком. Как уже отмечалось, из недр народа появляются инициативные люди, открывающие свое дело, создающие совместные предприятия и берущие на себя ответственность за организацию работы предприятий, приобретенных в частную собственность. Похоже, что психологический диссонанс между работниками государственных и частных предприятий обнаруживает хотя и в слабой форме тенденцию к сокращению. Во всяком случае если в 1993 г. разница между занятыми в колхозах и в недавно возникших совместных предприятиях по доле лиц, положительно относящихся к переходу на рыночные отношения, составляла - 42.6%, то к концу 1995 г. она сократилась до 19.0%. По доле же лиц, принципиально не приемлющих переход к рынку, разница между занятыми в колхозах и на предприятиях с частной собственностью сократилась с 17.6% до 7.9%.

СТАБИЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛЯРИЗАЦИИ

Поляризация политических сил по вопросу о том, как от плановой экономики перейти к рынку, началась с драматического противостояния двух программ, одна из которых - эволюционная - была правительственной программой Н.Рыжкова и Л.Абалкина, а другая - революционная - названная "500 дней", - программой Шаталина и Г.Явлинского. Полемика между идеологами этих двух программ отражала не борьбу между сторонниками и противниками вхождения в рынок, а борьбу за выбор темпов, путей и механизмов перехода к рыночным отношениям.

Наличие значительной литературы по этому вопросу, в том числе целая глава "Как войти в рынок" в двухтомных мемуарах М.С.Горбачева⁶, избавляет от необходимости специально останавливаться на полемической и теоретической стороне. Укажем главный недостаток и самой полемики и отражающей ее литературы. И там и там исчезло мнение народа. К нему, пожалуй, меньше всего обращались теоретики и практики рыночного вопроса, что придавало их концепциям и суждениям субъективный и тенденциозный характер.

Равнодействующая перехода к рынку определялась противоречивым взаимодействием трех известных факторов: экономического реформирования, политической воли и ожесточенной борьбы за власть, в которую втягивались, попутно дистанцируясь, различные политические силы.

5 июня 1991 г. М.Горбачев, как известно, подписал специальный указ "Программа совместных действий Кабинета Министров СССР и правительств суверенных республик по выводу экономики страны из кризиса в условиях перехода к рынку".

Переход к рынку многими россиянами воспринимается не только как экономический, но и как неотъемлемая часть политического вопроса. И хотя итоги двух выборов в Федеральное Собрание России еще не дает полную картину электората по политической дифференциации, все же некоторые более или менее устойчивые тенденции говорят сами за себя. Во всяком случае связь политических симпатий и позиций граждан с их отношением к переходу на рыночные отношения обнаруживается, что называется, невооруженным глазом.

В 1993 году на выборах в Госдуму, почти каждые четверо из пятерых, отдавших свои голоса за "Яблоко" или за "Выбор России" поддерживали быстрый и постепенный переход к рынку. Среди электората КПРФ и ЛДПР масштабы распространения подобных взглядов были на порядок ниже.

В 1993 году доля "рыночников" превосходила долю антирыночников в электорате "Выбора России" в 14 раз, "Яблока" - в 13.3 раза, КПРФ - 2.8 раза, ЛДПР - в 1.2 раза. Поляризация, как видит читатель, вполне состоялась.

За два года на карте распределения симпатий и антипатий произошли существенные изменения, хотя и не изменившие принципиальную схему политических позиций - устоявшихся электоратов. Среди избирателей, симпатизирующих программе Г.Зюганова в 1995 г., доля антирыночников превзошла долю "рыночников". Это случилось

в силу того, что ряды сторонников рынка в прокоммунистическом электорате поредели на 22.1%, а ряды противников рынка пополнились 23.9% граждан.

Некоторые колебания во взглядах на рынок проникли даже в состав электоратов "Выбора России" и "Яблока". Во всяком случае заметное преобладание сторонников рынка над его противниками сократилось в первом случае с 13.9 до 8.3 раза, а во втором - с 13.3 до 10.3 раза.

Тем не менее поляризация между электоратами, если об этом судить по размаху вариации, углубилась: по долям сторонников перехода к рынку показатель размаха вариации возрос с 35.2% до 38.7%, а по долям противников рынка - с 31.5% до 38.1%.

НОВАЯ КОНСТИТУЦИЯ 1993 г. И РЫНОК

В новейшей литературе по реформационным процессам в России нет сколько-нибудь убедительного объяснения взаимосвязи его различных аспектов, в этом числе связи между экономическим и политическим реформированием.

Накануне выборов в парламент и одновременно референдума по вопросу принятия Новой Конституции в декабре 1993 г. почти каждый третий (31.9%) гражданин России уже знал, что отдаст свой голос "за" принятие Новой Конституции, каждый десятый (10.8%) - "против", а остальные или "еще не решили" (41.2%) или отказались преждевременно отвечать на этот вопрос (16.2%). Повторный опрос, проведенный сразу же после референдума, позволил установить, что почти каждый второй (47.5%) поддержал принятие Новой Конституции, каждый пятый (19.8%) проголосовал "против", а остальные 32.7% не захотели отвечать на этот вопрос.

Доля рыночников среди лояльно настроенных к принятию Конституции граждан накануне выборов составила 73.7% и почти в восемь раз превосходила долю тех, кто был принципиальным противником рыночной экономики. Среди другой же категории граждан, изначально оппозиционно настроенных против принятия новой Конституции, доля рыночников хотя и составила 61.4%, но была всего лишь в 2 раза больше противников перехода к рыночной экономике. Иными словами, если среди лояльных к Конституции граждан противники рыночных отношений составляли всего 9.6%, то среди оппозиционеров доля антирыночников составляла 26.7%.

Свои предвыборные намерения и настроения избиратели подтвердили своим фактическим поведением у избирательных урн. Среди тех, кто в конечном счете помог принять новую Конституцию, т.к. проголосовал "за", доля сторонников рынка оказалась равной 69.0%, что в 6.5 раз превосходило долю противников рынка. Что же касается другой группы избирателей, сказавших "нет" новой Конституции, то логику своей оппозиционной позиции они подтвердили и последовательным отрицанием необходимости перехода к рыночным отношениям. Каждый четвертый (24.5%) из тех, кто не принял новую Конституцию, одновременно был принципиальным противником перехода на рыночные отношения.

РЕЙТИНГИ ЦЕНТРА И РЕГИОНОВ

Для достижения общеполитической стабилизации, без которой трудно ожидать успеха экономической реформы, важно не только принять доброкачественную Конституцию, но и иметь эффективные механизмы взаимодействия между Федеральным центром и субъектами Федерации. Наиболее предпочтительными для граждан России представлялись такие институты, с помощью которых можно было бы распределить контроль, предметы ведения и полномочие между Центром и регионами на договорной основе. За эту модель, назовем ее договорной, отдали свои голоса 38.3% россиян в декабре 1993 г. и 34.4% - в декабре 1995 г. Суть второй по приоритетности модели взаимодействия, за которую отдали свои голоса 32.8% избирателей в 1993 г. и 29.0% в 1995 г., сводилась к созданию сильной администрации в каждом регионе. И, наконец, третья часть населения, в том числе 17.7% в 1993 г. и 18.5% в 1995 г. отдала предпочтение жесткому контролю Центра.

Среди сторонников первых двух моделей ("договорной" и "региональной"), более демократичных по сути и содержанию, оказалась более высокой доля лиц - 70.2% и 67.6% - поддерживающих переход к рыночной экономике. Среди сторонников первой модели, подразумевающей установление жесткого контроля Центра над субъектами, самой низкой оказалась доля сторонников "рыночной экономики" (51.7% и 36.0%) и самой высокой (25.8% и 37.0%) доля антирыночников.

При этом два истекших года не сблизили, а отдалили друг от друга представления сторонников различных моделей установления порядка в России. Показатели поляризации этих представлений (размах вариации) возросли по долям приверженцев рыночной экономики с

18.5% в 1993 г. до 31.1% в 1995 г. (между сторонниками "договорной" и "централизованной" моделей), а по удельному весу принципиальных антирыночников - с 12.5% до 20.7%.

ПОРЯДОК В СТРАНЕ - ЗАЛОГ ИЛИ ТОРМОЗ РАЗВИТИЯ РЫНКА?

Люди России истосковались по такому порядку, который мог бы стать гарантией от криминального беспредела. Едва ли не каждый четвертый (23.3%) гражданин России в декабре 1993 г. считал, что общество вправе твердо защищать свои интересы, даже если при этом иногда могли бы пострадать невинные люди. Полярную позицию занимали люди, - чуть ли не половина всего взрослого населения, - для которых демократия и свобода личности были превыше всего, в том числе ценнее того порядка, установление которого могло бы стать причиной страдания невинных.

Среди сторонников твердой защиты интересов общества, даже ценой свободы отдельных личностей, доля лиц, считающих необходимым переход к рыночной экономике, составлял немногим более 61%, а доля противников рынка - около 20%. Среди истинных ценителей свободы личности доля голосов, отданных за рыночную экономику составила в среднем около 68%, а урожай антирыночных голосов - всего лишь около 14%.

ЛИДЕРЫ И ПЕРЕХОД К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Содержание тоталитаризма и имиджа лидера-диктатора взаимосвязаны. И избавление от тоталитаристского сознания - и есть та составная часть деинфантилизации, которая означает одновременное признание лидера - не диктатора. Процесс выбора лидера в современных условиях, как показывает постсоветская история, круто заселенная, леденящими душу, криминальными событиями, увы, далеко не прост.

Не случайно в конце 1995 г. немногим более чем каждый пятый избиратель, отчаявшись от царящего вокруг беспредела, готов был поддержать лидера, который во имя восстановления порядка в России установил бы с помощью армии и сил безопасности диктаторский режим. Вместе с тем у более чем половины взрослого населения России (51.8%) сработал нравственно здоровый иммунитет и в

ответ на вопрос анкеты было указано, что готовы противостоять любой диктатуре, считая что свобода личности, как политическая ценность, дороже, чем "порядок в России".

Оказалось, что в первой группе населения, готового ради порядка поддержать лидера-диктатора, лишь каждые двое из пяти выразили позитивное отношение к переходу на рыночную экономику, в то время, как среди второй группы, настроенной против любой диктатуры, доля приемлющих рынок, составляла 64.2%. Соответственно в первой группе удельный вес принципиальных противников перехода в рыночную экономику было в два с половиной раза больше, чем во второй.

Не менее рельефно советское наследие и инновации постсоветского времени проявляют себя в отношениях населения к лидерам, по-разному готовым реагировать на состоявшийся развал СССР и не вполне состоявшееся развитие России в нынешнее время.

Почти половина (48.0%) взрослого населения России в конце 1995 г. была готова поддержать лидера-реформатора, обещающего развивать Россию в ее теперешних границах. Одновременно значительная группа населения (28.8%) отдала предпочтение иному типу лидера-консерватора, в частности, тому, кто взялся бы за восстановление СССР. О психологической перегрузке самого этого выбора свидетельствует тот факт, что почти каждый четвертый избиратель вообще не знал, какого из двух, названных типов лидера смог бы выбрать.

Принципы консерватизма и реформаторства, отношение к ним вполне закономерно ассоциируются с отношениями к рынку. Как и следовало ожидать, среди электората, симпатизирующего лидеру-консерватору, доля лиц, приемлющих переход к рынку составила всего 36.6%, а среди реформаторски настроенной публики - почти в два раза больше. Еще более рациональным был контраст по негативному отношению к переходу на рыночные отношения. Среди первых эта группа составляла 40.3%, что было в 3.3 раза больше, чем среди вторых.

ПОРТРЕТЫ СТОРОННИКОВ И ПРОТИВНИКОВ ПЕРЕХОДА К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Анализ ведущих динамических тенденций в формировании идеологии перехода к рыночной экономике в представлениях граждан России дает возможность, основываясь на данных социологических опросов по состоянию на конец 1995 г., когда шоковая терапия дове-

ла терпение народа до предела, а ожидания улучшения жизни - до минимума, предложить некоторый усредненный портрет каждой из двух групп россиян, одна из которых мысленно "созрела" для быстрого или медленного вхождения в рыночные отношения, а другая оказывает (в мыслях) сопротивление.

В составе первой, настроенной на быстрый или постепенный переход к рыночным отношениям, преобладают горожане и в первую очередь жители Москвы, Санкт-Петербурга, столиц республик, краев и областей; совсем еще молодые люди, особенно в возрасте от 18 до 24 лет, по религиозности здесь больше колеблющихся, а также всего неверующих, но уважающих чувства тех, кто верует. В рядах "рыночников" густо представлены люди с высшим образованием. По экономическому положению в данной группе те - чьи семьи "существенно" или "немного" улучшили экономическое и финансовое положение, по сфере занятий, здесь преобладают лица, открывшие свое дело или же работающие на частных предприятиях и организациях. По партийным, политическим, общесоциологическим убеждениям среди сторонников рыночной экономики - многие из тех, кто готов был отдать и отдал свой голос за НДР и Яблоко, кто проголосовал "за" принятие Конституции 1993 г., кто одобряет общий курс и считает, что Россия развивается по правильному пути. Среди приверженцев рыночных отношений относительно мало лиц, страдающих ностальгией по бывшему Советскому Союзу и больше тех, кто поддержал бы, во-первых, лидера, обещающего развивать Россию в теперешних границах, а, во-вторых, лидера, противостоящего любой диктатуре.

И, наконец, в составе "рыночников" преобладали люди, считающие необходимым создавать сильные региональные администрации, без которых по их мнению, невозможен порядок в России.

Среди тех, кто против рыночной экономики, чаще встречаются сельские жители, чем горожане, люди пожилого возраста (особенно, кому перевалило за 60 лет), представители нерусских народов, хотя и незначительно, но все же преобладают, по религиозности здесь преобладают две полярные группы - во-первых, убежденные атеисты, считающие, что с религией надо бороться, и, во-вторых, верующие и соблюдающие религиозные ритуалы, по уровню образования в группе значительно преобладают малограмотные и не имеющие никакого образования. В составе группы преобладают люди с негативной тенденцией экономического и финансового положения их семей за истекший год.

По своим партийным, политическим и общесоциологическим убеждениям среди антирыночников преобладают те, из кого преимущественно состояли электораты Г.Зюганова и В.Жириновского, кто проголосовал "против" принятия Конституции 1993 г., и, кто, наконец, в принципе не приемлет нынешний курс, считая, что Россия в конце концов движется в неправильном направлении. Среди противников рыночной экономики широко распространены ностальгические настроения по бывшему Союзу и соответственно высок удельный вес тех, поддержал бы, во-первых, лидера, обещающего восстановить СССР, а, во-вторых, лидера, обещающего установить с помощью армии и сил безопасности диктаторский режим во имя восстановления порядка в России. В рядах антирыночников заметно выделялись люди с авторитарными взглядами, согласно которым для установления порядка в России необходим жесткий контроль Центра (Москвы) над регионами.

Анализ динамичных тенденций изменения общественного мнения по поводу перехода на рыночные отношения вполне согласуется с выводами экономистов о том, что экономическая реформа в России потерпела неудачу из-за отказа от реформаторских (эволюционных по сути своей) методов в пользу революционных ⁷. При этом едва ли наиболее наглядным примером этой революционной перестройки в экономике стала приватизация, в ходе которой около 70% собственности (кроме земли) попало в частные руки. И поскольку эта собственность досталась, во-первых, очень узенькой прослойке граждан, а, во-вторых, за бесценок, авторитет экономической реформы стал быстро падать, что и зафиксировали итоги приведенных нами опросов в 1993-1995 годов.

На снижение рейтинга рыночной экономики в глазах широкого круга россиян в немалой мере повлияла и невыполненные Б.Ельциным и командой демократов своих обещаний, выданных ими еще в розовые времена их восхождения к власти. Доверие Б.Ельцину в 1991 г. было оказано главным образом за ту часть его идеологии и риторики, в которой он провозгласил борьбу с номенклатурными привилегиями. Вряд ли кто-нибудь тогда, накануне нового этапа "первоначального накопления капитала", догадывался какие тяжелые последствия ожидают Россию, в ходе криминального по своему характеру создания так называемого среднего класса.

- ¹ Вишняков В.Г. Станет ли новый Гражданский Кодекс регулятором отношений собственности? // Представительная власть. М., 1994, Ч. 2. С. 66.
- ² Борис Ельцин. Записки Президента. М., 1994. С. 313.
- ³ Борис Ельцин. Записки Президента. М., 1994. С. 236.
- ⁴ См. подробнее: М.Н.Губогло. Этнополитическая ситуация в Казахстане в представлениях его граждан // Казахстан: реалии и перспективы независимого развития. М., 1995. С. 235-295.
- ⁵ Сергей Глазьев. Полтора года в Думе. Отчет перед избирателями. М., 1995. С. 92-93.
- ⁶ Михаил Горбачев. Жизнь и реформы. Книга 1., М.,1995, С.564-593.
- ⁷ Олег Пчелинцев. Революция ярче, чем реформа... // Независимая газета. 1996. 6 февраля

Важным показателем размежевания левых и правых, реформаторских и консервативных сил является отношение к аграрному вопросу в их программно-уставных документах и в конкретной практической деятельности. В связи с этим, понятно, приобретает чрезвычайную актуальность знание того, как этот водораздел отражается в представлениях электората.

Почти трое из четырех человек из числа взрослого населения России в декабре 1995 г., отвечая на вопрос анкеты, признали необходимым сохранить колхозы и совхозы. Лишь по мнению 13.0% граждан колхозы и совхозы должны быть постепенно распущены и только 2.8% были убеждены в том, что колхозы и совхозы должны быть распущены быстро. Каждый десятый россиянин был застигнут опросом врасплох и не смог выразить своего отношения к колхозно-совхозному строю.

Как затруднения в ответ на этот вопрос, так и проявившийся синдром колхозного фундаментализма объясняются тем, что колхозно-совхозный строй стал неотъемлемой составной частью тоталитарного устройства и советского образа жизни. Колхозы и совхозы были реальностью для нескольких поколений граждан Советского Союза, и представление о них не могли исчезнуть из сознания людей подобно тому, как было стерто целое государство с политической карты мира. Для советского образа жизни с его коллективизмом и другими бесспорно ценными качествами были характерны и многие отрицательные черты и признаки.

Характерным, в частности, было "низведение личности человека до мельчайшей частицы гигантского запрограммированного потока, на

скорость и направления которого влиять она не могла" ¹. Более того, "у основной массы людей практически не было ни экономического, ни политического, ни духовного выбора, все определялось и "расписывалось" в рамках действующей системы. Человек не решал, за него решали власти, и это в конечном счете обернулось социальным изживением и социальной апатией" ².

Шоковая терапия в аграрном секторе, и в первую очередь в среде сельского населения не состоялась. Демократический переворот в крестьянской душе бывших советских граждан, о котором наивно мечтали творцы шоковой терапии, не состоялся.

Ответом на провозглашенную свободу стала роковая потеря социально-экономической ориентации, что и нашло красноречивое выражение в богатом урожае голосов, поданных за сохранение колхозно-совхозного обустройства сельской жизни и сельскохозяйственного производства. Вопрос о сохранении колхозов и совхозов стал одним из рычагов давления общественной атмосферы на сторонников форсированного вхождения в свободный рынок.

ГЕОГРАФИЯ КОЛХОЗНО-СОВХОЗНОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА

Особого раскола внутри "ликвидаторов" не было, так как большинство из них отдавали предпочтение постепенному, т.е. эволюционному реформированию колхозно-совхозного строя. Однако, в каждом стане: и в радикальном, и в примиренческом, - различия между столичными и сельскими жителями по доле сторонников "отмены" колхозов и совхозов были значительными.

Отношение к колхозам и совхозам относительно устойчиво было связано с общей позицией граждан к экономической реформе и демократическим преобразованиям. Именно поэтому среди столичного населения, в наименьшей мере знакомого с реальными условиями жизни и быта работников колхозов и совхозов, доля противников колхозов и совхозов почти в два раза превосходила долю таким же образом настроенных сельчан. При этом закономерно, чем дальше от столицы вглубь страны, тем выше была доля тех, кто выступал за сохранение колхозов и совхозов, - от 66,2% в столицах республик, краев и областей, до 73,3% в отдаленных городах и до 82,6% в сельской местности.

МЕЖПОКОЛЕННЫЕ ВЫЗОВЫ КОЛХОЗНО-СОВХОЗНОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА

Более всего колхозно-совхозных фундаменталистов, судя по итогам опроса, было среди лиц пожилого и преклонного возраста. Каждые четверо из пятерых в возрасте 51-60, 60 и старше ответили в конце 1995 г., что колхозы и совхозы, по их мнению, должны быть сохранены. Среди тех же, кому в это время было 18-20 лет, доля сторонников сохранения колхозов и совхозов составляла немногим более половины. Иными словами, среди лиц преклонного возраста доля фундаменталистов была в 1.5 раза больше чем среди молодежи.

Радикализм в отношении роспуска колхозов и совхозов среди молодежи встречался почти в 4 раза чаще, чем среди тех, кому перевалило за шестьдесят. Впрочем, сторонников умеренных требований постепенного изживания колхозов и совхозов среди молодежи так же было в три раза больше, чем среди пенсионеров.

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ И КОЛХОЗНЫЙ ВОПРОС

Отношение к колхозам и совхозам почти не имело национального аспекта, т.к. удельный вес сторонников их сохранения был одинаковым среди русского населения и среди народов других национальностей. Разница же в долях тех, кто считал колхозы и совхозы не нужными, составляла всего лишь 1.7%.

РЕЛИГИОЗНОСТЬ И КОЛХОЗНО-СОВХОЗНЫЙ СТРОЙ

Степень религиозности, как и национальность, в целом, не играла заметной роли в формировании проколхозных или антиколхозных установок. Пожалуй, лишь одна градация религиозности имела значение. Как показал опрос, лишь только среди агрессивных атеистов т.е. тех, кто считал, что с религией надо бороться, не оказалось сторонников роспуска колхозов. За исключением 7.4% атеистов, не сумевших выразить свое отношение к колхозно-совхозному строю, все остальные сочли, что колхозы и совхозы должны быть сохранены.

Подобное распределение настроений в панораме общественного мнения вполне закономерно. Оно дает известные основания для вывода о наличии тесной связи между двумя составными частями советского

фундаментализма, заложенного в головы и в души советских людей неистовой коммунистической пропагандой.

Наблюдая с экрана телевизора за скорбными минами нынешних руководителей, нелепо стоящих со свечами в Елоховском Соборе, мало кто, конечно, верит в то, что недавние безбожники вдруг стали добропорядочными верующими. Это манифестация или, другими словами, - контрпропаганда. На самом же деле две крайности радикального фундаментализма - воинствующего атеизма и безоговорочного колхозничества - тесно переплетены между собой. Для построения прогностических моделей поведения электората выявленная связь имеет истине непреходящее значение.

ОБРАЗОВАНИЕ, КАК ФАКТОР ПРЕОДОЛЕНИЯ КОЛХОЗНОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА

Синдромом колхозного-совхозного фундаментализма охвачены прежде всего неграмотные и малограмотные слои населения, среди которых лишь каждый двадцатый допускает мысль о возможности жить без колхозов и совхозов. Остальная же масса, около 90.0% полагает, что колхозы и совхозы должны быть сохранены. Вместе с повышением образовательного уровня растет доля сторонников роспуска колхозов.

Среди малограмотного населения доля "антиколхозников" почти в 2 раза меньше, чем среди лиц с незаконченным и законченным средним образованием, в 3 раза меньше, чем среди лиц, имеющих среднее специальное образование, и в 5.5 раз меньше, чем среди имеющих незавершенное или завершенное высшее образование.

В отличие от демографического, связь образовательного фактора с колхозным фундаментализмом более логична и органична в том смысле, что поляризация идет не в радикальном подходе к судьбе колхозов и совхозов, а в продуманном и, по-видимому, убежденном.

Это хорошо видно из прямо пропорциональной зависимости между уровнем образования и масштабами представлений о плавном роспуске колхозов и совхозов. Сторонников постепенного расформирования (роспуска) колхозов и совхозов среди населения с низким уровнем образования в 2 раза меньше, чем среди населения со средним специальным и в 5.7 раза меньше, чем среди населения с высшим образованием.

УХУДШЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ - ОСНОВА ВОЗРОЖДЕНИЯ КОЛХОЗНОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА

Проколхозные и антиколхозные установки в немалой мере связаны с состоянием экономического и финансового положения граждан России. Можно думать, что ухудшение материального благополучия, падение жизненного уровня, связанные с экономическими и финансовыми трудностями, находятся в непосредственной связи с традиционным, или реанимируемым отношением к судьбе колхозов и колхозников. Не случайно, видимо, среди семей с неблагоприятной тенденцией экономического и финансового положения каждые четверо из пяти опрошенных считает, что колхозы и совхозы должны быть сохранены.

Напротив, среди граждан из благополучных семей, экономическое и финансовое положение которых улучшилось за год перед опросом, доля сторонников колхозно-совхозного строя значительно (на 17.4%) меньше. Против сохранения колхозов высказались каждые четверо из числа тех, чье экономическое положение улучшилось и лишь каждый десятый из числа тех, чье экономическое положение ухудшилось.

Вывод очевиден: бульоном, в котором варятся антирыночные, антиреформаторские представления и условия, служит ухудшение экономического положения.

КОЛХОЗЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЭЛЕКТОРАТОВ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И БЛОКОВ

Отношение к колхозно-совхозному строю является прекрасной иллюстрацией поляризации политических позиций и предпочтений российских избирателей.

В декабре 1995 г. лишь 3.6% из рядов потенциального электората КПРФ соглашались с тем, что колхозы и совхозы должны быть распущены. Среди же тех, кто еще накануне парламентских выборов принял решение голосовать за НДР и Яблоко, удельный вес "антиколхозников" был, соответственно, в 8 и в 8.5 раз больше. Соответственно, за сохранение колхозов и совхозов высказался почти весь электорат коммунистов (93.7%) и немногим более половины электоратов НДР (56.0%) и Яблока (57.2%). Показатели значительного размаха вариаций между долями электоратов различных партий, поддерживающих идею роспуска (26.7%), отстаивающих идею сохранения колхозов и совхозов (37.7%) не оставляет сомнений в том, что отношение к

колхозам и совхозам, как волнорез, закрепляет раскол политических сил.

Близкими по интенсивности красками изображается на политической карте страны раскол между сторонниками и противниками нынешнего состояния дел в государстве, и, в частности, в отношении того, в каком направлении идут дела в России.

Доля "антиколхозников" в составе проправительственно настроенных граждан составляла 44.8% и в 4 раза превосходила аналогичную долю в составе оппозиционно настроенного населения. В первой категории избирателей, думающих, что дела в России идут в правильном направлении, удельный вес сторонников сохранения колхозов и совхозов составлял 47.0% и был в 1.7 раза меньше, чем среди тех, кому движение России виделось в неправильном направлении.

Среди консервативно настроенных избирателей, готовых отдать свой голос за лидера, обещавшего восстановить СССР, лишь 5,0% поддерживали идею роспуска колхозов и совхозов, в то время, как основная масса поддержала противоположную идею сохранения колхозно-совхозного строя.

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИДЕРЫ И ИМИДЖ КОЛХОЗОВ

Среди другой части избирателей, которую можно отнести к лояльно настроенной к демократическим порядкам, и готовым отдать свой голос за лидера, обещающего развивать Россию в теперешних границах, доля противников колхозов была почти в 5 раз больше, чем среди консервативной части населения.

Нынешний колхозный фундаментализм в значительной мере поддерживается не столько ностальгией по печально-знаменитым трудодням и (антидемократическому) беспаспортному режиму, сколько дальнейшей эскалацией криминогенной ситуации, безработицей и беспощадным обнищанием.

Накануне выборов немногим более, чем каждый пятый избиратель проявил готовность поддержать лидера-диктатора, который во имя восстановления порядка в России установил бы с помощью армии и сил безопасности диктаторский режим. Каждый второй (51.8%) имел другую точку зрения и был готов противостоять любой диктатуре, считая, что свобода важнее, чем установление порядка с помощью армии и сил безопасности.

Среди первой категории населения доля "антиколхозников" составляла 8.4% и была в 2.5 раза меньше, чем среди второй, доля же сторонников колхозного строя среди первых (84.3%) на 16.7% больше, чем среди вторых.

ПОРЯДОК В СТРАНЕ И КОЛХОЗЫ

Связь между государственническим традиционализмом и колхозным фундаментализмом проявляется не только в том, чтобы установить и иметь "порядок" в России, в том числе и сохраняя при этом колхозно-совхозный строй, но и в том, каким путем добиваться установления желанного порядка.

Две категории граждан России полагают, что для наведения порядка в России с целью улучшения ситуации в экономике необходимы демократические в своей основе подходы:

- во-первых, распределение контроля на основе договоренности между Центром и регионами,
- во-вторых, сильные региональные администрации.

Доля первых составляла в конце 1995 г. 34.3%, доля вторых - 29.0%.

Остальное население распределилось еще на две категории, одна из которых (18.5%) настаивает на необходимости жесткого контроля Центра (Москвы) над регионами, а другая (17.4%) вообще не имеет какого-либо мнения по вопросу о способах наведения порядка в нынешней России. Среди тех, кто выступает за жесткий контроль Центра, т.е. за порядок, близкий к авторитаризму и тоталитаризму, удельный вес "антиколхозников" является минимальным: он составляет всего лишь 6.4%, что в 2.9 раза меньше, чем среди сторонников идеи сильных региональных администраций и в 3.1 раза меньше, чем среди ревнителей договоренности между Центром и регионами.

ФУНДАМЕНТАЛИСТЫ И РЕФОРМАТОРЫ КОЛХОЗНОГО СТРОЯ

Итак, выборы, сделанные россиянами в ходе двух парламентских марафонов, и произведенный на их основе анализ позволяют, с известной долей осторожности, выделить некоторые черты в обобщенных портретах сторонников и противников (фундаменталистов и реформаторов) колхозно-совхозного устройства России.

Ряды фундаменталистов пополняются, главным образом, за счет жителей сельской местности и небольших поселков городского типа, преимущественно из лиц пожилого и частично среднего возраста, как правило, неграмотных, малограмотных или имеющих незаконченное среднее образование, из числа людей с немного или существенно ухудшившимся экономическим и финансовым положением своих семей за последний год, из избирателей, готовых отдать или уже отдавших свой голос за КПРФ и ЛДПР, уверенных в том, что дела в России идут, в целом, в неправильном направлении, симпатизирующих тем политическим лидерам, которые обещают восстановить СССР, или же установить с помощью армии и сил безопасности диктаторский режим во имя восстановления порядка в России, и, наконец, одобряющих решительные меры правительства по установлению жесткого контроля Центра (Москвы) ради наведения порядка в России и ради улучшения ситуации в экономике.

Квоты русского населения и нерусских народов в составе сторонников колхозного строя представлены равномерно, что само по себе включает национальный фактор из списка детерминантов, раскалывающих народы по их отношению к колхозно-совхозному устройству.

Состав противников колхозно-совхозного строя пополняют, как ни странно, столичные жители, население крупных и средних городов, не являющихся столицами, молодого возраста, среди русских несколько больше, чем среди остальных народов России, преимущественно люди, получившие среднее специальное и высшее образование, люди, существенно или хотя бы в незначительной степени улучшившие экономическое и финансовое положение своей семьи в течение последнего года, люди, составляющие потенциальный и фактический электорат НДП и Яблока, позитивно оценивающие общее направление движения России по пути реформирования, склонные к выбору тех политических лидеров, которые взяли бы на себя ответственность развивать Россию в ее теперешних границах и, соответственно, сохранять постсоветское пространство в его нынешнем рассыпанном и дезинтегрированном состоянии, ждущие от правительства справедливого распределения контроля между Центром и регионами по взаимной договоренности или же создания сильных региональных администраций.

Итак, анализ представлений граждан России об итогах и уроках экономического реформирования, в том числе о переходе от плановой к рыночной экономике, о судьбах колхозно-совхозного строя, и о частной собственности на землю, о политике регулирования уровня доходов граждан и других в зависимости от электоральной разнополосицы, от

общего отношения к направлению движения России, от политических симпатий, предпочтений и настроений дает основание для вывода о глубоком расколе и значительной поляризации мнений. Не случайно политический манифест тринадцати известных российских предпринимателей, обостренно чувствующих предвыборный накал политических страстей, и реальную опасность гражданской войны, начинается с точного диагноза: "Общество расколото". Сами предприниматели, похоже, не проводили широкомасштабного изучения политического расщепления российского электората. Нет сведений и о том, пользовались ли они итогами проведенных Институтом этнологии РАН и МГУ социологических исследований, на основе которых пишется эта книга.

Однако, совпадение вывода о расколоте общества, сделанного, с одной стороны, людьми, не бросающими слов на ветер, а с другой стороны, независимыми российскими и американскими исследователями, приобретает очень серьезное значение. Не случайно и созвучие самого документа, опубликованного 27 апреля одновременно в нескольких центральных газетах³, с накатившей за этой акцией волной общественного интереса, и последовавшей вакханалией пресс-политических тусовок и действий⁴.

Одновременно с экрана телевизора прозвучало "личное мнение" генерала Коржакова о переносе президентских выборов. Круг замкнулся. Одно из последствий политической поляризации российского общества, к чему так усиленно толкали страну люди у государственного руля, называющие себя демократами, может оказаться в том, что на президентских выборах победит одна из "политических сил", и совсем не обязательно из президентского окружения. Не исключена, в частности, победа "красного" Г.Зюганова над "белым" Б.Ельциным. Такой исход возможен и он вполне вытекает из итогов независимых социологических опросов, а также из анализа тенденций политического развития России и их отражения в поведении избирателей. Но именно этот исход не устраивает политическую элиту, которая никак не хочет уходить с капитанского мостика и передать штурвал тому, за кого проголосует электорат. Отсюда - новые комбинации и политические расчеты: или перенос выборов, или договор о разделе власти между главными претендентами - Борисом Ельциным и Геннадием Зюгановым. Словом, все, что угодно, только при сохранении власти и себя у власти. Даже компромисс Б.Ельцина с коммунистами, но не допущение прихода коммунистов к власти. Для комментаторов из демократического лагеря итог подобного компромисса однозначен: "Полный крах нынешней власти"⁵.

При оценке изменений в духовной жизни постсоветского времени синдром колхозного фундаментализма далеко не единственный барьер, который надлежит преодолеть поколениям, воспитанным на идеологии советского образа жизни. Вместе с тем было бы ошибочно воспринимать позитивную оценку колхозов и совхозов по истечении перестроечного десятилетия как серьезный кризис или как вакуум в процессах демократизации. Это скорее всего реакция на исключительно бедственное положение села, в отличие, скажем, от жиреющей части Москвы.

¹ Горбачев М. Жизнь и реформы. Книга 1, М., 1995. С. 296.

² Там же, С.296-297.

³ Известия. 1996. 27 апреля; Советская Россия. 1996. 27 апреля; Московский комсомолец, 1996. 27 апреля.

⁴ Кронид Любарский. Все куплю, - сказало злато // Независимая газета. 1996. 7 мая.

⁵ Там же.

Ни отчаянные попытки правительства, ни настойчивые призывы в каждом из трех посланий Президента ¹ продвинуть реформы в аграрном секторе к успеху не приводят. Состояние агропромышленного комплекса продолжает ухудшаться, нарушенное благосостояние села, как, впрочем, и всей страны, - падать, настроение сельских жителей - ухудшаться, угроза социального взрыва - возрастая, модернизационные энтузиазм и эйфория - остывать.

Имеет смысл напомнить, что в первом послании Президента (1994 г.) лишь вскользь говорилось о том, что "в аграрном секторе Правительству и властям регионов пора создавать механизмы реализации частной собственности на землю" ², во втором (1995) - выражалась озабоченность в связи с тем, что "по-прежнему отсутствуют современные рынки земли..." ³, выдвигалась идея долговременного ориентира - "Собственное хозяйство на собственной земле..." и ставилась задача создания "современного земельного законодательства" ⁴, в третьем (1996) - подводился безрадостный итог о том, что "минувший год (1995 г. - М.Г.) так и не стал годом реальной аграрной реформы. ...состояние АПК продолжает ухудшаться. Ситуацию усугубило нецелевое использование значительной части бюджетных средств, выделенных АПК. Не приняты Земельный и Налоговый кодексы." ⁵.

В новейшей историографии по аграрной политике нет сколько-нибудь устоявшейся концепции и периодизации обновления и состояния дел в аграрном секторе, тем более ее взаимосвязи с политикой национальной. Между тем чересполосица и неравномерное расселение русского населения и народов других национальностей в городах и в сельской местности страны неизбежно должно было бы навести

исследователей и политиков на эту стезю. Однако, стезя есть, но пока без экспертов.

Инициатором экономических реформ в сельском хозяйстве еще в марте 1989 г. выступила КПСС, предложив новую аграрную политику, главной задачей которой стало "возвращение крестьянину положения хозяина на земле" ⁶.

Однако, как выяснилось, это была лишь характерная для тогдашнего М.Горбачева более философская, чем практическая постановка вопроса. До реализации указанной формулы, как показало время, было очень далеко. К сожалению, это и до сих пор остается пока лишь на философском уровне.

Позиция и понятия консерватизма складываются из совокупности представлений по различным вопросам внутренней и внешней политики. И если, как уже указывалось в предыдущем очерке, почти три четверти граждан России поддержали идею сохранения колхозов и совхозов, т.е. обнаружили свой колхозно-совхозный фундаментализм, то вполне очевидно, что следовало бы ожидать, что приблизительно такое же количество граждан должно принять, как должное, переход от колхозной и государственной собственности на землю к частной собственности. Однако, это ожидание, построенное на теоретическом понимании того, что без групповой и государственной собственности колхозы и совхозы обречены, в ходе исследования не подтвердилось. Более того, против свободной купли и продажи земли, т.е. против частной собственности на землю в конце 1995 г. высказались каждые двое их пятых (41.4%) граждан России, т.е. чуть ли не в два раза меньше, чем за сохранение колхозно-совхозного строя.

На это несоответствие имеет смысл обратить внимание, так как оно имеет немаловажное значение для реализации нового курса в аграрном развитии страны.

За истекшее время между двумя парламентскими выборами в представлениях граждан произошло хотя и незначительное, но все же колебание, а точнее откат к прошлой и до боли знакомой доперестроечной традиции. Удельный вес реформаторских настроений, в форме позитивного отношения к купле-продаже земли, сократился, в целом, с 53.8% до 48.7%, в том числе к радикальным преобразованиям ("купля и продажа земли должны производиться без ограничений") - с 14.5% до 10.2%, и к умеренным преобразованиям ("на куплю-продажу земли должны быть введены ограничения") - с 39.3% до 38.5% (см. таблицу 1).

Таблица 1

Отношение к частной собственности на землю
(в % по данным опросов 1993 и 1995 гг..)

Как относятся к свободной купле и продаже земли частными лицами	Время опроса	
	1993	1995
1. Поддерживают:	53.8	48.7
1.1. Купля и продажа должны производиться без ограничений	14.5	10.2
1.2. На куплю и продажу должны быть введены ограничения	39.3	38.5
3. Не поддерживают куплю и продажу земли	37.2	41.4
4. Затрудняются ответить	9.1	10.0

Среди сторонников сохранения колхозов и совхозов лишь двое из пятерых поддержали идею купли и продажи земли, в том числе 33.4% "с ограничениями" и 8.3% "без ограничений". Среди радикальных "антиколхозников" идею частной собственности на землю поддержали 76.8%, а среди "умеренных" - 80.2% (см. таблицу 2).

Таблица 2

**Взаимосвязь между представлениями
о колхозах-совхозах и о купле-продаже земли**
(в % по данным опроса 1995 г.)

Отношение к колхозам и совхозам	Отношение к свободной купле и продаже земли				
	Не под- держи- вают	Всего	Поддерживают:		Затруд- ответить
			с огра- ничен.	без огра- ничений	
1. Должны быть сохранены	48.9	41.7	33.4	8.3	9.3
2. Должны быть распущены постепенно	16.0	80.2	65.6	14.6	3.8
3. Должны быть распущены быстро	16.7	76.8	36.1	40.7	6.5
4. Затруднились ответить	26.9	50.2	40.7	9.5	22.9

Сравнительный анализ отношения граждан к колхозам-совхозам и купле-продаже земли позволяет выявить определенную избирательность к элементам прошлого, связанным с советским образом жизни. Более категоричное и ностальгическое признание колхозов и совхозов

по сравнению с куплей-продажей земли, по-видимому, объясняется двумя факторами:

- во-первых, представления о купле-продаже земли и соответствующего перевода ее в частную собственность у определенной части граждан ассоциируется с еще доперестроечными представлениями о дачных участках и появившихся сравнительно недавно "огородных" наделах;
- во-вторых, совмещение фундаменталистских представлений о необходимости сохранения колхозов и совхозов с модернистскими представлениями о купле-продаже земли проистекает из признания возможной экономической модели, в которой совмещается многоукладность, в том числе государственная с частной собственностью.

Наконец, веским и действительно немаловажным аргументом против коммерциализации земли выступает опасение, что землю закупают не те, кто должен стать ее истинным хозяином, а те, кто желает быть владельцем земли, не обременяя себя при этом ответственностью быть кормильцем народа.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КУПЛЕ-ПРОДАЖЕ ЗЕМЛИ

Для географии представлений о купле-продаже земли были характерными: во-первых, высокая степень разнообразия и, во-вторых, парадоксальность, состоящая в том, что городские жители, в целом, больше, чем сельские, поддерживают идею свободной купли и продажи земли частными лицами.

Удельный вес противников частной собственности в сельской местности составлял в конце 1993 г. 55.3% и превосходил в четыре раза долю лиц с аналогичной установкой в поселках городского типа, в 1.6 раза - в городах нестоличного типа и, наконец, в два раза - долю среди столичных жителей.

За два года между парламентскими выборами доля сторонников свободной купли и продажи земли в частные руки поубавилась среди населения поселков городского типа на 7.3%, среди столичных жителей - на 5.4%, среди сельчан - на 3.6% и, наконец, в поселках городского типа - на 2.7%. В результате полярность позиций столичных и сельских жителей по вопросу о свободной купле и продаже земли несколько снизилась: по удельному весу сторонников этой идеи - с 26.8% до 25.0%, а по доле ее противников - с 28.2% до 20.3%.

МЕЖПОКОЛЕННАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ МНЕНИЙ О СВОБОДНОЙ КУПЛЕ И ПРОДАЖЕ ЗЕМЛИ

Как только правительство объявило о своей готовности передать землю в руки тех, кто на ней живет и кто ее обрабатывает, перед различными поколениями возникли совершенно новые задачи, которые на первых парах крутых демократических преобразований считались некоторым из них не под силу. На исходе 1993 г. почти три четверти молодежи поддержали идею о свободной купле и продаже земли, в то время как среди поколения преклонного возраста - лишь каждый третий. За истекшие два года межпоколенная разница стала еще более резкой. Если в 1993 г. разница между молодежью и теми, кому было за 60 лет, по доле сторонников купли и продажи земли составляла 39.8%, то в 1995 г. она возросла до 53.7%, а разница между долями противников частной собственности на землю так же возросла, соответственно, с 36.1% до 48.9%.

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Вирус позитивного отношения к свободной купле и продаже земли на исходе 1993 г. проник в сознание 55.3% русских. Среди нерусских народов этот вирус нашел несколько более скромное убежище. Идею частной собственности на землю одобрили лишь 45.8% нерусских.

Различия между русскими и другими народами по масштабам распространения среди них позитивных представлений о свободной купле и продаже земли за два года, хотя и незначительно, но возросли за счет сокращения размаха вариаций с 9.5% до 7.7%, а по масштабам негативных - с 9.1% до 8.2%.

РЕЛИГИОЗНОСТЬ

Менее всего поддерживали идею о свободной продаже земли в частные руки воинствующие атеисты, среди которых лишь каждые двое из пяти в 1993 г. и каждый третий в 1995 г. выразили согласие с возможностью перехода земли в частную собственность. И именно в этой атеистической среде был наиболее высоким удельный вес консервативных представлений: каждый второй - в 1993 г. и каждые двое из троих - в 1995 г. не поддерживали свободную куплю и продажу земли.

В целом же значение степени религиозности возрастало, о чем можно судить по увеличению дистанции между полярными группами. Размах вариаций за двухлетний период увеличился с 16.1% до 20.0% по долям лиц, поддерживающих куплю и продажу земли, и с 7.0% до 27.5% по долям лиц, не приемлющих передачу земли в частные руки.

ОБРАЗОВАНИЕ

В ряду демографических и социокультурных детерминантов два фактора - возраст и образование играли решающую роль в поляризации представлений и отношений граждан к коммерциализации земли. О роли возрастного фактора было сказано выше.

На исходе 1993 г. каждые двое их троих лиц, имеющих высшее образование, поддерживали свободную куплю и продажу земли. Доля лиц, поддерживающих эту точку зрения, была в 2.7 раза в 1993 г. и в 3 раза в 1995 г. меньше среди малограмотного населения.

Стабильно высокие показатели размаха вариаций по долям лиц, позитивно оценивающих свободную куплю и продажу земли, дают основание для вывода, во-первых, о сильном, во-вторых, о более устойчивом влиянии образовательного фактора по сравнению с религиозным на формирование отношения граждан к реформированию в аграрном секторе. Чем выше уровень образования, тем глубже убежденность в том, что земля должна быть предметом свободной купли и продажи. Разница по долям сторонников и противников этой идеи, составив, соответственно, 40.4% и 29.2% в 1993 г., осталась в 1995 г. на том же уровне (40.1% и 29.0%).

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

Состояние экономического и финансового положения семьи, форма собственности предприятия или организации, где респонденты заняты той или иной работой, а также качество жилья, бесспорно, находились в определенной связи с представлениями граждан о свободной купле и продаже земли. Во всяком случае, эта связь была более сильной, чем связь с национальной принадлежностью. Так, например, среди той части населения, экономическое и финансовое положения семьи которых за последний год "существенно улучшилось", доля сторонников перевода земли в частную собственность составляла в 1993

г. - 71.0%, а в полярной части населения, у которой экономическое и финансовое положение "существенно ухудшилось", удельный вес сторонников свободной купли и продажи земли был в 1.7 раза меньше и составлял 41.9%. Соответственно, доля противников перевода земли в систему рыночных отношений в первой части населения составляла 22.5% , что в 2.2 раза было меньше, чем во второй части населения.

Несмотря на то, что за два года между выборами в Федеральное Собрание России общая доля приверженцев перевода земли в свободную куплю и продажу сократилась, а доля противников этой идеи увеличилась во всех, без исключения, пяти группах населения, выделенных по критерию от "существенно улучшивших" до "существенно ухудшивших" свое экономическое положения, относительно высокие показатели размаха вариаций остались, по существу, без изменений, подтверждая закономерность в устойчивом влиянии экономического фактора на складывание соотношения между консервативными и реформаторскими убеждениями граждан. В самом деле, разница (размаха вариаций) по долям приверженцев коммерциализации земли в полярных "экономических" группах "сдвинулась" за два года с 29.1% до 31.0%, а разница между долями противников этой идеи - с 27.1% до 27.8%.

ЗЕМЛЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЭЛЕКТОРАТОВ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ДВИЖЕНИЙ

Наличие связи между различными вопросами, входящими в лоно экономической политики, вполне понятно и не требует особого акцентирования, хотя и не снимает задачи по ее выявлению и анализу. Совершенно иная природа и иные корни взаимосвязи между политическими и экономическими узловыми вопросами.

Не секрет, что именно эта корреляция представляет наибольший интерес для современных политиков, особенно в постоянно обостряющейся борьбе за голоса избирателей. Если лидеры партий и движений, кандидаты в президенты не будут глубоко и всесторонне знать экономические воззрения и представления своих потенциальных избирателей, они будут обречены на провал.

Эту аксиому надо глубоко осознать, особенно в связи с тем, что представления граждан по тем или иным экономическим вопросам меняются достаточно динамично. Пример тому - развитие представ-

лений электоратов относительно свободной купли и продажи земли частными лицами.

Действительно, если за период между двумя парламентскими выборами электорат КПРФ в своем отношении к коммерциализации земли путем перевода ее в частную собственность, значительно полевел за счет сокращения доли сторонников этой идеи с 50.7% до 28.2%, то электорат ЛДПР, напротив, столь же резко поправел, за счет расширения рядов приверженцев этой идеи с 27.6% до 48.9%. Зеркальной была динамика представлений противников свободной купли и продажи земли. Среди избирателей, отдавших свои голоса за Г.Зюганова, их доля возросла с 44.5% до 66.8%, а среди тех, кто проголосовал или собирался голосовать за В.Жириновского, эта доля, напротив, сократилась с 67.8% до 42.9%.

Не менее интересными, хотя и тектонически менее заметными, были сдвиги в экономических представлениях тех, кто поддержал на выборах демократически ориентированные "Выбор России" - "НДР" и Яблоко.

Доля сторонников свободной купли и продажи земли в рядах электората "Выбора России" - "НДР" упала с 70.4% до 66.9%, а в составе электората Яблока поднялась с 61.3% до 72.6%.

В результате сместились краски не только в "экономическом портрете" каждой из партий и блоков, но и произошла переакцентировка отношений между электоратами этих партий и движений по вопросу об отношении к частной собственности на землю. На исходе 1993 г. по разные стороны баррикады по вопросу о поддержке идеи свободной купли и продажи земли находились электораты ЛДПР и "Выбора России". В первом случае эту идею поддержали 27.6%, во втором - 70.4%. К исходу 1995 г. у разделительного барьера оказались электораты двух других политических объединений - КПРФ и Яблока. В то время, как среди избирателей, готовых отдать свой голос за Г.Зюганова, лишь немногим более четверти поддерживали свободную куплю и продажу земли, среди поклонников Г.Явлинского едва ли не каждые трое их четверых (72.6%) ратовали за углубление экономической реформы, в том числе за счет введения свободной купли-продажи земли и переводу ее в частную собственность.

Что же касается глубины раскола между электоратами 4-х рассматриваемых здесь политических объединений, то она, в целом, сохранилась, несмотря на то, что размаха вариаций по долям сторонников свободной купли и продажи земли возрос с 42.8% до 44.4%, а по долям противников сократился с 47.9% до 45.4%.

Раскол населения России по политическим и экономическим вопросам имеет различные уровни и различную глубину в зависимости от конкретных вопросов, по которым идет спор или по которым не достигнуто согласие сторон. Рассмотрим это на двух характерных примерах: на раскладе политических сил при голосовании за Ельцинскую Конституцию 1993 г. и при оценке курса его политики в конце 1995 г. в ходе предвыборной кампании. Среди тех, кто проголосовал за принятие этой Конституции, немногим менее, чем каждые двое из троих поддерживали идею свободной купли и продажи земли в частные руки, в то время, как среди тех, кто проголосовал "против", эту идею поддержал всего лишь каждый третий. Среди поддержавших Конституцию 1993 г. противники свободной продажи и купли земли составили 28.3%, что в 2.2 раза было меньше, чем среди тех, кто отверг Конституцию, проголосовав "против" ее принятия.

Как уже подчеркивалось выше, если бы мы взялись судить о расколе по оценкам гражданами того общего курса, в правильном или неправильном направлении идут дела в России, то у барьера оказались бы около двух третей населения, скорее всего оппозиционного нынешнему руководству, в том числе и президенту, и лишь каждый десятый отдал бы свой голос за то, чтобы дела в России шли той же дорогой, что и сейчас, на рубеже 1995 - 1996 гг.

Однако у указанного крупномасштабного тектонического раскола России, вызывающего тревогу за состояние политической ситуации и стабильности в стране, есть смягчающие обстоятельства. Они обусловлены тем, что общая оценка правильности или неправильности направления дел в России, как некая субъективная равнодействующая неких объективных факторов, складывается из суммы противоречивых взглядов, мнений, представлений и отношений граждан России к отдельным конкретным узловым экономическим и политическим вопросам. В этом, в частности, нетрудно убедиться, анализируя неоднозначное отношение двух групп населения, одна из которых убеждена в правильности направления движения России, тогда как другая настроена прямо противоположным образом. В составе первой группы, как и можно было ожидать, доля сторонников поддерживающих свободную куплю и продажу земли в частные руки, составляла 74.3% и была в 1.7 раза больше, чем доля аналогично настроенных граждан в составе второй группы. В рядах оппозиционно настроенных граждан она составляла 49.7% и была в 2.4 раза больше доли в рядах той группы населения, в представлениях которой дела в России шли в правильном направлении.

ВЫБОР ЛИДЕРОВ И ОТНОШЕНИЕ К ЗЕМЛЕ

В процессе утверждения новых правил игры в избирательной системе на первый план выдвигаются две проблемы - личность лидера, претендующего быть избранным в Госдуму или в президенты, и представления избирателей о качествах лидера, о его позиции и стратегических замыслах. Соответственно, для анализа актуальной становится увязка принципиального курса лидера с теми или иными конкретными вопросами, которые ждут своего решения.

В ходе предвыборной кампании в декабре 1995 г. каждый второй из избирателей в ответах на вопрос анкеты продемонстрировал свои симпатии лидеру-реформатору, обещавшему развивать Россию в ее теперешних границах. Немногим более, чем каждый четвертый, отдал свои симпатии лидеру консервативной закваски, обещающему восстановить СССР. И, наконец, значительная доля граждан - 23.1% не сумела определиться со своими представлениями по поводу предпочтительного лидера. Вполне закономерно, что среди избирателей, симпатизирующих лидеру-реформатору, оказалось 60.8% лиц, поддерживающих идею свободной купли и продажи земли, в то время, как среди потенциального электората лидера-консерватора доля сторонников указанной идеи о земле была почти в два раза меньше. Соответственно, в рядах электората консервативного толка удельный вес противников коммерциализации земли был в 1.7 раза больше, чем среди электората, настроенного на реформы и на лидера-реформатора. По мнению двух из пяти граждан, который во имя восстановления порядка в России установил бы с помощью армии и сил безопасности диктаторский режим, земля должна свободно покупаться и продаваться. Среди электората же ориентированного на иной тип лидера, в частности, на того, кто противостоял бы любой диктатуре, доля приверженцев свободной купли и продажи земли составляла 56.4%.

Приведенные данные показывают, что демократические убеждения в сфере политики и экономики имеют точки пересечения, хотя и не полностью совпадают. Искусство же претендентов в депутаты и в президенты состоит в том, чтобы умело вычислить ту субъективную равнодействующую, которая, в конечном счете, перед избирательной урной сыграет решающую роль в том, за кого отдаст свой голос избиратель.

КАК НАВОДИТЬ ПОРЯДОК?

По своим политико-правовым ориентациям электорат России в ходе двух предвыборных кампаний оказался разделенным на три не равных по величине группы.

Согласно представлениям одной из них необходимо было установить жесткий контроль Центра (Москвы), чтобы улучшить ситуацию в экономике. Удельный вес этой группы оказался почти без изменений, составив в 1993 г. - 17.7%, а в 1995 г. - 18.5%. Доля той части электората, которая находила более целесообразным для России распределение контроля на основе договоренности между Центром (Москвой) и регионами, сократилась с 38.3% до 34.3%. Идею создания сильных региональных администраций поддержали 32.8% и 29.0%.

В свою очередь, в первой группе, т.е. среди сторонников жесткого контроля Центра каждые двое из пятерых в 1993 г. и каждый третий в 1995 г. поддерживали идею свободной купли и продажи земли, а 46.9% в 1993 г. и 54.1% в 1995 г. не поддерживали эту идею. Во второй группе, склонной к распределению контроля между центром и регионами на основе договоренности, динамика представлений о купле и продаже земли выглядела иначе, чем в первой группе. Здесь, как показал опрос, удельный вес защитников свободной купли-продажи земли сократился с 60.3% до 57.6%, а доля противников этой идеи, напротив, возросла с 33.1% до 37.7%. И, наконец, в третьей группе, показавшей себя защитницей интересов регионов, доля приверженцев свободной купли и продажи земли сократилась с 59.0% до 52.0%, а противников - возросла с 35.1%, до 39.4%. В итоге поляризация по взглядам на коммерциализацию земли между группами с различными политико-правовыми взглядами возросла, в том числе по долям сторонников с 17.6% до 21.8%, а по долям противников с 13.8% до 16.4%.

СТОРОННИКИ И ОППОНЕНТЫ КУПЛИ И ПРОДАЖИ ЗЕМЛИ

Итак, для того, чтобы подвести некоторые итоги анализа, зададимся вопросом, состоялся ли выдвинутый во втором послании Президента лозунг "собственное хозяйство на собственной земле"?

Важнейшей предпосылкой его реализации является, конечно, введение института собственности на землю и свободная продажа и купля земли частными лицами. Неминуемый в связи с этим раскол в умах и в делах Россиян, в целом, состоялся. В связи с этим возникает, во-первых,

задача знать, хотя бы в первом приближении, обобщенные образы населения, готового принять президентский лозунг, и образы неготовых или несогласных, а, во-вторых, почему ностальгия по колхозно-совхозному строю оказалась сильнее ностальгии по частной собственности на землю.

В рядах сторонников свободной купли и продажи земли преобладали жители городов и, прежде всего, население, проживающее в Москве, в Санкт-Петербурге, столицах республик, краев и областей, молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет. Русские были представлены несколько чаще, чем нерусские. По степени религиозности в рядах сторонников чаще всего встречались "неверующие, но уважающие чувства тех, кто верует", и "верующие, но не соблюдающие религиозные обряды". По уровню образования в рядах сторонников преобладали люди со средним специальным и высшим образованием, по экономическому положению - те, чьи семьи за последний год "немного" или "существенно" поправили (улучшили) свое экономическое и финансовое положение, по сфере занятости - преимущественно те, кто имел свое дело, или же работал на предприятиях и в учреждениях с частной собственностью, по партийным и политическим предпочтениям - те, кто проголосовал или собирался отдать свой голос за НДР и, особенно, за Яблоко, или проголосовал "за" принятие Конституции 1993 г., по оценке общей ситуации - те, кто был согласен с осуществляемым курсом реформ и, соответственно, считал, что направление дел и направление движения России является правильным. Приверженцы свободной купли и продажи земли чаще симпатизировали таким типам политических лидеров, реформаторского и демократического толка, которые, во-первых, обещали развивать Россию в ее теперешних границах, во-вторых, противостояли бы любой диктатуре. Для наведения порядка в России по мнению большинства сторонников свободной купли и продажи земли необходимо было распределение контроля над страной на основе договоренности между центром и республиками (регионами).

Среди тех, кто не поддерживал идею свободной купли и продажи земли, преобладали сельские жители, люди среднего и особенно пожилого возраста. Представители нерусских народов были представлены несколько чаще, чем русские. По степени религиозности в рядах противников купли и продажи земли чаще других категорий встречались две крайние по взглядам группы: во-первых, воинствующие атеисты, считающие что с религией надо бороться, во-вторых, "верующие и соблюдающие религиозные обряды". По уровню образования в рядах противников преобладали малограмотные и люди, не

имеющие образования, по экономическому положению - те, у которых экономическое и финансовое положение их семей за последний год "существенно" или "немного" ухудшилось, по сфере занятости - главным образом те, кто работал на государственных предприятиях и учащиеся, по партийным и политическим предпочтениям - те, кто составлял устойчивый электорат КПРФ, или же проголосовал "против" принятия Конституции 1993 г., по общей оценке ситуации - те, кто считал, что Россия движется в неправильном направлении. Симпатии противников свободной купли и продажи земли были обращены в сторону лидеров консервативного толка, или обещающих своим избирателям "восстановить СССР", или же "установить с помощью армии и сил безопасности диктаторский режим во имя восстановления порядка в России".

Вместе с тем для наведения порядка в России, оппоненты свободной купли и продажи земли считали наиболее целесообразным установление жесткого контроля Центра (Москвы) над регионами.

Какими бы совершенными ни были предлагаемые теоретиками и идеологами модели демократически устроенного государства, они не станут эффективными до тех пор, пока не будут подкреплены политической культурой общества и не найдут адекватного отражения в представлениях граждан. Без преувеличения можно сказать, что подобно тому, как отмена 6 статьи Конституции СССР о "руководящей и направляющей силе советского общества, ядре его политической системы" означала смертельный удар по монополии власти КПСС и одновременно удар по тоталитаризму, аналогично принципиальное значение имеет вопрос о частной собственности на землю. Свершится экономическая реформа, или останется замороженной, во многом зависит от того, найдет ли понимание в общественном мнении вопрос о частной собственности на землю, вопрос об ее свободной купле и продаже.

Вопрос этот чрезвычайно труден. И хотя дело сдвинулось с мертвой точки, о чем свидетельствуют вышеприведенные данные, в том числе уже состоявшийся раскол общества на сторонников и противников свободной купли и продажи земли, еще рано говорить о полной готовности граждан России принять аграрную реформу и следовать курсом коммерциализации земли.

Итоги представительных опросов, а также созданные на их основе типы консервативно и реформаторски настроенных граждан дают основание для вывода о том, что значительная часть граждан России, не отвергая необходимости реформ и не требуя возврата в "развитой социализм", постепенно теряет веру в созидательную энергию

рынка. По мере того, как становится очевидной буксовка аграрной реформы, тяжелый труд в аграрном секторе, в настроениях и представлениях граждан падает вера в демократические преобразования и происходит откат от реформаторских к консервативным идеям.

- ¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. Об укреплении Российского государства. (Основные направления внутренней и внешней политики) М., 1994. С. 59; Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. О действенности государственной власти в России. М., 1995. С. 15; Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию // Российская газета. 1996. 27 февраля.
- ² Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. Об укреплении Российского государства. (Основные направления внутренней и внешней политики) М., 1994. С. 59;
- ³ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. О действенности государственной власти в России. М., 1995. С. 15;
- ⁴ Там же. С. 24.
- ⁵ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию // Российская газета, 1996. 27 февраля.
- ⁶ Горбачев М. Жизнь и реформы. Книга 1, М., 1995. С. 529.

Прошли выборы в Государственную Думу. Наступил 1996 г., а вместе с ним новая предвыборная гонка.

В риторике так называемого "Красного пояса" половодьем разлившейся по каналам российского телевидения и усиленно педалируемой наиболее радикальными функционерами из Ельцинского окружения и из правящей верхушки НДР отнюдь не зазвучали примиренческие, соглашательские ноты, которые так щедро были обещаны российским гражданам из текста Договора об общественном согласии.

Скорее наоборот, с началом предвыборной кампании Ельцина в назойливых итогах, подводимых беспристрастными телевизионными аналитиками, естественно зазвенели конфронтационные акценты. Вместо мирных флейт, ударили боевые барабаны. На хилые всходы политической культуры новоиспеченного российского избирателя обрушилась мощная волна антикоммунистической истерии. Мобилизационный расчет был предельно прост, как натянутая тетива. Или победа Ельцина и вместе с ней стабильность, мир и покой, или победа Зюганова и тогда - гражданская война. На задний план отошли и остались в тени более значимые, чем Ельцин-Зюганов, линии раскола общества, разъединения граждан, например, чеченская линия.

НОВЫЕ ВРЕМЕНА - НОВЫЕ РАСКОЛЫ

Между тем, наряду с такими дихотомиями, как демократы-коммунисты, модернисты-консерваторы, белые-красные, молодые-пожилые, интеллектуалы-малограмотные, раскол общества пролег еще по одной шкале - сверхбогатые-бедные. Эту шкалу порой не без оснований модифицируют по континууму на тех, кто наворовал и на тех, кто оказался обворованным.

В связи с этим представляется далеко не безынтересным проследить за остающимися в тени виражами общественного мнения по вопросу о состоявшемся и грядущем разделении общества на богатых и бедных, и соответственно по вопросу о функциональной роли государства в деле вмешательства (или невмешательства) в размеры доходов особо богатых граждан.

Этот вопрос далеко не праздный, и практически затрагивает фундаментальные основы экономической жизни и реформы, перехода от плановой к рыночной экономике, и как опредмеченный итог этого перехода - создание нового класса, который вместо класса буржуазии то стыдливо, то блудливо именуется маловразумительным термином "новые русские". Певцы этой новой прослойки сквозь пальцы смотрят на источники доходов новых русских и по сути дела оправдывают любые способы их обогащения, вплоть до незаконных.

"Если мы сейчас мобилизуем общественное мнение против так называемого криминогенного бизнеса, - пишет один из добровольных адвокатов новых русских, - то мы можем заодно с водой выплеснуть и ребенка, зарождающееся всеми правдами и неправдами частное предпринимательство" ¹. Однако, как справедливо было замечено, если зарождение предпринимательства и формирование новой прослойки богатых будет допустимо не только правдами, но и неправдами, т.е. криминальными способами и средствами, то неизбежно возникает вопрос о том, как относиться общественному мнению и протестному народному движению, которые будут подпитываться трагически известной из нашей истории формулой "экспроприация экспроприаторов".

Исторический опыт Запада и антиисторический опыт постимператорской России дают в этом отношении весьма поучительные уроки: "Каковы методы накопления капитала, таково и отношение к нему" ². Нравственно ли и логично ли будет требовать от народа не посягать на сверхдоходы богатых, если эти доходы были нажиты нечестным путем, например, циничной монополией цен на лекарства..., можно ли будет остановить народ, если он ринется в движения за экспроприацию неправедного капитала, сколоченного в смутное время Чубайсовской приватизации? Этот вопрос - далеко не риторический.

РАЗМЕРЫ ДОХОДОВ. НУЖНЫ ЛИ ОГРАНИЧЕНИЯ?

В нормальном демократическом государстве вряд ли уместна сама постановка вопроса о вмешательстве государства в размеры доходов граждан. В самом деле, как прямолинейно говорил генерал, выставивший свою кандидатуру на пост президента России, - "глупо запрещать людям богатеть и торговать. Но можно и нужно, - строго продолжал

он, - запрещать людям воровать и богатеть бесчестно"³. Но мы пока еще находимся в переходном состоянии, поэтому не вправе именовать себя нормальным государством. И поэтому мысли, убеждения и представления граждан отражают именно переходное время. При этом, судя по установкам на право государства устанавливать ограничения над размерами доходов особо богатых граждан, мы находимся в плену у прошлого более прочно, чем в лоне будущего. Оставим в стороне вопрос: "А судьи кто?" по поводу путей обогащения. Обратимся к тому, что думает народ.

СДВИГ ВЛЕВО ИЛИ ДАНЬ БУДУЩЕМУ?

В декабре 1995 года, накануне вторых парламентских выборов многим более, чем каждый четвертый гражданин России, как бы освободившись от тяжкого наследия прошлого, полагал, что у государства нет оснований ограничивать размеры доходов особо богатых граждан. Доля же второй категории граждан с прямо противоположным взглядом составляла 58.4% и, как видно, вдвое превышала по количеству категорию первую. Еще 14.3% граждан не сумели определиться в своей позиции в этом деликатном и необычном вопросе, или же отказались на него отвечать. Конечно, два года для анализа и для выводов - срок весьма непродолжительный. Тем не менее тенденция "полевения" российского социума по вопросу об имущественной дифференциации - налицо. Доля сторонников государственной регламентации доходов богатых граждан за два года увеличилась на 5.6%, а доля противников подобного вмешательства, наоборот, сократилась на 8.8%. В итоге произошла некоторая перегруппировка сил и мнений по отношению к имущественной поляризации российского общества. Если в 1993 г. доля граждан с консервативно-запретительной установкой превышала долю граждан с демократически-разрешительными взглядами в полтора раза, то в 1995 г. это преобладание возросло до двух раз (см. табл. 1).

Таблица 1

Изменение отношения граждан России к вмешательству государства в регулирование размеров доходов богатых граждан (в % по итогам опросов в 1993 и 1995 гг.)

Должно ли государство ограничивать размеры доходов богатых граждан?	1993	1995	в 1995 к 1993
Да, должно	52.8	58.4	+5.6
Нет, не должно	36.1	27.3	-8.8
Затрудняются ответить	11.2	14.3	+3.1

ГЕОГРАФИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ГРАЖДАН ОБ ИМУЩЕСТВЕННОЙ ПОЛЯРИЗАЦИИ

Особенно заметно имущественная поляризация вызывала недовольство в городах: в столицах республик, краевых и областных центров для лиц, считающих, что государство обязано ограничивать размеры доходов богатых граждан, возросла на 9.0%, в поселках городского типа - на 8.5%, в остальных городах - на 6.3%. Лишь сельские жители, изначально негативно относящиеся к либерализации отношения государства к крупным состояниям, прореагировало относительно слабо. Видимо сказалось то, что отсутствие права на частную собственность на землю не дает развернуться новым русским сельского бизнеса. Тем не менее размах вариации между столичными и сельскими жителями в 1993 г. и между столичными жителями и обитателями поселков городского типа в 1995 г., сократился за два года с 17.4% до 12.6%.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ВОДОРАЗДЕЛ

Несмотря на то, что за два года возросли сторонники государственного ограничения размеров доходов богатых граждан во всех возрастных группах, разрыв между поколениями не только сохранился, но чуть-чуть возрос.

Размах вариации между теми, кому в 1993 г. было 18-20 лет и кому перевалило за 60 лет, возрос за истекшие два года с 36.1% до 39.0%.

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ: РАЗЛИЧИЕ БЕЗ РАДИКАЛИЗМА

В складывании представлений об отношении государства к размерам крупных доходов национальный фактор проявлял себя слабо, почти "не работал". Радикального разъединения между народами не было. В 1993 г. легкий консерватизм нерусских национальностей сменился в 1995 г. не более заметным консерватизмом русского населения. В первом случае незначительное преобладание доли нерусского населения, отдавшего голос за государственное ограничение размеров доходов богатых граждан, сменилась обратной пропорцией: преобладанием русских, полагающих, что государство должно ограничивать доходы особо богатых граждан.

РЕЛИГИОЗНОСТЬ. СБЛИЖЕНИЕ КРАЙНОСТЕЙ

Религиозность в целом слабо взаимосвязана с представлениями граждан о функциональной роли государства в деле ограничения дохо-

дов богатых граждан. Обращает на себя внимание близость политических установок полярных по степени религиозности групп населения, тех, в частности, истинно верующих, кто "верует и соблюдает религиозные обряды" и тех атеистов, кто считает, что "с религией надо бороться". Именно в этих противоположных по степени религиозности группах наблюдается самый высокий удельный вес приверженцев усиления ограничительных функций государства в политике доходов граждан и блокирования дальнейшей поляризации российского общества на богатых и бедных. Скорее всего в одном случае эта одинаковая "строгость" идет от христианских, в другом - от коммунистических догм.

ОБРАЗОВАНИЕ: РАДИКАЛИЗАЦИЯ ПОДХОДОВ

Повышение образовательного уровня, как правило, решительно освобождает граждан от ожиданий усиления функциональной роли государства в деле регулирования доходов даже особо богатых граждан.

Почти каждые двое из троих неграмотных и малограмотных в декабре 1993 г. сказали, что государство должно ограничивать размеры доходов богатых граждан.

Среди лиц с высшим и незаконченным высшим образованием доля подобным образом настроенных граждан была в 1993 г. в полтора раза, а в 1995 году в 1.7 раза меньше. Размах вариации между полярными по уровню образования группами за истекшие два года увеличился с 19.8% до 32.3%. Это означает, что вместе с демократизацией общества понимание нежелательности вмешательства государства в имущественные дела граждан, в том числе в регулирование доходов особо богатых, росло прежде всего среди образованных слоев населения. Надежда умирает последней. Среди слоев населения с высшим образованием надежды на реформы сохраняются дольше, чем среди малограмотных.

УЛУЧШЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ - ФАКТОР ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Как и следовало ожидать, отношение к политике невмешательства (или вмешательства) государства в доходы особо богатых граждан в значительной мере зависело от состояния экономического положения различных слоев населения. Улучшение экономического и финансового положения, естественно, способствовало формированию положительных установок о невмешательстве государства в доходы граждан. Именно в благополучных в этом отношении, семьях доля лиц, считающих, что государство должно ограничивать доходы бога-

тых граждан, было в 2.1 раза в 1993 и в 2.0 раза в 1995 году меньше, чем в семьях, чье экономическое и финансовое положение в течение последнего года ухудшилось. И несмотря на то, что за два года число сторонников вмешательства государства в политику доходов в той или иной мере возросло во всех слоях населения, существенная разница между "улучшившими" и "ухудшившими" свое экономическое положение осталась, даже чуть-чуть увеличилась: с 33.4% в 1993 г., до 35.4% в 1995 году.

Нарастание разрыва между "улучшившими" и "ухудшившими" свое экономическое положение ведет к конфронтации и росту социального напряжения. И чем больше разрыв, тем сильнее тревога и конфликтное напряжение. В литературе отмечалось, что в 1992 г. доходы 10 процентов одной части населения в 5 раз превышали доходы 10 процентов его другой части, а к середине 1993 г. этот разрыв стал десятикратным ⁴. Опасность нарастающего раскола нельзя недооценивать, если принять во внимание, что официальная статистика регистрирует лишь надводную часть айсберга.

ДОХОДЫ ГРАЖДАН В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РАЗЛИЧНЫХ ЭЛЕКТОРАТОВ

Поддержка демократов или коммунистов во многом будет зависеть от того, какую роль и те и другие отводят государству, в том числе в деле вмешательства государства в политику доходов и расходов населения. Более половины (55.3%) прокоммунистически настроенного электората в декабре 1993 года была уверена в том, что государство должно ограничивать доходы богатых граждан. Через два года, накануне выборов 17 декабря 1995 г. подобную позицию занимали уже каждые четверо из пятерых, решивших голосовать за КПРФ.

Полярной позиции, к примеру, придерживались избиратели из электората Яблока, в котором лишь двое из пятерых допускали возможность вмешательства государства в размеры доходов богатых граждан. Через два года электораты еще более поляризовались, и практически оказались по разные стороны баррикад. Размах вариации между электоратами Зюганова и Явлинского по отношению к ограничительным функциям государства в сфере доходов увеличился более чем в 3,5 раза с 10.6% до 37.9%. Иными словами коммунисты остались коммунистами, а яблочники - яблочниками. Конфронтация между указанными электоратами свидетельствует не только об углубляющемся расколе российского общества, но и о бесперспективности каких-либо коалиций между партиями, находящимися на разных по-

литических полюсах по вопросам экономической реформы, рыночной экономики и имущественной поляризации граждан.

Истоки этой политической поляризации коренятся в вопиющем несоответствии, которое складывается, во-первых, между богатыми и бедными (богатые богатеют, бедные становятся еще беднее), во-вторых, между накоплением богатств в руках узкой прослойки населения и затухающей экономикой. Понятно, что обогащение одних граждан за счет других в условиях провала экономических реформ, формирует негативное отношение и к богатым и к реформам.

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА. КОНСТИТУЦИЯ И ДОХОДЫ

Едва ли не одним из важнейших достижений демократов, было разоблачение пороков советской системы и воспитание российских граждан в непривычном для них духе критического восприятия самой власти и правил игры, внедряемых властями. Преодолевая былой страх перед партийными и государственными органами, респонденты в ходе опроса в большинстве случаев смело отвечали на самые "антигосударственные" вопросы, в том числе на вопросы о том, собираются ли голосовать за Конституцию. При советской власти подобные "антисоветские" ответы были недопустимы, как и недопустимы соответствующие опросы и вопросы. Сравнение итогов предвыборного и поствыборного опросов в 1993 г. позволило зафиксировать относительно устойчивую связь между отношением граждан к принятию Конституции и вмешательству государства в сферу регламентации доходов разбогатевших сограждан. Среди тех, кто накануне выборов был настроен голосовать против принятия Конституции, почти две трети (60.7%) считали, что государство должно ограничивать особо крупные размеры доходов. И, напротив, среди сторонников принятия Конституции лишь каждый второй "выступал" за введение государственных санкций для ограничения доходов богатых граждан. Поствыборный опрос, как видно из данных опросов не внес поправок в сознание и в позиции граждан. Взаимосвязь между отношением к принятию Конституции и функциональной роли государства в сфере политики доходов осталась прежней.

Совпадение психологической готовности граждан голосовать "или "не голосовать" за принятие Конституции 1993 г. с их реальным поведением (непосредственным опусканием бюллетеня в урну) выводит нас на более широкую проблему взаимоотношения и взаимодействия власти и общества. Совпадение установок граждан "не голосовать", с реальным "не голосованием" и далее с установками по расширению функции государства по ограничению размеров дохо-

дов дает основание о складывании реальной, вполне осознанной оппозиции правящему режиму и курсу его политики.

КУРС РОССИИ И КУРС РЕФОРМ

Формирование открытого недоверия к демократам, выразившееся в 1993 г. в форме неприятия Конституции значительными слоями населения подтвердилось в 1995 г. неприятием того курса, как нового направления, по которому идет Россия. И, вновь, как и два года назад, именно среди той части населения, которая признавала направление дел в России неправильным, оказалась значительная доля лиц (67.0%), считающих, что государство должно и обязано ограничивать доходы богатых граждан. Среди тех же демократически настроенных граждан, которые полагали, что дела в России идут в правильном направлении, доля сторонников "вмешательства" государства в регулирование размеров доходов, оказалась почти в два раза меньше.

ЛИДЕРЫ И ДОХОДЫ ГРАЖДАН

В ряду определителей и критериев политической позиции граждан важное значение имеют их представления об узловых проблемах страны и о лидерах, способных распутывать туго затянутые узлы.

Не удивительно, что на исходе 1995 г. каждый пятый избиратель России, доведенный до отчаяния криминальным беспределом и угрожающе растущей нищетой и имущественной дифференциацией, готов был поддержать лидера, который во имя восстановления порядка в стране, установил бы с помощью армии и сил безопасности диктаторский режим. В то же время немногим более половины граждан (51.8%), несмотря на колоссальные трудности и лишения, готовы были противостоять любой диктатуре, считая, что свобода важнее и превыше всего. И, наконец, еще одна категория граждан (26.4%) не смогла определить своего отношения к выбору лидеров по предложенной дихотомии: диктатор-демократ. При этом оказалось, что ориентации на демократию более тесно сопряжены с политикой невмешательства государства в размеры доходов граждан, а ориентации на диктатуру - с представлениями о том, что государство должно ограничивать доходы богатых граждан. Среди первой категории граждан удельный вес лиц, не приемлющих вмешательство государства в определение размеров дохода богатых граждан, был в 2 раза больше, чем среди второй категории.

ПОРЯДОК В СТРАНЕ И ДОХОДЫ БОГАТЫХ

Связь между представлениями о сильном лидере и сильной власти, понимаемой как укрепленная регулирующая функция государства в области политики доходов, в определенной степени коррелирует с вполне значимой связью еще по одной линии: сильный контроль Центра (порядок в России) и - вмешательство государства в политику доходов. О неоднозначном и более или менее устоявшемся отношении граждан к распределению контроля между центром (Москвой) и периферией (регионами) свидетельствуют их мало изменившиеся представления о путях наведения порядка в России. За установление жесткого контроля Центра, или, иными словами, за путь, чем то напоминающий путь к тоталитаризму, высказались едва ли не каждый пятый взрослый житель России. За прямопротивоположный, антитоталитаристский способ установления порядка путем децентрализации (усиления региональных администраций) высказалась в 1993 г. треть взрослых России. При этом за два года доля тоталитарно настроенных граждан осталась на прежнем уровне (рост составил 0.8%), удельный вес противников тоталитарного порядка сократился почти на 4%, (с 32.8% до 29.0%).

"Золотая середина" между указанными крайностями составила соответственно 38.3% и 34.3%. Это были в основном трезвомыслящие люди, придерживающиеся компромиссной точки зрения, и полагающиеся, что оптимальным способом достижения мира, согласия и порядка в России является распределение контроля по договоренности между центром и регионами (см. табл. 2).

Таблица 2

Как наводить порядок в России (в % по итогам опросов в 1993 и 1995 гг.)

Как следует наводить порядок в России	1993	1995	в 1995 к 1993
Необходим жесткий контроль Центра (Москвы)	17.7	18.5	+0.8
Необходимо распределение контроля на основе договоренности между Центром и регионами	38.3	34.3	-4.0
Необходимы сильные региональные администрации	32.8	29.0	-3.8
Затрудняюсь ответить	11.3	17.4	+6.1

Среди первой категории граждан с большим допуском поименованными тоталитаристами, доля лиц, убежденных в необходимости ограничительных мер со стороны государства по размерам доходов богатых граждан, возросла за два года с 63.5% до 74.2%. Противо-

речивой оказалась тенденция развития представлений граждан с анти-тоталитарными установками. Вопреки логике их демократической по сути позиции, среди них, также, как и среди первой категории с полярной позицией, возросла доля (с 49.2 до 57.7%) лиц, отдавших свои голоса (ответы) за усиление регулятивных функций государства в политике доходов граждан. И только в третьей, промежуточной категории граждан, отличающихся консенсусными установками по поводу взаимоотношений между Центром и регионами представления о политике доходов остались в целом неизменными.

ОГРАНИЧЕНИЕ ДОХОДОВ: ПОРТРЕТЫ СТОРОННИКОВ И ПРОТИВНИКОВ

Итак, итоги представительных опросов позволяют выделить две неравные по масштабам категории граждан с установкой на сильную и не-сильную власть в сфере государственного вмешательства в определение доходов богатых граждан. И хотя первые вдвое больше вторых, все же имеет смысл попытаться воспроизвести обобщенный (совокупный) социологический портрет каждой категории.

Сторонники сильной государственной власти, выступающие за ограничение доходов богатых граждан, преобладают среди сельского населения, а также среди жителей поселков городского типа. Как правило, люди с подобными взглядами встречаются чаще в средних и пожилых поколениях, по крайней мере среди тех, кому перевалило за 40 лет, среди неграмотного и малограмотного, а также среди лиц, имеющих неза-конченное или законченное среднее образование, среди тех, у кого "немного" или "существенно" ухудшилось экономическое и финансовое положение семьи за последний год, среди электоратов КПРФ и ЛДПР чаще, чем среди избирателей, отдавших свои голоса "Выбору России", НДР и Яблоку; среди непринявших Конституцию 1993 г. чаще, чем среди проголосовавших "за", среди тех, кто считал, что в России дела идут в неправильном направлении, среди тех, кому больше импонировал жесткий контроль Центра и лидер, готовый диктаторскими методами восстановить порядок в России.

Значение этого социологического портрета трудно переоценить, если иметь ввиду, что представления людей этой категории, выступающих за усиление регулирующей роли государства, направлена, в целом, не против реформ вообще, а против их негативных последствий. Ценность этих представлений состоит в том, что они совпадают с квалифицированным мнением знающих экспертов. Для того, "чтобы избавиться от инфляции, бюджетного дефицита и внешней задолженности, трех основных текущих зол нашего кризиса, - пишет С.С.Дзарасов, - нет другого способа, кроме административного регулирования

цен и доходов" ⁵. Совпадение представлений широких слоев населения о политике доходов и экспертной оценки известного специалиста говорит о том, что правительство должно серьезно отнестись к мнениям граждан о политике доходов. Однако понимание этой ситуации и доброй воли правительства, конечно, недостаточно. И вопрос смещается в иную плоскость. Насколько правительство и население готовы, понимая друг друга, взять на себя бремя контроля над доходами, чтобы дышать стало легче, чтобы складывающаяся имущественная дифференциация меньше давила на психику.

Сторонники слабой государственной власти, убежденные в том, что государство не должно вмешиваться в определение размеров доходов богатых граждан, занимают относительно высокий удельный вес среди населения в столицах республик, краевых и областных центрах, крупных и средних городах нестоличного типа, среди молодежи (до 30 лет) чаще, чем среди пожилых и среди лиц среднего возраста, среди лиц с высшим и незаконченным высшим образованием чаще чем среди населения с более низким уровнем образования, среди тех, у кого "существенно" или хотя бы "немного" улучшилось экономическое и финансовое положение семьи за последний год; среди сторонников демократических партий и блоков ("Выбор России", НДР, Яблоко) чаще, чем среди электоратов Г.Зюганова и В.Жириновского; среди поддержавших Конституцию 1993 г. больше, чем среди тех, кто собирался проголосовать "против" и проголосовал "против" этой Конституции, среди тех, кому по душе был курс внутренней политики, и кто соответственно считал, что дела в России идут в правильном направлении; среди тех, кто противостоял любой диктатуре и считал необходимым создание сильных региональных администраций.

Среди русского народа и нерусского населения доли сторонников и противников сильной государственной власти в сфере доходов распределены поровну, что дает основание для важного вывода о том, что в понимании поляризации нынешнего российского общества как угрозы стабилизации ситуации в стране, национальный фактор в целом не разделяет людей, не разводит их по разные стороны политической баррикады.

ТУПИКИ ИМУЩЕСТВЕННОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

Признание более чем каждым вторым гражданином России необходимости государственного ограничения доходов богатых граждан не случайно. Прямо или косвенно, сознательно или интуитивно, но подобные установки отражают назревающий протест граждан на происходящую на глазах имущественную поляризацию, что в потенции несет в себе семена будущих социальных конфликтов под лозун-

гом "экспроприации экспроприаторов". В более широком смысле задача государства по ограничению доходов особо богатых граждан проистекает из метастазов кризисных явлений, которыми поражено российское общество.

Социальные метастазы, т.е. дальнейшая беспредельная дифференциация общества на сверхбогатых и очень бедных, чреваты крупными потрясениями. Уроки российской истории в этом смысле весьма поучительны: от крестьянских бунтов до Октябрьской революции. Значит в противовес этим кризисным явлениям нужны экстренные и неординарные меры по разрешению или хотя бы по смягчению тенденций социальной поляризации. Такой мерой, могло бы стать некое общественное согласие (своего рода "социальный пакет")⁶ по вопросу корректировки отношений между предпринимателями основных отраслей хозяйства и по вопросу политики доходов и сверхвысоких расходов граждан.

Нарастающая доля граждан, считающих, что государство должно ограничивать доходы особо богатых граждан, означает не только отрицание политики невмешательства государства, но и отказ от "шоковой терапии", частью которой является политика невмешательства. В отличие от частного сектора акцентированное внимание государства должно быть переключено в государственный сектор. Наряду с этим перед правительством встает ряд задач, в том числе по предотвращению дальнейшей поляризации имущественного неравенства и криминализации общества. Снять нарастающее напряжение может только дальнейшая демократизация общества, сопровождаемая повышением функциональной роли государства в проведении разумной налоговой политики, воздвигающей барьеры на пути несправедливого обогащения.

Речь идет об установлении такой демократии, от утверждения которой государство не слабеет, а усиливается в части гарантирования населению справедливости, социальных и гражданских прав.

¹ Независимая газета. 1992. 22 декабря.

² Дзарасов С.С. Российский путь: либерализм или социал-демократизм., М., 1994. С. 124-125

³ Александр Лебедь. "Надоело быть нищим в Стране дураков". Аргументы и факты. 1996. Июнь. №24(817)

⁴ Дзарасов С.С. Российский путь: либерализм или социал-демократизм., М., 1994. С. 236.

⁵ Дзарасов С.С. Российский путь: либерализм или социал-демократизм., М., 1994. С. 257.

⁶ Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. М., 1996. С. 330.

КТО ВИНОВАТ?

Полное выяснение причин и обстоятельств ошеломительного распада Советского Союза - дело будущего. Без преувеличений сказано, что этот "эпохальный катаклизм глобального масштаба", станет "благодатной почвой для научной деятельности ни одного поколения историков" ¹.

Но уже сейчас есть основание не соглашаться с теми, кто пытается обосновать концепцию его самораспада. Так, например, Б.Н.Ельцин, анализируя невероятное, с его точки зрения, событие, случившееся в августе 1991 года, когда "ельцинская" Россия заняла место Советов в международной политике" ², с неподдельной искренностью перечисляет многих крупнокалиберных политиков Запада, оказавших ему "моральную поддержку".

Предвыборное состязание между Г.Зюгановым и Б.Ельциным не случайно журналисты именовали "схваткой титанов". Дотошно перечисляются плюсы и минусы каждого из них. Однако то, что относится к "плюсам" не всегда является действительным плюсом. Так, например, по мнению некоторых журналистов главный конек т.Зюганова - это глубокая ностальгия по бывшему Союзу ³. Бесспорно, тоска значительной части избирателей по временам прошедшим имеет место. Но не тоска по Союзу и ностальгия по Советской власти является основой движущей силой нынешнего электорального поведения граждан. В электоратах других партий, в т.ч. ЛДПР, Яблоко и даже проправительственной НДР - тоже есть не малая доля лиц, испытывающих тоску по спокойным, прежним временам. Сильнее тоски, видимо, действуют и иные факторы, например, неудовлетворенность нынешней ситуаций в стране и еще больше собственным социально неус-

тойчивым статусом и зыбким материально-финансовым положением. Равнодействующей же многих объективных и субъективных факторов, в числе которых, бесспорно, и ностальгия, выступает деинфантилизация - попытки каждого разбуженного демократизацией избирателя своим голосом повлиять на судьбу страны.

РАСПАД СОЮЗА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ГРАЖДАН

Великие державы не исчезают сами по себе и бесследно. Пять лет, минувших после развала СССР - слишком короткий исторический срок, чтобы искоренить фундаментальную приверженность большинства граждан постсоветской России к многовековой истории к совместно прожитой жизни и совместно разделяемым ценностям. Устойчивым элементом мироощущения россиян продолжает оставаться сомнение или неверие в самоизоляцию народов и в изоляцию России от внешнего мира. Более того, раскрепощение инициативы и духа россиян, деинфантилизация, осознанное участие в двух парламентских выборах, свидетельствуют о том, что редуют и без того жидкие ряды тех, кому на первых порах развал Союза показался хоть в чем-то привлекательным или полезным.

НЕОБРАТИМОСТЬ И НАРАСТАЮЩИЙ ДЕРЖАВНЫЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ

В отличие от декабря 1993 г., когда каждый пятый респондент признал распад Союза полезным или скорее полезным, чем вредным, через два года, во время очередных выборов в Федеральное Собрание, лишь немногим более чем каждый десятый сохранил и подтверждал подобную убежденность. Доля тех же, кто признавал распад Союза скорее вредным, чем полезным или безоговорочно вредным, за этот же двухлетний промежуток возросла с 69.8% до 77.2% (см. табл. 10). Вполне закономерно, что на выборах оба раза успеха добились те партии, блоки и политические движения, которые сделали вопросы интеграции или частичной реинтеграции главными сюжетами своей предвыборной кампании.

И сегодня, весной 1996 г., даже трудно себе представить чем и как можно уговорить и привлечь на свою сторону поумневших избирателей России, если не включить в предвыборную президентскую программу те или иные концепции, схемы или планы интеграции.

Возвращенный гражданам России красный флаг - это не только дань 50-летию юбилею великой победы над фашизмом, не только признание исторической ошибки радикал-демократов по девальвации ценностей бывшего Союза, но это и показатель страха президентской команды перед собственным пробуждающимся народом, у которого она пыталась отнять право на историю и право на гордость своей страной. Возвращение флага - это не только новый символ, случайно найденный в предвыборной горячке, это вынужденный ответ на пробуждающееся политическое самосознание россиян и попытка повлиять на поведение граждан перед избирательными урнами.

Протрезвление наступает и в рядах российской интеллигенции, значительная часть которой наивно понадеялась, что согласившись с Западом на развал великой державы, Россия едва ли не автоматически получит полноценную демократию, гарантированную защиту прав человека, обустроенные рыночные отношения и чуть ли не всеобщее благоденствие. Увы, авансы, выданные за участие в развале Союза, оказались не оплаченными. Интеллигенция очередной раз, купившись на дешевые лозунги политиков не самого высокого класса, обожглась. И уже во многих газетах нарастает волна новой агитации за восстановление чего-то подобия Советского Союза. "Уверен, - анализирует предвыборную ситуацию В.Третьяков, что не менее трети голосов на думских выборах коммунистам обеспечило как раз то, что они не стеснялись признаться в любви к СССР, то есть, как ни крути, к Родине".⁴ Нетрудно себе представить, что в предвыборной гонке за кресло Президента вплоть до июня 1996 г. в программу многих конкурентов, и прежде всего основных, будет включен вопрос об интеграции и частичном восстановлении Союза.

Таблица 1

Отношение к распаду Союза
(в % по итогам опросов в 1993 и 1995 гг.)

Как расценивают распад Советского Союза?	1993	1995
Он был полезен	9.5	4.8
Он был скорее полезен, чем вреден	11.2	8.6
Он был скорее вреден, чем полезен	19.7	21.2
Он был вреден	50.1	56.0
Затрудняются ответить	9.6	9.3

ГЕОГРАФИЯ ДЕРЖАВНОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА

Менее всего распадом Советского Союза были обеспокоены жители в Москве, Санкт-Петербурге, столицах республик, краев и областей.

На исходе 1993 г. каждому четвертому жителю этих городов распад Союза представлялся абсолютно полезным, или скорее полезным, чем вредным. В сельской местности подобная установка имела гораздо более ограниченные (почти в два раза) масштабы. Сельское население, в отличие от части столичного, не сомневалось в негативных последствиях развала великой державы. Видимо, помогал здравый смысл и слабая эйфория от грядущей демократии.

Два года горьких разочарований от того, что бывшие советские люди разбежались по независимым странам, а ожидаемое благоденствие так и не наступило, сделали свое дело. В столицах доля приверженцев распада Союза сократилась на 5.8%, в остальных городах (не столицах) - на 9.2%, в поселках городского типа - на 9.4%, в деревнях - на 6.5%. Соответственно, расширились группы населения, сожалеющего о распаде Союза.

В 1995 году по сравнению с 1993 г. доля тех, кто признал распад вредным или скорее вредным, чем полезным, возросла в столицах с 65.8% до 73.2%, в отдельных городах - с 67.9% до 76.3%, в поселках городского типа - с 77.1% до 82.0%, и, наконец, в сельской местности - с 75.4% до 82.4%.

Кажется, сегодня всем должно быть ясно, что без учета этой критической настроенности граждан постсоветской России, проявляющей себя в виде укоренившейся ностальгии по великой державе, идти на президентские выборы нельзя. И перед имиджмейкерами и спичрайтерами президентской команды будет стоять задача невероятной сложности, как оправдать его личное участие и его деятельность по развалу Союза с новыми заботами по его хотя бы частичной реанимации.

МЕЖПОКОЛЕННЫЕ КОЛЛИЗИИ ДЕРЖАВНОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА

Распад Союза нашел неодинаковый отклик в разных поколениях граждан России. Легче всего в необольшевистские обещания демократов поверила неокрепшая духом молодежь. Среди 18-20 и 21-24 летних в конце 1993 г. каждый третий вслед за демократическими ли-

дерами расценивал распад Союза положительно. Телевидение и реклама сделали свое дело.

Среди людей среднего поколения подобное мнение разделял каждый пятый. И, наконец, среди лиц преклонного возраста (старше 60) развал Союза показался в той или иной мере полезным лишь немногим более, чем каждому десятому. Тут даже телевидение с его мощными пропагандистскими возможностями оказалось бессильным.

Разница между полярными возрастными группами по доле лиц, позитивно относящихся к развалу Союза, составила 19.8% (между теми, кому было 21-24 и теми, кому перевалило за 60).

За два года между выборами в Федеральное Собрание связанные с распадом Союза ожидания улучшений не подтвердились. В итоге во всех, без исключения поколениях, наступило отрезвление и падение доли тех, кому первоначально распад Союза понравился.

Соответственно, во всех возрастных группах расширились ряды тех, кто уже оценивал негативно развал Союза. Однако, поляризация мнений между поколениями по вопросу о судьбе Союза не снизилась, а даже возросла. Об этом свидетельствуют два важных показателя: межпоколенный размах вариации по доле лиц, одобряющих распад Союза, возрос за два года с 19.8% до 21.3% (между теми, кому исполнилось 21-24 и теми, кто перевалил за 60), а по доле лиц, сожалеющих о распаде, возрос с 24.9% до 31.3% (между 18-2--летними и теми, кому было за 60).

НАЦИОНАЛЬНОСТИ РОССИИ: ЕДИНСТВО В НОСТАЛЬГИИ

Вызывает удивление, что национальный фактор в отличие от возраста и среды обитания, вопреки ожиданиям не играл какой-либо заметной роли в распределении мнений о развале Советского Союза. Доля сожалеющих о развале и приветствующих его, оказались приблизительно равновеликими среди русского населения и среди всех остальных народов России. Размах вариации по этому показателю оказался ничтожным.

РЕЛИГИОЗНОСТЬ И ДЕРЖАВНОСТЬ

Подобно национальному фактору, степень религиозности населения не была в ряду факторов, глубинно разделяющих население России

по отношению к развалу Союза. Люди сожалели о прежней стране или испытывали удовлетворение по поводу ее развала в целом независимо от того, являлись они верующими или атеистами, колебались или оставались безразличными, соблюдали религиозные обряды, отвергали их или же были к ним равнодушными.

ДЕРЖАВНОСТЬ И ПОДРЫВНАЯ СИЛА ОБРАЗОВАНИЯ

В отличие от национальности и религиозности совсем иную роль играл фактор образования.

Оценка развала оказалась довольно тесно связанной с уровнем образования. Чем выше был уровень образования, тем шире была распространена позитивная оценка развала Союза. Так, например, среди группы лиц с завершенным и незавершенным высшим образованием доля лиц, позитивно оценивших развал Союза, превышала аналогично настроенную группу лиц среди неграмотных и малограмотных в 1993 г. в 1.7 раза, а в 1995 г. в 3.6 раза. Размах вариации по доле негативно оценивающих развал Союза увеличился с 4.3 % в 1993 г. до 14.3 % в 1995 г.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

Жилище, как показатель экономического состояния респондента, хотя и находится в ряду причин, оказывающих какое-то воздействие на складывание представлений о развале Советского Союза, но роль его очень противоречива. В известной мере эта противоречивость проистекает из того, что качество жилья подчас зависит не от того, имеет человек отдельный дом, или живет в кооперативной или государственной квартире. Региональные и межреспубликанские различия в формах, способах и темпах приватизации жилья лишают возможности как-то определиться с ответом на вопрос, существует ли универсальная и прямая зависимость представлений граждан по политическим вопросам от их жилищных условий.

"Бытие определяет сознание" - долго повторяли философские и иные учебники советского периода. Сейчас многие склоняются к прямопротивоположной формуле, согласно которой сознание определяет бытие ⁵. В социологии нередко трудно бывает определить что на что

влияет, и что чем определяется. Однако, сила этой науки состоит в том, что она позволяет выявить наличие связи между явлениями, в том числе и политическими ⁶. Предвыборные опросы показали, что именно среди тех респондентов, у которых экономическое и финансовое положение семьи за последний год существенно улучшилось, (назовем их "благополучными" семьями), доля позитивно оценивающих распад Союза, была в два раза больше, чем среди тех, чье экономическое и финансовое положение ухудшилось. (назовем их "неблагополучными" семьями).

И, напротив, среди вторых доли сторонников Союза составляли в декабре 1993 г. более чем три четверти и были выше, чем среди первых на 19.0%, а в 1995 г. соответственно подобным настроением были охвачены более четырех пятых респондентов из неблагополучных семей и превосходили на 12.7% доли аналогично настроенных граждан из тех семейств, экономическое и финансовое положение которых существенно улучшилось в течение последнего года.

Высокий удельный вес лиц, считающих вредным распад Союза, среди населения, существенно (71.4) или немного (67.2%) улучшившего свое экономическое и финансовое положение, подтверждая мысль, высказанную еще А.Тоинби о том, что "моральный ущерб нельзя компенсировать экономическими средствами" ⁷.

Неоднократно отмеченную социологическими опросами и исследованиями ностальгию по Советскому Союзу, разумеется, не следует понимать и интерпретировать однозначно и прямолинейно. В конечном счете это не столько ностальгия по Советскому Союзу, сколько часть более обширной и глубокой ностальгии по традиционным коллективистским ценностям, в том числе по ценностям советского образа жизни. Можно согласиться с Л.Шевцовой, заметившей, что доказательством возможного возрождения идеологии коммунизма "является ностальгия по левым ценностям почти во всех посткоммунистических обществах и приход к власти в некоторых из них левых правительств, состоящих из бывших коммунистов" ⁸.

Когда на чашу исторических весов оказалась поставленной судьба России, даже обиженные советским строем изгнанники возвысили свои голоса в ее защиту.

На одной из международных конференций в Минске А.А.Зиновьев сказал: "Я написал тридцать книг, анализирующих, что такое коммунизм, тридцать антикоммунистических книг. Но если бы я знал, чем все это кончится, я бы их никогда не написал". Эту позицию целиком поддержал другой изгнанник сначала из Союза писателей, а потом и из Советского Союза В.Максимов ⁹.

ПЕРЕХВАТ ЛОЗУНГОВ ИНТЕГРАЦИИ

Непреодолимая ценность СССР как великой державы, и как страны, которой гордились советские люди с нормальной психологией, в полной мере проявилась уже в первые постсоветские годы. Об этом уже немало сказано слов и исписано страниц. Напомним, что только за два года между парламентскими выборами удельный вес лиц, признавших распад Союза вредным, возрос в целом с 69.8% до 77.2%. Это красноречивое подтверждение того, что достоинства пребывания в большом и сильном государстве познается тогда, когда люди оказываются один на один со всем миром в своем маленьком, но суверенном государстве. Поистине достоинства первой жены, как гласит вьетнамская поговорка, познаются тогда, когда в дом приходит вторая. Однако, если отвлечься от этой общей тенденции, маскирующей установки разных социальных и национальных групп населения, то можно убедиться в некотором разнообразии оценок по вопросу об исторической судьбе СССР.

В предвыборной ситуации 1993 г. главный водораздел по негативной оценке распада СССР проходил между сторонниками В.Жириновского и Е.Гайдара. Среди первых удельный вес лиц, отрицательно относящихся к распаду СССР составлял 86.7% и на 29.1% превосходил аналогично настроенную категорию людей среди вторых. Лавры, доставшиеся лидеру ЛДПР, не замедлили привлечь внимание других охотников за депутатскими мандатами. Почти сразу же, вслед за первыми парламентскими выборами реинтегративные лозунги ЛДПР были уверенно подхвачены коммунистами. "Второй" электорат Г.Зюганова, оседлав коня интеграции, обошел соперников и обеспечил фракции КПРФ ключевые позиции в Госдуме. При этом социальная база Г.Зюганова и ее ориентации не вызывали сомнений. Среди его сторонников доля лиц, считающих распад Советского Союза вредным, выросла с 77.1% до 95.0%. Совсем в ином, прямо противоположном направлении дрейфовал электорат В.Жириновского. Среди тех, кто обеспечил ему победу в 1993 г. и преодоление проходной планки в 1995 г. доля патриотов, сожалеющих о распаде Союза, сократилась с 86.7% до 78.6%. Поезд В.Жириновского под национал-патриотическими лозунгами стал терять скорость. Появились признаки усталости, маргинализации лидера и сокращения его социально-демографической платформы.

Осознав, что в конкурентной борьбе за голоса избирателей все средства хороши, национально-державнические лозунги взяли на вооружение и проправительственные партии и движения. В отличие

от 57.6% сторонников Е.Гайдара, негативно оценивших распад Союза в 1993 г., 64.6% сторонников В.Черномырдина в 1995 г. солидаризировались с этой позицией. Перехват лозунгов состоялся. Б.Ельцин и его команда получили последний урок из опыта предвыборных кампаний двух парламентских выборов и подобрали надежные ключи к сердцам своих избирателей. И если Б.Ельцину удастся одержать победу на президентских выборах, то это будет означать, что в его команде есть квалифицированные и расчетливые аналитики, владеющие правилами шахматной игры, когда надо продумывать партию на несколько ходов вперед. Победа Ельцина будет означать, что круг замкнулся. Лидер, который не скупился в начале 90-х на раздачу суверенитетов и сделал немало для развала Советского Союза, через полдесятилетия, в середине 90-х годов, повернул руль курса от деинтеграции к новой интеграции.

Предложенная нами два года тому назад гипотеза о перехвате реинтегративных лозунгов ¹⁰ - реализовалась.

Относительно индифферентное отношение лидера Яблока Г.Явлинского к объединительным тенденциям чревато потерей им части своего электората. Во всяком случае между двумя парламентскими выборами среди его сторонников доля лиц, считающих распад Советского Союза вредным, сократилась на 4.6%, а полезным - возросла на 3.4%.

РАСПАД СОЮЗА В РАСКОЛОТОМ ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ

Анализ итогов социологического опроса позволяет выделить две категории граждан России, с полярными взглядами на распад Советского Союза.

В составе тех, на чей взгляд распад Союза был полезным, назовем их условно противниками Союза, преобладали жители Москвы, Санкт-Петербурга, столиц республик, краев и областей; молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет; граждане, колеблющиеся в своих религиозных убеждениях; имеющие среднее специальное или высшее образование; "существенно" или "немного" улучшившие экономическое и финансовое положение своей семьи в течение истекшего года; работающие на предприятиях с уже акционированной собственностью, отдавшие или готовые отдать свои голоса НДР или Яблоку, считающие, что дела в России, т.е. реформирование, идут в правильном направлении, допускающие необходимым устанавливать порядок в России путем ее децентрализации за счет усиления региональных администраций, отдающие

предпочтение лидерам демократического толка, в том числе лидеру, обещающему противостоять любой диктатуре.

В рядах второй категории населения, в глазах которой распад Союза был вреден, можно назвать их условно - сторонниками возрождения Советского Союза, состояли преимущественно жители сельской местности, мелких городков и поселков городского типа; люди среднего и пожилого возраста, особенно, и в первую очередь те, кому в конце 1995 г. было 41-50, 51-60, и особенно, кому перевалило за 60; по степени религиозности преобладали две полярные группы с одной стороны - атеисты, а с другой - верующие и соблюдающие религиозные ритуалы; по уровню образования преобладали малограмотные, неграмотные и частично люди, с незаконченным средним и средним образованием; по экономическому статусу в эту категорию входили, как правило, те, экономическое и финансовое положение которых в истекшем году "существенно" или хотя бы "немного" ухудшилось. За незначительной долей лиц не более 5% в категорию граждан, считающих вредным распад Союза, входил весь электорат Г.Зюганова и трое из четверых избирателей, отдавших свою голоса В.Жириновскому, большинство тех, кто считал, что дела в России идут в неправильном направлении. Потеряв терпение от криминального беспредела, имеющего место в стране, категория граждан - "противников" развала отдавала свое предпочтение тому лидеру, который смог бы взять на себя ответственность установить с помощью армии и сил безопасности диктаторский режим во имя восстановления порядка, или же лидеру, обещающему восстановить Советский Союз. Наконец, в рядах граждан, считающих вредным распад Союза, преобладали ориентации на установление жесткого контроля центра (Москва) ради того, чтобы навести порядок в России.

¹ Чешко С.В. Распад Советского Союза. Этнополитический анализ. М., 1996. С. 3.

² Б.Н.Ельцин. Записки президента. М., 1994. С. 171.

³ Петр Тряскин. Ожидание. Советская Башкирия, 1996. 22 марта.

⁴ Виталий Третьяков. А почему бы нам не попробовать восстановить Советский Союз? Независимая газета. 1996. 1 марта.

⁵ Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. Москва-Воронеж, 1996.

⁶ Социология политики

⁷ А.Дж.Тойнби. Постигжение истории. М., 1991. С. 550.

⁸ Лилия Шевцова. Посткоммунистическая Россия: логика развития и перспективы. М., 1995. С. 18.

⁹ Владимир Максимов. Самоистребление. М., 1995. С. 291.

¹⁰ Губогло М.Н. Башкортостан и Татарстан. Параллели экономического развития. Очерк IV. Выходы реинтеграции. М., 1994. С.17.

Что нынче счесть большим, что малым?
Как знать, но люди не трава:
Не обратить их всех навалом
В одних не помнящих родства.

А. Твардовский

8 февраля 1994 г., выступая за заседании Верховного Суда, обвиняемый в государственной измене, бывший Секретарь ЦК КПСС, член Политбюро ЦК КПСС Олег Шенин сказал: "Ни Союзу ССР, ни его Конституции, ни РСФСР, ни ее Конституции, ни другим союзным советским социалистическим республикам, ни их Конституциям я, хотя и не присягал, как Горбачев, Ельцин и другие Президенты, но никогда им не изменял, был всегда верен своей Родине - СССР - и остаюсь таким" ¹.

ОБРАЗЫ РОДИНЫ

Модернизация представлений россиян о Родине протекала в противоположном с намерениями архитекторов прозападных ориентаций. В целом за два года между выборами 1993-1995 гг. доля граждан России, считающих бывший Советский Союз своей Родиной возросла почти на 6,0% (с 29,2 до 35,1%). Параллельно росли и локально-региональные местнические настроения. Доля граждан, считающих своей Родиной республику, в которой проживают, так же увеличилась на 7,6% (см. таблицу 1).

Таблица 1

Что есть Родина?
(В % по итогам опроса 1993 и 1995 гг.)

Что является для респондентов Родиной	1993	1995
Бывший Советский Союз	29,2	35,1
Россия	52,6	38,1
Республика, в которой живут	15,0	22,6
Затрудняются ответить	3,3	4,2

Ностальгия по прежней государственности, по бывшему СССР, по сильной, не второстепенной державе, формируется и проявляется двояко: как неприятие развала бывшего СССР, и как восприятие СССР в качестве своей Родины. Оба комплекса представлений тесно взаимосвязаны с факторами макро- и микросреды, общим политическим и социально-экономическим положением в стране и проявлением этой ситуации в собственной системе жизнеобеспечения каждого постсоветского гражданина.

ГЕОГРАФИЯ НОСТАЛЬГИИ ПО РОДИНЕ

Ностальгические настроения по бывшему Советскому Союзу представляют собой серьезный социально-психологический феномен постсоветской истории. И вероятно, можно предположить, что чем хуже будет положение народа, тем шире будут границы и масштабы, ностальгических настроений. Соответственно успех реформ, будет способствовать преодолению этого комплекса.

В наиболее высокой степени ностальгические настроения на исходе 1993 года коренились среди населения сельской местности, в небольших городах и поселках городского типа. Для относительно благополучной Москвы и других городов столичного типа подобные настроения были менее характерны.

За истекшие два года этот расклад не подвергался значительным изменениям. И хотя во всех типах поселений несколько увеличился процент "тоски по большой Родине", размах вариации между долями столичных и сельских жителей даже несколько сократился - с 4,3% до 3,1% свидетельствуя хотя и в вялой форме о "сближении крайностей".

ТРУДНАЯ ПЕРЕОЦЕНКА ЦЕННОСТЕЙ

Труднее всего расстаются с Советским Союзом как со своей Родиной, старшие поколения те, чья жизнь, радостно или безрадостно, счастливо

или горестно прошла под небом великой страны. В 1993 г. среди лиц преклонного возраста доля лиц, считающих Советский Союз своей Родиной, почти в 2,5 раза превышал долю молодежи в возрасте 18-20 лет с аналогичной установкой. Итоги опроса выявили удивительную линейную зависимость между возрастом и отношением к Советскому Союзу: чем старше возраст, тем теснее узы с великой Родиной. Неоднократные ошибки демократов и их идеологов в том и состояли, что они не учитывали психологические аспекты демократизации и модернизации, величину и значимость этой ностальгической энергии. В самом деле, как отмечали даже самые убежденные демократы, стоящие у колыбели новой России, сверхопасно было у людей, которые в силу возраста уже были лишены будущего, отнимать прошлое². Впрочем у пенсионеров отняли не только прошлое, но еще и деньги, а также признали напрасно прожитой ту жизнь, когда эти деньги накапливались.

Верните нам нашу великую Родину, означает нечто иное как верните "наше раньше". Лучше бедное "раньше", чем свободное "теперь". Терпеть больше нет сил. В этих постулатах заключено ядро ностальгической энергии, семена психологического напряжения.

В отличие от географического фактора, смягчающего полярность ностальгических настроений в столицах и селах, демографический фактор "действовал" в противоположном направлении, обостряя и без того полярные позиции молодежи и стариков. Разница между молодыми и пожилыми по масштабам охвата их ностальгическими настроениями по канувшему в историю Советскому Союзу (размах вариации) за два года значительно возросла - с 19,7% до 27,7%, приблизившись по своей силе к традиционно мощным политическим факторам, резко разводящим население по разные стороны политической баррикады.

ЧУВСТВО НАЦИОНАЛЬНОСТИ И РОДИНЫ

Виды на Родину у русского и у остального населения России не вполне совпадают. Как ни странно, чувство ностальгии по бывшему Союзу, как о своей Родине среди нерусского населения было распространено даже несколько шире - на 4,6% в 1993 году и на 4,4% в 1995 году - чем среди русских. Ничуть не переоценивая значение этой разницы, можно все-таки допустить, что в нынешних представлениях нерусских национальностей бывший Союз, как Родина, как единое небо над головой, был все-таки более уютным, чем нынешняя Россия, с ее

политической нестабильностью, не прекращающейся мобилизацией этничности и полыхающими конфликтами по периметру ее границ.

Иерархическое, трехуровневое осознание образа Родины (как СССР, как России и как своей республики) позволяет выяснить, на каком из них складываются различия между русским народом и нерусскими национальностями. Ощущение России в целом, как своей Родины среди русских в 1993 г. составляло 57,2% и почти в 2,5 раза было распространено шире, чем среди нерусского населения. Соответственно по иному среди русских и нерусского населения воспринимались республики. Среди вторых республика проживания воспринималась в качестве своей Родины у 38,4% населения, что в 3,5 раза чаще, чем распространение аналогичного чувства среди русских. В 1995 г. указанные различия, если их, образно говоря, понимать как острые углы круглого стола, межнационального согласия, несколько сгладились. Размах вариации по восприятию России как Родины между русскими и нерусскими сократился за два года с 33,4% до 18,3%, а республики как Родины - соответственно с 27,6% до 14,0%.

ОБРАЗЫ РОДИНЫ. АССОЦИАТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

Каждый из 3-х предложенных респондентам образов Родины ("Советский Союз", "Россия", "Республика проживания") оказался наиболее тесно связанным с определенной совокупностью факторов. Сочетание этих факторов и есть показатель расколотости нынешнего российского общества.

1. Родина - бывший Советский Союз

Приоритетно увязанными с Советским Союзом, как Родиной респондентов, оказались следующие факторы - характеристики взросло-го населения: 1) средний и особенно пожилой возраст; 2) крайние степени религиозности, в том числе воинствующий атеизм с одной стороны и глубокая религиозность, состоящая из веры и соблюдения религиозных обрядов - с другой ; 3) неграмотность и малограмотность; 4) "существенно" ухудшившееся экономическое и финансовое положение семьи за истекший год; 5) голос, отданный или готовность отдать его за партию Г.Зюганова; 6) уверенность в том, что дела в России идут в неправильном направлении; 7) нескрываемая симпатия к лидеру-консерватору, обещающему восстановить СССР или лидеру-диктатору, готовому во имя восстановления порядка в России установить с помощью армии и сил безопасности диктаторский режим; 8) устояв-

шее мнение о том, что для наведения порядка в России с целью улучшения ситуации в экономике необходим жесткий контроль Центра (Москвы).

2. Родина-Россия

С ощущением России, как своей Родины, увязана несколько иная совокупность и иное сочетание характеристик населения, чем те, с которыми ассоциировался образ Родины в лице Советского Союза. Специально отметим, что в отличие от предыдущего образа, где географический фактор (место проживания) был нейтрален, в данном образе выделилась несколько повышенная доля лиц, проживающих в Москве, Санкт-Петербурге и в столицах республик, краев и областей. Среди остальных факторов, находящихся в связи с формированием ощущения России как Родины, имеют значение: 1) молодой возраст, особенно молодежь с 18 до 24 лет; 2) принадлежность к русскому, а не к другим народам России; 3) наличие высшего образования; 4) "немного" или "существенно" улучшившееся, или оказавшееся без изменений экономическое и финансовое положение семьи за последний год; 5) работа в предприятиях или организациях, имеющих немunicipальную форму собственности; 6) твердая политическая ориентация на Яблоко и НДР, подтвержденная готовностью отдать свой голос за эти партии во время парламентских выборов; 7) убежденность в том, что дела в России идут в правильном направлении; 8) готовность поддержать лидера-реформатора, обещающего развивать Россию в теперешних границах, или лидера-демократа, противостоящего любой диктатуре; 9) уверенность в том, что наводить порядок в России следует демократическим путем, разумно распределяя контроль и властные полномочия на основе договоренности Центра (Москвы) и регионов или же усиливая региональные администрации.

3. Родина - республика проживания

Свою республику в качестве Родины называли группы населения для характеристики которых имели приоритетное значение следующие факторы: 1) проживание в поселке городского типа; 2) принадлежность к молодежи в возрасте 18-24 года; 3) отнесение себя по этнической принадлежности к нерусским национальностям; 4) наличие незаконченного среднего и среднего специального образования; 5) маргинальность экономического и финансового положения, вызвавшего затруднение при определении динамики экономического и финансового положения семьи за последний год; 6) работа в секторе хозяйства с частной собственностью; 7) ориентация в своем электораль-

ном поведении на НДР; 8) относительно вяло проявленная уверенность в том, что дела в России идут в правильном направлении; 9) готовность поддержать лидера-реформатора, обещающего развивать Россию в теперешних границах, или демократически ангажированного лидера, противостоящего любой диктатуре; 10) поддержка идеи об укреплении региональных администраций для обеспечения порядка в России.

Ностальгия по бывшему Советскому Союзу - это не только ответ многих наших сограждан на вопрос: "С чего начинается Родина?" Это вместе с тем болезненное восприятие утраченной гордости за свою страну и за свой разжиженный патриотизм, за распыление политического и морального авторитета СССР. В то время как средства массовой информации усиленно обливают грязью прошлую и недавнюю историю великой страны и ее народов, а теоретиками и идеологами демократического лагеря слово патриотизм усердно и настойчиво рядопологается со словом красно-коричневый, "восемьдесят процентов американцев гордятся тем, что они американцы", а Президент Франции не стесняется словосочетаний "Великая Франция", "великий французский народ", "великая французская культура". "Разумеется, - цитировал недавно свои ранние произведения В.Максимов, - в нашей истории много негативного, но, уверяю вас, в ней есть многое такое, чем мы по праву можем гордиться. Почему все остальные гордятся своей культурой, своей историей, своей страной, а мы должны этого стесняться" ³.

Можно лишь удивляться тому, как в условиях тотальной антипатриотической пропаганды, развернутой демократическими средствами массовой информации, как в условиях крушения иерархии духовных ценностей нашего общества, как в условиях утраты позиций самой читающей страны мира, граждане России вопреки всем прогнозам наращивают свои позитивные чувства к Родине, в которой они родились, и имя которой было Советский Союз. Проявленная в ходе мониторинговых опросов устойчивость симпатии и есть одна из сторон деинфантилизации. Народ не верит перевертышам, народ верит в самого себя. Этим объясняется расширение рядов тех, для кого Родина - бывший Советский Союз.

¹ *Надежда Гарифуллина.* Тот, кто не предал. Олег Шенин: страницы жизни и борьбы. М., 1995. С. 9.

² *Олег Попцов.* Хроника времен "Царя Бориса". С. 113.

³ *Владимир Максимов.* Самоистребление. М., 1995. С. 37.

Для того, чтобы выборы в России стали фундаментальным механизмом демократии и демократического устройства государства, надо иметь три решающие предпосылки, во-первых, хорошо знать ответ на вопрос о том, каким должно быть Российское государство, во-вторых, квалифицированно определиться с тем, куда мы идем в новых условиях мирового информационного пространства, и, в-третьих, иметь приличный рынок компетентных лидеров федерального и регионального (субъектного) уровня, умеющих квалифицированно решать важные задачи - знать, что делать для пользы России и брать на себя ответственность за знания и за решения.

К сожалению, ни одной из этих предпосылок на сегодняшний день - начало 1996 г. - в наличии, увы, не имеется. Оставим пока в стороне первые две предпосылки. Обратимся к третьей. Для того, чтобы лидер состоялся, необходимо, чтобы его деловые качества и харизма были общепризнаны на общегосударственной основе, или на основе общественного мнения того ареала или блока, где этот лидер действует. Как, например, харизма Ю.Лужкова среди москвичей или авторитет В.Жириновского среди его сторонников. Но авторитет столичного градоначальника едва ли не единственный. Дутые же авторитеты, как показал опыт Собчака, при первом же дуновении демократического ветерка, лопаются как мыльные пузыри.

ЛИДЕРЫ, ВЛАСТЬ, ПРИВИЛЕГИИ

В литературе нередко встречается тезис о том, что стремление к обладанию властью является основной движущей силой электорального, или шире - политического поведения людей ¹. И хотя для подобного умозаключения имеется немало оснований, все же надо при-

знать его ограниченным и односторонним. Формирование значительной части новой политической, так называемой демократической элиты в России, как и в ряде других постсоветских государств, во многом шло стихийно, скорее через уличные митинги, нежели через университеты, дающие систематическое профессиональное образование.

Без риска ошибиться можно сказать, что многие из постсоветских лидеров, даже самого крупного калибра - это несостоявшиеся профессионалы в своей области: несостоявшийся спортсмен, несостоявшийся музыкант, филолог, агроном, дипломат, инженер и т.д. Примеров, как и президентов, очень много. Даже если их не перечислять.

Вместе с тем, среди новых политиков немало тех, кто вышел из рядов советско-коммунистической номенклатуры. "Судите сами: - говорил В.Максимов, характеризуя обилие вчерашней номенклатуры в рядах современных правящих кругов - страну у нас возглавляет бывший первый секретарь Свердловского обкома партии... Государственным восстановлением занимался заштатный преподаватель марксизма-ленинизма одного из провинциальных университетов. Экономике "обустраивает" недавний заведующий экономическим отделом "Правды", а дипломатией руководит, говорят, самый бездарный выпускник Института международных отношений" ².

Участие во власти, а через нее в распределении и перераспределении национального продукта для подобных граждан гораздо легче, чем создавать новый продукт. И именно среди постсоветских политиков из числа "несостоявшихся" высок удельный вес безнравственных людей, для которых власть лишь средство для личного обогащения. Пример С.Станкевича, видимо, далеко не единственный.

Следовательно, побудительным мотивом к политической деятельности можно признать не только стремление к власти, но и неспособность полнокровно проявить себя в какой-либо иной, помимо политики, сфере жизнедеятельности. Сказанное, разумеется, относится только к той незначительной части граждан, которые меняют свою профессию и уходят в политику, надеясь именно в ней стать профессионалами. Большинство же граждан прямо или косвенно участвующих в политике, например, в ходе предвыборной кампании, участвуя в политических партиях, общественных, гражданских, национальных, экологических и прочих движениях, стремятся к более полному самовыражению, самоопределению и утолению чувства самодостаточности.

Еще один немаловажный стимул стремления к власти - доступ к аксессуарам власти и рычагам распределения материальных благ.

Уже в феврале 1992 г. Р.И.Хасбулатов с семьей переехал в дом №10 площадь в 400 квадратных метров по улице Щусева ³, а серый кардинал Г.Э.Бурбулис, яростный борец с привилегиями коммунистической номенклатуры, был по словам Б.Н.Ельцина "самым первым среди новой российской номенклатуры, кто сел в машину ЗИЛ" ⁴.

Бывший пропагандист Черемушкинского райкома партии г. Москвы С.Станкевич, переполив до краев чашу бесстыдства, вселился в квартиру бывшего министра внешней торговли СССР Н.С.Патоличева. И без риска ошибиться, можно сказать, что подобным примерам несть числа.

И это присуще не только политикам, рекрутированным из неполитической сферы жизнедеятельности, но и политикам профессионалам, перешедшим в демократию из бывшей партийной номенклатуры. Леонид Кравчук, много лет проработавший в республиканских и центральных органах власти, бывший член ЦК КПСС, второй секретарь ЦК, член Политбюро, депутат прежнего советского происхождения, - сегодня один из тех, кто считает Украину бастионом сдерживания левых сил, кто осознает ответственность за свою подпись под беловежским документом "о развале Союза" и кто опасается виселиц и не только одних виселиц в том случае, если левые силы придут к власти.

Некоторые представители постсоветской политической элиты не скрывают того главного, что они видят в обладании властью, особенно если эта власть на уровне президентского кабинета. Не по душе, например, экс-президенту Украины Леониду Кравчуку наметившаяся в начале 1996 года тенденция объединения Белоруссии с Россией. И больше всего его в этом деле волнуют не национальные интересы государств и народов, а возможное исчезновение президентской символики, если указанная интеграция состоится, и Лукашенко перестанет быть президентом и, вследствие этого, лишится парадного приема и прочих протокольных почестей, включая возможности по придворному этикету целоваться с президентом Российской Федерации.

Впрочем, послушаем самого Кравчука. "...Когда Президент Белоруссии впервые приезжал в Россию - расчетливо излагает ход событий Л.Кравчук, - в Кремле провозглашались тосты о единении двух государств, все происходило в соответствии с требованиями протокола, при полном параде, с общей пресс-конференцией президентов... А что мы видим сегодня? Лукашенко целовался уже только с Черномырдиным. Для программы "Время" от имени Белоруссии говорил Лукашенко как Президент, а от имени России - пресс-секретарь. Лукашенко приехал уже как губернатор, а дальше он будет при-

езжать, как раньше в Москву приезжали первые секретари рескомов и обкомов КПСС в Политбюро. И наступит момент, когда скажут: пора кончать с "интеграцией низшего уровня", давайте создавать одно государство, с одним президентом, общими вооруженными силами, единой денежной единицей... Так будет!"⁵. Нужны ли тут комментарии?

Трудно сказать чего в приведенном откровении больше: чистосердечного признания, беспредельного цинизма или тактически продуманного "провоцирования", "разоблачения" и "обезоруживания" Белорусского президента. Ясно одно: в тревоге бывшего президента Украины есть нескрываемая забота о судьбе президента, но не проглядывается забота ни о национальных интересах, ни о народе, ни о народах, стремящихся к интеграции.

Впрочем о символике власти пекутся не только бывшие из новоявленных постсоветских президентов: "Посетит ли Президент США Красную площадь и Поклонную гору, или только Поклонную гору? Можно ли приехать в Неаполь (Галифакс, Лион) на коктейль? Где умственные усилия, где анализ? Допустим, лидер вырос далеко и занимался всю жизнь не тем. Но специалисты, эксперты, знатоки! Где профессиональное понимание национальных интересов...?"⁶.

РЕЙТИНГИ ЛИДЕРОВ(ЛИ?) НАКАНУНЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ

Если демократическое государство не в состоянии предоставить социальные гарантии широким слоям населения, если оно, сознательно приносит в жертву реформам интересы значительной части своего населения, то совершенно естественно, что те группы населения, чьи интересы остаются неудовлетворенными, окажутся по иную сторону баррикады и станут враждебными не только по отношению к государству, но тем его лидерам, которые являются авторами неудачных реформ. Падение рейтинга, престижа Е.Гайдара, политические сумерки его карьеры - едва ли не самый красноречивый пример.

Негативная оценка значительной частью электората в декабре 1993 и 1995 гг. общего состояния дел в России (по индикатору "в правильном или не правильном направлении идут дела") ясно и логично экстраполируются в общественном сознании на высшие должностные лица страны, персонифицируются в резко отрицательной оценке деятельности Б.Н.Ельцина на посту Президента (почти три четверти электората) и деятельности В.С.Черномырдина на посту Премьер-министра России (многим более половины электората).

Низкий уровень популярности Ельцина в общественном мнении россиян в конце 1995 г. неоднократно муссировался на страницах западной печати. Так, например, директор французского института международных отношений Тьерри де Монбриаль на страницах одной из ведущих газет Франции "Фигаро", так объяснял падение рейтинга Ельцина: "...горстка прохвостов обогатилась самым гнусным образом, повернув к своей выгоде самую дикарскую в мировой истории приватизацию, в то время как условия жизни большинства населения остались столь же плачевными, а то и ухудшились" ⁷.

Свято место пусто не бывает. И если основная масса избирателей негативно в целом оценивает деятельность и Президента, и Премьер-министра, то возникает естественный вопрос: "А что, точнее, а кто же взамен?" Открытый вопрос: "За кого вы проголосуете на предстоящих президентских выборах" в июне 1996 года, включенный в "Вопросник" накануне выборов в декабре 1995 года, собрал следующий урожай голов, а соответственно позволил выявить реальные рейтинги (а частично и шансы) следующих известных общественных деятелей России.

В целом в "Вопросники" самими респондентами было внесено около 50 фамилий, большинство из которых в целом собрало менее 1% голосов. Только фамилии 6 крупных политических фигур, произнесенные респондентами, собрали наибольший урожай голосов, в том числе Борис Ельцин - 2,8%, Владимир Жириновский - 2,7%, Геннадий Зюганов - 2,4%, Григорий Явлинский - 2,4%, Александр Лебедь - 2,0% и Виктор Черномырдин - 1,7%. Опрос по аналогичной методике, проведенный ВЦИОМ 20-25 января 1996 года по заказу популярной телепрограммы "Итоги" ⁸ по общероссийской выборке из 1598 человек, подтвердил, что именно у этой шестерки есть шансы быть избранными Президентом России. Вместе с тем в поствыборном январе 1996 года в отличие от предвыборного декабря 1995 года указанные политические и государственные деятели распределились несколько в ином порядке. На первом месте оказался Г.Зюганов, собравший 11,3%, и далее соответственно - Г.Явлинский - 7,7%, В.Жириновский - 7,1%, А.Лебедь - 5,5%, Б.Ельцин - 5,4%, и, наконец, В.Черномырдин - 4,2%. Для перемещения Г.Зюганова с 4-го места в декабре на 1 место в конце января, бесспорно, были объективные основания. Прежде всего это самый высокий урожай голосов, собранный его партией в ходе парламентских выборов и последующее уверенное закрепление позиций этой партии в нынешней Госдуме. Вместе с тем, как полагают некоторые социологи, имеющие большой опыт по зондажу общественного мнения с помощью открытых вопросов, сенсационно высокий взлет

январского рейтинга Г.Зюганова вызывает серьезное сомнение. В частности, не исключена тактическая дезинформация с целью стратегического стимулирования консолидационных усилий демократов в среде разрозненно действующих реформаторских партий и блоков.

Случайно ли в Давосе имела успех шутка: а не заявить ли Клинтону публично, что он поддерживает коммунистического кандидата? И тогда Зюганов проиграет. Обратившись к невинной на первый взгляд шутке, "Московский комсомолец", перехитрив самого себя, кажется выдал серьезный тактический замысел, состоящий в том, что пропаганда за Зюганова будет лить воду на мельницу Б.Ельцина.

Таблица 1

**Перспективы кандидатов на пост Президента России
на выборах в 1996 году**

(в % по опросам, проведенным ВЦИОМ по выборке, представленной для взрослого населения Российской Федерации по заказу программы "Итоги" НТВ)⁹

Если бы в ближайшее воскресенье состоялись выборы Президента России, за кого Вы отдали свой голос?	1995 г.		1996 г.	
	июль	декабрь (начало)	декабрь (конец)	январь
1. Г.Зюганов	6	6	9	11
2. Г.Явлинский	6	5	6	8
3. В.Жириновский	5	7	7	7
4. А.Лебедь	6	4	4	6
5. Б.Ельцин	3	2	4	5
6. В.Черномырдин	5	5	5	4
7. С.Федоров	4	4	2	4
8. Е.Гайдар	2	2	1	2
9. А.Руцкой	2	2	2	1
10. Б.Федоров	2	2	2	1
11. другие	16	12	16	11

Активную роль в "популяризации" рейтинга Г.Зюганова сыграли прежде всего те средства массовой информации, как, например, НТВ и "Московский комсомолец", которые никак не скрывали, что заинтересованы в победе Б.Ельцина. "Если бы во втором туре президентских выборов Вам пришлось выбирать между Ельциным и Зюгановым, - выясняют перспективы электорального поведения граждан

эти СМИ, - за кого бы Вы проголосовали, или Вы бы проголосовали против обоих, или Вы бы не стали принимать участие в выборах?" и торопливо, немедленно вслед за проведенным опросом, публикуют итоги собранного урожая голосов. И оказывается, что в этом случае (во втором туре) Б.Ельцин получил бы 19% голосов, Зюганов - 33, против обоих проголосовали бы 20% и, наконец, 15% ответили, что не стали бы принимать участие в выборах ¹⁰.

Отказ Б.Ельцина поехать на международный форум в Давосе, где ему пришлось бы включиться в предвыборную схватку с Г.Зюгановым, свидетельствует о том, что Президент и его советники вполне серьезно осознают силу лидера российских коммунистов, и отдают себе отчет в шансах его на победу.

РЕЙТИНГ ЛИДЕРОВ СРЕДИ ЭЛЕКТОРАТОВ ОСНОВНЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Накануне выборов в декабре 1995 г. больше всего не одобряли деятельность и Б.Ельцина и В.Черномырдина приверженцы КПРФ (соответственно - 90,9% и 69,7%), а наименьшую критику их деятельности вызывала, судя по итогам опроса, в рядах электората НДР (42,9% и 7,5%). Иными словами, относительно высокий урожай позитивных оценок деятельности Б.Н.Ельцина и В.С.Черномырдина, соб-

Таблица 2

Отношение электоратов партий и движений к Б.Н.Ельцину и В.С.Черномырдину (в % по итогам опроса в декабре 1995 г.)

	Б.Н.Ельцина		В.С.Черномырдина	
	Одобряют	Не одобряют	Одобряют	Не одобряют
КПРФ	5.4	90.9	17.1	69.7
ЛДПР	12.6	82.4	22.5	63.2
НДР	46.8	42.9	86.9	7.5
Яблоко	26.5	64.6	38.2	45.1
Всего	15.6	72.9	23.9	52.1

ранный НДР (46,8% и 86,9%), свидетельствует об устойчивости, проправительственном настрое и характере электората этой молодой партии. Однако при этом обращает на себя внимание более высокий рейтинг второго по сравнению с первым. Более того, заниженная оценка деятельности Б.Н.Ельцина наблюдается не только в целом по электорату России, но и отдельно в мнениях электоратов каждой из партий, преодолевших 5-% планку. Этот факт должны, по-видимому, очень крепко усвоить и запомнить те, кому предстоит организовать новый предвыборный марафон по избранию Президента России.

РЕЙТИНГИ ПРЕЗИДЕНТА И ПРЕМЬЕРА В РЕГИОНАЛЬНОМ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Поддержка Президента и Премьера имела серьезные отличия в географическом плане. В отличие от В.Черномырдина, деятельность которого поддерживали в равной мере и в столицах, и в городах и в селах России, деятельность Б.Ельцина в сельской местности поддерживали почти в два раза, а в рядовых городах и в поселках городского типа в 1.4 раза меньше, чем в столицах, и прежде всего в самой Москве.

Отрицательное отношение к деятельности и того другого в целом мало зависела от демографического фактора. В самом деле, в возрастных группах 18-20- и 31-40 лет негативное отношение к Президенту колебалось в рамках от 65% до 69,4%, а во всех остальных - от 70,0% до 76,2%. Деятельность В.Черномырдина не одобряли немногим менее половины лиц (от 46,2 до 49,0%) в возрасте 18-40- лет, и немногим более половины (от 52,6 до 58,2%) в остальных, более пожилых возрастных группах.

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ И РЕЛИГИОЗНОСТЬ

Неприятие Б.Ельцина как Президента России было несколько больше среди нерусской части населения, чем среди русских (77,3:72,7%).

Отрицательный рейтинг В.Черномырдина, напротив, был хоть и незначительным, но выше среди русских (52,8:48,5%). Логика неприятия Б.Ельцина нерусскими народами проистекала не столько из-за непопулярной войны, развязанной в Чечне против одного из нерусских национальностей, сколько из-за фарисейского отношения к национальному фактору. С одной стороны роковая формула "Берите суверенитеты, сколько сможете", а с другой - упорный отказ сесть за

стол переговоров с лидерами Чечни и явное нежелание разобраться в сути чеченской трагедии, и непонимание того, что Чечня - это кость в горле модернизации и демократизации России.

Несмотря на бесконечные манифестации своей религиозности, (или лояльного отношения к религиозным чувствам верующих и церковным ритуалам) ни Президент, ни Премьер не добились решающего перевеса среди верующих по сравнению с неверующими. Разница в поддержке или в не-поддержке и того и другого мало зависела от степени религиозности. Деятельность Президента одобряли 15,1% "сильно верующих", т.е. тех, кто веру в бога подтверждал соблюдением религиозных обрядов и 14,8% тех убежденных безбожников, которые считали, что с религией надо бороться. Деятельность В.Черномырдина получала поддержку соответственно среди 25,5% первых и среди 22,2% вторых. Масштабы неприятия и того и другого руководителя России составляли соответственно 73,7:77,8 и 49,1:55,5% и в целом мало отличались в зависимости от степени религиозности.

РЕЙТИНГИ ЛИДЕРОВ В ЗЕРКАЛЕ КУРСА И ИТОГОВ РЕФОРМ

Самым сильным раздражителем российского электората, были, конечно, не национальный, не географический с демографическим, ни религиозный факторы, а курс реформ и особенно экономические последствия, стремительно ведущие основную массу населения к обнищанию и ухудшению его материального благосостояния. Далекое не случайно среди тех слоев населения, у которых экономические и финансовое положение семьи за последний год ухудшилось, поддержка Президента была в 3 раза, а Премьер-министра почти в 2 раза меньше, чем среди тех, чье экономическое и финансовое положение за этот же самый год улучшилось.

Результат, как говорится, налицо, и в дополнительных комментариях не нуждается. Даже удивительна прямо-пропорциональная зависимость рейтинга руководителя и шкалы экономического и финансового состояния избирателей: чем хуже проявляются итоги реформ, на уровне семейного бюджета, тем ниже в таких семьях рейтинг руководителя страны. И того и другого. Данные опроса более чем красноречивы: среди "существенно улучшивших" экономическое и финансовое положение деятельность Президента не одобряют 59,5%, среди "немного улучшивших" - 64,0%, среди тех, у кого все осталось без изменений - 67,2%, среди тех, у кого экономическое и финансовое положение "немного ухудшилось" - 74,7%, "существенно ухудшилось" - 80,7%. Соответственным образом падал рейтинг Премьер-

министра от 40,7% его неприятия теми, у кого экономическое и финансовое положение "немного улучшилось" до 58,7% среди тех, чьи экономические и финансовые дела "существенно ухудшились".

Может быть старая марксистская формула о том, что бытие определяет сознание в чем-то действительно ущербна и не имеет стопроцентного подтверждения. Может быть она оставляет место для постмодернистских сомнений. Но только не в России, и не в той сфере, где формируются рейтинги руководителей страны и курса, осуществляемого ими реформирования в зависимости от материального благополучия ее граждан. Чем, как ни стихийным инстинктом самосохранения, можно объяснить выявленные опросом более чем шестикратные преобладания позитивного отношения к Б.Ельцину и более чем трехкратное к В.Черномырдину среди тех, кто считал направление, которым идет Россия, правильным, по сравнению с теми, кто убежден в обратном, т.е. в том, что Россия идет неправильным путем. Впечатляет размах вариации между отрицательным отношением и к Президенту, и к Премьеру среди тех, кто, считает, что Россия идет по правильному или неправильному пути. В первом случае этот показатель составляет 42,9%, во втором - 32,1%.

ПОЗИЦИИ И РЕЙТИНГИ

В консервативно настроенных слоях электората, особенно в тех, где все еще теплится надежда на восстановление СССР, деятельность Б.Ельцина поддерживали лишь 9,3%, В.Черномырдина - 2,0%, в то время, как в реформаторски ориентированных группах населения указанные доли составляли 21,5% и 34,3%. Опросы дают основание для вывода о том, что и Президенту, и Премьеру отдают свои симпатии прежде всего те группы населения, которые решительно противостоят любой диктатуре. Не случайно в рядах этой части населения деятельность Б.Ельцина находила поддержку у каждого второго из пяти человек, а деятельность В.Черномырдина почти у каждого третьего. Среди той же части электората, которая была ориентирована на диктатора, способного восстановить порядок любой ценой, доля сторонников Б.Ельцина составляла всего лишь 8,8%, а сторонников В.Черномырдина - 19,8%. Из подобного расклада общественного мнения России на рубеже 1995-1996 годов, следует весьма очевидный вывод. Если Б.Ельцин решится на установление авторитарной власти, то лично у него для квазиавторитарного переворота решительно не будет сколько-нибудь солидной социальной базы. Иными словами, путь ко второму сроку для него пролегает только через демократические выборы и только через опору на реформатор-

ские и антидиктаторские силы. Именно к такому выводу приводят данные предвыборного опроса россиян накануне выборов в Федеральное Собрание.

ЗИГЗАГИ ПАДАЮЩЕГО ДОВЕРИЯ

Эволюция общественного мнения России, судя по итогам двух выборов в парламент и по результатам многочисленных социологических опросов, не оставляла сомнений в том, что к исходу 1995 года рейтинг Президента Б.Ельцина катастрофически снижался. Дело шло к роковой нулевой отметке. Даже в столицах, и в первую очередь, разумеется, в Москве, где доля его сторонников была выше, чем где-либо, доверие к его деятельности за два года упало с 45,0% до 20,0%, а недоверие возросло с 44,9 до 67,8%. Разница между "уровнем" столичного и сельского доверия снизилась с 21,1% до 20,4%, в том числе "полного доверия" с 4,3% до 0,8%, а "полного" недоверия с 4,3% до 0,3%. Доля "полностью" и "в целом" одобряющих деятельность Президента сокращалась во всех возрастных группах населения, независимо от национальной и партийной принадлежности, степени религиозности, уровня образования, состояния экономического и финансового положения. Падение доверия было почти обвальным. Но были и нюансы. Так, например, если доля лиц, "полностью" одобряющих деятельность Президента в возрастных группах (25-30 и 31-40 лет) сократилась приблизительно на 5,0%, то в полярных группах это падение шло более резко: среди молодежи в возрасте 18-20 лет - на 8,2%, среди пожилого населения в возрасте 51-60 лет - на 11,6%, а среди тех, кому было за 60 лет - на 9,5%.

Одобрение ("полностью" и "в целом") деятельности Президента среди русского населения упало за два года с 37,8% до 15,9%, а среди остального (нерусской национальности) соответственно с 29,4% до 14,4%. В итоге разница между русским и остальным населением России по позитивной оценке деятельности Б.Ельцина снизилась с 8,4% до 1,5% и стала минимальной.

Среди лиц, имеющих высшее образование, доверие к Президенту сократилось за период между двумя выборами в Федеральное Собрание вдвое, с 40,6% до 20,0%, среди неграмотного и малограмотного населения - с 35,8% до 17,5%. Следовательно и высокая образовательная планка, служившая раннему Б.Ельцину одной из подпорок, слабела. Размах вариации между лицами с высшим образованием с одной стороны и неграмотными и малограмотными с другой стороны, сократился с 4,8% до 2,5%. Поздний Б.Ельцин терял своих приверженцев не только среди малообразованного, но и среди населения с высшим уровнем образования.

ПОЛОЖЕНИЕ ВЕЩЕЙ

Можно было ожидать, что хотя бы улучшение экономического и финансового положения граждан и их семей сдвинет чашу весов в сторону позитивного отношения к деятельности Президента. Однако это ожидание опросами не подтвердилось. Более того, доля взрослых россиян, "полностью" и "в целом" одобряющих деятельность Б.Ельцина, сократилась даже среди лиц "существенно улучшивших" экономические и финансовое положение семьи за последний год с 55,8% до 31,7%, а среди тех, у кого экономическое и финансовое положение "существенно ухудшилось" - соответственно с 24,2% до 10,2%.

И снова происходило выравнивание между благополучными и неблагополучными семьями (с 31,6% до 21,5%) далеко не в пользу Президента. Даже такой сильнейший для постсоветского человека фактор, как "существенное улучшение" благополучия не перевесил на чаше весов остальные отрицательные последствия и результаты деятельности Президента и его команды. Следовательно, Президенту было над чем крепко задуматься перед тем, как решиться переизбираться на второй срок. Видимо все это Президент знал, частично учитывая вместе со своими аналитиками взвешивая. Иначе чем объяснить тот общеизвестный всем факт, что он так долго тянул с обнародованием своего решения вступить в новую предвыборную схватку в первой половине 1996 года. Власть терять ему не хотелось, но сомнение в том, удержит ли ее демократическим путем, не нарушая Конституцию, у него, у его команды и у его семьи были. Недаром его супруга осенью 1995 года, накануне выборов в Федеральное Собрание, неоднократно заявляла о том, что лучше было бы, если бы теряющий силы Б.Ельцин принял решение не баллотироваться на второй срок. Вступление Б.Ельцина в предвыборную гонку означало кроме всего прочего крайнюю бедность российского рынка лидеров: Б.Н.Ельцин, В.С.Черномырдин, Ю.М.Лужков: кто еще?

¹ См., например, *Бенгт Карлоф, Свен Седерберг*. Вызов лидеров. М., 1996; *В.Одайник*. Психология политики. М., 1996.

² *Владимир Максимов*. Самоистребление. М., 1995. С. 3.

³ *Борис Ельцин*. Записки президента. М., 1994. С. 224.

⁴ Там же. С. 249.

⁵ *Татьяна Ивженко*. Реальность и символы демократии. Независимая газета, 1996. 28 марта.

⁶ *В.П.Лукин, А.И.Уткин*. Россия и Запад: общность или отчуждение? М., 1995. С. 30.

⁷ *Владимир Большаков*. "Россия: возвращение коммунистов", Правда, 1996. 7 марта.

⁸ Московский комсомолец. 1996. 6 февраля.

⁹ Цит. по источнику: Московский комсомолец. 1996. 30 января

¹⁰ Московский комсомолец. 1996. 30 января.

В исследовании по проекту "Предвыборная ситуация в России - 1995 год" независимо от свободно названного политического деятеля, за которого собирались отдать свой голос респонденты, им был задан дополнительный вопрос о генерале Александре Лебеде. По сравнению с многими другими вопросами, данный вопрос вызвал у респондентов едва ли не самые большие затруднения: 39,8% оставили его без ответа. Тем не менее не многим более, чем каждый пятый (22,8%) ответили, что Александр Лебедь был бы хорошим Президентом России, а каждые двое из пятерых ответили "скорее нет", или "определенно нет" (см. таблицу 1).

Больше всего приверженцев Александра Лебеда среди электоратов КПРФ и ЛДПР (31,6% и 29,1%), меньше всего - оказалось среди электоратов НДР и Яблока (13,1% и 17,3%) (см. таблицу 1).

Таблица 1

Может ли Александр Лебедь быть хорошим Президентом России?
(в % по итогам опроса)

За кого собираются проголосовать на предст. выборах?	Считают ли, что Александр Лебедь был бы хорошим Президентом России?				
	Определенно "да"	Скорее "да"	Скорее "нет"	Определенно "да"	Затруд. ответить
КПРФ	9.3	22.3	20.6	16.4	31.4
ЛДПР	11.0	18.1	18.1	17.0	35.7
НДР	3.4	9.7	25.7	33.7	27.4
Яблоко	3.3	14.0	29.8	28.8	24.2
<i>Всего</i>	<i>6.7</i>	<i>16.1</i>	<i>20.7</i>	<i>16.8</i>	<i>39.8</i>

Александр Лебедь - не единственный кандидат в президенты, на ком уже на рубеже 1995-1996 гг. остановили свой выбор некоторые граждане России. 38% взрослого населения отнеслись безусловно положительно и скорее положительно к тому, чтобы представитель коммунистической партии возглавил правительство России. Еще 44% населения в ходе того же опроса, проведенного ВЦИОМ 26-31 января 1996 г. по выборке из 1648 чел. представительной для всего взрослого населения, отнеслись к представителю коммунистической партии безусловно отрицательно и скорее отрицательно.

В ответах на аналогичный вопрос о том, что бы президентом России стал представитель компартии, голоса разделились, соответственно: 36% и 47% ¹.

Не надо быть ни адвокатом, ни оппонентом А.Собчака, чтобы убедиться в том, как всем сердцем ратую за Б.Ельцина в программном интервью с символическим названием "Лучше бы ничего не менять..." , он, как юрист, точно сформулировал аргументы, которые будут работать против Ельцина в нынешней предвыборной гонке: "Чечня, 25 миллионов обманутых вкладчиков и увеличение сроков военной службы с призывом на службу студентов" ².

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ СОРАТНИКИ И ПРОТИВНИКИ ГЕНЕРАЛА ЛЕБЕДЯ

Анализ основных итогов опроса в связи с ответами граждан на вопрос о том, может ли генерал Лебедь быть хорошим президентом, позволяет определить два обобщенных портрета избирателей в одном из которых с известной долей осторожности можно увидеть потенциальных сторонников, а в другом - противников генерала Лебедея, или по крайней мере, индифферентных по отношению к нему лиц.

Итак, среди жителей сел и поселков городского типа доля тех, кто в декабре 1995 года допускал, что Лебедь мог бы быть хорошим президентом, была хоть и незначительно, но все же выше, чем среди столичного населения и чем среди жителей не столичных городов, среди пожилых больше, чем среди молодежи, среди русских выше, чем среди остальных народов Российской Федерации, среди атеистов больше, чем среди тех, кто к религии относился индифферентно, среди тех, у кого экономическое и финансовое положение за последний год ухудши-

лось - выше, чем среди семей с положительным исходом экономического положения.

В рядах потенциального электората КПРФ Лебедею симпатизировали почти в 2,5 раза чаще, чем среди сторонников НДР. Уже одного этого должно быть вполне достаточно для прогноза того, в чей "электоральный карман" посягнет Лебедь в ходе предвыборной президентской гонки. Тем более, что симпатии прокоммунистически настроенных избирателей подтвердились и дополнились другими представлениями, достаточно тесно сопряженными с общей ориентацией прокоммунистического толка. В Лебеде видели "хорошего" президента, во-первых, в большей мере те избиратели, которые поддерживали лидера, обещающего восстановить СССР, чем избиратели, готовые отдать свои голоса за лидера, обещающего развивать Россию в теперешних границах, во-вторых, те избиратели, которым больше по душе был диктатор, готовый во что бы то ни стало восстановить порядок в России, по сравнению с лидером, противостоящим любой диктатуре.

Шансы Лебедея меньше всего были в Москве и в столицах республик, среди молодежи в возрасте от 18 до 30 лет, среди нерусских народов, среди лиц, со средним специальным и высшим образованием, среди тех, кто жил в общежитии или снимал квартиру, среди относительно обеспеченных людей, у которых экономическое и финансовое положение за последний год "существенно" улучшилось, среди сторонников НДР и Яблока, среди тех, кто оценивал правильное направление дел в России, и наконец, среди избирателей, поддерживающих консервативного лидера или лидера, противостоящего любой диктатуре.

Коротко говоря, анализ представлений той части населения, которая обнаружила симпатию и доверие к Лебедею в декабре 1995 г., дает основание для вывода о том, что успех Лебедея может состояться за счет той части электората, которая по своим взглядам, предпочтениям и ориентациям находится не на стороне Президента, а в оппозиции к нему. В предвыборной борьбе между Б.Ельциным и Г.Зюгановым победа во многом будет зависеть от того, кто из них перетянет Лебедея на свою сторону. Причем, судя по "настрою" электората, по логике вещей, по совокупности его взглядов и позиций, Лебедь скорее должен оказаться на стороне КПРФ, чем на стороне Б.Ельцина. Иной дрейф генерала Лебедея будет означать предательство по отношению к тем избирателям, которые отдадут ему свои голоса.

¹ Возвращение к власти коммунистов обрадовало бы не всех // Московский комсомолец. 1996. 3 февраля.

² *Анатолий Собчак*. Лучше бы ничего не менять... // Известия. 1996. 20 февраля.

Россия и личная свобода -
это два прекрасных незнакомца, -
которые... друг про друга ничего не знают.

Е.Тарновский, 1907 г.

Перестройка, события августа 1991 г., постперестройка, едва не вспыхнувший пожар гражданской войны 3-4 октября 1993 г., стали основанием для вывода о том, что "Россия плохо воспринимает демократию не только в силу каких-то глобальных исторических причин, но и по причинам весьма банальным - новое поколение никак не может прорваться к власти" ¹.

В приведенном суждении президента России можно было бы усмотреть элементы фарисейства, если бы дело не обстояло гораздо серьезнее и глубже. Сам Б.Н.Ельцин, начиная с осени 1991 г. действительно приложил немало сил к тому, чтобы какая-то часть "нового поколения" пришла к власти. Однако многие из его окружения оказались настолько некомпетентными и неподготовленными к политике, что довели страну к грани катастрофы. Кроме того, спорна сама постановка вопроса, когда демократия сводится к тому, в чьих руках находится власть, и есть ли доступ к власти у нового поколения.

Формулируя "принципы демократии" отцы "Декларации независимости" Соединенных Штатов Америки, как одного из самых популярных в мире документов о свободе и правах человека, исходили из того, что "все люди имеют естественные права, включая право на свободу, лишить которого не властны ни личности, ни группа лиц" ². От имени народа США в этом документе провозглашалось: "Мы

считаем самоочевидным, что все люди созданы равными и наделены творцом определенными неотъемлемыми правами, к числу которых относится право на жизнь, на свободу и счастье; что для обеспечения этих прав люди создают правительства, справедливая власть которых проистекает из согласия управляемых; что если какой-либо государственный строй нарушает эти права, то народ вправе изменить или упразднить его и установить новый строй, покоящийся на таких принципах и организующий управление в таких формах, которые должны наилучшим образом обеспечить его безопасность и благоденствие. Благоразумие требует, чтобы давно существующие формы правления не сменялись вследствие маловажных и переходящих причин, а посему опыт показывает, что люди скорее склонны терпеть зло, пока оно переносимо, чем пользоваться своим правом и идти на упразднение привычной формы правления. Но когда длинный ряд злоупотреблений и насилий, неизменно преследующий одну и ту же цель, обнаруживает стремление подчинить народ абсолютному деспотизму, то его право и его долг свергнуть такое правительство и создать новые гарантии обеспечения своей будущей безопасности"³.

Для того, чтобы демократия состоялась, в стране должна быть постоянная, от имени народа и по велению избирателей ротация кадров, проводимая с соблюдением установленных правил игры. Однако этот конвейер не может работать на полную мощность до тех пор, пока, во-первых, общество останется политически инфантильным, а население, т.е. избиратели с трудом избавляются от тоталитарных комплексов, и если, во-вторых, власть имущие не желают расставаться с однажды захваченной властью, пытаясь ее удерживать даже силой оружия, и, наконец, в общественном мнении нет достаточно ясного понимания того, чего мы хотим, что такое демократия, и если она нужна России, то какая и в каком виде.

Словом, перед тем как говорить о восприятии демократии, надо сначала разобраться в том, как эту самую демократию понимает сам народ. Известный русский ученый, автор книг "Индивидуализм и социализм", "Четыре свободы", "Личность и общество", "Нравственность и революция", еще в 1907 г. напоминал о том, "что только культурный и просвещенный народ, сумевший выработать в своей среде всесторонне развитую личность, может устроить у себя правильный политический строй и сумеет извлечь из него для себя все выгоды и преимущества, которые этому строю присущи"⁴.

Вполне возможно, что История, пожалуй, могла бы простить Б.Ельцину очень многие его ошибки, если бы он стал первым президентом, покинувшим свой президентский кабинет в соответствии с демокра-

тическими процедурами. В самом деле, "с властью в России, - как он сам замечает, действительно никогда добровольно не расставались" ⁵, но почему в таком случае он сам, а также его окружение, вздыбли Россию в предвыборной кампании, решив стоять насмерть, чтобы не допустить любого другого претендента к президентскому креслу.

Если понимать суть и тенденцию развития демократизации как последовательное сокращение государственной регламентации (огосударствления) жизнедеятельности граждан, а Конституцию как договор между гражданами и государством, как форму и механизм определения государственного устройства, то необходимо признать, что на передний план взаимоотношений между гражданским (демократизированным) отечеством и Конституцией выступают:

1) наличие институтов законности и правопорядка, надежно обеспечивающих оптимальное функционирование правовых отношений

2) наличие условий, прав и институтов, позволяющих гражданам обладать и пользоваться частной собственностью по своему усмотрению и гарантирующих невмешательство государства (его чиновничье-бюрократического аппарата) в частную жизнь, в законную деятельность общественных, национальных, религиозных и иных объединений

3) обеспечение свободы личности, гарантия неприкосновенности человеческого достоинства, жилища, права на свободы, включая свободу слова, национального, политического религиозного и иного самоопределения

4) наличие механизмов и институтов, позволяющих считать народ единственным носителем суверенитета, в том числе в виде формулы "власть народа". В иной редакции эта же самая формула означает, "что полномочия, данные правительству обусловлены согласием тех, кем управляют, и эти правительства отвечают перед гражданами за осуществление полномочий" ⁶

5) в социально стратифицированном обществе, в том числе с многонациональным составом населения необходимы дополнительные условия, гаранты и механизмы защиты интересов меньшинств, в тех случаях, там и тогда, где и когда имеется реальное ущемление их интересов или имеет место дискриминация по признаку принадлежности граждан к меньшинству.

Если же какой-либо дискриминации по национальному признаку не существует, соответственно отпадает надобность в разработке правовой защиты национальных меньшинств. Если, к слову сказать, сами национальные меньшинства не требуют для себя национально-культур-

ной автономии, то вряд ли имеет смысл навязывать им подобный закон.

Переход от тоталитаризма к демократизму предполагает формирование такого гражданского общества, в котором начнется осложнение государственно-бюрократического контроля, сужение сферы власти и усиление консенсусных функций между личностью (гражданином), обществом (гражданским обществом) и государством (демократическим государством).

Следовательно, одним из важнейших условий складывания и функционирования гражданского общества и его нормального взаимоотношения с государством является формирование высокого политико-правового уровня сознания и поведения личности, ее экономической и духовной свободы, умение включаться в работу как институтов гражданского общества, так и в формирование органов представительной и исполнительной власти, например, в ходе референдумов и избирательных кампаний.

Разумеется, общество переходного периода нуждается в серьезном и желательном глубоком знании уровня развития самой личности, и того как граждане понимают ключевые ценности демократии.

Таблица 1

Что самое главное в демократии?

За кого собираются проголосовать на предст. выборах?	Как Вы думаете, что самое главное в демократии?					
	Частная собств.	Свобода личности	Власть на-рода	Закон-ность вопре-ядок	Учет инте-ресов меньшинс	Затруд. отве-тить
КПРФ	2.2	6.5	27.3	39.1	2.6	22.3
ЛДПР	3.3	15.9	14.8	41.8	3.8	20.3
НДР	5.7	22.3	14.9	44.6	0.6	12.0
Яблоко	7.0	20.9	12.1	49.8	1.4	8.8
<i>Всего</i>	<i>4.1</i>	<i>15.5</i>	<i>14.8</i>	<i>41.5</i>	<i>2.4</i>	<i>21.6</i>

Большинство россиян (41,5%), накануне выборов 17 декабря 1995 г., в ходе предвыборной кампании полагало, что главное в демократии это законность и правопорядок. Двум другим ключевым ценностям демократии - "свободе личности" и "власти народа" отдали предпочтение соответственно 15,5% и 14,8% респондентов. На четвертом месте с десятикратным разрывом от "законности и правопорядка"

и почти с четырехкратным разрывом от "свободы личности" и "власти народа" является "частная собственность". И, наконец, на последнем месте в ряду из пяти предложенных на выбор ценностей демократии оказался "учет" интересов меньшинства (2,4%). Обращает на себя внимание, что для каждого пятого (21,6%) респондента вопрос о самом главном в демократии оказался не по плечу и не по уму, поэтому они оставили его без ответа (см. таблицу 1).

Адекватное понимание приоритетных ценностей демократии представляет собой часть гражданского и политического самоопределения граждан, в известной мере и с оговорками выявляется перед избирательными урнами. Несмотря на то, что для электоратов всех четырех партий, одержавших победу на выборах в федеральное собрание 17 декабря 1995 года, главным в демократии были "законность и правопорядок" в общей ранжировке предложенных ценностей (см. таблицу 1), выявились, как и следовало ожидать, существенные различия. Не пройдем мимо этих различий, так как в них, как в зеркале, отражается многое, в том числе менталитет российского электората, точнее электоратов конкурирующих партий в деле понимания того, что есть демократия. Прежде всего обращают на себя внимание особые затруднения, с которыми столкнулись электораты КПРФ и ЛДПР в понимании главного в демократии. Доля затруднившихся дать ответ на этот трудный для них вопрос оказался без малого в два - три раза больше, чем среди электоратов НДР и Яблока.

Среди самоопределившейся в этом вопросе части электората оказалось, что второй значимой ценностью (после "законности и правопорядка") для электората коммунистов была "власть народа" (23,3%), а для НДР, Яблока и ЛДПР - "свобода личности". (22,3%, 20,9%, 15,9%).

Меньше всего подготовлены россияне ценить в демократии такие ее ценности как "частная собственность" и "учет интересов меньшинства". Даже в той части респондентов, что показали себя приверженцами частной собственности, в электорате коммунистов их оказалось в 2,6 раза меньше, чем в электорате НДР и в 3,2 раза меньше чем в электорате Яблока.

Изучение электорального поведения россиян дает основание для вывода о том, что активизация "человеческого фактора", или деинфантилизация, становится немаловажным показателем и одним из результатов осуществляемых реформ и модернизации, освобождения постсоветских граждан от тоталитарного мышления. Часть населения не только адаптируется к новым реалиям, но и обретает вкус к частной собственности. Сама рыночная жизнь пробуждает энергию людей и побуждает их быть более, чем раньше, инициативными и работоспособными.

Вместе с приобщением к новым материальным условиям жизни, вместе с обретением нового вкуса к частной собственности, происходит поворот в менталитете. Отсюда не случайно, что именно у той части населения, которая "существенно" улучшила свое экономическое и финансовое положение в течение истекшего года, признание свободы личности, как главной ценностью демократии, почти в 5,5 раза было чаще, чем среди иммобильных (малопродвинутых) в материальном отношении граждан, т.е. среди тех, у кого экономическое и финансовое положение их семьи за тот же истекший год "существенно ухудшилось".

Отмеченный выше почти четырехкратный разрыв в урожае голосов, поданных за "свободу личности" и за "частную собственность" означает маргинальность в системе политической культуры граждан России. Поскольку центральное место в либерально-демократической модели политической культуры занимает убеждение в том, что частная собственность является основой индивидуальной свободы, а та, в свою очередь выступает одним из гарантов и необходимым условием самореализации отдельной личности, постольку и обнаруженный опросами разрыв между рассматриваемыми ценностями (принципами) - частной собственностью и свободой личности - является свидетельством неустойчивости политической культуры, признаком ее переходного состояния.

В "Концепции Государственной национальной политики Российской Федерации", одобренной постановлением Правительства Российской Федерации от 1 мая 1996 г., совсем нет упоминания о правах и о защите национальных меньшинств. В некоторой степени это упущение компенсируется в этом документе "гарантией прав коренных малочисленных и дисперсно проживающих народов в соответствии с Конституцией Российской Федерации, принципами и нормами международного права, признанными Российской Федерацией" ⁷. Не трудно заметить, что "дисперсно проживающие народы" и национальные меньшинства - это не одно и то же.

Следовательно, "Концепция" в деле защиты прав национальных меньшинств является шагом назад по сравнению с Конституцией Российской Федерации, принятой 12 декабря 1993 г. В той, как известно, "защита прав национальных меньшинств", наряду с защитой прав и свобод человека и гражданина была включена как в ведение Российской Федерации (статьи 71,104), так и в совместное ведение Российской Федерации и ее субъектов (статьи 72,105) ⁸.

Между тем, вступление России в ряд Европейских сообществ предполагает, что она (Россия) должна взять на себя обязательство

по обеспечению прав национальных меньшинств. Более того, взятый ею курс на демократизацию так же предполагает, соблюдая конституционные принципы, обеспечить такое представительство национальных меньшинств в органах и структурах власти, которое позволяло бы хоть в какой-то мере учитывать их национальные интересы, или, по крайней мере, могло бы предотвращать их дискриминацию.

Последнее, пятое по счету, место занято "учетом интересов национальных меньшинств" в ряду остальных ценностей демократии в структуре общественного сознания россиян не снимает решение этой проблемы, а напротив, придает ей еще более весомое значение.

В то же время среди сторонников КПРФ и ЛДПР несколько выше, чем среди приверженцев НДР и Яблока доля тех, кто счел возможным выделить в качестве главного в демократии - "учет интересов меньшинств" (см. таблицу 1).

Итак, две противоположные ценности - "свобода личности" и "власть народа" собрали почти одинаковый урожай голосов по объему меньше, чем голоса за "законность и правопорядок", но значительно больше, чем за "частную собственность" и за "учет интересов меньшинства". Вместе с тем, именно эти две ценности в отличие от остальных, едва ли не в большей мере, развели граждан России по разные стороны понимания сути демократии.

Традиционную для идеологии коммунистов ценность "власть народа" как главное в демократии, потенциальные избиратели КПРФ указали более чем в четыре раза чаще, чем "свободу личности". Среди тех же, кто собирался проголосовать за НДР и Яблоко, "свобода личности", напротив, ценилась в 1,5-1,7 раза выше, чем "власть народа". Выявленная опросами поляризация позиций по вопросам о свободе личности, явилась наглядным подтверждением переходного периода, в котором сейчас, в начале 1996 года, оказалась постсоветская Россия и ее растерянные граждане, независимо от их национальной и иной идентификационной принадлежности.

На это приходится обратить внимание хотя бы потому, что конституирование прав и свобод личности по отношению к государству и ограничение прав государства над личностью составляет наиболее выдающуюся и документально зафиксированную черту правового государства. Имеет смысл напомнить, что родиной личной свободы считается Англия, так как еще в начале XIII в., в Великой хартии 1215 года была закреплена следующая норма: "Ни один свободный человек не будет схвачен, посажен в тюрьму, лишен имущества, поставлен вне закона, изгнан или каким-нибудь другим образом лишен принадлежащего ему права или подвергнут убытку"⁹.

Преодолевая века и переходя от начала XIII в. в Англии, к концу XX в. в России мы должны поставить вопрос о том, как, в каких слоях населения локализуется понимание свободы личности, как главной ценности или существенной компоненты демократии.

ТЕ, КТО ВЫБРАЛИ СВОБОДУ ЛИЧНОСТИ

Как и следовало ожидать, свободу личности, как главное в демократии, столичное население выбирало несколько чаще, чем население в остальных типах поселений (в городах, ПГТ, селах и т.д.), молодежь чаще чем пожилые, граждане с высшим образованием чаще, чем малограмотные, те у кого экономическое и финансовое положение семьи за последний год "существенно улучшилось" в более чем в два раза чаще, чем те, у кого материальное благосостояние за тот же год "существенно ухудшилось". Поддержка курса России на реформирование и на демократизацию так же было тесно увязано с пониманием расширения прав человека и расширение места свободы личности как структурной ценности в системе демократии. Среди граждан, считающих, что нынешняя Россия идет в правильном направлении, признание свободы личности главным в демократии составляло около 32,0% и в 2,6 раза было чаще, чем среди оппозиционно настроенных слоев населения, полагающих, что дела в России идут в неправильном направлении.

Включенность свободы личности в систему демократических ориентаций граждан подтверждается и тесной связью между пониманием важности прав человека и типом предпочитаемого лидера. Среди тех граждан, которые готовы были поддержать лидера реформаторов (обещающего развивать Россию в теперешних границах) или лидера антидиктатора (обещающего противостоять диктатуре) удельный вес выбора "свободы личности" как главной ценности демократии, был в каждом случае в 2,3 раза чаще, чем среди тех, кому дороги были лидеры противоположной ориентации - т.е. лидеры, обещающие восстановить СССР или восстанавливать в России порядок диктаторскими методами. Стремление к демократическому обустройству России, связанному с разумным распределением контроля и власти на основе договоренности между Центром и регионами, также увязывалось с обеспечением прав человека и свобод личности. Среди тех, кто предпочитал децентрализацию власти жесткому контролю Центра, удельный вес признания свободы личности, как главной ценности демократии, был без малого в два раза выше.

Национальные движения, набравшие обороты с 1988-1989-х годов, среди нерусских народов развивались интенсивнее, чем среди русско-го. Даже на заре этнической мобилизации Народные Фронты возникали раньше, чем ответные Интердвижения, в составе которых, как правило, преобладали русские. Рост самосознания русских, как бы отставал от роста самосознания остальных народов бывшего СССР и нынешней Рос-сии. Вместе с тем в идеологии национальных движений с ее опорой на групповые приоритеты для своей этнической общности (для своей на-ции) не всегда находилось достойное место для такой демократической ценности как свобода личности. Участие в национальном движении предполагало известное ограничение свобод личности и принесение этой свободы в жертву во имя национального самоопределения, "сво-боды нации".

В этой связи видимо далеко не случайно, что именно среди нерус-ского населения России, отличающегося высоким уровнем националь-ного самосознания, доля лиц, признавших "свободу личности" новой ценностью в системе демократии была, хоть и не намного (в 1,3 раза), но все же больше, чем среди русских.

ТЕ, КТО ВЫБРАЛИ ВЛАСТЬ НАРОДА

В отличие от "свободы личности" совсем в иных слоях населения на-ходила себе приют ценность: "власть народа". Более всего представле-ние об этой ценности, как главном элементе демократии, было попу-лярным среди сельских жителей и нестоличных городов. Для пожилого населения она была более привычной, чем для молодежи. Например, среди тех, кому в конце 1995 г. исполнилось более 60 лет, эта установка была распространена в 2,2 раза чаще, чем среди молодежи в возрасте 18-20 лет, среди убежденных атеистов в 1,7 раза чаще, чем среди ве-рующих, но не соблюдающих религиозные обряды и ритуалы, среди лиц со средним образованием в 1,6 раза чаще, чем среди тех, кто имел высшее образование. Мобильные в материальном плане слои населе-ния менее были склонны к этой ценности, чем иммобильные. Среди граждан, хотя бы "немного улучшивших" экономическое и финансовое положение своей семьи за истекший год, удельный вес сторонников "власти народа" был в полтора раза меньше, чем среди тех, у кого ма-териальное положение "существенно ухудшилось". Как уже от-мечалось, среди потенциального электората КПРФ и ЛДПР, привержен-ность к "власти народа" как главной ценности демократии, было на по-рядок выше, чем среди электоратов НДР и Яблока.

Почти в два раза чаще признавали "власть народа" те слои населения, по мнению которых дела в России шли в неправильном направлении, по сравнению с теми, кто направление дел считал правильным, и одновременно признавал "власть народа" как главную ценность демократии. Совокупные итоги опросов не оставляют сомнений в том, что "власть народа", как ценность, гнездилась скорее в системе консервативных, чем в лоне демократических воззрений. Среди тех граждан, кому симпатичны были лидеры консервативного и диктаторского склада, доля приверженцев "власти народа" была особенно высокой: - соответственно в 2,1 и в 1,3 раза, по сравнению с теми, кому предпочтительнее казались лидеры - реформаторы и лидеры - антидиктаторы.

"Национальный фактор", хотя и проявлялся в оценке "власть народа", составляя 15,2% для русских и 13,0% для остальных народов России, но решающего значения, как видно, не имел.

¹ *Борис Ельцин*. Записки президента. М., 1994. С. 394.

² Цит. по: *Вячеслав Халипов*. Власть. Основы кратологии. М., 1995. С. 120.

³ Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты. М., 1993. С. 29.

⁴ *Евгений Тарновский*. Четыре свободы. Спб., 1995. С. 183.

⁵ *Борис Ельцин*. Указ. раб. С. 395.

⁶ *Дитер Хенрих*. Всемирный федерализм в 1990-х годах. Панорама-форум, 1995. №2. С. 93.

⁷ Концепция Государственной национальной политики Российской Федерации // Российская газета. 1996. 4 июня.

⁸ Более или менее подробный анализ права на национальную самобытность (этничность), прав малочисленных народов и ограниченных прав национальных меньшинств в Конституции РФ и в Конституциях субъектов РФ был сделан в статье: *М.Н.Губогло*. Национальное право и вопросы национально-культурных объединений в новейших Конституциях республик Российской Федерации (1993-1995 гг.) // Национально-культурные автономии и объединения. Антология. Т. 2. М., 1995. С. 33-69.

⁹ Цит. по: *Евгений Тарновский*. Четыре свободы. С. 45.

Тенденция "Политического негодования избирателей", проявляющаяся в форме общественного электорального протеста против официального курса на шоковые реформы не остается незамеченной. Особое беспокойство эта тенденция вызвала у Президента страны, когда стали известны итоги выборов в декабре 1995 г. Последовавшая отставка таких одиозных фигур как А.Чубайс, А.Козырев, С.Филатов и некоторых других проводников реформ показала определенную зрелость демократического режима в России. Вызов "неуправляемого" электората был однозначно услышан Президентом, решившимся лишиться своих наиболее близких соратников по вхождению во власть и по реформаторскому курсу.

Высокая чувствительность команды Президента к меняющейся ситуации и к мнению избирателей выдвигает на повестку дня необходимость в разоблачении некоторых мифов, сочиненных в лагере сторонников радикально-реформаторского курса.

Выборы 17 декабря 1995 г. в целом убедительно развеяли 4 мифа относительно российского электората, назойливо и упорно распространяемых в ходе предвыборной кампании некоторыми продемократическими средствами массовой информации.

Миф первый состоял в попытках убедить широкую общественность в том, что Россия погружается во тьму политической апатии и на выборах 17 декабря примет участие четверть или немногим более электората. Так, например, за 4 месяца до выборов в середине июля 1995 г. в редакционной преамбуле к программной статье "Кто победит на выборах?" газета "Известия" с глухой ссылкой на якобы расчеты Директора Русского центра Гарвардского университета Тимоти Колтона по большевистски твердо предсказала, что "в декабре из 106 миллионов избирателей голосовать придет от силы 25-30%"¹.

Мои попытки разыскать соответствующую публикацию Тимоти Колтона, по приглашению которого я был одним из организаторов исполнения крупного и широкомасштабного пред- и поствыборного исследования в России, пока не увенчались успехом. Следовательно, прогноз о 25-35% явке избирателей является выдумкой и остается целиком на совести редакции газеты "Известия".

69,2 млн. избирателей, принявших участие в голосовании по выборам депутатов Государственной Думы Федерального Собрания России 17 декабря 1995 г. составили 64,4% общего числа избирателей в Российской Федерации, внесенных в списки избирателей. Иными словами, прирост электоральной активности в 1995 г. по сравнению с 1993 г. составил 9,6% ². Эта повышенная активность избирателей, хотя и не дает оснований говорить о возросшей политической культуре избирателей (откуда ей взяться?), но все же, подобно колоколу, предупреждает если не о становлении, то по крайней мере о пробуждении электората России.

Второй из мифов, скроенный скорее всего в кругах, близких к верхушечным структурам управления, постепенно теряющим контроль над страной, состоял в попытках занижения уровня менталитета российских избирателей, среди которых по словам той же ерничающей газеты "Известия", якобы "по-прежнему торжествует ничего не читающий (кроме разве что надписи на бутылке - "Водка Жириновского", необразованный обыватель" ³, и который не способен понять, какие блага его ожидают там, куда увлекают его горячие сторонники шоковых терапий.

Справедливости ради надо признать, что для подобной оценки действительно были некоторые вполне объективные обстоятельства, как, например, "глухое молчание подавляющей части народа" ⁴ России во время кульминационных событий августа и декабря 1991 года, весны 1992 и 1993 года, сентября и октября 1993 года.

Вообще тема "незрелости" русского народа, его неспособности к демократии стала едва ли не излюбленной темой целого ряда теоретиков "сильной демократии". Одними из первых, в частности, к идее "железной руки" во имя проведения в жизнь рыночных реформ обратились И.Клямкин и А.Мигранян еще накануне развала Советского Союза ⁵. Согласно концепции Г.Попова демократия - это такой рай, в который не грех загнать неразумных людей с помощью дубины, но без какого-либо контроля со стороны тех, кого, не спрашивая загоняют в этой самый рай ⁶.

Самопровозглашая себя носителями передовых идей и "Высшей правды", радикальные сторонники форсированной демократизации

объявляют народ "незрелым" в том случае, если он (народ) не признает волю демократов истиной в последней инстанции, или отдает свои голоса каким-либо партиям нерыночно-демократического толка. Если народ отказывается голосовать за демократов, он немедленно объявляется люмпеном, не имеющим зрелости, а следовательно, не достойным участвовать в демократических выборах парламента или Президента ⁷.

Стоило значительной части избирателей в декабре 1993 г. отдать свои голоса не демократам, чтобы тут же получить пощечину от певцов демократии: "Россия ты сдурела!"

Стоило коммунистам через два года собрать наибольшее число голосов избирателей (в декабре 1995 г.) немедленно с экрана телевизора и по страницам газет была запущена, как торпеда, новая идея о продлении полномочий Президента. Особенно старался в этом плане В.Ф.Шумейко.

Едва ли не больше всех преуспела в очернительстве народа России газета "Московский комсомолец" из номера в номер упивающаяся криминальной хроникой и ерничанием по поводу несмышленного и полуграмотного населения России. Когда за гайдаровскую модель экономических реформ отдали голоса лишь 15% граждан, пришедших к избирательным урнам в декабре 1993 г., немедленно последовало, как пишет В.Максимов, - объяснение этой газеты: "Никто не виноват, ни правительство, создавшее своей экономической политикой все условия для возникновения фашизма, и ни интеллигенция, поддержавшая и продолжающая поддерживать эту политику, - виноват народ. Он у нас, оказывается, настолько глуп, что сам не знает, за кого ему нужно голосовать" ⁸.

Даже склонный к объективизму демократ О.Попцов присоединил свой голос к числу хулителей россиян, пожурив, в частности, избирателей за то, что они "плохо работают", в итоге мы "живем так, как работаем" ⁹.

Хотя тот же О.Попцов, с душевным подъемом описывая победу Б.Ельцина над М.Горбачевым, летом 1991 г. и приписывая эту победу демократам, одновременно воздает хвалу правильно поступившему электорату. "Победа Ельцина на выборах поставила логическую точку, - пишет О.Попцов, - Расхристанные, разобщенные демократы преподали урок интеллектуального превосходства... Народ выбрал свободу"... ¹⁰. Двойная бухгалтерия налицо! Когда народ голосует против демократов, он "плохо работает", когда же выбирает ставленника демократов, поумному выбирает свободу. Концы с концами, как видно не сходятся. Как же он, народ России?

Еще одно из оправданий заниженной оценки менталитета российских граждан невольно возникает из одностороннего, очернительского по своему характеру, подхода к изображению особенностей поведения бывших советских граждан, некоей "исторической неподвижностью и инертностью" народных масс¹¹. В итоге рождается формула, согласно которой "традиционное поведение советских людей" характеризуется как "предсказуемое поведение, одобренное и санкционированное властями, коллективно-коллегиальное, догматическое, безынициативное, покорное"¹².

Если бы эта формула действительно "работала", то вряд ли бы вопреки всем указаниям сверху, вопреки угодническим предсказаниям снизу, смогла состояться победа партии В.Жириновского в декабре 1993 г. и партии Г.Зюганова в декабре 1995 г. Электоральное поведение избирателей и выбор постсоветских граждан состоялся не по "одобрению и санкциям властей", а вопреки им. И надо согласиться с М.М.Утяшевым в том, что "разбуженное поведение россиян" объясняется не столько свойственным им традиционализмом, сколько "отходом от тоталитаризма, автономией личности, провозглашением политических свобод, свободой информации, ростом рабочего движения, формированием многопартийности, религиозным возрождением"¹³.

Перечисленные факторы вполне укладываются в новую формулу, раскрывающую суть того, что можно именовать процессом деинфантилизации, отходом и отказом бывших советских граждан от инфантилизма и иждивенчества.

"Резкий спад эффективности институтов бюрократического государства, - считает Э.Ожиганов, - породил иллюзию продвижения к тому типу политического режима, который в обиходе принято называть "демократией". Однако в условиях системного кризиса шансы на замену этих институтов политической демократией либерального толка незначительны, характеристика господствующего класса, административного аппарата и масс в данный период, а также отношения между ними не оставляют для этого никаких надежд"¹⁴.

Еще одно заблуждение, дающее повод утверждаться мифу о пещерном менталитете нынешних россиян, вытекает из экстраполяции импотентства власти на неспособность народа к саморазвитию и самовывживанию. Предпосылкой для подобной экстраполяции может, в частности, служить критическая, справедливая в своей основе оценка потенциала нынешней власти и ее структур. Иными словами, кризис власти не только экстраполируется на граждан России, но как бы оправдывается ее собственным слабо продвинутым менталитетом.

К деинфантилизации, выражающей себя, в частности, в возрастающей политической активности населения сторонники форсированной демократизации России относятся противоречиво. С одной стороны они воспринимают разбуженную электоральную энергию широких кругов населения весьма позитивно, правомерно зачисляя его себе в актив, и в заслугу. С другой стороны там, где эта деинфантилизация, как кость в горле, оборачивается против самих демократов, они всячески пытаются или принизить, приуменьшить, или, наконец, объективистски дифференцированно оценивать ее проявление в разных сферах жизнедеятельности. Так, например, С.Я.Матвеева, анализируя то, как бывшие советские люди "меняют кожу", допускает возможность говорить о возникновении в постсоветской России нового идеала частной жизни. По ее мнению этот идеал включает ценности благосостояния, обладания комфортным жильем, стремление к независимым от государственной власти источникам дохода, к освобождению от патерналистской опеки государства. Однако, как тонко ей возразил Герхард Зимон, возникает противоречие между появлением этой новой русской мечты, в виде идеала частной жизни и электоральным поведением тех же граждан, которые, придя к избирательным урнам, отдают свои голоса за кандидатов, которые не стоят за частные интересы и ценности, а совсем наоборот - голосуют за концепцию возрождения великой державы. Видимо, не желая признавать проявление деинфантилизации россиян в политической сфере, С.Я.Матвеева сделала это весьма изящно, указав на несовместимость формирования идеала и ценностей частной жизни, ("новой русской мечты" - в ее понимании) имеющих массовый характер и голосования граждан на конкретных выборах, представляющих собой, по ее мнению, "частную проблему", "очень маленький процесс", "частный процесс, имеющий меньшее значение", чем "неодолимый процесс социокультурных изменений"¹⁵. Подобное пренебрежительное отношение к выборам вряд ли найдет поддержку даже среди уже неоднократно обиженных выборами демократов. В самом деле, "выборы, - как признался недавно один из идеологов "Демократической России" - означают, что придется признавать совершенные ошибки, освободиться от наиболее одиозных союзников и подчиненных, анализировать настроения масс и пытаться (хотя бы на словах!) что-то обещать народу"¹⁶.

Значение свободных демократических выборов в Российской Федерации тем более заслуживает высокой оценки на фоне ущербных выборов, проводимых в условиях этнического тоталитаризма в некоторых новейших независимых государствах. Так, например, 40% насе-

ления Эстонии, как говорилось на Парламентской Ассамблее Совета Европы в октябре 1992 г., отстранено от участия в выборах из-за ограничений в гражданских правах¹⁷. В России такого нет, чтобы какая-нибудь этническая общность или ее отдельные представители были лишены прав голосовать.

Итак, можно говорить о двух линиях неприятия пробуждающейся политической активности граждан России. С одной стороны это выражается в откровенной антироссийской постановке вопроса о низком уровне менталитета граждан, не доросших до понимания того, что голосовать надо только за демократов, с другой стороны в вольной или невольной попытке занизить значение самих выборов, представляя их малозначимыми по сравнению с социокультурными проблемами жизнедеятельности российского общества.

С помощью третьего мифа, согласно которому в общественное сознание внедряется мысль о том, что "российский избиратель голосует не столько за партии и программы, сколько за личностей", эксперты из состава правящей команды или сочувствующие ей, пытаются сбить с толка общественное мнение и умалить значение осознанного интереса электората к конкретным программам. Цель этого мифотворчества так же нетрудно разгадать: она состоит в том, чтобы заморозить рост политического самосознания, заблокировать свободное политическое самоопределение граждан и их осмысленную электоральную активность.

Коварство этого мифа заключается и в том, что он опирается на некоторые традиционные для России ценности. Как уже отмечалось, в литературе, на Руси в самом деле, ценили индивидуальность, но не призывали индивидуализм¹⁸. Однако эта особенность русского человека, ставшая основой национального мировоззрения и национального уклада жизни, не всегда и не в полной мере экстраполируется на все формы поведения граждан, в том числе и во время выборов.

Вместе с тем не исключено, что сами мифотворцы, поверив в надуманный ложный посыл, попали в декабре 1995 г. в собственную ловушку. Можно допустить, что идеологи партии власти, т.е. проправительственного блока "Наш дом Россия" в самом деле в своей предвыборной кампании центральное внимание уделили пропаганде не программ и идей, а на фамилии кандидата, наиболее известной населению. Тем не менее, вынесенная на второй номер фамилия Никиты Михалкова большого успеха НДР не принесла. Да и сам Н.Михалков, во-первых, раскрыл свои карты, отказавшись от депутатского мандата, а во-вторых, обнаружил свое истинное лицо, покинув ряды оппозиции,

в рядах которой он, как Э.Рязанов, Б.Окуджава, и некоторые другие любимцы публики 60-х - 70-х, любил себя представлять.

Четвертый миф связан с этническим фактором и представляет собой популистский по существу тезис о некоей универсальности и самодостаточности национальной идеи, (например, реализуемой в виде программ национального возрождения), якобы проявляющей себя чуть ли не автономно и независимо от каких-либо внешних, не-национальных факторов.

С приведенным мифотворчеством смыкались попытки ревизовать результаты выборов, найти аргументы в доказательство их сфальсифицированности, сплотить общественное мнение к переносу выборов, к продлению полномочий Президента и ряд других попыток с одной и той же целью: удержаться у власти. Поскольку на пути реализации этих замыслов возникла наука, раскрывающая смысл и цели мифотворчества, науку надо было вытеснить. Лучше всего это сделать, оставив РАН без зарплаты.

Достаточно напомнить фотоснимок нового здания Российской Академии Наук, что на стыке Ленинского проспекта и улицы Косыгина, опубликованный в "Московском комсомольце" с беззастенчиво циничным заголовком: "Труп над Ленинским проспектом".

У мифотворцев и похоронщиков науки, как и армии, цель одна: вытеснить обе эти структуры - и науку и армию со сцены "демократической" России, коль скоро ни наука, ни армия не помогают нынешним демократам удержаться у власти. А коль так, зачем они России?

Указанное здесь мифотворчество - далеко не единственное в нынешней России. Против мифотворчества, как некоей основы, на которой строится политика нынешних правящих кругов, еще в марте 1994 г. решительно выступили участники новой общественной организации политического клуба "Реалисты", инициатором создания которого выступил Ю.В.Петров, бывший руководитель администрации Президента, ставший позднее председателем государственной инвестиционной корпорации "Госинкор". По признанию "реалистов", многочисленные мифы, во-первых, не являются чем-то новым, во-вторых, повторяют известную с первых дней большевистского правления практику мифотворчества. Вполне естественно, что мифология, как некая идеологическая база современной политики, вместе с этой политикой получила название необольшевистской¹⁹.

Мифы об электорате, подобно многим другим мифом, как, например, мифе о "500 днях", которые должны были привести Россию к процветанию, мифе об имперских амбициях России, якобы более других бывших союзных республик заинтересованной в реинтеграции, мифе

об экономической и научно-технической несостоятельности России, не способствуют процессам форсированной деинфантилизации бывших советских граждан. Более того, построенная на песке мифотворчества политика, не признающая реалистические научные выводы, противоречит безопасности и жизненно важным интересам России, ведет ее по пути превращения в топливно-сырьевой придаток стран Запада.

¹ Известия, 1995. 19 июля.

² См.: Россия перед выбором. Социологический анализ общественного мнения электората. М., 1994. С. 87; Российская газета. 1996. 6 января.

³ Известия. 1995. 18 июля.

⁴ В.П.Лукин, А.И.Уткин. Россия и Запад: общность или отчуждение? М., 1995. С. 91.

⁵ И.Клямкин, А.Миграян. Нужна ли железная рука? // Литературная газета. 1989. №39.

⁶ Г.Попов. Что делать? М., 1990. Ср. его же: Перспективы и реалии // Огонек. 1990. №90.

⁷ Мария Феррети. Сталин умер вчера: авторитаризм в политической культуре современного русского либерализма // Куда идет Россия? ...Альтернативы общественного развития. М., 1995. С. 310-311.

⁸ Владимир Максимов. Самоистребление. М., 1995. С. 41.

⁹ Олег Попцов. Хроника времен "Царя Бориса". М., 1995. С. 30.

¹⁰ Олег Попцов. Хроника времен "Царя Бориса". С. 139.

¹¹ Межуев В. Интеллигенция и демократия. Свободная мысль, 1992, №16. С. 37.

¹² М.М.Утяшев. Политическое поведение в постсоциалистическом обществе. Уфа, 1995. С. 50.

¹³ М.М.Утяшев. Указ раб., С.51.

¹⁴ Ожиганов Э. Системный кризис власти в СССР, Общественные науки и современность, 1991. №2. С. 45.

¹⁵ С.Я.Матвеева. Новая русская мечта и кризис самоидентификации // Взаимодействие политических и национально-этнических конфликтов. Часть I, М., 1994. С. 105.

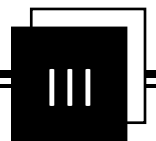
¹⁶ Гавриил Попов. Ельцин-Зюганов. Политический расклад // Аргументы и факты. 1996. №8 (801), февраль.

¹⁷ Сергей Бабурин. Российский путь. М., 1995. С. 135.

¹⁸ Сергей Бабурин. Российский путь. 1995. С. 123.

¹⁹ Цит.по: Геннадий Осипов. Социология и политика. М., 1995, С. 436.

**О СТРАТЕГИИ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ
ОРИЕНТАЦИИ РОССИИ
(Из предостережений
неозападничеству)**

- 1: *Взаимосвязь ориентиров внешней и внутренней политики***
- 2: *Внешние угрозы безопасности России***
- 3: *Цели запада***
- 4: *Расширение НАТО: бомба замедленного действия России***
- 5: *Нужны ли России блоки?***
- 6: *Расходы на оборону: мнения быстрого реагирования***
- 7: *Разочарование в опыте запада - охлаждение к демократам***
- 8: *Иностранные инвестиции: помощь или угроза!***
- 9: *Протекционизм как самозащита***
- 10: *Экспорт сырья***
- 11: *Поворот к неоконсерватизму***

Если бы деинфантилизация была единственной направляющей линией развития менталитета Российского электората, вероятно следовало бы ожидать поступательного движения самой России прямым курсом демократических реформ. Однако в жизни не так все просто и мы имеем возможность наблюдать не только приливы деинфантилизации, но и отливы реинфантилизации. Возникает проблема вектора, определяющего генеральные направления (равнодействующей линии) развития умонастроения и поведения избирателей. Тенденция общего сдвига влево, так жарко обсуждаемого журналистами по горячим следам выборной кампании 1995 г., сдвига, оказавшего серьезное воздействие на новый состав Государственной Думы, на перераспределение в ней кабинетов, должностей, портфелей, а в конечном счете на общеполитическую ситуацию, не может служить универсальной основой или какой-то общей платформой для объяснения того, куда, в каком направлении двинулась Россия, влекомая своим развивающимся электоратом. Дело в том, что наряду с дроблением и дальнейшей дифференциацией политического спектра имеют место консолидационные процессы на новой основе - внутри- и межпартийных расколов и объединений. Более того, поляризация и консолидация политических сил складывается порой не на какой-либо долговременной стратегии, а на основе тактических маневров вокруг конкретных программ, лозунгов, проблем, ситуаций. И еще одна принципиальная гипотеза: бывает и так, что равнодействующая деинфантилизации, скажем, в области внутренней политики, например, идеологии и политики, частично в области приватизации и демократизации, может сопровождаться откатом или реинфантилизацией в области внешней политики. Зондаж, фиксация и изменение этих разновекторных тенденций совсем не легко, как может показаться с первого взгляда, так как академические институты не имеют

возможности проводить скоординированные и синхронные исследования складывания и функционирования представлений наших граждан по вопросам внутренней и внешней политики. Такие исследования дорого стоят. Сегодня они не под силу РАН.

Поэтому для того, чтобы определить куда все-де призывают идти Россию ее избиратели, нужны специальные исследования, позволяющие комплексно увязать вопросы внутренней и внешней политики. Иными словами, важно знать не только куда зовут Россию ее политики, но и куда она сама идет. Не приходится сомневаться в том, что цели национальных (государственных) внешнеполитических интересов России самым теснейшим образом связаны с ее внутренними интересами, целями и задачами. И для удовлетворения последних, т.е. для сохранения территориальной целостности России, суверенитета и независимости, укрепления ее безопасности необходимы ясное и четкое понимание необходимости обеспечения благоприятных внешних условий, что достигается в нынешнем изменившемся, принципиально ином мире путем расширения круга союзников, нейтрализации колеблющихся, изоляции противников. Несмотря на красивую оптимистическую формулу, провозглашенную сначала Э.Шеварднадзе, а затем манифестированную А.Козыревым от имени внешнеполитического ведомства СССР и России о том, что ни к одному государству Россия "не относится как к своему противнику" ¹, сама по себе приведенная парадигма не является самодостаточной, т.к. не выделяет, или по крайней мере упускает из поля зрения наличие потенциальных угроз интересам России со стороны внешнего мира.

Знание и учет представлений россиян о Западе нужны не только с теоретической точки зрения, чтобы вычислить меру деинфантилизации и выхода россиян из состояния изоляционизма, но и определить наиболее мобильные слои населения, заинтересованные в контактах с Западом для ускоренного и плодотворного приобщения к его рациональным достижениям.

На страницах демократической печати довольно часто дискутируется вопрос о том, какой видит Запад современную Россию и ее важнейшие постсоветские вызовы². Средствами массовой информации бесконечно тиражируется реакция У.Клинтона, Г.Коля, Д.Мейджера, С.Берлускони и многих других лидеров Западных стран на те или иные импульсы постсоветской России. В то же время чрезвычайно мало внимания уделяется тому, каким видится Запад из самой России. Каков он, Запад, и его цели в представлениях наших современников, и как варьирует электоральное поведение граждан в зависимости (а точнее в связи) с представлениями о жгучих вопросах истории и бытия России и ее народов. Вряд ли могут быть сомнения в том, что наводить мосты и строить паритетные отношения между За-

падом и Россией невозможно без учета общественного мнения, без знания умонастроения и нынешних представлений россиян о Западе, о его явных и скрытых намерениях.

Иными словами, преобладающий нынче дискурсный подход необходимо дополнить ракурсным видением и выделением реальных процессов.

¹ Изучение проблем трансформации постсоветского российского общества и государства органично связано с поисками ответов на ключевой вопрос: "Куда идет Россия...?" См. подробнее: Трансформация цивилизационно-культурного пространства бывшего СССР (Тенденции, прогнозы), М., 1994; Куда идет Россия...? Альтернативы общественного развития, II Международный симпозиум 15-18 декабря 1994 г., М., 1995; *Б.Куртшвили*. Куда идет Россия?, М., 1994.

² *Лилия Шевцова, Шерман Гарнетт*. Что думают в Америке о российских проблемах // Независимая газета. 1996. 28 марта; См. также: *Андрей Крутских*. Через призму геополитики // Независимая газета, 1996, 27 марта;

И действительно, в приведенную выше пацифистскую формулу, призванную раскрыть современные реалии международных отношений, похоже, поверил каждый пятый россиянин, подтвердивший в ходе опроса по общероссийской выборке в декабре 1993 г., свою уверенность в том, что никакой угрозы безопасности России не существует. Это в самом деле представляет значительное достижение демократической пропаганды. Примерно еще столько же респондентов (без малого каждый пятый) затруднились ответить на этот вопрос.

Вместе с тем значительные массы взрослого населения (62,1%), заглядывая в XXI век и задумываясь о будущем России, указали о наличии той или иной угрозы для ее безопасности.

Из конкретных очагов, потенциально создающих угрозу безопасности России, чаще других назывались страны исламского пояса вокруг России и прежде всего Иран и Афганистан. Доля лиц, усматривающих угрозу со стороны Запада или Китая, как показал опрос, была почти в два раза меньше тех, кому Иран и Афганистан чудились некоей кошкой, сильнее которой зверя нет (см. табл. 1).

Таким образом, опрос позволил выявить наличие диссонанса в ощущении источника главной опасности между официальным руководством России, и общественным мнением. На рубеже 1995-1996 г. в российском руководстве возобладала точка зрения о серьезной угрозе, нарастающей перед Россией прежде всего в связи с расширением НАТО.

Неоднократный кандидат в кресло Министра иностранных дел России, трижды избранный председателем комитета Государственной Думы по внешнеполитической деятельности В.Лукин так объяснил свое ощущение приближающегося к границам России НАТО: "- Представьте себе, что Вы идете один поздно вечером и видите группу

хорошо вооруженных людей. Вы испытываете неприятное чувство и не знаете, хотят они на вас напасть или нет. Вы не знаете решения, которое они примут по отношению к вам, и никак не можете повлиять на ситуацию. Подобное происходит, когда крупная военная машина приближается к вашим границам, и вас в эту систему не принимают. Есть два решения: либо вы становитесь частью этой компании, либо принимаете меры, чтобы с ними не связываться. Намерения часто меняются, главное - соотношение сил" ¹.

Таблица 1

Главная угроза безопасности России
(в % по итогам опроса 1993 г.)

Главная угроза безопасности России	Всего
1. Нет угрозы	19.3
2. Затрудняются ответить	18.2
3. Угроза со стороны Японии	1.7
4. Угроза со стороны азиатских стран, таких как Китай	6.3
5. Угроза со стороны Запада	6.8
6. Угроза со стороны Среднеазиатских стран, таких как Иран, Афганистан	12.9
7. Другое	34.2

Обращает на себя внимание относительно высокий удельный вес лиц, указавших в качестве главной угрозы безопасности России - анонимное, или не предусмотренное в "закрытом" варианте вопроса - "другое". Это, как показал предварительный контент-анализ личных мнений респондентов, факторы так называемого "внутреннего риска", во-первых, пугающе нарастающее импотентство существующей власти, сумевшей танками расстрелять Верховный Совет в Белом Доме, но оказавшейся не способной потушить пожар Чеченской войны, во-вторых, захромавшая система управления и болезненные отношения между Федеральными властями и органами власти субъектов Российской Федерации, в-третьих, угроза целостности, единству и стабильности государства со стороны сепаратистских движений, элит, организаций, и, наконец, в-четвертых, губительно действующая на общество система дезинформации и псевдоинформации, направленная не на единение, а на разобщение народа.

Почти двукратное преобладание доли лиц, назвавших в числе главных угроз безопасности России совокупность внутренних факторов,

сгруппированных при разработке базы данных в графу "другое" дает основание для вывода о том, что никакая отдельная внешняя угроза - Китай-ли, Афганистан-ли, США-ли, НАТО-ли, не является для России столь опасной, нежели факторы ее внутренней нестабильности, в том числе ее руководство, не берущее "в голову" необходимость строить политическую и экономическую тактику и стратегию на основе достоверной информации и научно-обоснованных рекомендаций.

На этот вывод имеет смысл обратить особое внимание с точки зрения понимания сути и содержания процессов взросления общественно-го мнения и деинфантилизации граждан России.

Ощущение и неощущение внешней угрозы приблизительно равномерно распределено по городам и весям России, а также по различным поколениям россиян. В самом деле, лишь на 8% горожан в крупных нестолических городах были обеспокоены этой угрозой больше, чем сельское население. Однако в селах почти на 10% больше, чем в тех же городах, оказалась доля лиц, не сумевших выразить свое отношение к данному вопросу.

Среди молодежи в возрасте 18-20 лет доля лиц, считающих, что для России нет угрозы, составляла 22,4% и была наиболее высокой, но тем не менее превосходила полярную по величине долю среди тех, кому перевалило за 60, на 5,7%.

Впечатления граждан о наличии угрозы безопасности России были связаны и с характером собственности предприятий или организаций, в которых они были заняты. Меньше всего (44,5%) наличие угрозы ощущали те, кто к этому времени (декабрь 1993 г.) работал в совместных предприятиях и иностранных фирмах, больше всего те, кто работал в колхозах (65,4%) и в акционерных предприятиях (65,5%).

Гораздо слабее проявлял себя такой традиционно информативно сильный фактор, как жилище. Разница в ощущениях наличия угрозы между теми, кто имел "собственный" дом, и теми, кто снимал комнату или квартиру, составляла 8,4%.

Образовательный уровень находился в числе факторов хоть и не сильно, но все же снижающих страхи перед внешним миром. Чем выше была образовательная планка, тем, как правило, меньше было определение угрозы. Среди лиц с высшим образованием доля лиц, не признающих наличие угрозы для безопасности России была на 9,1% больше, чем среди малограмотного или населения, имеющего лишь начальное образование.

Исследование обнаружило определенные взаимосвязи между представлениями граждан о непростых проблемах внешней политики с экономическим положением и уровнем благосостояния. Так, напри-

мер, настроения беспокойства и ощущения угрозы безопасности России усиливались прежде всего среди той части населения, у которой экономическое и финансовое положение их семей существенно или хотя бы немного улучшилось, за последний год. Размах вариаций между полярными в этом отношении группами (экономическое положение "существенно улучшилось" и "существенно ухудшилось") составил 11,6%.

Заметное влияние на складывание представлений о внешней политике, в том числе о внешних вызовах, включая представления о наличии угроз безопасности России, оказывала общая политическая ориентация граждан. Не случайно, что прозападнические настроения в связи с пониманием общей международной обстановки, у электората "Выбора России" проявлялись более сильно, чем среди тех, кто отдал свои голоса в декабре 1993 г. партии Г.Зюганова. Среди первых доля лиц, не усматривающих какой-либо внешней угрозы безопасности России была в 2,6 раза больше, чем среди вторых.

Настороженное отношение к загранице, как вероятному и возможному источнику угрозы безопасности России, укрепилось в большей мере среди оппозиционно настроенной части населения, чем среди той, которая поддерживала правящий режим и его внешнюю политику. Предвыборный опрос в ноябре и декабре 1993 г. показал, что среди той части электората, кто собирался голосовать против Ельцинской Конституции внешней угрозы для России не видели всего 13,7%, в то время, как среди тех, кто заранее поддерживал эту Конституцию, доля позитивно настроенных на заграницу была в два раза больше.

В целом нет принципиальных различий между русскими и остальными народами в осознании угроз интересам России. Доли спокойных в этом отношении граждан русской или иной национальности, были приблизительно равновеликими и составляли около одной пятой как русского, так и нерусского населения. Мнения по национальному признаку расходятся среди той части населения, которая "видит" ту или иную конкретную угрозу безопасности России. При этом не исключено, что корни разночтения, а точнее разновидности внешних угроз залегают наряду с другими факторами - в религиозном факторе. Не случайно среди православных русских угроза со стороны Средне-Азиатских стран, таких как исламские Иран и Афганистан, ощущается среди 13,5% респондентов, в то время как среди нерусского населения доля граждан, подозревающих исламские страны в качестве внешней угрозы безопасности России, составляет 9,6%. И, наоборот,

угрозу со стороны Запада усматривают 6,1% русского и 10,2% нерусского населения.

Наконец, нельзя сбрасывать со счетов плюрализм политических мнений и желание лидеров некоторых новейших независимых стран из числа бывших союзных республик СССР, войти в состав НАТО, что безусловно, облегчит этому блоку угрожающее продвижение к границам России. "Я первый на Украине заявил, что нам нечего бояться расширения НАТО" - это стремление было обнародовано 3 года тому назад Председателем народного Руха и членом президиума Верховной рады (парламента) Украины Вячеславом Чорновилом. Тогда же он высказал мнение о желательности вхождения России в НАТО, "вместо того, чтобы создавать другой блок на основе ташкентского пакта" ².

Проблема обеспечения безопасности России, наряду с проблемами новой интеграции постсоветского пространства, выхода из чеченского кризиса, укрепления внутривнутриполитической стабильности, перехода к щадящей политике социального обеспечения перед напором рыночной стихии выдвигается на передний фронт предвыборных кампаний. Не без оснований отмечается в левой печати, что оказавшись перед угрозой поражения на президентских выборах летом 1996 года, и "прочно сев на крючок западной материальной и пропагандистской поддержки", Б.Н.Ельцин уже не может серьезно сопротивляться диктату из-за океана. Это ставит перед российскими избирателями вопрос: нужен ли нам такой Президент, который не в силах постоять за безопасность своей страны и готов всякий раз капитулировать перед западными политиками?" ³.

¹ Опрос осуществлялся по проекту "Предвыборная ситуация в России - 1993 и 1995" (авторы проекта *Джерри Хафф, Тим Колтон, Сьюзен Лейманн*). Соучастниками подготовки инструментария и организаторами опроса в России были Центр по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии (ИЭиА) РАН (руководитель *М.Н.Губогло*) и Центр социологических исследований МГУ (руководитель *С.В.Туманов*). Финансовую поддержку оказали Фонд Джона Д. и Катрин Т. Макартуров, Фонд Карнеги и Фонд национальной науки (США). Подробнее См.: *Jerry F. Hough, Evelyn Davidheiser and Susan Lehmann. The 1996 Russian Presidential Election, Washington, 1996, pp.VIII, 1-2, 115.*

² Московский комсомолец. 1996. 6 февраля.

³ *Константин Угодников*. СНГ не нужно ни Украине, ни России. Обем сторонам лучше войти в НАТО // Независимая газета. 1996. 8 февраля.

Олицетворением реформаторского курса в правительстве В.Черномырдина, ярким сторонником реализации в России экономических советов и рекомендаций Запада и западных экспертов был Анатолий Чубайс. Не случайно, Запад по словам Олега Попцова ¹, очень болезненно реагировал на нестабильность реформаторского курса и на неуравновешенность должностного статуса А.Чубайса, ведавшего некоторое время экономическими вопросами. Следовательно, выявление в ходе опроса отношения россиян к экономическим советам Запада одновременно могли служить неким индикатором отношения к реформаторской политике, реализуемой членом Правительства в ранге Вице-премьера.

Наверное надо быть очень наивным человеком, чтобы верить в то, что одно государство может быть заинтересовано в экономическом укреплении другого, больше, чем в собственном благоденствии и в самоукреплении. Никто и никогда не усиливает своих конкурентов. И вряд ли можно ожидать что, например, Запад оказывает помощь России именно для того, чтобы решать не свои, а ее (России) приоритетные задачи по сохранению ее (России) территориальной целостности, суверенитета и независимости, повышению материального благополучия ее населения, укреплению ее безопасности и боеспособности. Тем не менее, как выяснилось в ходе мониторинговых опросов 1993-1995 гг., такие люди, верящие в идеологические сказки "Выбора России", "Вперед Россия", "Яблока" и других партий радикально-демократического толка, в России находятся.

В декабре 1993 года каждый десятый опрошенный хотя и в относительной и легкой форме, но все же ответил отрицательно на вопрос анкеты: "Преследует ли Запад цель ослабить Россию своими экономичес-

кими советами?". В целом же четверть взрослого населения не подозревала Запад в каких-либо злых умыслах по части нанесения ущерба интересам России. Прямо противоположной точки зрения придерживается немногим более половины (53,9%) граждан России, согласно мнению которых Запад не скупился на экономические советы преследуя собственные цели и прежде всего по ослаблению России (см. таблицу 1).

Таблица 1

Цели Запада в его экономических советах
(в % по итогам опросов 1993 и 1995 гг.)

Преследует ли Запад цель ослабить Россию своими экономическими советами?	1993	1995
Да, уверены в этом	28.5	36.8
Неуверены, но вероятно да	25.4	24.4
Неуверены, но вероятно нет	15.0	13.5
Уверены, что нет	11.9	6.5
Затрудняются ответить	18.6	18.8

В литературе неоднократно ставились вопросы не только о полезности экономических советов Запада, но и о принципиальной пригодности и применимости иноземных рецептов для Российской действительности. Даже беглый обзор бесчисленных научных и научно-прикладных симпозиумов, семинаров, конференций по ряду экономических вопросов (рыночная экономика), передача земли в частную собственность, конвертируемость рубля, темпы инфляции, демократия и т.п.) свидетельствует о не вполне высоком уровне сыплющихся на Россию, как из рога изобилия, рекомендаций, советов, рецептов. При этом едва ли не главным лейтмотивом бесконечных советов звучат такие "научные" призывы к жертвенности, которые сами западные эксперты никогда не адресовали бы своим правительствам и своим народам.

В.П.Лукин и А.И.Уткин не без обоснованного сарказма обнародовали свой вывод о том, что авторы подобных экономико-политических рецептов по сути дела предлагают России произвести еще один всемирно-исторический эксперимент, отнюдь не будучи уверенными в его удачном исходе². Легковесность и безответственность многих экономических советов в сочетании с крикливыми и громоздкими призывами к жертвенности не только подрывает традиционное ува-

жение и доверие россиян к западной научной мысли, высокому профессионализму западных советников, но и порождает сомнение в искренности намерений западных стратегов сделать что-либо полезное для России.

Анализируя неоднократно упущенные возможности для перевода России в колею ускоренного экономического роста, специалисты немалую долю вины за провалы в экономической политике возлагают именно на тех руководителей государства, которые не критически, безоговорочно и бездумно принимают рецепты Западных экспертов. Одна из таких упущенных возможностей была, в частности, в середине 1994 г. Однако, по словам С.Ю.Глазьева, вместо того, чтобы после резкого "спада" начать создание условий для оживления производства, правительство под нажимом Анатолия Чубайса слепо подчинилось рекомендациям МВФ в области денежно-кредитной и внешнеэкономической политики"³. В результате "формальное планирование денежной массы на основе школярских уравнений заезжих экспертов из МВФ, руководивших решениями Г-на Чубайса... закончились "черным вторником" и очередной дестабилизацией экономической ситуации"⁴.

В понимании истинных целей экономической, моральной и интеллектуальной поддержки Западом нынешней России важен не только дискурсный, но и ракурсный подход. И это не дань сомнениям в доброжелательности отдельных экспертов Запада, но объективная потребность знать общественное мнение собственных граждан по поводу лучшего обустройства России.

Для того, чтобы адекватно оценивать мнения граждан России по поводу целей экономических советов Запада, необходимо принимать в расчет две тенденции, характеризующие новое соотношение сил на мировой арене. Одна из этих тенденций определяется значительным моральным и стратегическим ослаблением позиций России в мировом сообществе, катастрофическим состоянием ее экономики, другая - укреплением позиций США в мировой экономике, обретение ими статуса безусловного лидера в решении важнейших геополитических проблем современности, в том числе силовому решению, благодаря непревзойденной военной мощи. Равнодействующая указанных тенденций кардинально меняет лицо геополитической карты мира и Россия, в отличие от бывшего СССР, оттесняется на периферийные орбиты международной политики, что, в свою очередь, грозит обернуться превращением ее в топливно-сырьевой придаток передовых стран Запада. Стихийное понимание губительной для судеб России

сути этих двух тенденций проявляется в нарастании беспокойства граждан России за статус своей страны и в углублении сомнений относительно истинных целей западной помощи России. В итоге растет доля населения, уверенного в том, что своими экономическими советами Запад стремится ослабить Россию, и сокращается доля тех, кто переоценивает доброжелательное отношение Запада и России. Как показал опрос, перевес первых над вторыми увеличился в 1995 г. по сравнению с 1993 г. с двух до трех раз (см. табл. 1).

Гражданам России, видимо, надолго запомнился, как Запад вместо бури негодования сдержанно аплодировал демократам России, когда они предприняли танковый обстрел Дома Советов России. Вряд ли после такой "заботы" Запада о внедрении и утверждении демократии в России от ее граждан можно было ожидать позитивных установок и хороших представлений о самом Западе и его "советах".

Иными словами, деинфантилизация россиян проявляет себя в форме прозрения и протрезвления в понимании истинной сути вещей. В известной мере этот процесс идет вразрез с установками тех про-западно настроенных демократов, для которых характерны установки самоуничтожения, закамуфлированной сервильности ("заграница нам поможет")⁵. Бесконечное упование на советы Запада и неверие в собственные силы - это новая разновидность демократического инфантилизма, поразившего верхние слои правящей элиты.

Вместе с ним в печати имеет место и радикально-левый отказ от любых советов и услуг западных экспертов. Так, например, при встрече с группой бизнесменов из США, Владимир Максимов посоветовал одному из своих собеседников: "Избавьте нас, ради Бога, от ваших советов и советников, от ваших благодеяний и благодетелей, от ваших поучений и учителей... Займитесь своими делами, вы сами сидите на этнической пороховой бочке, которая, как показал тот же Лос-Анджелес, может взорваться в любую минуту. Давайте дружить на равных"⁶. Распределение и формирование установок "неверия" и "доверия" Западу относительно мало зависит от места проживания российских граждан. Доли респондентов с установками твердого "неверия" в 1993 г. были приблизительно одинаковыми как в Москве, так и в других столицах, в крупных и малых городах, в поселках городского типа, а так же в сельской местности.

Через два года произошла некоторая поляризация твердо убежденных граждан в том, что Запад преследует цель ослабить своими советами Россию, о чем свидетельствует увеличившийся размах вариации по доле подобным категорическим образом настроенных гра-

ждан с 1,3% в 1993г. (между столичными и сельскими жителями) до 8,6% (между жителями столиц и поселков городского типа).

В целом, же, как уже упоминалось, произошло общее снижение доверия россиян к экономическим советам Запада, в том числе доля лиц, твердо или с некоторыми сомнениями убежденных в бесполезности советов Запада, увеличилась в сельской местности на 24,3%, в столицах на 11,5%, в поселках городского типа - на 6,4%, и в городах не городского типа - на 5,6%.

В итоге размах вариации в показателях между жителями поселков городского типа и сел по доле лиц, в той или иной мере согласных с тем, что Запад преследует цели своими экономическими советами ослабить Россию снизился с 21.2 % в 1993 г. до 3.3% в 1995 г.

Потребовалось всего лишь два года, чтобы даже наивное село освободилось от иждивенческих иллюзий. Немалую роль в этом прозрении, видимо, сыграло катастрофическое падение жизненного уровня сельчан и перебои с зарплатой не менее ужасающие, чем недоплата шахтерам и работникам некоторых других отраслей промышленности.

В отличие от слабосильного географического фактора "место проживания", три других выделенных фактора: возраст, образование и состояние экономического положения, - по данным опроса 1995 г., были тесным образом связаны с позитивными или негативными установками на получение помощи (в виде экономических советов) от Запада. Чем моложе возраст, чем выше образование и чем, наконец, лучше экономическое положение семьи, тем больше был уровень доверия Западу. Так, например, если в молодых возрастных группах (18-20 лет, 21-24, 25-30 лет) удельный вес лиц, допускающих наличие у Запада коварных целей ослабить Россию был приблизительно равновеликим с долей лиц с противоположной установкой, то в средних возрастных группах (31-40 лет и 41-50 лет) первые превышали вторых соответственно в 2,2 и в 3,7 раза, а в составе лиц пожилого возраста (51-60 лет, 60 лет и старше) перевес группы "подозрительных" над группой "доверительных" составлял значительную величину - в 5,2 и в 7,7 раза.

Образовательный уровень, как уже отмечалось, способствует снятию подозрений, излишней мнительности и чрезмерной бдительности. Не случайно среди лиц с высшим (незаконченным и законченным) образованием доля лиц, не усматривающих явных или тайных целей у Запада ослабить Россию (28,3 %) в 4,5 раза больше доли лиц

(6,2) с подобными установками в составе неграмотного и малограмотного населения.

Ухудшение экономического и финансового положения семей респондентов недвусмысленно находится в ряду факторов, негативно настраивающих граждан России на понимание истинных целей экономической помощи Запада. Достаточно выделить два полярных типа семей с улучшившимися и ухудшившимися финансово-экономическими обстоятельствами в течение последнего года, чтобы, исходя из итогов опроса 1995 г. убедиться в почти линейной зависимости негативных установок на помощь Запада в зависимости от экономического и финансового положения. В первой группе семей ("существенно" и "немного" улучшивших свое экономическое и финансовое положение) масштабы недоверия, т.е. доли "подозрительных" лиц превышают доли тех, кто доверяет Западу в 1,8 и 1,4 раза, в то время как во второй группе ("немного" и "существенно" ухудшивших) указанная разница достигает соответственно в 3,0 и в 6,0 раз.

При этом обращает на себя динамическая сторона дела. В 1995 г. по сравнению с 1993 г. особенно заметно разочарование в экономических советах Запада выросло (на 13.4%) среди семей, существенно улучшивших свое экономическое и финансовое положение в течение последнего года.

Несмотря на чехарду политических партий, блоков и движений, на скороспелость многих из них, на хилую социально-демографическую базу, на недолговечность их функционирования и многие другие, явно занижающих их авторитет факторы, можно считать, что поляризация политических сил в России в преддверии выборов 1995 г. все-таки состоялась. Основанием для такого вывода служит неадекватное понимание целей Запада электоратами 4-х крупнейших партий, победивших на выборах в декабре 1995 г. Размах вариации между долями лиц, подозревающих Запад в том, что он заинтересован в ослаблении России, составлял 43,1% между потенциальным электоратом КПРФ и Яблоком. Это означает, что политические ориентации граждан, оказавшие влияние на выбор партии и блока, за который они готовы отдать свой голос в день выборов, оказались более тесно связанными с их внешнеполитическими ориентациями, нежели такие другие факторы, как, например, возраст, экономическое положение семьи, образование и место проживания. Разница негативного отношения к целям Запада между полярными пунктами в четырех указанных случаях составила соответственно 43,1%, 34,5%, 7,6% и 1,1% и была ниже разницы между электоратами КПРФ и Яблока.

Два года между выборами, разумеется, срок - небольшой. Тем не менее усиление общего недоверия к экономическим советам Запада имело место во всех возрастных группах, за исключением молодежи в возрасте 18-20 лет. Размах вариации между возрастными группами, занимающими полярные позиции по части недоверия к Западу, увеличился в 1995г. по сравнению с 1993г. с 28,7% (между людьми в возрасте 51-60 лет и 21-24) до 32,5% (между поколениями 51-60-х и 18-20-х). Межпоколенная поляризация усилилась, расслоение между самыми молодыми и пожилыми - разбилось.

Среди неграмотных и малограмотных недоверие к экономическим советам Запада возросла за два года несколько больше, чем среди групп населения с более высоким уровнем образования. Но это не привело к существенному выравниванию масштабов недоверия среди лиц с различным уровнем образования, как размах вариации между группами, занимающими полярные позиции, сократился с 9,1% в 1993 г. до 4,8% в 1995 г.

Новые грозовые тучи, заклубившиеся в 1995г. на западном небосклоне России, внесли смуту в души той части граждан России, которая улучшила свое экономическое и финансовое положение в течение последнего года. Даже среди тех, кто "существенно" улучшил" свое экономическое и финансовое положение в течение 1995 года, доля лиц, согласившихся с тем, что своими экономическим советами Запад преследует цель ослабить Россию возросла на 13,4% (с 42,2% в 1993 г. до 55,6% в 1995 г.). В соседней подгруппе населения, "немного улучшивших" свое положение, доля пессимистов так же возросла на 9,3% (с 41,7% до 51,0%).

И хотя размах вариации между полярными группами ("существенно ухудшилось" и "немного улучшилось") за два года несколько сократился (с 22,1% до 19,0%), взаимосвязь между состоянием экономического положения и отношением к советам Запада оказалась весьма высокой. Это дает основание хотя и для банального, но немаловажного прогноза: чем круче и резче будет падать жизненный уровень граждан России, чем хуже будет экономическое и финансовое положение и углублению их семей, тем сильнее и шире будут распространяться антизападные установки. Обеднение и люмпенизация россиян никак не способствуют возрастанию их симпатий и доверия к экономическим советам Запада.

На первом месте, фактором, поляризующим население России по отношению к экономическим советам Запада был и остается факт политической ориентации граждан, проявленный в ходе двух выборных

кампаний в Федеральное Собрание России. Каждые четверо из пяти избирателей, отдавших в 1993г. свои голоса за коммунистов, были негативно настроены по поводу экономических советов и советников Запада, убежденно считая, что эти советы имеют целью принести вред России.

Через два года среди электората коммунистов доля негативно настроенных граждан к советам Запада расширилась до 83,6%, а среди тех, кто в декабре 1995 г. собирался отдать свой голос проправительственной НДР, доля подобным же образом настроенных избирателей составила 49,7%. Относительно незначительное сокращение размаха вариации - с 39,4% (между электоратами КПРФ и Выбора России) в 1993г. до 33,9% (между потенциальными электоратами КПРФ и НДР) в 1995 г. подтверждает глубокое расхождение между электоратами коммунистов и Выбора России (НДР).

Отсутствие существенной разницы между русскими и людьми остальных (не-русских) национальностей в их установках на экономические советы Запада, означает, что фактор "национальность" в отличие от остальных факторов, не играет сколько-нибудь существенной роли в этом вопросе.

Когда Горбачев с Шеварднадзе, а вслед за ними пришедшие к власти радикал-демократы бездумно уступали геополитические позиции бывшего СССР и нынешней России одну за другой, они инфантильно полагали, что Запад в экстазе благодарности окажет реальную экономическую помощь в модернизации России. Творцы внешнеэкономического курса Ельцинской России наряду с гонорарами за свои лекции в престижных американских университетах и фондах ожидали крупные инвестиции и неограниченный допуск России на рынки Запада. Доверчивое население России еще раз (в который раз!) поверило своим кремлевским пастырям. Однако руководители внешнеполитического ведомства, как выяснилось, были дилетантами в международных делах.

Не на высоте оказались и те руководители, которые взяли на себя ответственность воплощать экономические рецепты Запада у себя в России. Еще раз сошлемся на вывод Сергея Глазьева. "В конце концов, - писал он по итогам проделанного анализа о причинах несостоявшегося экономического роста, - "дурная голова", изувечив почти все части организма российской экономики, задумалась. Главный идеолог фанатичного выполнения примитивных и всегда одних и тех же рекомендаций МВФ, известных в научной литературе как "Вашингтонский консенсус" и представляющих собой набор бесхитрост-

ных рекомендаций по экономической политике для слаборазвитых государств с целью их дисциплинирования и создания однородной экономической среды, отправлен на "заслуженный отдых" ⁷.

Отнюдь не случайно выяснилось, что широкомасштабную экономическую помощь можно было ожидать, но не после развала СССР и стран Варшавского Договора, не после роспуска Совета экономической взаимопомощи, а до того, не после разрушения берлинской стены и вывода войск из Германии, а до того. Не стала былью-явью еще одна сказка радикал-демократов, о том, что с помощью российских нефте-долларов удастся воздвигнуть, подобно Храму Христа Спасителя, демократию в одной, отдельно взятой, России, а ее население в одночасье сделать счастливым и процветающим. Крах этой детской веры в белый парус Западного мира пошатнул доверчивость россиян, от выборов к выборам трезвеющих и понимающих реальное значение советов и советников Запада.

Мы не рассматриваем здесь наряду с экономическими и советы иного плана. Действительно, к примеру, трудно комментировать и квалифицировать то место из стенограммы переговоров в январе 1993 г. двух президентов - Ельцина и Буша, когда первый "докладывает" второму, что он "по просьбе американской стороны оставил в должности Министра иностранных дел России господина Козырева" ⁸, которого как-то Владимир Максимов назвал "нашим министром их иностранных дел" ⁹.

Наметившееся снижение планки доверчивости россиян к экономическим советам Запада не должно повергать трезвых политиков в уныние. Вместе с тем, выявленная социологическими опросами тенденция должна быть принята в расчет с тем, чтобы снижение доверчивости не переросло в повышение озлобленности. Это ни к чему хорошему не приведет. Это не нужно ни России, ни Западу.

¹ Олег Попцов. Хроника времен "Царя Бориса", 1995. С. 453.

² В.П.Лукин, А.И.Уткин. Россия и Запад: общность или отчуждение?, М., 1995. С. 92-93.

³ Сергей Глазьев. Несбыточная мечта популистов // Независимая газета. 1996. 27 февраля.

⁴ Там же.

⁵ Ричард Овчинников. Тем ли курсом идем? // Правда. 1996. 5 марта.

⁶ Владимир Максимов. Самоистребление. М., 1995. С. 161.

⁷ Сергей Глазьев. Несбыточная мечта коммунистов // Независимая газета. 1996. 27 февраля.

⁸ Цит. по: Сергей Бабурин. Российский путь. М., 1995. С. 126.

⁹ Владимир Максимов. Самоистребление. М., 1995. С. 296.

Проникновение западноевропейского и американского капитала в разработку топливно-энергетических ресурсов России, Казахстана, Азербайджана, бесспорно, затрагивает жизненно важные интересы России, если не сказать больше, что указанное проникновение чревато для нее большим экономическим и политическим ущербом. Но и это лишь один из источников для тревоги. Другим подобным источником являются уродливые гримасы приватизационного процесса и намерения НАТО выдвинуться к рубежам бывшего Советского Союза. Зеленый свет этому продвижению был открыт сначала внешнеполитической деятельностью Горбачева - Шеварднадзе, накануне развала СССР, а затем продолжен командой Ельцина - Козырева. К рубежу 1995-1996 гг. расширение НАТО на восток стало официальной доктриной НАТО. Комментируя этот геополитический сдвиг, ставший возможным с согласия Кремля, западная печать не скрывала своего удовлетворения. "До последнего времени, - писала английская газета "Дейли телеграф" в декабре 1995 г. о расширении НАТО на восток, - не было согласия по этому вопросу, и если бы Россия последовательно давала знать, что в данном вопросе она проводит запретительную линию, то союзники были бы более осмотрительны... Но когда президент Ельцин ответил в Варшаве в августе 1993 г., что он не возражает против присоединения Польши к НАТО, он тем самым эффектно заставил замолчать тех на Западе, кто советовал проявить осторожность по части расширения" ¹.

Далекая когда-то во времена существования СССР тема продвижения НАТО на восток для бывших советских граждан, на рубеже 1995-1996 г. и в ходе Президентских выборов 1996 г. приобрела нешуточную

актуальность. Почти каждый четвертый респондент в ходе общероссийского опроса в декабре 1995 г. указал, что он серьезно ("много" и "очень много") заинтересовался НАТО, как союзом стран Западной Европы, США и Канады. Еще одна значительная группа граждан России - каждый третий, указала, что интересуется "скорее немного". И лишь для 27,8% россиян НАТО не попало в поле зрения их интересов: они не читали и не слышали об этом блоке.

Исключительно трудным для понимания оказался вопрос относительно значения вступления в НАТО стран Центральной и Восточной Европы: половина всех опрошенных оставила его без какого-либо ответа. Большинство же остального взрослого населения России (39,4%) указало, что расширение НАТО пойдет не на пользу России, так как страны - члены НАТО могут объединиться против России и изолировать ее. Вторая группа лиц, придерживающаяся прямопротивоположной точки зрения и считающая, что расширение НАТО пойдет на пользу России, так как НАТО является гарантом стабильности в Европе, составила 9,8%, что в 4 раза меньше первой группы лиц.

В нашу задачу не входит анализ объективных и субъективных причин, вызвавших падение рейтинга и престижа внешнеполитической активности России на международной арене. Однако слабая компетентность или отсутствие политической воли и дипломатических навыков у демократически настроенного руководства ведомства по иностранным делам ни в коей мере, как уже указывалось, не должно приравниваться к недостатку этой воли у народов России в целом ².

Степень информированности граждан России о НАТО предопределяется преимущественно образованием: чем выше образовательный уровень, тем больше ("много" и "скорее много") люди читали о НАТО или слышали о нем. Место проживания, возраст и состояние экономического и финансового положения не находится в сильно значимой и заметной связи со степенью информированности граждан о НАТО.

Не очень заметен и национальный фактор. Доли русских и представителей других народов России "очень много" читавших или слышавших о НАТО составляют 7,8% и 7,7%, т.е. равновелики. В целом же, при учете всех степеней заинтересованности, от "очень много" до "скорее немного" читавших, среди граждан какой-либо, кроме русской национальности, доли интересовавшихся НАТО или что-либо слышавших, несколько выше, чем среди русских.

Степень информированности о НАТО, вопреки ожиданиям, не оказалась сколько-нибудь тесно увязанной с политической поляризацией

российских граждан, в том числе с распределением по партиям, блокам и движениям, за которые они собирались проголосовать на выборах в декабре 1995 г.

При всей осведомленности граждан России о НАТО, у них все же нет четкого представления о новых отношениях с ней России. В сельской местности и в городах не столичного типа более половины взрослого населения не сумели ответить на вопрос о расширении НАТО: пойдет оно на пользу России, или не пойдет. Опрос выявил нарастающую тревогу от возможного расширения НАТО по возрастным группам: чем старше возраст, тем меньше доверия к этому блоку. Так, например, среди тех, кому перевалило за 60, доля лиц уверенных в том, что расширение НАТО пойдет на пользу России, была в 4 раза меньше, чем среди молодежи 18-20 летнего возраста.

Среди лиц с высшим образованием настороженность в отношении НАТО так же более в 2,2 раза больше чем среди неграмотного и малограмотного населения. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что почти линейная зависимость настороженности от уровня образования проявляла себя слабее, чем затруднения, которые испытывали люди с низким уровнем образования, отвечая на этот новый и необычный для них вопрос. Среди неграмотных каждые трое из четверых, а среди лиц с высшим образованием немногим более чем каждый третий не сумел ответить на этот вопрос. Впрочем трудности, что испытали наши респонденты - это не столько их вина, сколько беда российского внешнеполитического ведомства, заведенного его прежнем руководителем А.Козыревым в американско-центристский тупик.

Не случайно, лидер коммунистической оппозиции Г.Зюганов назвал внешнюю политику Козырева "политикой национальной измены", в результате которой Россия не только потеряла своих союзников и друзей, рынки сбыта своей продукции, но и получила серьезную угрозу для своей безопасности у своих западных границ. То, что не понимали Э.Шеварднадзе, Б.Ельцин и А.Козырев, в начале 1996 г. популярно объяснил канцлер ФРГ Гельмут Коль. "Тот, кто подходит к данной теме с чувством триумфа, - сказал он о проблеме и о сути расширения НАТО, - ступает на неверный путь. Мы должны учитывать, - продолжал он, демонстрируя лучшее понимание меняющейся обстановки на Европейском континенте, по сравнению с иными российскими политиками, - обоснованные интересы безопасности России и Украины. Никто не должен бояться того, что мы тайно седлаем коней, чтобы идти на Москву" ³.

Если исходить из величины размаха вариации, разделившего различные группы населения по наличию в них лиц, уверенных в том, что

расширение НАТО никак не пойдет на пользу России, то можно выстроить следующую иерархию факторов.

Судя по самой большой разнице (26,9%) на полярных позициях по негативной степени расширения НАТО оказались группы лиц с высшим образованием и группы неграмотного и малограмотного населения. В первой группе масштабы "недоверия" расширению НАТО были самыми широкими, во второй - самыми узкими. Вторым по значимости фактором (с размахом вариации между полярными значениями), разделяющим население в зависимости от их оценки расширения НАТО был возрастной фактор, третьим - ориентация голосовать за ту или иную партию, четвертым - место проживания, пятым - изменение экономического и финансового положения семьи за последний год.

Доля граждан, считающих, что расширение НАТО "пойдет на пользу России", составили среди русских 9,9%, среди нерусского населения - 8,9%. Разница в один процент снова дает основание для вывода, что принципиальной разницы в подходах к оценке НАТО и исходящей от него угрозы среди народов России не существует. Как в позитивной, так и в негативной оценке расширения НАТО позиции русского и остального населения практически одинаковы.

Нарастающее беспокойство электората России корреспондирует с быстро меняющимися взглядами малокомпетентных политиков, еще совсем недавно, всего несколько лет тому назад, неожиданно поверивших в добрые намерения руководства НАТО. Как отмечалось в печати, планируемый процесс продвижения НАТО к западным границам России "воспринимается большинством российских политиков не просто как угроза, но и как крах партнерских отношений с Западом, а также политики демократов, допустившей приближение НАТО к российским границам, что объективно усиливает националистическую и коммунистическую оппозицию"⁴.

¹ Цит. по: *Ричард Овчинников*. Разрушители державы. Статья вторая // Правда. 1996. 31 января.

² *Сергей Бабурин*. Российский путь. М., 1995. С. 143.

³ Цит. по: Московский комсомолец. 1996. 6 февраля.

⁴ *Александр Коновалов, Андрей Кортунов, Сергей Ознобичев*. Нищета "натомани" // Независимая газета. 1996. 20 марта.

В Западной печати широко обсуждается вопрос (плюсы и минусы) вступления России в Совет Европы, в Европейский Союз, в те или иные формы сотрудничества с НАТО, например, по программе "Партнерство во имя мира". Принятие России в начале 1996 г. в Совет Европы в известной мере открыло ей дорогу в европейские экономические организации.

Россия не скрывала своей заинтересованности стать полноправным членом ЕС, но у нее на этом пути были серьезные противники, в том числе в лице руководства ЕС, опасавшегося утратить контроль над товаропотоками при широкой торговле с Россией - в случае ее принятия в ЕС.

При определении курса внешней политики, соответствующим ведомством, видимо, не лишне оглянуться на представления об этом граждан своей страны. Представления бывших советских граждан относительно возможных альянсов с Западными блоками, в том числе с НАТО, формировались в период холодной войны под сильным влиянием активного противостояния НАТО и стран участниц Варшавского блока и соответствующей идеологической пропагандой.

Внутренние перемены в России, связанные с реформационными процессами оказали некоторое влияние на формирование новых взглядов и представлений граждан России относительно альянсов со странами Запада. В ходе опроса в декабре 1993 года почти каждый пятый респондент согласился с тем, что Россия в современных условиях должна образовывать блоки со странами Запада. Это совершенная новая установка, абсолютно исключенная в доперестроечный советский период, во-первых, корреспондирует с приводившимися выше представлениями о конкретных очагах угрозы России, исходящих преимущественно со стороны стран исламского пояса, во-вторых, она в

некоторой степени согласуется в том, что сегодня в состав НАТО хотели бы вступить бывшие страны участницы Организации Варшавского договора: Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, Румыния, Болгария. Немало усилий в этом направлении прилагают внешнеполитические ведомства Латвии, Литвы и Эстонии, обосновывающие свои намерения желанием обрести себе безопасность в военном блоке из числа Западных стран.

Вместе с тем не следует обольщаться тем, что каждый пятый россиянин высказался за вступление России в блоки с Западом. Значительные слои населения (17,2%) затруднились дать ответ на этот непростой вопрос, а еще 23,4% указали, что по их мнению Россия в принципе не должна образовывать каких-либо блоков.

Подобная плюрализация или, иными словами, расщепление представлений о необходимости блоков для России выдвигает непростой методологический вопрос: кого нынче считать модернизаторами, а кого ретроgrадами, какое мнение принадлежит недоразвитой части населения, а какое мнение выражает суть деинфантилизации. Тут многое зависит от исходной позиции. Если, например, отсчет вести от итогов второй мировой войны, после завершения которой Советский Союз заключил дружественные договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с рядом государств (Финляндией, Польшей, Чехословакией, Венгрией, Румынией, КНР, Монголией, КНДР), создал (в 1949 г.) Совет Экономической взаимопомощи, заключил (в 1955 г.) Варшавский Договор, делегировал своих представителей в ряд международных организаций (ООН, ЮНЕСКО, МАГАТЭ и т.д.), то необходимо признать, что утрата многих из перечисленных позиций понесла урон интересам и безопасности России, как наследница многих достижений бывшего СССР. Словом, как уже отмечалось в печати, постсоветская Россия "оказалась без союзников, в одиночестве" ¹. Нельзя не согласиться, что подобное положение явно ненормальное, противоречащее всем канонам внешней политики государства. Нынешняя Россия, одна из огромных морских стран, оказалась без ясно выраженного курса внешней политики и уподобилась кораблю без компаса и лоций ².

Словом, союзники как и прежде, сегодня России нужны. И эту потребность чутко отражает общественное мнение, что и является немаловажным показателем его зрелости и одновременно показателем деинфантилизации граждан постсоветского времени.

В отличие от проблем развала СССР, проблема продвижения НАТО на восток как угроза безопасности России, не стала так же широкомаштабно предметом предвыборной борьбы. Тем не менее взгляды россиян подверглись значительной поляризации по целому ряду вопросов,

связанных с НАТО и судьбой Российско-НАТОВских взаимоотношений. Особенно сильна поляризация представлений о пользе и вреде расширения НАТО на восток пролегла между группами населения в зависимости от возраста и образования, симпатий к тем или иным политическим партиям, движениям и блокам, степени религиозности, и некоторых показателей, связанных с состоянием экономического и финансового положения. В то же время по степени интереса к НАТО, по степени информированности об этом блоке, и особенно по представлениям о том пойдет ли расширение НАТО на восток на пользу или во вред России, различий между народами России не оказалось.

Народы России могли сколько угодно выяснять свои отношения между собой, по-разному оценивая приватизацию, демократизацию, криминализацию, люмпенизацию и прочие "прелести", но в оценках опасности, исходящей от дальнейшего расширения НАТО и его приближении к границам России - взгляды русского населения и всех остальных народов были едиными.

Итак, вопросы о вступлении России в различные европейские экономические организации, а также об отношении к расширению на восток зоны влияния НАТО в Европе, остается открытым. И дело не только в том, что вступление России, например, в ЕС, открывает новые окна в Европейской экономической пространство, но и в том, что от России требуются серьезные реформационные усилия, в том числе по приведению законодательства в соответствие с европейскими и международными нормами, отмену смертной казни, резкое улучшение условий содержания заключенных, неукоснительное соблюдение прав человека по самым высоким стандартам, отказ от иммунитета в случае совершения правонарушений депутатами всех уровней и многие другие, более конкретные вещи. И если правительство не сможет строить свою внешнюю политику, в том числе взаимодействие с Западом и НАТО на взаимовыгодной основе, если оно не сможет добиться создания и соблюдения паритетных отношений, народ готов будет добавить ко многим другим своим претензиям еще одну: критику правительства за бесхребетную внешнюю политику. Отставка А.Козырева это не кабинетные интриги президента, а ответ на нарастающие вызовы россиян, обеспокоенных пониманием того, что России нужна не безопасность через блоки, а безопасность через внутреннюю стабильность и коллективную, на паритетной основе, безопасность.

¹ А.Николин. Россия без союзников плывет неизвестно куда. Правда, 1996. 20 марта.

² Там же.

Новая политика НАТО, связанная с концепцией расширения "зоны ответственности" этого блока и предусматривающая, во-первых, возможность вмешательства во внутренние дела других стран, во-вторых, возможность вовлечения в его состав Украины и Казахстана, в-третьих, планы по окружению России плотным кольцом, бесспорно, создает дискомфорт для России и для настроения и самочувствия ее населения. В итоге возникает ответная реакция и угроза не только ухудшения военно-политической обстановки в Европе и уменьшения стабильности, но и кардинальные изменения во внутривнутриполитической обстановке в самой России и во взглядах ее граждан. Во всяком случае активизация сторонников расширения НАТО вместе с некоторыми другими факторами, экономического и политического характера оказало сильное влияние на формирование нового отношения россиян на проблему обороны и выделяемых для ее совершенствования расходов. В декабре 1993 года немногим более чем каждый третий россиянин (34,8%) считал, что расходы на оборону должны быть сокращены (см. таблицу 1).

Эту часть населения России, поверившую в демократические рассказы о конце холодной войны и о новых безконфронтационных отношениях между Востоком и Западом, между Россией и НАТО, можно условно назвать пацифистами, не вкладывая в смысл этого понятия никакого негативного оттенка. Противоположная часть населения с полярным взглядом на порядок вещей, считающая, в частности, что расходы на оборону надо увеличить, и составляющая 19,2%, можно опять же с оговорками и с долей осторожности назвать и "милитари-

стами" или по западной терминологии "ястребами", и, наконец, по предвыборной терминологии - "патриотами".

Первые превосходили вторых в 1,8 раза. Всего лишь через два года соотношение численности указанных двух групп резко изменилось за счет сокращения доли пацифистов в 1,6 раза и такого же увеличения доли патриотов. В декабре 1995 г. доля патриотов превосходила долю пацифистов в 1,4 раза (см. таблицу 1). Вот так быстро, четко и оперативно отреагировало общественное мнение россиян на завуалированное и нескрываемое расширение НАТО по направлению к западным границам России. Вместе с тем голоса, отданные за увеличение средств на оборону, это не люди с повернутой головой назад и это не обязательно резерв электората Г.Зюганова, а скорее не менее искренне чем другие, думающие о будущем России.

Принципиальный сдвиг в общественном мнении обозначенный ростом числа сторонников расширения средств на оборону, является не только фактом внешней, но и немаловажным сигналом для односторонней внутренней политики, успешно добывающей "оборонку". Так, например, по свидетельству президента Лиги оборонных предприятий А.Н.Шалунова в 1995 году правительство "не сумело оплатить половину предусмотренных расходов на закупку вооружений и финансирования НИОКР - около семи триллионов рублей. Более того, все кредиты, которые "оборонка" добывала, банки присваивали как профессиональные сутенеры" ¹.

Президент Б.Ельцин, похоже, долго не решался вмешиваться в приватизационно-ваучерную часть экономической политики. Но когда автор ваучера посягнул на "оборонку", и приступил к целенаправленному разрушению важнейших отраслей оборонной промышленности, предвзвешенно "признавая" их неплатежеспособными, т.е. предбанкротами, Ельцин снял его с работы ². Тут, как видно, решение Президента совпало, осознанно или бессознательно, с представлениями россиян о заботливом отношении к проблемам обороны. В политическом смысле эта акция явилась одним из звеньев в цепи его маневрирования между неославянофилами и неозападниками, между консерваторами и реформаторами, между коммунистами и демократами.

Кардинальные изменения, связанные с переоценкой ряда идентификаций, усилениям чувства сопричастности и соотнесенности с одними группами и, напротив, ослабления уз, связывающих людей с другими группами, вполне согласуются и с поляризацией мнений по ряду вопросов внешней и внутренней политики. Некоторое увеличение доли взрослого населения России за период между выбора-

ми, ратующих за увеличение резервов средств на оборону, не подтверждает категоричный вывод о том, что "патерналистское государство обанкротилось"³.

Таблица 1

Расходы на оборону
(в % по итогам опросов 1993 и 1995 гг.)

Следует ли правительству России сократить средства, расходуемые на оборону?	1993	1995
1. Они должны быть сокращены как можно быстрее	8.5	5.2
2. Они должны быть сокращены, но постепенно	26.3	16.7
3. Необходимо сохранить размер средств	33.8	30.0
4. Надо увеличить их для того, чтобы обеспечить безопасность наших границ	19.2	31.7
5. Затрудняюсь ответить	11.9	16.4

Формирование отношения электората к размерам расходов на оборону в декабре 1995 г. в немалой мере зависит от образования: чем выше образование, тем шире установки пацифизма и уже социальная база милитаристских настроений. Среди населения с высшим образованием доля лиц, считающих необходимым сократить средства на оборону в целом, в 4 раза больше, чем среди неграмотных или имеющих начальное образование.

Обнищание населения, падение его жизненного уровня, связанные с общим экономическим спадом, с фарсом приватизации усиливают агрессивные настроения. Материалы опроса отчетливо показали, что ухудшение экономического и финансового положения семьи за последний год оказывало существенное влияние на сокращение доли пацифистов и рост удельного веса милитаристов.

При этом доля лиц, считающих необходимым увеличить средства, расходуемые на оборону, была несколько меньше в столицах республик, краевых и областных центрах (29,1%), в других крупных городах (30,2%), и несколько выше в поселках городского типа (38,0%), и в сельской местности (35,6%). Среди молодежи и части лиц среднего возраста расходы на оборону вызвали меньше энтузиазма и поддержки, чем среди лиц пожилого возраста и части населения, относящегося к среднему поколению. Так, например, удельный вес "патриотов" среди тех, кому исполнилось больше 60 лет был в 1,5 раза больше, чем среди тех, кому было от роду 25-30 лет.

Пробуждение и электоральная канонизация политического самосознания чутко реагирует на вопросы, связанные с обороной страны. Об

этом свидетельствует резкая поляризация отношений к сокращению или увеличению средств на оборону, в рядах электоратов различных партий. Если, например, среди сторонников КПРФ почти каждый второй был уверен в том, что правительству России необходимо увеличить средства, расходуемые на оборону, то на полярном политическом полюсе, в частности, в рядах сторонников Яблока подобную точку зрения поддерживал без малого лишь каждый четвертый.

И наоборот, если в рядах электората, верного Яблоку 7,0% проголосовало за немедленное сокращение средств на оборону, среди электората коммунистов люди с подобной позицией составили 4,0%.

ДИНАМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ПО ВОПРОСУ О РАСХОДАХ НА ОБОРОНУ

Общая переориентация населения России на увеличение средств на оборону имела свои отличительные особенности в различных регионах, городах и селах России, в различных национальных, социокультурных, политических группах. Так, например, во всех типах поселений, за исключением поселков городского типа за два года сократилась доля населения, полагающая, что правительству России следует сократить расходы на оборону, в том числе в Москве и в столицах республик, краев, областей - на 13,5%, в городах не столичного типа - на 12,0%.

В итоге размах вариации между поселениями с полярными значениями не перетерпели существенных изменений. По доле лиц, склонных к сокращению расходов на оборону размах вариации снизился с 15,2% в 1993 г. до 14,0% с 1995г., а по доле лиц с прямопротивоположной точкой зрения, увеличился с 7,8% до 8,9%.

Обращает на себя внимание неожиданно динамичное изменение настроения и готовность сократить расходы среди людей среднего и пожилого возраста: на 17,3% среди тех, кому исполнилось 41-50 лет, на 16,6% среди тех, кому было 51-60 лет, и, наконец, на 14,0% среди тех, кому перевалило за 60 лет.

Именно в этих же самых возрастных группах увеличились доли лиц, считающих, что правительству России необходимо увеличить расходы на оборону, соответственно по каждой из указанных групп - на 15,6%, 14,9% и на 17,2%.

В результате межпоколенная поляризация по вопросу о выделении средств на расходы на оборону заметно углубилась. В этом убеждает возрастание размаха вариации между молодежной группой и пожи-

лым населением по вопросу о сокращении расходов с 17,3% до 20,1%, а по вопросу об увеличении средств на оборону с 6,2% до 13,1%.

Среди русского населения несколько шире, чем среди остальных народов, распространялись убеждения в необходимости увеличить расходы на оборону. Размах вариации по этому признаку возрос за истекшие два года с 2,9% до 5,8%. И хотя разница между русским и нерусским населением в основном оставалась весьма незначительной и в целом свидетельствовала о слабой роли национального фактора в вопросах выделения средств на оборону, все же есть основания для вывода о том, что державно-патриотические настроения охватывали значительные слои русских несколько быстрее, чем слои не-русского населения.

В отличие от национального признака, образовательный уровень резко поляризовал граждан России. Размах вариации между неграмотными, малограмотными и высокообразованными слоями населения по вопросу о сокращении расходов на оборону составлял в 1993 г. - , весьма внушительную величину - 30,2%, и сократился в 1995 г. до 24,4%. Что же касается разницы между этими же полярными по образовательному уровню населения по вопросу об увеличении средств на оборону, то соответствующий показатель снижался с 9,5 до 9,3%.

Можно было бы предположить, что такой фактор, как экономическое и финансовое положение семьи, изменяющийся в целом более динамично, чем, например, национальность и образовательный уровень, должен соответственно оказать более решительное воздействие на умонастроения людей, в том числе на их готовность нести расходы на оборону в тех или иных масштабах. Скажем, вполне уместно было бы далее предположить, что именно в тех слоях населения, экономическое и финансовое положение которых пошатнулось за последний год, должны был произойти смещения установок в сторону более предпочтительного сокращения расходов на оборону.

Однако в реальной жизни этой логике не нашлось места. За два года произошло расширение рядов тех, кто был согласен на увеличение расходов на оборону, независимо от того расширялись или скудели семейные бюджеты. Более того, среди слоев населения, у которых экономическое и финансовое положение семьи пошатнулось, непредсказуемое увеличение настроений в пользу расширения расходов на оборону произошло заметнее, чем среди семей с благополучной тенденцией в экономическом и финансовом плане.

Среди тех, чье экономическое и финансовое положение семьи "немного" или "существенно" ухудшилось готовность на расширение расходов на оборону возросла на 13,1%, в то время среди тех, кто "существенно" или "немного" улучшил свое экономическое и финансовое положение, подобные настроения возросли соответственно на 12,3% и 10,8%. В итоге поляризация между, условно говоря, имущими и малоимущими возросла по вопросу о расширении расходов на оборону с 7,2% в 1993 г. до 9,2% в 1995 г.

Как уже неоднократно отмечалось, в складывании представлений по внешнеполитическим вопросам особую роль играла политическая позиция, выраженная в том, за какую партию, блок или движение избиратели отдавали свои голоса. Отношения к внешнеэкономическим вопросам не нарушило общую тенденцию. В 1993 г. среди электората КПРФ по сравнению с электоратами отдельных партий, блоков и движений была наименьшей доля лиц (25,6%), настроенных на сокращение средств, выделяемых из госбюджета на оборону страны. Через два года эта доля еще больше уменьшилась и составила всего 14,3%.

В итоге размах вариации между электоратами с полярной долей лиц, ориентированных на сокращение финансирования ВПК увеличился с 21,4% до 22,0%. Еще более разительно развивались представления различных электоратов по вопросу об увеличении средств на оборону. Удельный вес подобным образом настроенных лиц в составе электората коммунистов составлял в 1993 г. 27,6% и являлся самым высоким среди остальных электоратов. За два года эта позиция значительно укрепилась за счет радикальной смены настроений прокоммунистически настроенной части населения. Их доля возросла на 21,2%, в то время, как в электорате Яблока - всего на 10,5%.

В итоге поляриность между электоратом коммунистов и электоратом Яблока обозначилась еще более резко. Размах вариации по долям лиц, последовательно настаивающих на увеличении средств, отпускаемых на оборону, увеличился почти в два раза - с 14,4% в 1993 г. до 25,1% в 1995 г.

¹ *Игорь Салтыков*. На вооружение денег нет. Правда. 1996. 20 марта.

² За что Президент Ельцин снял с работы А.Чубайса // Российская газета. 1996. 21 февраля.

³ *С.Я.Матвеев*. Новая русская мечта и кризис самоидентификации. В гл.: Взаимодействие политических и национальноэтнических конфликтов. Часть I, М., 1994. С. 101.

“... мы принесли с собою
(из Европы...) лишь идеи и стремленья,
плодом которых было громадное несчастье,
отбросившее нас на полвека назад”.

П.Я. Чаадаев
“Философические письма” 1829 г.

Главным проводником, локомотивом прозападных настроений на просторы России были демократы, с помощью которых Б.Ельцин стал Президентом, выиграл весенний и осенний референдумы 1993 г., а перед этим запретил деятельность компартии и развалил бывший Советский Союз. По признанию Олега Попцова, именно демократы как "значительное средоточие интеллекта", обеспечили "очевидную связь с демократическим, правовым пространством Запада"¹. Поэтому отношение избирателей к западному опыту является одновременно ответом и показателем их отношения к демократам и к тому, что они делают в России и с Россией.

В основу реформационных концепций Гайдара - Чубайса были заложены идеи перенесения на российскую почву элементов рыночной экономики и политических институтов Запада. Однако, эйфория, которой была охвачена часть радикально-демократически настроенного населения, похоже, улетучивается. Во всяком случае доля лиц, безоговорочно ориентированных на Запад и считающих в связи с этим, что России необходимо быстрее использовать опыт Запада, сократилась с 6,0% в 1993 г. до 4,1% в 1995 г. Ряды умеренного крыла россиян, полагающих, что Россия должна взять у Запада лишь то, что ей подходит за этот же двухлетний период поредели с 48,4% до 42,7% (см. табл. 1).

Это означает, что вопреки всем "западно-центрическим" устремлениям, верованиям, иллюзиям и безответственным ожиданиям радикал-демократических прорабов внешнеполитической деятельности России сама эта политика, ведущая Россию в лоно Запада, не принесла сколько-нибудь заметных опредмеченных результатов. Несмотря на все потуги России открыться внешнему миру и сохранить одновременно себя в качестве оппонента США, эта политика не состоялась. Россия осталась Россией и не стала "второй Америкой" ².

Одним из выразителей оптимального сочетания внутренней и внешней политики для максимального удовлетворения национальных интересов России является Сергей Бабурин. Его кредо не требует специальных разъяснений: "Мы должны преломить опыт западных стран, опыт стран Востока через наше собственное прошлое, через наши традиции" ³.

Таблица 1

Отношение к опыту Запада
(в % по итогам опросов 1993 и 1995 гг.)

Должна ли Россия использовать опыт Запада или она должна искать свой собственный путь развития?	1993	1995
1. Да, Россия должна быстрее использовать опыт Запада	6.0	4.1
2. Россия должна взять у Запада лишь то, что ей подходит	48.4	42.7
3. Нет, Россия должна иметь собственный путь развития	39.8	46.1
4. Затрудняюсь ответить	5.7	7.2

Доля антизападников, уверенных в том, что Россия должна иметь собственный путь развития, возрос между двумя выборами в Федеральное Собрание с 39,8% до 46,1%.

Сторонники указанных двух точек зрения хотя и условно, но вполне определенно укладываются в традиционные для российской истории разделения на западников и славянофилов. Локомотивами западнических настроений выступают, как показали итоги опроса, группы населения в Москве, Санкт-Петербурге, столицах республик, краевых и областных центров. Село, напротив, блокирует подобные настроения. Не случайно в декабре 1995 г. судя по опросу, среди "столичного" населения западников было в 1,8 раз больше, чем в сельской местности. Молодежь, в целом более готова к восприятию и использованию опыта Запада, чем пожилое население. Среди лиц старшего возраста, в том числе среди тех, кому в декабре 1995 г. исполнилось 60 лет и больше, доля лиц, считающих, что Россия должна иметь собственный

путь развития, была почти в 2 раза больше, чем среди тех, кому исполнилось от 21 до 24 лет.

Среди прочих факторов, образование едва ли не сильнейший линейно проявляющий себя фактор. Это означает, что чем выше уровень образования, тем больше доля лиц, настроенных на то, чтобы взять у Запада ее опыт. Доля чистых "западников" среди лиц с высшим образованием в 3,2 раза больше, чем среди неграмотных и имеющих начальное образование, доля умеренных "западников", т.е. считающих, что Россия должна взять у Запада лишь то, что ей подходит, среди первых больше, чем среди вторых в 3,8 раза. Соответственно "славянофильские" настроения, т.е. установка на то, что Россия не должна оглядываться на Запад, а иметь собственный путь развития среди лиц с высшим образованием встречаются почти в два раза реже, чем среди малограмотного населения.

К перенесению опыта Запада на российскую действительность в той или иной форме более лояльно относятся те группы населения, экономическое и финансовое положение которых за последний год улучшилось, по сравнению с теми, у кого это положение ухудшилось.

Для выработки и корректировки курса внешней политики исключительно важное значение имеет знание ориентаций в этой области электоратов основных партий, преодолевших на выборах 5-процентную планку. Каждые двое из трех граждан, готовых голосовать за коммунистов накануне выборов в декабре 1995 г., были уверены в том, что России не следует безоглядно использовать опыт Запада, а надо иметь собственный путь развития. Меньше всего (немногим более чем каждый четвертый) подобным образом настроенных граждан было в составе потенциального электората "Яблока". Электорат ЛДПР был ближе по своим ориентациям в этом вопросе к коммунистам, а сторонники НДР были близки к приверженцам Яблока.

ДИНАМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ОТНОШЕНИИ К ОПЫТУ ЗАПАДА

На фоне общего охлаждения граждан России к использованию опыта Запада при определении путей развития России, имели место некоторые особенности, в той или иной мере предопределенные географическими, демографическими, социально-культурными, политическими и национальными факторами.

В Москве и в других столицах республик, краев и областей, а также в нестоличных городах и в сельской местности имело место не-

значительное уменьшение, соответственно, на 3,2%, 1,6% и 1,9% той части населения, которая была настроена использовать опыт Запада быстрее или же склонялась к тому, чтобы заимствовать из этого опыта то, что непосредственно подходит для России. Исключение составили группы населения, проживающие в поселках городского типа, представления которых об использовании опыта Запада не претерпели существенных изменений, и в отличие от населения всех остальных поселений, доля несколько расширилась (на 1,8%).

В итоге размах вариации, а следовательно и полярность позиций между двумя группами радикалов, настроенных с одной стороны использовать опыт Запада как можно быстрее, а с другой - настаивающих на необходимости для России самобытного пути развития, несколько убавилась: в первом случае с 3,4% до 2,8%, во втором - соответственно - с 16,7% до 13,2%. Среди тех же контингентов населения, для которых наиболее приемлемым казалось использование той части опыта Запада, которая подходила для России, полярность возросла, судя по размаху вариаций, с 16,0% до 21,9%.

В целом желание оперативно и быстро использовать опыт Запада в развитии России падал во всех возрастных группах, за исключением лишь узкой прослойки молодежи в возрасте 25-30 лет. Аналогичная тенденция проявляла себя и в развитии представлений (установок) об использовании из опыта Запада непосредственно только того, что могло быть полезным для России. Соответственно во всех без исключения поколениях, молодых, средних и пожилых, росли удельные веса той части населения, которые предпочли западному опыту свой собственный путь развития. Так, например, среди тех, кому исполнилось 51-60 лет, это увеличение произошло на 7,6%, среди тех, кто перевалил за 60 - на 8,1%. В итоге полярность между возрастными группами с наибольшими и наименьшими долями лиц, ориентированных на немедленное использование опыта Запада, осталась почти на прежнем уровне, изменившись с 11,5% в 1993г. до 10,1% в 1995г. Что же касается двух других групп россиян, одна из которых настаивала на осторожном использовании опыта Запада только в той ее части, от которой могла бы быть прямая польза для России, и другая твердо стояла на негативном отношении к опыту Запада и на необходимости для России своего собственного пути развития, но здесь в каждом случае полярность возросла соответственно с 21,9% до 27,8% и с 24,7% до 28,8%.

Позиции русского и нерусского населения к использованию опыта Запада в 1993г. были более сходными, чем в 1995 г. Та часть русского населения, для которой привлекательным было быстрое перенесение опыта Запада на российскую действительность сократилась

в течение двух лет на 2,3%, а нерусского - соответственно выросла на 0,5%. Доля сторонников селективного подхода к опыту Запада и использованию только ее полезной части сократилась среди русских на 6,5%, среди нерусских на 2,2%. И, наконец, среди русских заметно расширились (на 8,0%) слои населения, вообще не приемлющие опыта Запада ни в радикальной, ни в умеренной форме, а выступающие за свой собственный путь развития, в то время, как среди нерусского населения группы людей с подобными настроениями сократились на 1,7%. В итоге несовпадение позиций между группами русского и нерусского населения по двум формам подходов, в том числе по необходимости радикального и быстрого перенесения опыта Запада на российскую действительность и наоборот, по отторжению его и переходу на свой собственный путь развития - возросла (с 1,0% до 1,8% в первом случае и с 1,7% до 8% во втором), а по осторожному перенесению этого опыта с учетом той ее части, которая могла бы принести пользу России - сократилась с 3,4% до 0,9%.

Уровень образования, экономическое и финансовое положение семьи, политические ориентации поляризовали представления граждан России относительно опыта Запада гораздо сильнее, чем их национальная принадлежность. На это следует обратить внимание. Зависимость между уровнем образования и отношением к опыту Запада была, пожалуй, более линейной, чем во всех остальных случаях. Эта зависимость проявляла себя в каждом из трех вариантов подходов к опыту Запада. Чем выше был уровень образования, тем соответственно шире были представлены группы лиц, склонные к радикальному и умеренному перенесению опыта Запада на Российскую почву. И, наоборот, чем ниже был образовательный потенциал, тем шире были распространены установки на отторжение иноземного опыта и расчет на свой собственный, самобытный путь развития.

Относительно высокие показатели размаха вариации, оставшиеся за период между 1993 и 1995 г. без существенных изменений, наглядно свидетельствуют об устойчивом характере фактора образования, поляризующего мнения россиян в позитивном и в негативном подходе к опыту Запада. Так, например, разница между сторонниками радикального перенесения опыта в Россию за указанные два года сократилась с 4,9% до 3,7% между сторонниками умеренного освоения этого опыта увеличилась с 44,9% до 45,4%, а разница между убежденными противниками этого опыта сдвинулась с 29,6% до 30,8%.

Улучшение экономического и финансового положения семьи за истекший перед опросом год, как правило, находилось в числе факторов, благоприятствующих формированию положительного отношения как к радикальной, так и к умеренной форме перенесения опыта на почву России.

Так, например, в 1993 г. среди тех, кто "существенно улучшил" экономическое и финансовое положение своей семьи, доля лиц, позитивно настроенных на немедленное использование опыта Запада в России была почти в 3 раза больше, чем среди тех, у кого экономическое и финансовое положение "существенно ухудшилось". И, наоборот, среди беднеющей части населения доля противников опыта Запада, т.е. тех, кто предпочел для России свой самобытный путь развития, была несколько более, чем в полтора раза больше, чем среди тех, у кого экономическое положения "немного улучшилось".

За период между 1993 и 1995 г. поляризация между продвинутыми и отстающими в экономическом положении группами населения как в радикальном, так и в умеренном подходе к использованию опыта Запада, несколько сократилась: в том числе по быстрейшему использованию опыта Запада с 7,8% до 5,4%, а по умеренному - с 16,5% до 10,9%. Поляризация же по доле сторонников самобытности пути развития России, наоборот, несколько возросла - с 17,4% до 20,6%.

Наиболее заметными были сдвиги в представлениях граждан об использовании опыта Запада в связи с их политическими ориентациями. Основанием для такого вывода служат показатели наиболее высоких размахов вариаций между электоратами разных партий. Так, например, разница между сторонниками Г.Зюганова и Е.Гайдара по доле лиц, симпатизирующих радикальному переносу в Россию опыта Запада, составляла в 1993 г. 6,4%, а в 1995г. - 6,0%. Больше половины (59,2%) тех, кто в декабре 1993 г. отдал свои голоса "Выбору России" - одновременно были умеренными сторонниками вестернизации России, путем перенесения в схему ее развития той части западного опыта, который был бы для России полезным. Среди тех же, кто проголосовал за коммунистов, доля умеренных западников составляла одну треть. И, наоборот, среди электората коммунистов 57,8% считали, что Россия должна иметь свой собственный путь развития, в то время как в электорате выбора советов эта группа составляла менее одной трети (30,0%).

Поляризация электората по двум принципиальным позициям - умеренному перенесению опыта Запада и полному его отрицанию за два года заметно усилилась. Об этом свидетельствует рост размаха вариации в первом случае с 23,3% до 38,4%, а во втором - с 27,8% до 38,3%.

¹ Олег Попцов. Хроника времен "Царя Бориса". 1995. С. 449.

² В.П.Лукин, А.И.Уткин. Россия и Запад: общность или отчуждение. М., 1995. С. 147.

³ Сергей Бабурин. Российский путь. М., 1995. С. 123. Динамические аспекты развития представлений об отношении к опыту Запада.

В любом государстве нет сколько-нибудь однозначной позиции по поводу условий, форм и масштабов иностранных инвестиций. Нынешняя Россия, как впрочем и все остальные государства, появившиеся на развалинах бывшего СССР, не представляют в этом отношении исключения. Многие эксперты и политики убеждены в том, что одной из задач внешнеполитической деятельности является расширение такого экономического сотрудничества с иностранными государствами, которое предполагает и приток иностранных вложений в те или иные отрасли российской экономики. "Но это, - как настаивают некоторые из нынешних общественных деятелей, - не должно вести к превращению России в источник дешевого сырья для других стран"¹. Выступая против люмпенизации России в сферах политики, экономики и культуры, Владимир Максимов вместе со своими единомышленниками - оппозиционерами нынешнему режиму - высказался "против иностранных кредитов, развращающих и без того отучившееся работать общество"².

"Если сейчас будет подписан указ о том, чтобы беспрепятственно пустить на рынок западные капиталы, - беспокоится Г.Зюганов, - они проглотят все наши "менатепы" за две недели"³.

Несмотря на старания идеологических служб администрации Президента и на деятельность ведомства иностранных дел России, в представлениях граждан России не произошли сдвиги в сторону атлантизма и веры в обретение ими надежных партнеров и верных друзей на Западе. Наоборот, данные опросов зафиксировали наличие прямопротивоположной тенденции. Среди граждан России несколько снизился уровень оптимизма и уверенность в том, что безопасности России нет серьезных внешних угроз. По ряду внешнеполитических

ориентаций обнаружилась отрицательная динамика настроений и симпатий. Так, например, проявилась настороженность к "помощи" Запада в виде иностранных инвестиций в российскую экономику. Между двумя выборами доля российских граждан полностью поддерживающих иностранные вложения в экономику России сократилась с 14,1% до 9,0%. Доля граждан, поддерживающих иностранные инвестиции под жестким контролем Российского государства снизилась с 46,0% до 40,5%. Соответственно проявила себя негативная реакция: удельный вес граждан, допускающих, что иностранные инвестиции иногда могут быть полезными, но в конечном счете несущими больше вреда, чем пользы, увеличилась с 12,2% до 14,5%, а доля граждан безоговорочно отрицательно оценивающих иностранные вложения в экономику России, возросла с 15,5% до 18,5% (см. табл. 1).

Таблица 1

Отношение к иностранным вложениям
(в % по итогам опросов 1993 и 1995 гг.)

Поддерживают ли иностранные вложения в экономику России?	1993	1995
1. Полностью поддерживают	14.1	9.0
2. Поддерживают, но считают, что они должны находиться под жестким контролем государства	46.0	40.5
3. Иностранные вложения иногда полезны, но в целом они несут больше вреда, чем пользы	12.2	14.5
4. Полностью против	15.5	18.5
5. Затрудняются ответить	11.8	17.5

Особенно резко, как подтвердили данные ряда независимых опросов, граждане России выступили против возможности продажи земли в собственность иностранцам. Эту идею поддержали лишь 3-4% населения⁴.

В Москве, Санкт-Петербурге, в столицах республик, краевых и областных центрах доля сторонников, "полностью поддерживающих" иностранные инвестиции, в 1995 была в два раза выше, чем в сельской местности. Напротив, доля граждан, совершенно и безоговорочно негативно оценивающих иностранные инвестиции, в селах была в 1,4 раза больше, чем среди столичных жителей. За иностранные вложения под жестким контролем государства высказались почти половина жителей в поселках городского типа и менее одной трети сельчан. Затруднения больше всего в ответах на этот внешнеполи-

тический вопрос испытали жители села (25,9%). Меньше всего - жители столиц.

Серьезные различия в ориентациях населения на иностранные инвестиции имели место в зависимости от возраста. В целом, чем моложе возраст, тем лояльнее отношение на иностранные вложения в экономику России. Так, например, среди молодежи 18-20 лет доля "полностью" поддерживающих возможность проникновения иностранного капитала в экономику России, почти в 6 раз больше, чем среди тех, кому перевалило за 60 лет. И наоборот, среди вторых доля "полностью" отвергающих иностранные вложения в 5,6 раза больше, чем среди первых.

Несколько меньше зависит от возраста своеобразная поддержка иностранных инвестиций под жестким контролем государства. Подобная установка имела более или менее равномерное и относительно широкое распространение среди 5 возрастных групп (18-20, 21-24, 25-30, 31-30, 41-50) и колебалась в них в узком интервале от 44,4% до 48,5%. В двух следующих возрастных группах она падала, снижаясь до 37,0% среди тех, кому исполнилось 51-60 лет и до 28,1% среди лиц, перешагнувших 60-летний рубеж.

Едва ли самое сильное влияние на формирование ориентаций на иностранные вложения в экономику России оказывает образовательный уровень, хотя размах вариации между полярными группами меньше чем между группами по возрасту, зато зависимость здесь линейная: чем выше образование, тем больше готовность и открытость, т.е. тем больше доля сторонников безоговорочно ("полностью") поддерживающих иностранные вложения, или поддерживающих их под строгим контролем государства, и, наоборот, среди малограмотных и лиц с начальным образованием доля решительных противников иностранных вложений почти в 2,5 раза больше, чем среди лиц с высшим образованием.

Улучшение экономического и финансового положения семьи в течение последнего года находится в связи с позитивным отношением к иностранным вложениям. Среди этой категории граждан России, доля лиц с позитивными установками на иностранные вложения заметно выше, чем среди тех, у кого экономическое и финансовое положение ухудшилось.

Исключительно важную роль в формировании установок на поддержку или на отрицание необходимости иностранных вложений в экономику России играет партийная принадлежность, или политическая ориентация, выраженная в виде готовности отдать свой голос за ту или иную партию, блок или политическое движение. Так, например,

в составе потенциального электората коммунистов в декабре 1995 г. доля лиц, полностью отрицающих необходимость иностранных инвестиций в экономику России, составляла 32,6% и была пятикратно выше доли лиц с аналогичной установкой в составе потенциального электората Яблока.

Самый высокий размах вариаций между группами граждан, выступающих "за" и "против" иностранных инвестиций в зависимости от их политико-электоральных ориентаций, выдвигает этот фактор на первое место среди остальных факторов.

Отношение к иностранным инвестициям является важным козырем не только в предвыборной гонке, не только ключевым моментом в предвыборных платформах и неоднозначно проявляет себя на международной арене в коллее внешнеполитической деятельности Российского государства и его отдельных официальных представителей. Известна, например, более чем настороженная в целом позиция коммунистов к широкому притоку западных инвестиций. Тем не менее, выступая в январе 1996 г. на Международном форуме в Давосе, лидер коммунистов Г.Зюганов наряду с обещаниями сохранить политические свободы, многоукладную экономику, плюрализм, открытость и диалог, с особой силой акцентировал внимание влиятельных лиц Запада на решимости коммунистов искоренить коррупцию и обеспечить условия для притока иностранных капиталов. Незамедлительной реакцией на Давосское наступление Г.Зюганова явилась позитивная реакция Запада и негативная Анатолия Чубайса. Так, например, глава одной из крупных консультационных фирм в Нью-Йорке Джон Бон сказал: "Если Зюганов обеспечит надежные условия для инвестирования, обуздает коррупцию и создаст правила игры, которые вызовут доверие инвесторов, то в конечном счете они придут в Россию". "Если Зюганов станет президентом, - еще более определенно высказался известный финансист Джордж Сорос, - это не будет означать конца бизнеса в России" ⁵. Иная точка зрения в том числе обнародованная А.Чубайсом, крайне раздраженным успехом лидера КПРФ, состоит в том, что победа коммунистов на президентских выборах приведет к минимизации отношений Москвы с МВФ и перекроет дорогу широкому притоку западных вложений в экономику России.

Формирование представлений граждан России в отношении роли западных инвестиций не всегда основываются на знании меры политизированности того или иного заема, или условия, под которые даются России деньги. Между тем сами западные советологи, как, например, директор института международных отношений в Париже

Тьерри де Монбриаль откровенно и открыто заявляет, что, например, выданный МВФ крупный заем России предназначен в том числе "для покупки нескольких миллионов голосов в пользу президента, добивающегося переизбрания" ⁶.

Более того, в печати Запада неоднократно высказывались опасения, что часть поступающего в Россию займа не достигает цели, оседая в карманах и на счетах новых властителей России, наживающих себе баснословные состояния не только на ограблении собственного народа, но и на "прихватизации" части иностранных вложений.

С уходом А.Чубайса, С.Филатова и особенно А.Козырева с ключевых постов, надо полагать, кончилась эра попыток сделать Россию похожей на США. Надо отдать должное Б.Ельцину, чутко уловившему вызов левеющего от обнищания электората и сделавшему из этого вызова правильные организационные выводы.

¹ *Сергей Бабурин*. Российский путь. М., 1995. С. 124.

² *Владимир Максимов*. Самоистребление. М., 1995. С. 24.

³ *Геннадий Зюганов*. Верю в Россию. Воронеж, 1995. С. 113.

⁴ *Геннадий Осипов*. Социология и политика. М., 1995, С. 508.

⁵ *Алексей Пушкин*. Неокommунизм: Испытание Давосом. Московские новости, 1996. 11-18 февраля.

⁶ *Владимир Большаков*. Россия: возвращение коммунистов // Правда. 1996. 7 марта.

Иллюзии есть иллюзии. Они обладают горьким свойством рассеиваться. Очередной раз поверив демократическим пастырям, россияне последовательно освобождаются от иллюзий, возникших там и тогда, где и когда они дали себя обмануть Гайдару и Чубайсу, в том, что якобы открыв границы для иностранных инвестиций, сократив пошлины на ввозимые с Западных рынков товары, увеличив вывоз национального богатства в виде экспорта сырья и энергоресурсов, Россия сможет стать и демократической, и благоденствующей. Отстранение Чубайса от штурвала приватизации имеет более глубокий смысл, чем элементарная кадровая чехарда в верхних эшелонах власти. Это означает знак вопроса и сомнение в курсе с насильственно насаждаемой сверху вестернизацией и возможный поворот на курс отечественной социально-экономической приоритетности. Однако начало модернизации, связанное с радикально-шоковой терапией, не прошло бесследно. В представлениях части россиян появились новые установки и ориентации, положившие основу для свободной самоидентификации и деинфантилизации. Негативные экономические и социальные последствия неудачного реформирования вызвали защитную реакцию россиян, проявившую себя как в протесте против экспансии иностранного капитала, так и в новой волне протекционизма. Почти каждые двое из троих граждан России в ходе опроса в декабре 1995 г. решительно ответили, что государство должно использовать таможенные пошлины для защиты отечественных производителей как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. И лишь немногим более чем каждый десятый проявил лояльность к беспрепятственному притоку иностранных товаров на российский рынок.

Эта установка вполне корреспондирует с программными документами ряда политических партий, движений и блоков, например, обще-

ственно-политического движения "Российский общенародный Союз", в феврале 1994 г. преобразованного в политическую партию. По мнению ее председателя С.Бабурина одним из важнейших приоритетов в подерживаемой им экономической реформе является "незамедлительное принятие системы протекционистских мер, обеспечивающих развитие отечественного предпринимательства и отечественного производства"¹.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР

Конкретное место проживания, как показал опрос, не оказывает сильного влияния на формирование отношения населения к механизму пошлин в качестве защиты интересов отечественных производителей, как в сфере промышленности, так и в сельском хозяйстве. Во всяком случае в трех типах поселений - в столицах республик, краевых и областных центрах, в остальных крупных городах и даже в сельской местности доли протекционистов составляют без малого две трети населения и являются в целом равновеликими. Они колеблются в ничтожно малом интервале от 63,7% до 64,6%. Лишь население поселков городского типа составляет незначительное исключение. Ожидание этой группы населения от государства протекционистской политики направлено как в сферу промышленности (76,7%), так и в сферу сельского хозяйства (79,3%).

Размах вариации между протекционистами в поселках городского типа и жителями сельской местности составляет для сферы промышленности 13,0% и для сферы сельского хозяйства - 15,8% и означает, что взаимосвязь между местом обитания и установками на протекционистскую политику, имеет место.

Не выявлено сколько-нибудь существенных связей между возрастом и отношением к протекционизму. За исключением групп населения в возрасте 41-50 и 51-60 лет, выделяющихся несколько повышенной долей протекционистов (66,8%-68,1%) во всех остальных возрастных группах доли лиц, считающих, что государство должно использовать таможенные пошлины для защиты отечественных производителей, примерно равновелики и колеблются в узком интервале от 61,2% до 65,0%.

В целом же возрастной фактор примерно в два раза меньше, чем географический разделяет население по убеждениям относительно протекционизма. О наличии тесной связи между двумя важными факторами - уровнем образования и степенью религиозности и ориентацией на протекционизм свидетельствует зависимость, согласно которой, чем ниже образование, и чем ниже степень религиозности тем выше

преобладание доли лиц, приверженных протекционизму над удельным весом лиц с противоположной установкой. Так, например, среди неграмотного и полуграмотного населения удельный вес лиц, полагающих, что государство должно использовать таможенные пошлины для защиты отечественных производителей в сфере промышленности и сельского хозяйства в 10 раз больше, чем лиц, по мнению которых государство не должно использовать пошлины в качестве механизма протекционистской политики. Среди лиц со средним образованием указанная разница снижается до 8,2 раз для промышленности и до 6,5 раз в сельском хозяйстве, а среди лиц с высшим образованием - до 4,4 раза - в промышленности и до 4,1 раз в сельском хозяйстве.

По степени религиозности на полярных позициях находятся с одной стороны - группы тех атеистов, которые считают, что с религией надо бороться, а с другой - те верующие, которые соблюдают религиозные предписания и обряды. Опрос показал, что среди первых преобладание протекционистов над интеграционистами было в 20 раз больше, как в сфере промышленности, так и в области сельского хозяйства, среди вторых удельный вес сторонников таможенных ограничений преобладал над сторонниками беспошлинного ввоза промышленных товаров в Россию в 8,3 раза, и продукции сельского хозяйства в 4,6 раза.

По избранному для анализа показателю - преобладанию доли протекционистов над интеграционистами - существенной разницы в представлениях граждан русской и иных национальностей опрос не выявил.

Среди русского населения сторонники использования таможенных пошлин для отечественных производителей в сфере промышленности преобладали над сторонниками ликвидации этих пошлин в 5,8 раза, среди нерусского населения - в 6,3 раза, в сфере сельского хозяйства разница составляла соответственно 5,3 и 5,2 раза и была еще меньше.

Следовательно в ряду географических (поселенческих), демографических и социально-культурных факторов, связанных с теми или иными установками граждан на узловые вопросы внешнеполитической деятельности национальный фактор был на периферии и занимал второстепенное место.

Как уже говорилось, жилище как показатель, или как часть экономического фактора, не всегда имеет свое четко обозначенное лицо. Так, например, граждане России, живущие на момент опроса в кооперативных, отдельных государственных, приватизированных, коммунальных квартирах имели приблизительно одинаковые охранительные (протекционистские) представления о политике государства в

сфере внешнеэкономической деятельности. Приблизительно 2/3 среди жильцов перечисленных типов жилья считали, что государство должно использовать таможенные пошлины для защиты отечественного производителя как в сфере промышленности, так и в сфере сельскохозяйственного производства.

Судя по ряду показателей, разница пролегла между теми, кто жил в собственном доме и теми, кто снимал комнату или квартиру. Среди первой категории лиц преобладание удельного веса протекционистов над интеграционистами в промышленности было 9,1 раза больше, а среди второй - в 3,8 раза, в сельском хозяйстве - соответственно в 6,7 и 2,7 раза.

Вполне логично было предположить, что протекционизм, как часть изоляционизма, будет укореняться в представлениях граждан России по мере ухудшения их экономического положения и материального благосостояния. В целом эта гипотеза подтвердилась, хотя и не в очень сильной форме. Среди той части населения, экономическое и финансовое положение которой улучшилось в этой или иной мере, преобладание протекционистов над интеграционистами было в 2,9 и в 3,4 раза выше по вопросам ужесточения таможенных пошлин в сфере промышленности и в 2,9 и в 2,8 раза в сфере сельского хозяйства. Среди другой части населения с прямо противоположной тенденцией экономического развития представления менялись в сторону более сильного протекционизма. Опросы, в частности, показали, что среди тех категорий населения, экономическое и финансовое положение семей которых в течение последнего года существенно или немного ухудшилось, перевес сторонников ужесточения таможенной политики над сторонниками ее ослабления составлял соответственно 5,7 и 9,4 для промышленности и 5,8 и 7,8 для сельского хозяйства.

Одним из итогов приватизации, осуществленной командой Чубайса, стало наличие многоукладной экономики в России, развивающейся в предприятиях с различной формой собственности, в том числе с частной, особенно непривычной для бывших советских граждан. Одна из линий раскола между гражданами России в их отношениях к внешне-торговым акциям пролегла по форме собственности тех предприятий, в которых это население оказалось занятым накануне парламентских выборов 1995 г. Наибольшая лояльность к использованию таможенных пошлин в интересах иностранных товаропроизводителей выявилась среди той категории россиян, которая работала в частном секторе.

Здесь, среди занятых в частных предприятиях, перевес протекционистов над интеграционистами оказался минимальным, составил 2,6 пункта для промышленности и 2,5 пункта для сельского хозяйства.

Среди работающих на предприятиях с иной (не частной) формой собственности распределение лиц с различными представлениями о характере таможенной политики оказалось иным.

Преобладание удельного веса протекционистов над интеграционистами здесь был на порядок выше, чем на предприятиях с частной собственностью, в том числе на предприятиях с государственной собственностью в 5,6 и 5,3 раза, на предприятиях с муниципальной собственностью - в 7,4 и в 5,5 раза, и на предприятиях с иной общей собственностью (акционерной, кооперативной и т.д.) - в 6,9 и в 5,8 раз.

В политической расстановке сил накануне выборов парламента или президента России исключительно важное значение имеет не только выявление и определение социальной базы и политического веса противоборствующих сил, но и внутреннее единство и расслоенность электоратов каждой из этих сил. Проведенные опросы подтверждают, что внутри электоратов даже ведущих политических сил нет единства по ряду принципиальных вопросов. Так, например, если в недрах электората коммунистов удельный вес сторонников использования таможенных пошлин для защиты отечественных производителей в сфере промышленности в 8,8 раз превосходил долю сторонников беспошлинной интервенции иностранных товаров на рынки России, то в рядах электората Яблока этот показатель составлял всего лишь 3,3. Разница, как видно, весьма значительна. Она свидетельствует, во-первых, о том, что электорат коммунистов вполне единодушно разделяет программные декларации КПРФ. Лишь 8,1% из всего электората этой партии не согласны с тем, чтобы государство использовало таможенные пошлины для защиты отечественных производителей, в то время, как среди сторонников НДР эта доля достигает 15,4%, а в рядах тех, кто отдает или собирается отдавать свои голоса Яблоку - 18,6%.

О том, что защита интересов отечественных производителей является немаловажной картой в руках оппозиционных сил, свидетельствуют итоги проведенных нами опросов. Так, например, среди тех, кто в декабре 1995 г. полагал, что дела в России идут в неправильном направлении, т.е. среди оппозиционеров, удельный вес протекционистов в сфере промышленности в 7,2 раза и в сфере сельского хозяйства в 6,2 раза превосходил долю лиц, лояльно настроенных к бесконтрольному и бес таможенному проникновению иностранных товаров в Россию. Среди другой категории граждан, по мнению которых, дела в России шли в правильном направлении разница между протекционистами и интеграционистами была на порядок ниже и составляла всего лишь 3,0 в сфере промышленности и 2,8 в сфере сельского хозяйства.

Протекционизм во внешней политике связан с консерватизмом во внутренней политике. Это вполне наглядно отражается в представлениях и установках граждан. Опросы позволили, в частности, выявить, что среди граждан, склонных поддержать лидера, обещающего восстановить СССР, т.е. среди радикальных консерваторов, удельный вес протекционистов превышал долю интеграционистов в 8,7 раз в сфере промышленности и в 6,5 раз в сфере сельскохозяйственного производства. В составе же тех граждан, кому более импонировал лидер, обещающий развивать Россию в теперешних границах, т.е. в рядах модернизаторов, превышение доли протекционистов над интеграционистами составило 5,1 пунктов в промышленности и 4,8 в сельском хозяйстве.

Как уже отмечалось, после принятия Конституции РФ в декабре 1993 г. в руках Президента сосредоточилась огромная власть и вместе с тем огромная ответственность за порядок и за все то, что происходит в России и с Россией. Парадокс же состоит в том, что электорат постепенно эволюционирует не навстречу Президенту, а скорее в сторону оппозиционных сил. Соответственно возникает проблема конституционного или, не дай бог, неконституционного передела власти. На исходе 1995г. более чем каждый пятый (21,8%) гражданин России без сомнений поддержал бы лидера, который во имя восстановления порядка в России установил бы с помощью армии и сил безопасности диктаторский режим. Половина граждан России (51,8%) была решительно настроена против диктаторского режима и указала, что готовы, считая, что свобода по крайней мере важнее, если не превыше всего. Значительная часть населения 26,4% не сумела определиться, какой из двух названных лидеров - диктатор или демократ - ей более импонирует.

С помощью опроса удалось выявить наличие внутренних связей между установками на диктаторский или демократический режим и представлениями о протекционизме и открытости в экономических контактах с внешним миром. Оказалось, в частности, что среди сторонников диктатуры удельный вес протекционистов, т.е. тех, кто считал, что государство обязано использовать таможенные пошлины для защиты отечественных потребителей в 6,7 раза в промышленности и в 6,1 раза в сельском хозяйстве больше, чем противников протекционизма. Среди же убежденных демократов, т.е. тех, кто противостоял бы любой диктатуре разница между протекционистами и интеграционистами была меньше: первые по удельному весу превосходили вторых в промышленности в 5,3 раза, а в сельском хозяйстве 4,8 раза.

¹ Сергей Бабурин. Российский путь. М., 1995. С. 124.

Исключительно важной чертой новой самоидентификации и деинфантилизации является понимание того, что России необходимо устойчивое экономическое развитие, сочетающее в себе как разумную открытость ее экономики для мировых интеграционных процессов, так и целенаправленную помощь со стороны государства отечественным товаропроизводителям, в том числе за счет бережного и мудрого отношения к экспорту топливно-сырьевых ресурсов (нефти, газа, леса и т.д.), составляющих наряду с населением национальное богатство России.

Почти каждый четвертый (23,1%) гражданин России на исходе 1995 г. был уверен в том, что государство должно прекратить экспорт сырья. Без малого каждые двое из троих (63,7%) считали необходимым ограничение экспорта сырья. И только 3,5% из числа доверчивых российских граждан без сомнений хотели бы, чтобы российское сырье экспортировалось на запад без каких-либо ограничений.

Вполне убежденным выразителем настроений граждан, озабоченных проблемами экспорта сырья, выступил лидер Партии самоуправления трудящихся, знаменитый глазной хирург, депутат Государственной Думы и кандидат в президенты Российской Федерации Святослав Федоров. "Что же касается экстренных мер в экономике, - сказал он в беседе с корреспондентом "Независимой газеты", - то необходимо в первую очередь взять под контроль вывоз сырья за рубеж. Мы теряем на этом десятки миллиардов долларов" ¹. Выяснение отношения россиян к экспорту топливно-сырьевых ресурсов имеет исключительно важное значение, так как усиливающаяся борьба между Центром и регионами за право распоряжаться квотами на экспорт нефти, газа, леса, драгоценных металлов и других сырьевых ресурсов подтачивает

изнутри единство России, грозит ей дальнейшей дестабилизацией и экономическим спадом, лишает федерализм действенной силы и прочности.

Не случайно в текстах Договоров и особенно Соглашений между Правительством РФ и Правительствами республик и администрациями некоторых краев и областей предусматриваются специальные ставки о квотах, нефти, предназначенных на экспорт. "Органы государственного управления Республики Татарстан по согласованию с органами государственного управления Российской Федерации, - говорится в одном из таких Соглашений, - ежегодно определяют объемы добычи и поставки нефти и продуктов нефтехимпереработки за пределы Республики Татарстан, в том числе на нужды Республики Татарстан, Российской Федерации и на экспорт" ².

В ходе суверенизации и дальнейшего выяснения отношений между Москвой и республиками право на особые квоты на экспорт нефти, газа и леса добились наряду с Татарстаном и Башкортостаном и другие республики - Карелия, Коми, Саха (Якутия), Горный Алтай, а также Иркутская, Тюменская, Оренбургская области и Красноярский край ³.

И поскольку, как отмечалось, вопросы разграничения и дележа собственности между Федеральным Центром и регионами носят стихийный, слаборегулируемый, а порой и противоречащий Конституции РФ характер, поскольку возникает проблема выяснения того, как складывается общественное мнение по этому болезненному вопросу в городах и деревнях России, среди различных социальных, профессиональных, национальных и иных групп населения.

Знание представлений граждан по такому специализированному вопросу, как отношение к экспорту сырья, понятно, не может сравниться с профессиональными выкладками экспертов. Тем не менее, учет совпадения или несовпадения общественного мнения с высказываниями известных политических деятелей, лидеров партий, блоков и политических движений не лишен смысла, особенно на скользких дорогах предвыборной кампании.

Удельный вес лиц, уверенных в том, что государство должно экспортировать свои национальные богатства (нефть, газ, лес и т.д.) без каких-либо ограничений, был одинаковым во всех видах поселений. Доли подобным образом настроенных граждан были одинаковыми (в интервале от 3,0% до 3,8%) как в столичных городах, так и в сельской местности. Географически разделенными оказались иные установки, связанные, в частности, с двумя другими подходами к экспорту сырья. Так, например, доля граждан, радикально настроенных

против экспорта сырья, в селах (28,9%) была на 10,6% больше, чем в столицах (18,3%). Что же касается граждан с более взвешенной, скажем, с более умеренной позицией, то среди столичных жителей их доля составляла 70,2% и превышала долю подобным же образом настроенных сельчан на 15,5%.

Как показал опрос, демографический фактор проявлял себя несколько заметнее, чем географический. Межпоколенная разница в радикальном подходе к решению проблем, связанных с экспортом сырья, была сильнее, чем разница между жителями столиц и сел России. Среди лиц преклонного возраста, т.е. среди тех, кому в декабре 1995г. перевалило за 60 лет, едва ли не каждый третий был сторонником прекращения экспорта российского топливно-энергетического сырья. Полярную в этом отношении позицию занимала молодежь. Так, например, среди молодежи в возрасте 21-24 года лишь 15,9%, поддержала идею полного прекращения экспорта.

Среди "твердых" атеистов, т.е. тех, которые думают, что с религией надо бороться, доля противников экспорта национального богатства (33,3%) так же на 14,2% больше, чем среди тех, кто колеблется в своих религиозных убеждениях. Единственный среди демографических и социокультурных не работающий фактор - это национальная принадлежность. Опрос показал, что как среди русского, так и среди нерусского населения доли радикально настроенных граждан в отношении экспорта сырья - одинаковы: 23,2% - среди русских, и 22,5% - среди представителей остальных национальностей.

В группе экономических факторов поляризации позиций по вопросу об экспорте сырья из России более заметно сказываются собственность предприятия или организации, в которой работают респонденты и экономическое и финансовое положение семьи в течение года перед опросом. Менее заметна поляризация позиций в зависимости от типа жилища, в котором проживает население. В самом деле, разница между полярными долями радикальных противников экспорта в первом случае (между теми, кто работает на предприятии, основанном на частной собственности, или "другой" собственности) согласно размаху вариации была равна 14,0%, во втором случае (между теми, у кого экономическое и финансовое положение семьи за последний год "ухудшилось" и "немного улучшилось") - 12,0%, и, наконец, в третьем случае (между теми, кто проживал в собственном доме и в кооперативной квартире) - 9,3%.

Особенно резко поляризуются представления граждан по вопросу об экспорте сырья в зависимости от их политических убеждений и позиций. Вполне естественно, в частности, что среди патриотически

настроенных состоявшихся (1993г.) и потенциальных (1995г.) электоратов ЛДПР и КПРФ ряды радикальных противников экспорта национального богатства России более чем на порядок были выше, чем среди электоратов НДР и Яблока. Среди тех, например, кто намеревался в декабре 1995г. отдать свой голос за партию В.Жириновского, доля лиц, считающих, что государство должно прекратить экспорт сырья (национального богатства) России, составляла 33,5%, в то время, как среди потенциальных сторонников Г.Явлинского доля аналогично настроенных граждан составляла всего лишь 14,4%. Весьма ощутимой была поляризация представлений среди проправительственно и оппозиционно настроенных граждан. Среди первых, оценивающих, в частности, что дела в России идут в правильном направлении, доля лиц, радикально настроенных против экспорта российского сырья (14,7%) была на 12,1% меньше, чем среди той оппозиционно настроенной части населения, по мнению которой дела в России шли в "неправильном" направлении. И, наконец, среди тех, кто ностальгически мечтал о восстановлении СССР, доля решительных противников экспорта сырья составляла 32,8% и на 14,3% превышала долю подобно относящихся к экспорту граждан среди тех, кому нравилась Россия в теперешних ее границах, вне рамок бывшего СССР.

Итак, анализ взаимосвязи между отношением к экспорту сырья и 12 факторами, сгруппированными в 4 разряда (географический, демографический и социокультурный, экономический и политический) показал, что национальный фактор в предложенной обойме не играет никакой роли. Как радикальное, так и умеренное отношение граждан России к одной из ключевых проблем внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности - к экспорту сырья складывается вне зависимости от их национальной принадлежности.

¹ Александр Желенин. Святослав Федоров - За предоставление Чечне независимости // Независимая газета. 1996. 20 марта.

² Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Татарстан о реализации и транспортировке нефти и продуктов нефтехимпереработки. 5 июля 1993 г., ксерокопия с подлинника.

³ Национальная доктрина России (проблемы и приоритеты). М., 1994. С. 43.

Разнообразие представлений о внутренней и внешней политике России, поляризация оценок существующего в стране положения дел, противоположность оценок хода и результатов экономических и политических преобразований свидетельствует о глубоком расколе населения России в их представлениях о себе и своих соседях, о своей истории, и о своем прошлом, настоящем и будущем. На одни и те же ключевые вопросы внутренней (рыночная экономика, президентское правление, сущность и темпы демократизации, наследие и идеалы, и т.д.) и внешней (отношение к опыту Запада, к НАТО и его расширению на восток, расходы на оборону, воззрение на иностранные инвестиции, пошлины, экспорт сырья) политики люди смотрят с разных позиций.

Одним Россия видится как либеральная, почти европейская страна с развитым индивидуализмом, неплохими перспективами на завершение демократических реформ и вступление в клуб продвинутых в этом отношении стран Запада. Согласно другим представлениям, Россия осталась глубоко приверженной корням и ценностям традиционализма, коммуналлизма и этницизма. Вместе с тем, и в этом есть глубокий смысл и одновременно парадокс, носители первого представления упускают из поля зрения наличие модернизирующейся России значительных пластов традиционализма, а носители традиционных взглядов на Россию, игнорируют наличие новых побегов либерализма, прав и свобод человека.

Несколько схематизируя положение дел и общую картину представлений, можно сделать вывод о ценности этнического индивидуализма и самобытности внутри России и о межэтнической солидарности россиян любой национальности вне России, в том числе и по вопросам, касающимся внешнеполитической деятельности.

Сегодня солидаризированный коллективный разум народов России начинает действовать, освобождаясь и избавляясь от иррационального, к счастью недолговечного националистического похмелья.

Еще трудны и мучительны ответы респондентов на вызовы внутренней политики. Но как показательно и контрастно единство мнений русских и нерусских по внешнеполитическим вопросам, с плюрализмом мнений по внутривнутриполитическим проблемам!

Изучение электорального поведения позволяет сделать потрясающе важный вывод. Наличие внешней угрозы, хотя бы, к примеру сказать, ставшее модным и назойливым расширение НАТО, оказывается действенным фактором, способным перекрыть клапаны межэтнических разногласий внутри самой России и цементировать межнациональную консолидацию.

Как показали итоги представительных опросов и анализ, национальный фактор не проявлял себя в формировании установок России на большинство узловых проблем внешнеполитической деятельности Российского государства.

Во всяком случае, если судить по поляризации мнений и представлений электората по вопросу об истинной роли экономических советов Запада, то национальная принадлежность избирателей находилась на последнем месте среди таких факторов, как политическая ориентация, выраженная в готовности голосовать за ту или иную политическую партию, возраст, состояние экономического и финансового положения семьи, образование и место проживания.

В чем главный вывод исследований Российского электората, так активно ненавидимого демократами?

В настроениях общества и в представлениях граждан происходят тектонические сдвиги. Пожалуй, в том, что на предвыборных марафонах 1993 и 1995 годов электорат России оказался политизированным гораздо больше и глубже, чем этнизированным. (Здесь термин "национализирован" подошел бы больше, но он неубедителен отвлекающей ассоциативностью в сторону национализации имущества). Линия раскола электората пролегла не в национальном вопросе, а в политическом. В результате всех реформ, квазиреформ и псевдореформ мы получили такое политизированное общество, в котором быстро созрело деление на противоборствующие силы. Национальный фактор отступил на второй план. Голос этносов звучит за политическим кадром. В течение двух выборов в Федеральное Собрание электорат в своих политических ориентациях последовательно продемонстрировал несходящиеся политические симпатии.

И если еще остаются какие-то внутривнутриполитические вопросы, по которым возможно деление противоборствующих сил по национальному признаку, то в узловых вопросах внешнеполитической деятельности этого деления не оказалось. Между четырьмя пятими русского населения России и одной пятой, состоящей из остальных национальностей, числом не менее ста пятидесяти наименований нет противоборства. На внутренней арене они иногда могут в чем-то конкурировать, на внешней арене - они - едины.

Поляризацию представлений граждан по проблемам внутренней и внешней политики по двум осям - преимущественно политической в вопросах внешней политики и вполне серьезно по национальной в вопросах внутренней политики можно суммировать в одной формуле: на крутой стене подъема национального самосознания и национальных движений главным в вопросах внутренней политики является осознание и осмысление особенности своей национальности и своих интересов в рамках замкнутого российского пространства и осмысление себя как части более широкого (в рамках единой России), универсума.

В основе общего полевения и поворота к неоконсерватизму российского электората и его охлаждения к западной модели развития лежат не только промахи и грубейшие ошибки реформаторов радикал-демократического толка в сфере внутренней политики, но и роковые ошибки в сфере внешнеполитической деятельности. Изучение предпосылок формирования представлений российских граждан о месте и роли России в нынешнем мире приводит к отнюдь не самым оптимистическим выводам. Дважды проведенные свободные демократические выборы на исходе 1993 и 1995 годов в Федеральное Собрание явились для избирателей хорошей школой политической активизации, идеологического раскрепощения и освобождения от ослепления и недопонимания истинных целей и задач Запада, в том числе связанных с расширением НАТО на восток. Логика деинфантилизации в этом плане оказалась до банальности простой. Нельзя, в частности, не согласиться с тем, что в ответ на жесты доброй воли России, в ответ на добровольный роспуск Организации Варшавского Договора, в ответ на никем не предсказанный самороспуск СССР, на столь же неожиданный отказ от социализма и коммунизма, западные страны не ответили хотя бы приблизительно или относительно равноценными уступками ¹. Стоит ли сегодня удивляться, что на обширных пространствах России, в ее республиках, краях и областях, как на дрожжах, стали в ответ формироваться защитные не-

оконсервативные настроения и представления горожан и сельчан как бы по формуле "нас предали".

И, видимо, совсем не случайно в городах и деревнях России за два года между 1993 и 1995 гг. доля граждан России, считающих вредным, и скорее вредным распад Советского Союза, выросла с 69,8% до 77,2%, а удельный вес лиц указавших своей Родиной СССР, соответственно возросла с 28,9% до 38,7%. Это и есть наглядное подтверждение деинфантилизации на примере отношения к таким фундаментальным для человека и гражданина понятием как Родина и Советский Союз.

Несомненным и важным открытием этих исследований стало то, что общественное мнение России, выраженное в представлениях его граждан по целому ряду внешнеполитических вызовов, озабочено и обеспокоено едва ли не больше, чем на обветшалых этажах высотного дома на Смоленской площади и чем в отремонтированных коридорах Кремля.

Нынешний электорат России, как былинный Илья Муромец, стоит на развилке трех дорог. И сегодня многим позарез хотелось бы знать, какую из дорог выберет электорат, чтобы увлечь за собой Россию. Проблема, однако, осложняется, во-первых, тем, что в малопредсказуемой России трудно быть уверенным в том, что электорату вообще будет позволено стать ведущей силой, во-вторых, в том, какую из дорог выбрать, в-третьих, кто и как понимает то, куда, в какую сторону каждая из дорог ведет. Порой это понимание и стратегии, и тактики является диаметрально противоположным.

По миропониманию коммунистов одна из дорог ведет к тому, "чтобы превратить всю страну в большую Чечню по югославско-кавказскому варианту", вторая дорога направлена на то, чтобы превратить Россию "в большую Колумбию, когда политика срачивается с мафией, а мафия резко политизируется...государства, в котором будут неограниченные репрессии внутри страны и ядерный шантаж вовне", и, наконец, третья дорога - эта дорога "демократического развития, основанная на российской государственности, высокой духовности, исторической традиции, которая бы связывала воедино как прошлое, так и настоящее, давая нации и народу будущее" ². В докладе "О задачах партийных организаций в связи с подготовкой и проведением выборов Президента", сделанном заместителем председателя ЦК КПРФ Валентином Купцовым на IV Всероссийской конференции КПРФ внимание было акцентировано на том, что "России находится перед жестким выбором: либо левые силы кон-

ституционным путем смогут отстранить от власти антинародный режим, либо разрушительные процессы в стране примут необратимый характер" ³.

Кроме внутреннего пересечения дорог у России, если думать о ее будущем, еще и международный, перекресток. Здесь выбор не менее труден. Одна из геополитических магистралей на международном геополитическом перекрестке ведет к сближению Востока и Запада в некую единую, опоясывающую северное полушарие атлантическо-тихоокеанскую систему, от Ванкувера до Владивостока, вторая континентальная дорога зовет к сближению в масштабах Европейского континента по оси Париж-Берлин-Варшава-Москва, и наконец, третья дорога, в случае, если будут заблокированы первые две, поведет не во вне, а внутрь России и евроазиатства ⁴, что означает переход от открытости и неоизоляционизму.

Обнаруженная социологическими опросами закономерность вполне согласуется с аналитически выявленным Л.Шевцовой парадоксом советского и постсоветского развития. Речь идет о том, что "прагматики из рядов старого правящего класса оказались зачастую более приспособленными к жизни без коммунистических институтов и ритуалов, ограничений и подстраховочных сеток, чем значительная часть общества, привыкшая существовать в материалистской и популистской парадигме" ⁵.

¹ В.П.Лукин, А.И.Уткин. Россия и Запад: общность или отчуждение? М., 1995. С. 66.

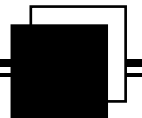
² Геннадий Зюганов. Верю в Россию. Воронеж, 1995. С. 219, 270, 345, 366.

³ Иван Родин. КПРФ поддержала мнение народа // Независимая газета. 1996. 16 февраля.

⁴ В.П.Лукин, А.И.Уткин. Россия и Запад: общность или отчуждение? М., 1995. С. 146-147.

⁵ Лилия Шевцова. Посткоммунистическая Россия: ложка развития и перспективы. М., 1995. С. 14-15.

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ

Заключение

Фундаментальный итог двухлетнего периода между двумя парламентскими выборами 1993-1995 гг. состоял в решающем сдвиге правящей элиты России к авторитаризму, а общественного мнения - к консерватизму, в позитивном смысле этого слова. Во взаимодействии этих двух тенденций есть и семена социальных противоречий и ростки общественного согласия. Весь вопрос в том, которая из них возьмет верх. Уши реальной угрозы огосударствления проглядывают не только из назойливой бюрократизации, охватившей верхушку истеблишмента, вопреки фарисейским увещаниям об очередном якобы сокращении госаппарата. Список стоголовых министерств, комитетов, ведомств, комиссий пополняется новыми, дублирующими друг друга бюрократическими структурами при Госдуме, Совете Федераций и при прочих институтах и механизмах управления. И вот уже выясняется, что на эти бюрократические структуры возлагается обязанность писать законы, хотя понятно, что писать законы могут только профессионально подготовленные люди, но отнюдь не чиновники.

Общее полевение общественного мнения и тенденция неоконсерватизма характерна не только для России, но и для многих новейших стран, возникших на осколках бывшего Союза. Деинфантилизация граждан выражает себя, в частности, в повышении цены стабильности, порядка, прочности, консерватизма. Похоже, что эта тенденция известна Президенту и его команде. "Не осталось и следа от эйфории, иллюзий, романтической приподнятости, царивших в обществе в последнюю пору царствования Горбачева" ¹, - признается Борис Ельцин.

Похоже, мало кто хочет назад, но и по дороге вперед должно, наконец-то, наступить какое-то облегчение. Последовательное обращение к политике "твердой руки" в сочетании с тревожной ностальгией

по распавшемуся Союзу, по лидерам консервативного плана, по колхозно-совхозному фундаментализму парадоксально сочетается с расширением круга сторонников рыночной экономики, свободы личности и слова, повышения цены инициативности и самостоятельности в делах обустройства своей личной жизнедеятельности и жизнеобеспечения. Кому-то уже виден свет в конце туннеля.

Соглашаясь с этим выводом, можно лишь добавить, что нынешнее полевание и наступление неоконсерватизма рассеивает эйфорию не только последней поры Горбачева, но и первого этапа "демократического" правления самого Ельцина. Синдром раздражительности, охвативший электорат России, расплывающийся подобно чернильным пятнам на промокательной бумаге, с неизбежностью требует внесения коррекций в экономическую реформу и в демократические преобразования. Смена настроений диктует необходимость смены курса политики. Не прислушаться к этой смене настроений означает еще раз лишить Россию покоя, а ее электорат зарядить тревожной настороженностью.

"Для основной массы людей, - писал сто лет тому назад американский социолог Э.А.Росс, - похвала и порицание их окружения - господа жизни" ². Развивающийся электорат России дает основание для надежды, что общественное мнение, возможно, станет социальным контролем не только для рядовых граждан, но и для лидеров России.

Деинфантилизация как глубокое и масштабное явление, никак не корреспондирует с люмпенизацией - этим одновременно тяжелейшим наследием прошлого и "демократическим" обретением настоящего. Если человек, по искреннему убеждению В.Максимова "жаждет только потреблять, но не производить", то над будущим общества с такими людьми нависает угроза.

Процессы деинфантилизации граждан России и неоконсерватизации политического истеблишмента в известной мере корреспондируют с двумя, порожденными Конституцией 1993 года, тенденциями - демократической и авторитарной. Из этого вытекает двоякая возможность исходов грядущих избирательных кампаний: или продолжение реформирования в нынешней уже хорошо известной редакции, отторгаемой значительной частью электората, или разворот страны в сторону неоталитаризма, независимо от того, кто победит на очередных выборах.

Достоянием политической культуры граждан, похоже, становится понимание того, что не так важно, кто победит на выборах, как важны сами состоявшиеся выборы.

Интерес к ходу и итогам каждой избирательной кампании уже будоражит общественность. Серьезные изменения в Российской Федерации, происходящие у всех на виду, требуют новых подходов, нового осмысления наивысших точек социально-политического напряжения, включая не только трагические дни августа 1991 г., октября 1993 г. и декабря 1994 года, но и уроки каждой выборной кампании.

Этот интерес далеко не случаен. На повестку дня выдвигается коренной вопрос о судьбах реформации и демократизации и, конечно, о том, каковы будут слагаемые успеха конкурирующих партий и блоков на предстоящих выборах, если таковые состоятся, и если планка свободных выборов не приблизится к унылой нулевой отметке.

Для прозревающих избирателей России имидж каждой партии во многом будет складываться из того, насколько отзывчивыми будут их программы к нуждам обнищавшего народа, насколько прочными и всепроникающими будут их связи с широкими слоями горожан и сельчан, и в какой мере будут согласованы их демократические лозунги с их делами и планами. Нет сомнений и в том, что в предстоящей борьбе за переустройство России будут иметь место перехват популярных лозунгов и конъюнктурная перекройка программ. Например, нетрудно предсказать перехват лозунгов, давших партии ЛДПР первое место. Проблема в том, кто будет отнимать эти голоса? Коммунисты, националисты, патриоты или новые демократы. Бесспорно, подобные условия внесут значительные затруднения перед избирателями в понимании и определении того, кто есть кто.

Для вдумчивого исследователя итогов этнополитического развития вполне понятно, что императивы чеченского кризиса станут источником и побудительным мотивом к укреплению внутрипартийной дисциплины, к выходу из состояния раскола путем подавления хотя и привлекательных, но в конечном итоге пустых дискуссий по вопросам экономической и политической реформ. Иными словами, чеченский кризис неизбежно подтолкнет к ослаблению демократических ростков и приведет к возрождению инстинктов огосударствления негосударственных клапанов политики и сфер жизни.

Чеченский кризис, в известной мере, продолжил расширение раскола, начатого декабрьскими выборами 1993 года, а по меркам исторической памяти раскола более раннего развала, начатого суверенизацией, инициированной борьбой за власть и крылатой формулой "берите суверенитета столько, сколько сможете взять". Появление генерала Дудаева на одной из этнополитических сцен Российского театра во многом было вызвано дворцовыми интригами, разыгравшимися в 1991 г. среди политических кланов доживающей свой век номенклатуры КПСС.

Трагические итоги 1994-1995 гг. состоят в том, что раскол стал расширяться, спускаясь с политического олимпа на уровень отдельных субъектов Федерации. Так, например, по сведениям аналитического центра "Известий", Пензенское землячество казаков поддержало в чеченском кризисе президента, а Екатеринбургский отдел оренбургско-го казачьего войска осудил его чеченскую политику.

Появление "свежих" расколов на региональном уровне было ударом не только по авторитету президента, но по региональной политике и по ведомствам, осуществляющим эту политику, и по единству самой России, а также по силам "Ближнего зарубежья", заинтересованным в активизации реинтеграционных тенденций, которые заметно набирали обороты в течение 1993-1994 годов³.

Пробуждающийся электорат России неадекватно оценивается различными политическими силами. Те политики, партии, блоки и политические движения, которые терпят поражение в ходе очередной выборной кампании, естественно, вину сваливают на отсталый менталитет россиян, на политическую апатию, на невысокий уровень политической культуры масс. По другую сторону баррикады располагаются те, которым пробудившаяся энергия масс приносит победу. Однако, и те, и другие силы, находящиеся по разные стороны баррикады, в целом упускают из поля зрения тот замечательный факт, что возрастание политической активности российского электората происходит не в вакууме, а на опыте широкого соучастия в акциях протеста значительных групп населения в США и в европейских странах, зародившегося в начале 80-х годов. При этом, как отмечалось, мобилизация политической активности в этих странах происходит за счет расширения круга сторонников левых сил и левых взглядов⁴.

Избирательная кампания занимает, или может занять, важное место в политической борьбе так называемых демократов с так называемыми консерваторами.

Любая реформация, в том числе и с критериями и с признаками революционности, предполагает победу одной из сторон. В какой степени эта победа будет окрашена кровью участников каждой из сторон, зависит от времени и конкретных исторических условий. Какую цену придется платить будущим победителям, какой ценой выходить из общественного развала, голода, криминогенности, коррупции и других бедствий, покажет время. Но уже сегодня вполне очевидно, что в формировании политического облика России и в динамике этнополитических процессов в условиях признания легитимности выборов, в ближайшем будущем едва ли не решающее значение будут приобретать настроения и предпочтения нового электората России.

Настроения и представления, порожденные быстротекущим временем и динамично меняющейся ситуацией на фоне буксующих реформ. Не трудно понять, что значительная часть урожая голосов, собранного Зюгановым в июне 1996 г., будет принадлежать гражданам, обманутым Гайдаровско-Чубайсовскими экспериментами, гражданам, страдающим от морального разложения своей страны, от постыдного ослабления ее позиций на международной арене.

Вряд ли мы сможем успешно идти вперед, если, во-первых, не будем создавать общество, в котором большинство не будет помогать меньшинству, а меньшинство не будет с уважением относиться к интересам и воле большинства, и если, во-вторых, воздвигая здание демократии, позволим бедным посягать на имущество богатых, а богатых не призовем оказывать помощь тем, кто не сумел стать богатым, и нуждается в социальной поддержке.

Некоторые политики, особенно из числа входивших в правительство, а затем оказавшиеся в оппозиции, в политическом пылу видят одну из угроз безопасности России - в "деградации населения" ⁵. Материалы наших исследований дают основание для вывода о процессах деинфантилизации россиян, в том числе и о пробуждении политического самосознания, социальной активности, утверждения в гражданской позиции, противодействию правящему режиму, одновременно опровергают пессимистический вывод о "деградации населения". Точнее все же говорить о мобилизации, чем о деградации. Эволюция от выборов до выборов - наглядное тому доказательство.

Нельзя не согласиться с уже высказанным предостережением о том, что если концепция или программа внешнеполитической деятельности не будет отражать реальные общественные потребности, если совокупность идей, заложенных во внешнеполитическую концепцию, не будет опираться на сознание, коллективные усилия всего общества, то подобная концепция перестанет быть концепцией, а станет еще одним декларативным или схоластическим документом ⁶.

В конечном счете переходный период истории России на личностном уровне характеризуется двумя глобальными разнонаправленными векторами развития: как углубляющейся деинфантилизацией, так и расширяющейся неоконсерватизацией. При этом каждый из упомянутых процессов имеет в значительной степени вынужденный характер.

В первом случае перед нами - миллионы людей, которые под угрозой безработицы и голода вынуждены, чтобы выжить, приспособиться к новым рыночным отношениям, и новому образу жизни не по собственному желанию, а в соответствии с государственной реформой, продвигаемой сверху вниз государственным аппаратом.

Во втором случае неспособность госструктур органично сочетать революционную стратегию модернизации с эволюционной тактикой обновления вынуждает властные элиты прибегать к реанимации наработанных предшествующей историей форм командно-административного управления страной, заблудившейся в лабиринтах слепой рыночной стихии и дикого первоначального накопления капитала.

Фундаментальное противоречие между вынужденной деинфантилизацией и неоконсерватизацией, в свою очередь, вызывает еще одно вынужденное явление - поиск оптимальных и рациональных форм сочетания реформы и традиционализма, разработку программ по наведению мостов между государственными институтами и общественными движениями.

Выход из указанного противоречия пролегает между "Сциллой" политической апатии и "Харибдой" психологической супермобилизованности. Оба перегиба, как в сторону чрезмерной децентрализации, ведущей к анархии, так и в сторону неоконсерватизма, закрепляющего застойную спираль развития, чреватые обострением напряженности, угрозой социально-экономической, этнополитической, духовно-психологической конфликтности.

Популярная в европейских учебниках формула "пока живет, развивается" вполне приложима к юному в своих навыках и пристрастиях электорату России. Интерес и внимание к выборам и электорату растут как грибы после дождя. Каждые предстоящие выборы объявляются ключевыми в судьбе России, каждые состоявшиеся тут же переводятся в ранг очередных, промежуточных. Жизнь продолжается, ситуация развивается. Доброжелательный коллега, узнав о моей работе над книгой с необычной для меня темой, не удержался от дружеского совета: "Убери из названия слово "развивающийся", и назови книгу просто "Электорат России". Может быть он частично и прав, но я ответил ему приведенным выше пассажем. Пока в России есть выборы, будет и свой, российский электорат, а пока будет электорат, он будет развиваться. В каком направлении? Это уже тема другой книги.

¹ Борис Ельцин. Записки Президента. М., 1994. С. 396.

² Цит. по: Э.Нозль-Нойман. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996. С. 141.

³ Бой проигран не только на поле общественной брани // Известия. 1994. 24 декабря.

⁴ Эволюция общественно-политических настроений масс в развитых капиталистических странах. М., 1994, С.16.

⁵ Сергей Глазьев. Полтора года в Думе. Отчет перед избирателями М., 1995. С. 19.

⁶ Сергей Бабурин. Российский путь. М., 1995. С. 139.

М.Н. Губогло
РАЗВИВАЮЩИЙСЯ ЭЛЕКТОРАТ РОССИИ
Т. I. Истоки.
М., 1996, 380 стр.

Кто, когда, за кого и за что голосует - эти жгучие вопросы, рассматриваемые в четырех книгах трехтомного "Развивающегося электората России" волнуют не только политиков и аналитиков, избирателей и депутатов, но и всю мировую общественность, с интересом взиравшую на ход модернизации и реформационных процессов в новой России.

Анализируя этнополитические процессы, мобилизацию и демобилизацию этнилизма на ярком фоне предвыборных ситуаций 1993-1995 гг. в Российской Федерации, автор предлагаемой монографии, открывающей серию публикаций об электорате России, характеризует новые реалии межпартийной борьбы за депутатские места, раскрывает место и противоречивую роль национального фактора, незатухающие ритмы национальных движений, придающих особую специфику предвыборным кампаниям и в немалой мере определяющих ее неожиданные и непредсказуемые результаты, особенно в республиках.

Книга написана по материалам комплексных социологических исследований, проведенных в 1993-1995 годах Центром по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии РАН совместно с МГУ и американскими университетами.

Изготовление оригинал-макета

М. А. Зубарева

Дизайн обложки

Н. И. Преображенский

ISBN 5-201-00892-5

Подписано в печать 29.05.96. Формат 60x84 ¹/₁₆ Объем 25,7 п.л. Тираж 150 экз. Заказ 544

УОП Института этнологии и антропологии РАН
117334, Москва, Ленинский пр-т, 32-А.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

СЕРИЯ «НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В СССР
И В ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ»

Ответственный редактор серии: **М. Н. ГУБОГЛО**

В серии опубликованы:

1. **Что делать? В поисках идей совершенствования межнациональных отношений в СССР**, М., 1989, 295 с.
2. **Гражданские движения в Латвии**, М., 1990, 248 с.
3. **Гражданские движения в Таджикистане**, М., 1990, 212 с.
4. **Гражданские движения в Белоруссии**, М., 1991, 325 с.
5. **Гражданские движения в Кыргызстане**, М., 1991, 315 с.
6. **Русское дело сегодня**.
Том I. Память, М., 1992, 263 с.
- 7-9. М. Н. Губогло, С. М. Червонная. **Крымско-татарское национальное движение**.
Том I. История. Проблемы. Перспективы., М., 1992, 330 с.
Том II. Документы. Материалы. Хроника., М., 1992, 340 с.
Том III. 1991-1993 годы. М., 1996, 329 с.
- 10-12. **Этнополитическая мозаика Башкортостана**. Очерки. Документы. Хроника.
Том I. Контуры этнополитической ситуации в очерках и законодательных актах, М., 1992, 302 с.
Том II. Башкирское национальное движение, М., 1992, 342 с.
Том III. Векторы этнополитической ситуации в документах материалах. М., 1993, 340 с.
13. **Гражданские движения в Литве**.
Том I. С. М. Червонная. Молодой «Саюдис». М., 1993, 286 с.
- 14-17. **Дагестан: этнополитический портрет**. Очерки. Документы. Хроника.
Том I. Этнополитическая ситуация в очерках и документах государственных органов. М., 1993, 361 с.
Том II. Этнополитическая ситуация в очерках и документах Съезда народов Дагестана, многонациональных партий, движений и религиозных организаций. М., 1994, 312 с.
Том III. Этнополитические организации и объединения. М., 1995, 299 с.
Том IV. Этнополитические организации и объединения. М., 1995, 263 с.

18. **Конфедерация репрессированных народов Российской Федерации. 1990 - 1992.** Документы. Материалы. М., 1993, 293с.
19. **Общественные движения в Мордовии.** Документы. Материалы. М., 1993, 281 с.
- 20-21. **Переломные годы.**
Том I. М. Н. Губогло. Мобилизованный лингвизм. М., 1993, 302 с.
Том II. Языковая реформа - 1989. Документы и материалы. М., 1994, 320 с.
22. **Язык и национализм в постсоветских республиках.** М., 1994, 216 с.
- 23-24. **Кабардино-Балкария.** Этнополитическая ситуация.
Том I. М., 1994, 243 с.
Том II. М., 1994, 311 с.
- 25-26. **Эстония. Контурь этнополитической эволюции. 1988-1993 г.** Очерки. Документы. Материалы.
Том I. М., 1994, 245 с.
Том II. М., 1994, 268 с.
- 27-28. **Узбекистан: этнополитическая панорама.** Очерки. Документы. Материалы.
Том I. М., 1994, 318 с.
Том II. М., 1995, 319 с.
29. Т. В. Таболина. **Возрождение казачества. 1989-1994.** Истоки. Хроника. Перспективы.
Том I. Центр. М., 1994, 720 с.
30. **Реабилитация народов и граждан. 1954-1994 годы.** Документы. М., 1994, 304 с.
31. **Штрихи этнополитического развития республики Коми.** Очерки. Документы. Материалы.
Том I. М., 1994, 313 с.
32. Автор-составитель Г. А. Комарова. **Хроника межнациональных конфликтов в России. 1991 год.** М., 1994, 196 с.
33. Автор-составитель Г. А. Комарова. **Хроника жизни национальностей в СССР. 1990 год.** М., 1996, 258 с.
- 34-35. **Калмыкия: этнополитическая панорама.** Очерки. Документы. Материалы.
Том I. М., 1995, 276 с.
Том II. М., 1996, 364 с.
36. В. И. Бушков, Д. В. Микульский. **«Таджикская революция» и гражданская война (1989 -1994 гг.)** М., 1995, 310 с.
- 37-39. **Национально-культурные автономии и объединения.** Историография. Политика. Практика.
Антология. *Том I.* М., 1995, 316 с.
Антология. *Том II.* М., 1995, 317 с.
Антология. *Том III.* М., 1995, 300 с.
- 40-42. **Северная Осетия: этнополитические процессы 1990 - 1994 гг.** Очерки. Документы. Хроника.
Том I. М., 1995, 296 с.
Том II. М., 1995, 272 с.
Том III. М., 1995, 261 с.

43. **Развивающийся электорат России.** Выборы - 93.
Том II. М., 1995, 320 с.
- 44-45. **Развивающийся электорат России.** Выборы - 95.
Том III. Выпуск 1. М., 1996, 300 с.
Том III. Выпуск 2. М., 1996, 314 с.
- 46-47. **Пробуждение финно-угорского Севера.** Национальные движения
Марий Эл.
Том I. М., 1995, 326 с.
Том II. М., 1996, 324 с.
48. **Абхазский узел.** Документы и материалы по этническому конфликту
в Абхазии. Вып. II. М., 1995, 371 с.
49. Аффранд Дацдамиров. **Национальная идея и этничность.** 1996, 55 с.
- 50-51. В. В. Амелин, В. П. Торукало. **Оренбуржье в этнополитическом
измерении.**
Том I. М., 1996, 247 с.
Том II. М., 1996, 265 с.
52. Валентина Торукало. **Нация: история и современность.** М., 1996, 320 с.

“...в конце 1993г. сотрудниками Гарвардского и Колумбийского университетов, а также университета Дюка совместно со специалистами Центра социологических исследований МГУ и Центра по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии РАН был проведен опрос в 73 регионах России по теме: “предвыборная ситуация в России...” Данное исследование беспрецедентно по своим масштабам.”

Независимая газета, 1995г., 10 января.

“...один из самых неожиданных выводов этого исследования, проведенного на деньги трех частных фондов учеными трех университетов США (Гарвардского, Колумбийского и университета Дюка) и двух научных центров России (Центра социологических исследований МГУ под руководством профессора Сергея Тумакова и Центра по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии РАН профессора Михаила Губогло), заключается в том, что... политические процессы, идущие в Отечестве, поддаются разумному, рациональному объяснению.”

Известия, 1995г., 18 июля.

“...сегодня появилась возможность разложить карты, основываясь на исследовании, масштабы которого и профессиональность исполнения в России аналогов не имеют.”

Известия, 1995г., 18 июля.